

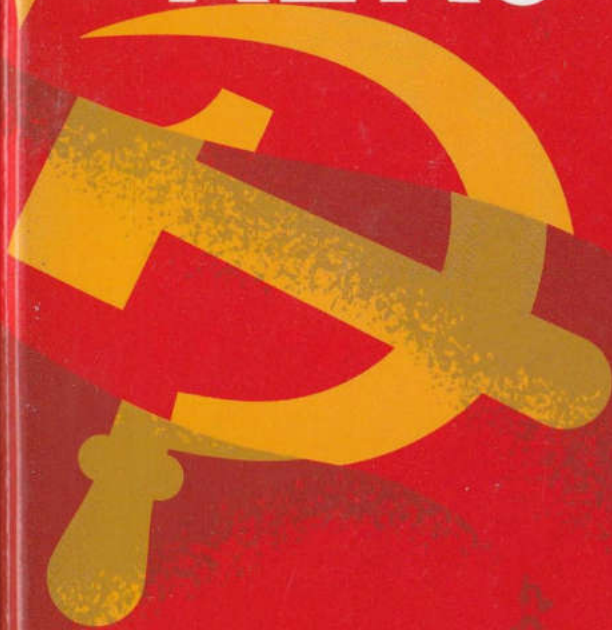
ПАВЕЛ БЕЗГОЛОСОВ
АЛЕКСАНДР ТАНЮШКИН

КРАСНЫЙ КЁКУСИН

ПАВЕЛ БЕЗГОЛОСОВ
АЛЕКСАНДР ТАНЮШКИН

КРАСНЫЙ КЁКУСИН

紅其錦

ПАВЕЛ БЕЗГОЛОСОВ
АЛЕКСАНДР ТАНЮШКИН

КРАСНЫЙ КЁКУСИН

КНИГА ПЕРВАЯ

МОСКВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Ты помнишь, как все начиналось?
Все было впервые и вновь...*

Андрей Макаревич «Машина времени»

1979 год. Начало февраля. Вместе с другом детства Гешей Юровым и его однокурсником по обучению в институте инженеров гражданской авиации Андреем Кузьминым вышли на тихую, и пустую платформу станции «Перово». Хлопьями валил снег, и мы шагали, скользя и спотыкаясь, по скрытым под его покровом неровностям, ничего не видя ни под своими ногами, ни впереди себя. Через живую пелену едва различали темные пятна слегка шевелящейся людской толпы на автобусной остановке.

Геша и Андрей вели меня на первое занятие в секцию каратэ. Что тогда собой представляли тренировки в школе каратэ, сейчас трудно объяснить современной молодежи, для которой в большинстве своем — это составная часть окружающего их городского пейзажа. Но в то время каратэ было что-то запредельное и доступное далеко не каждому парню даже Москвы, не говоря уже о провинциальных городах СССР. Нельзя сказать, что до прихода в секцию я был совсем «зеленым», не имеющим никакого представления о том, что мне уготовано. Все-таки служба в армии в не самых последних по физической подготовке частях с упором на рукопашный бой, коим я увлекался еще до срочной службы в ВДВ — все это дало мне необходимую для успешных тренировок и твердость мышц, и твердость характера.

Каждый из нас нес по небольшой сумке, в которой лежало кимоно (нынче принято называть «каратэ-ги» или доги), что было тогда жутчайшей редкостью. Поэтому все те, кто нуждался в такой форме, обычно сами шили ее из простыней, простегивая ткань несколькими слоями для придания ей необходимой плотности и жесткости. Особым шиком было накрахмаливание концов рукавов куртки и штанин, что обеспечивало звук отчетливого хлопка при нормальном, резком ударе. В принципе, если удар был сделан правильно — быстро и резко, то ткань «щелкала» без усилий со стороны спортсмена. Накрахмаленные же штанины и рукава давали громкий, даже не щелчок, а хлопок, который был отчетливо слышен во всех уголках зала и приятно тешил самолюбие обладателя кимоно. Впрочем, инструкторы, прекрасно понимавшие, что к че-

му, в свое время закалившиеся на всех подобного рода искушениях гордыней, особенно не обращали внимания на «звуковые эффекты», им была интересна лишь степень правильности исполнения техники учеником...

Итак, мы втиснулись в переполненный автобус, чтобы через десяток минут выйти в нужном нам месте. Среди покрытых снегом домов и возвышающимся в сотне метров от нас школьным зданием, стояла полная тишина, нарушаемая бормотанием легкой метели.

— Вот и пришли! — Геша рукой указал на темневший силуэт школьного здания.

Это была цель нашего приезда. Свет падал из окон второго этажа, на котором располагался спортивный зал, освещал то одиночек, то небольшие группки людей, которые быстренько, стараясь не привлекать к себе излишнего внимания со стороны, прошмыгивали в подъезд. Я взглянул на свои часы: стрелки показывали половину седьмого вечера.

— Не переживай, — заметив мое движение, успокоил меня Андрей, — Боря, — так он называл инструктора, — хоть и не прощает опозданий, но мы успеваем.

Миновали школьную ограду, кое-как переползли через сугроб и, наконец, вошли в пустой школьный коридор первого этажа, в котором уже в ожидании инструктора кучковалось несколько десятков молодых людей примерно моего возраста.

Так я познакомился с «Киокусинкай будо каратэ».

Теперь я бы хотел подробнее остановиться на самом названии этой школы каратэ, вернее сказать, на его правильном произношении. В наше время, практически ни у кого, не было информации из первоисточников, а все сведения адепты каратэ черпали из английских переводов японских авторов, так как найти знающего японский язык было невероятно трудно. Мало того что достать такую книгу по каратэ на японском в закрытом обществе СССР было практически невозможно «физически», она сама стоила «всех денег». Но ведь ее надо было еще и перевести. Обычно пользовались услугами студентов ИСАА МГУ, которых следовало еще и заинтересовать материально. Это тоже было проблемой, поскольку соотношение тогдашних, да и сегодняшних, расценок на перевод с японского языка и средней месячной заработной платы было не в пользу последней. Конечно, люди объединялись, сбрасывались, получали какие-то крохи информации «из первых рук», но все равно дефицит не восполнялся. Не удивительно, что в среде адептов каратэ ходили самые невероятные анекдотичные слухи. Так, шко-

ла каратэ, возьмем в качестве примера создание мастера Оямы, могла называться «кекушин», «кёкушин», «кикушин», «кёкусин», и еще десятком других, самых разных интерпретаций, с добавлением обязательного окончания «кай». Это происходило потому, что в основном люди говорят так, как написано, а в латинской транскрипции — ромадзи, название школы писалось именно как «KYOKUSHIN». Естественно, в книгах на английском языке. Я бы не хотел вдаваться в тонкости соотношений японской, английской и русской грамматик. Могу только заметить, что, по мнению их знатоков, иероглифы и в английской орфографии записываются как «KYOKUSHIN», а само это слово в русском произношении, с учетом японской фонетики, в которой нет шипящих звуков, правильно читается и произносится именно как «КЁКУСИН». К тому же, по мнению А. Тибулевича, этого слова, до его введения в качестве термина, в японском языке не было. Его создал основатель школы «КЁКУСИН КАРАТЭ» Ояма Масутацу, и это словосочетание можно перевести несколькими понятиями. Оно означает — «искать истину». Можно применить выражение «постигать истинное», а можно и так: «отвергать все ложное, исследовать, и идти истинным путем». С другой стороны, по мнению Алексея Горбылева «Иероглиф чжэнь (яп. син) выражает СПЕЦИФИЧЕСКОЕ понятие китайской философии и культуры.

В древнейшем китайском словаре «Шо вэнь цзе цзы» чжэнь толкуется как «превращение человека, вознесшегося на небо». В нем отразилась мифологема перехода человека в иной мир. Впервые в философском контексте понятие чжэнь использовано Чжуан-цзы как обозначение подлинности бытия и как ПРЕДЕЛ ИСКРЕННОСТИ в человеке, необходимый для обретения утраченного единства с окружающим миром, ПОСТИЖЕНИЯ дао. Именно в этом значении иероглиф чжэнь и используется в философских текстах дальневосточной традиции.

Из сказанного выше должно быть понятно, что «кёкусин» — это вовсе не «абсолютная истина», а «предельная (кёку, кит. Цзи — предел) искренность», без которой невозможно ПОЗНАНИЕ и ДОСТИЖЕНИЕ мастерства брeвого искусства. Я не буду спорить с уважаемыми авторами об этих теоретических филологических и философских изысканиях. Просто мы, практики контактного каратэ, в своем кругу всегда называли свою школу именно так — «КЁКУСИН». Именно поэтому, я и называю эту книгу «КРАСНЫЙ КЁКУСИН». С названием школы мы определились, ну, а почему «красный», я думаю, что вполне понятно и без дополнительных разъяснений. Время тогда было такое — красное и веселое. До такой

степени веселое, что иногда от этого веселья очень сильно хотелось плакать. Будем надеяться, что для России этот период уже окончательно в прошлом.

Книга основана на реальных событиях. Ход времени неумолим, и кого-то из ее героев уже нет среди нас, но в памяти живых они навсегда останутся точно такими же, какими были в те годы. Они были разными людьми. Но каждый обладал внутренним стержнем железного характера; все они были воинами, фанатичными приверженцами боевого искусства. Кого-то из героев книги я лично знал раньше, с кем-то познакомился только сейчас, в процессе ее написания, хотя, безусловно, их имена знал и тогда.

Я бы хотел обратить внимание читателей, на два обстоятельства: первое — «Красный кёкусин» не документально-архивная справка, а художественное произведение. Второе — мы приходим, пусть и к банальной, но мысли, что в нашей жизни не существует абсолютной истины. Есть только лишь бесчисленные попытки бесконечно близкого к ней приближения. Главное же — быть предельно искренним.

Итак, добро пожаловать в историю появления и развития в СССР «КРАСНОГО КЁКУСИНА»!

Авторы выражают благодарность всем без исключения героям этой книги, предоставившим свои воспоминания для ее написания.

Особая и отдельная благодарность Игнатову Олегу Васильевичу, без огромной и неоценимой помощи которого эта книга вряд ли была бы написана.

Андрей ДРЕВНЯК

— Андрей! — Войцех критически осмотрел мою переднюю стойку, — так стоять нельзя!

— Почему? Как раз очень удобно, если вес равномерно распределен на обе ноги! Вышибут одну, можно удержаться на второй!

— Такая стойка есть, и в ней на самом деле вес распределен на обе ноги, — с трудом еще подбирая слова и пытаюсь правильно поставить ударение, ответил Войцех, — но такая стойка — это кибатти, стойка наездника, или стойка выжидания. И стоят в ней по-другому. А мы сейчас говорим о дзэнкуцу-дати, стойку нападения. В дзэнкуцу основной вес приходится на переднюю ногу. Согни колено больше. Еще, еще! Вот, теперь хорошо. Вот теперь просто стой.

— И сколько так стоять?

— Пока я не скажу встать и выпрямить ноги. Эй! — прикрикнул он, — не выпрямляй переднюю ногу! Больше, еще больше согни! Вот так, теперь хорошо.

Войцех — так звали отысканного мною канадца, оказался совершенно бескомпромиссным тренером. — Или ты занимаешься по-настоящему, — в какой уже раз за эту тренировку повторил он, — или мы не занимаемся, а пьем «старку». К старке, кстати, Войцех был сильно равнодушен, я и познакомился с ним именно в баре. Там же мы и провели наше первое теоретическое занятие по основам восточных единоборств. За эту нашу первую совместную тренировку мне уже несколько раз казалось, что в зале вместе со мной занимается не канадец — что такое «средний» американец или канадец, я уже неплохо знал, а внимательный и требовательный шляхтич еще той, старой довоенной закалки.

— Так, теперь мягкий шаг вперед и такой же мягкий отводящий блок, — как бы издали, сквозь пелену льющегося по моему лицу сплошного потока пота донесся голос тренера.

— Мягкий, я сказал! — вдруг взрывнообразно повысив голос, Войцех рявкнул так, что я внутренне даже вздрогнул и моментально пришел в себя. — Мягкий, пся крив! Мягкий, а ты что делаешь?

Вот уже второй час подряд я с его помощью корректировал самостоятельно разученные мною по книгам и статьям за все предыдущее время стойки и блоки. Где-то внутри себя я надеялся даже заслужить похвалу за оточенную технику, тем более, что я на самом деле разучивал их по-настоящему, с полной самоотдачей и, как говорит этот русский, «без дураков». Правда, уже через первые полчаса занятий я понял, что похвалы, по крайней мере, сегодня, я вряд ли дождусь, но все равно старался изо всех сил.

— Ладно! — вдруг неожиданно широко и доброжелательно улыбнулся Войцех. — На первый раз хватит! Ты как себя ощущаешь-то? Не переутомился?

— Переутомиться — нет, но вымотался хорошо, — я не стал скрывать своего состояния.

— Это нормально! Если так же будешь продолжать и дальше, то у тебя все получится.

— Да я надеюсь!

— Получится. Ты уж поверь мне — я сам через все это прошел и все прекрасно знаю и понимаю. У тебя еще есть год до моего отъезда, и за это время мы вполне сможем пройти всю ту программу, которую я знаю. Было бы только желание.

— Ты имеешь в виду на уровень черного пояса?

— Да, на него. За год я вполне успею дать тебе техническую базу, показать, как правильно надо выполнять технику, объясню наиболее распространенные ошибки, а уж точить и шлифовать технику до этого уровня ты сможешь и без меня. В конце концов, найдешь еще кого-нибудь, кто в этом разбирается. Мир не без добрых людей, а ты нормальный парень, тебе объяснят все то, что ты еще не понимаешь. Такое развитие событий тебя устроит?

— Конечно, Войцех! Даже более, чем.

— Ну, и прекрасно. Тогда до следующей тренировки!

Алексей АВДЕЕВ

Для того чтобы стать хорошим певцом, необходимы глубокие знания смежных профессий, гуманитарных, например, родного русского языка. Поэтому-то я пошел после Гнесинки на филологический. Понять мой поступок смогли немногие, впрочем, меня это мало волновало. И то, что мне выпала честь продолжить учебу в Польшу, лишний раз доказывает правильность выбора моего пути.

В Краковском «Ягеллонском» университете, основанном в 1364 году по инициативе короля польского Казимира III Великого и впоследствии обновленном и расширенном королевой Ядвигой и

Владиславом Ягелло, обучается свыше десяти тысяч студентов, которых наставляют на путь истинный порядка шести тысяч преподавателей. По-моему, такого соотношения нет даже в нашем знаменитом МГУ. С середины четырнадцатого века, благодаря достижениям в области права и популяризации новых научных и философских идей, университет стал известен далеко за пределами Польши. Постепенно в нем сформировались ведущие европейские астрономические, математические и географические школы, и тот же Николай Коперник свои первые знания получал именно здесь. Да и сам Краков — город культуры, город королей и город знаний. Поляки не зря говорят, что Польша без Кракова — это как туловище без головы. Город издревле был и остается столицей культурной жизни Польши, ее научным и административным центром, на протяжении многих веков являясь резиденцией королей, основателей польского государства.

В этом городе меня очень многое удивляет: и то, что на его улицах люди здороваются друг с другом, и то, что чуть ли не каждое воскресенье в нем проходят какие-то праздники и гулянья. Столица — это Варшава, но краковская интеллигенция относится к ней как-то «не очень», с каким-то, плохо скрываемым пренебрежением. Наверное, это очень похоже на отношение жителей Ленинграда к Москве и москвичам. Насколько я могу понять, краковяне вообще всегда свято берегли, да и сейчас берегут, свои традиции и передают их своему молодому поколению. Например, именно в Кракове живет наибольшее количество поляков, говорящих по-английски в режиме «свободного владения языком»; именно в Кракове автолюбители чаще всего пропускают пешеходов. Даже сама манера поведения интеллигенции вызывает у молодых людей уважение и желание быть похожими на ее лучших представителей. Сам же город, который, благодаря действиям советской разведгруппы во время войны немцы разрушить не смогли, сохранил весь свой неповторимый облик и связанные с ним легенды. Эти традиции национальной культуры и религии, традиции старейших учебных заведений, да и сами краковяне — носители этих традиций, поддерживали загадочную и фантастическую атмосферу старого европейского города. Этот город действительно очень красив и интересен. Даже то, что он построен на болотах, и из-за этого в нем очень сыро и в сочетании с сильным частым ветром с Вислы достаточно прохладно даже в самые теплые дни, не вызывает каких-либо отрицательных эмоций. Как мне однажды рассказал Ян Бутка, мой чешский однокурсник, по своей общей планировке Краков сильно напоминает Прагу, что вполне закономерно, так как два эти города веками связывал древний торговый

путь, а сам Краков чехи на протяжении нескольких веков периодически пытались присоединить к своему государству. Площадь Матейки в Кракове — сродни Вацлавской площади в Праге, Королевская дорога ведет мимо главной площади Старого города. Рынок в Кракове соответствует Староместской площади в Праге, а собор Пресвятой Девы Марии — Марьяцкий костел, соотносится с храмом Богоматери перед Тыном. И даже королевский замок Вавель можно приравнять к Граду. К Старому городу в Кракове примыкает еврейский квартал Казимеж, что полностью совпадает с расположением Йозефова в Праге. Вот такое сходство! И, чтобы завершить общую картину сходства двух городов, можно отметить, что и в Кракове и в Праге существуют старинные университеты, основанные в четырнадцатом веке с разрывом во времени всего около двадцати лет.

Александр ТАНИУШКИН

Краков — особый, совершенно безумно красивый город. Он с первого же знакомства с собой влюбляет в себя любого, кто в состоянии оценить его неповторимую красоту. Его Планты очень напоминают Бульварное кольцо в Москве, не только тем, что они на самом деле похожи на московские бульвары, но и тем, что на них очень по-русски по утрам и вечерам собираются жаждущие алкоголя немного помятые личности. Я увидел Алексея, идущего по улице, как раз в тот самый момент, когда только что поднялся по ступенькам двора Коллегиум Майус, с которых благоговейно слушал орган в Марьяцком соборе перед знаменитым алтарем Вита Ствоша. К этому моменту я уже чертовски устал, так как целый божий день бродил по руинам романских построек «Утраченного Вавеля», лишь иногда позволяя себе отдохнуть на траве на берегу Вислы, среди такой же прогуливающейся молодежи, любовался местными пани, да просто нарезал круги по Старому городу.

С этим парнем я недавно познакомился на комсомольском собрании в нашем консульстве, и он как-то сразу же мне приглянулся. Было в нем нечто такое, что сразу же располагало к нему людей. Я уже знал, что Алексей Авдеев учился на факультете русской филологии Ягелоньского университета, будучи так же, как и я, направлен в Польшу в порядке обмена студентами. Только он находился здесь уже третий год.

- Алексей! — махнул я рукой.
- О! Привет! Что это ты здесь делаешь?
- Да, вот, орган слушал.
- Похвально, похвально. И как он тебе?

— Ты, знаешь, хорошо. Я только здесь по-настоящему его понял. Наверное, орган относится именно к тем инструментам, которые можно понять, слушая их только «в живую».

— Ну, не совсем так, но в общих чертах ты прав.

— Да? А ты-то, откуда это знаешь?

— Я Гнесинку закончил, — просто ответил он. — Кстати, мне сказали, что ты интересуешься системами самообороны?

— Да, — ответил я. — Хожу в «Вислу», там секцию открыли. Чувствую, что надо немного подвигаться. А то с этими занятиями одного эспандера не хватает. Надо что-то более активное! А ты, что, тоже интересуешься? Не похоже на выпускника Гнесинки!

— Считай, что это хобби творческой личности, — весело улыбнулся он, — так будет проще!

— Хорошо, — так же весело улыбнулся я ему в ответ. — А ты где живешь то?

— В Жачеке.

«Жачек» — это студенческое общежитие Ягеллонского университета, и было известно своим особым комфортом. По большому счету, оно отличалось от обычных студенческих общаг примерно так же, как общежитие МГУ отличается от общаги какого-нибудь строительного ПТУ где-нибудь в Урюпинске. Я знал, что комната с двухместным расселением с душем и туалетом на два номера, с дополнительными удобствами в виде сменяемых полотенец, мыла и прочих туалетных принадлежностей, радиоприемника и электрочайника в каждой комнате. Если же студент проявлял расторопность, то вполне мог рассчитывать еще и на холодильник. Располагалось это общежитие тоже удобно — от главного вокзала было всего четыре остановки на 15-ом трамвае и до Старого города надо было идти порядка десяти минут неспешным шагом. Прямо от «Жачека» начинается парк доктора Иордана, так что засыпали студенты университета под пение птиц.

— Кстати, ты как насчет поесть?

— Да, в общем, неплохо. Приглашаешь?

— Да пошли! — засмеялся он. — Заодно и поговорим!

Чем еще хорош Краков, так это тем, что даже в его центре всегда можно относительно недорого поесть и выпить. Стоит только зайти в какой-либо внутренний дворик, как можно тут же наткнуться на местный полуподпольный частный общепит, размещаемый с негласного согласия властей в глубине исторических зданий. Так, совсем недорого поесть можно прямо в центре города в Старе Място, в баре, называемом по-польски «баре млечном» — исключительно по традиции, поскольку это обычная столовая, коих множество по

всей Польше, и обедают в них местные жители. Кормят не только дешево, но еще и очень вкусно. Молочными эти заведения называют не потому, что в них поят исключительно молоком — подают и спиртное. В Кракове бар млечны Kuchcik — «Кухчик» находится на Ягеллонской улице по правую руку, если идти от университета Коллегиум Майус, между пересечениями с улицами Св. Анны и Щевской. Студенту, пожелавшему выпить, к услугам бар Wallmag на площади Малы Рынек. Это типично молодежное заведение, в котором предлагали разливное пиво Tyskie за четыре с половиной злотых. Дешевле разливного пива в центре Кракова я не видел, хотя в баре у «Жачека» можно было взять пиво и по три злотувки за пол-литра.

— Ну, что будем заказывать? — спросил Алексей, когда мы устроились за столом.

— Да, ты знаешь, мне все равно. Мне нравится вся польская кухня, — ответил я.

На самом деле, мое мнение относительно польской кухни было не лестным — она мало вкусная, хотя некоторым блюдам я восхищался. Взять хотя бы их знаменитый национальный суп — фляки, как они его называют, обычный в понимании русского человека суп с потрохами — абсолютно бесподобен. Кстати, за все время пребывания в Польше я так ни разу в супе не выловил мяса. Наверное, у них просто не принято докладывать в жидкие блюда мясные изделия. Зато салаты у поляков неплохие. Не знаю их названия, но что-то вроде салата «Оливье», что-то типа подобия рыбы под «шубой». А жареная на огне, нанизанная на вертел колбаска, превосходна! Я до сих пор вспоминаю студенческую вечеринку, когда наши польские друзья именно так ее жарили. О-о, это было на самом деле классно! Мне раньше никогда не приходилось нанизывать колбаски на железный прут и держать их над огнем. Колбаса шипела, капала жиром на угли и пеклась. Запах стоял такой, что слюнки текли рекой. Можно было смело утверждать, что если бы при этом присутствовал академик Павлов, то он без особого труда мог бы сделать сотню открытий по рефлексологии.

Алексей АВДЕЕВ

В этом заведении кормили неплохо. Сейчас из обычного вечернего перечня наличествовало масло, сыр, ветчина и какая-то каша, которую мы брать не стали. Почему-то отсутствовал кофе. Зато был чай в пакетиках, а кипяток к нему принесли в кувшинчиках. Кувшинчик, как и чашки, изготовлен из тонкого стекла, пальцы так и обжигало.

— Ну и как тебе Польша? — спросил я своего собеседника, когда мы в полном молчании сделали по глотку чая и приступили к холодным закускам.

— Несколько необычно, но в принципе вполне нормально, — ответил он.

— А поляки?

— Сложно. С одной стороны, они мне кажутся вполне приветливыми и достаточно доброжелательными людьми, и я не могу сказать, что ко мне плохо относятся. Ты знаешь, я ни разу нигде не слышал каких-либо грубостей в свой адрес, или каких-нибудь там личных оскорблений. И в транспорте мне нормально объясняют, на какой остановке лучше выйти, и как куда добраться.

Я внимательно слушал своего друга, внутренне усмехаясь его наивности, понимая, что через несколько лет он сам разберется, что к чему. История двух соседних славянских стран — России и Польши, имеет слишком много общего, и судьбы наших народов тесно переплетены на протяжении доброго десятка-другого веков. И не всегда наши отношения были дружескими и безоблачными. Да, мы — русские, они — поляки, и мы — славяне. Но все-таки разные славяне. Наверное, не последнюю роль в формировании национального характера сыграло и географическое расположение наших земель. Если русский человек на притеснение отвечал либо восстанием, либо уходом от гнета на еще не освоенные и свободные земли, то полякам уходить было некуда. Вот и разрывались они между положением холопа при ясновельможном самодуре-пане и возможностью подчинить себе соседние народы и самому стать таким же ясновельможным самодуром. Вот только рядом всегда была Россия, которая на завоевания отвечала так резко и грубо, что на какое-то время у спесивых польских шляхтичей пропадало любое желание вторгаться в ее пределы. Потом, правда, через какое-то время полученный урок забывался, раны зализывались, и все повторялось сначала. Поэтому Польша и Россия все века находились в постоянном конфликте между собой с переменным успехом для той или иной стороны, пока Россия окончательно не разгромила Польшу и не разделила ее земли между собой и основными своим союзниками.

Если уж говорить начистоту, то это было единственным правильным решением, так как Польша «достала» своих соседей своим чванством и непонятно на чем основанными претензиями на главенство в регионе. Неудивительно, что при польском национальном гонимом положении дел полякам не нравилось, и периодически они поднимали восстания против метрополии, которые, естественно, подавлялись по законам военного времени. Никто и

не спорит с тем, что в результате многие польские семьи пострадали или от гнета самодержавной России, или от репрессий советской власти. Поэтому лично мне понятно и во многом негативное отношение поляков к России, к СССР, как к де-факто ее преемнице как государству, а также и к гражданам СССР. На такое отношение не повлияло даже то, что мы, по сути, спасли польскую нацию от полного ее истребления немецкими нацистами во время Второй Мировой Войны, заплатив за это 600 000 жизней своих солдат. Ну, не любят, хотя и очень скрытно, здесь нас. И ничего с этим не поделаешь! А, с другой стороны, по своей сути поляки очень открытые, добрые и эмоциональные люди. Все-таки это наши — славяне, и голос генов никуда не денется. Конечно, объективное историческое развитие — это так, однако от характерных национальных особенностей никуда не деться. Ведь поляки такие же славяне, как и мы, русские. Вот об этом я тоже не стал говорить моему юному другу. Пусть дойдет своим умом, так будет лучше!

— То есть, тебя здесь все устраивает, и нет никаких проблем?

— Проблема есть, но эта проблема, наверное, есть и у тебя, и у всех остальных. Включая и поляков.

— Не понял?

— Комары!

— Теперь понял!

На самом деле, наверное, то единственное, что создавало дискомфорт в Польше, особенно в Варшаве, так это комары. Помню, что, как только я вышел из поезда на перроне вокзала, то сразу же почувствовал этот дестабилизирующий жизнь фактор. Эти кровососы были везде — в городских общественных туалетах, номерах гостиницы и на улицах, причем кусались более злобно, чем наши, московские комары. Иногда я впадал в такое отчаяние от их неистребимости, что мне очень хотелось обрызгать себя дихлофосом или еще какой-нибудь антикомариной жидкостью вместо дезодоранта. В чем спасение от них, никто не знал, даже сами не менее страдающие поляки.

Александр ТАНИУШКИН

Помню, Варшава встретила нас вполне дружелюбно. Хотя я и слышал, что поляки не слишком хорошо относятся к русским, но я этого не почувствовал — везде и всегда, с самых первых моих дней в Польше я встретил прекрасное к себе отношение. Возможно, это связано с моим личностным, субъективным подходом к людям — я стараюсь видеть в них только хорошее, и стараюсь не обращать

внимания на разного рода мелочи жизни. Что можно сказать о Варшаве? Если с маху, то только то, что польская столица, несмотря на свою многовековую историю, — это совсем новый город. В нем практически нет ни одной по-настоящему старой постройки, в нашем русском понимании этого термина. Во время второй мировой войны фашисты дважды на самом деле стерли город с лица земли — первый раз при взятии, осенью тридцать девятого, а второй раз во время Варшавского восстания, когда погибло более шестисот тысяч человек. Поэтому, то, что поляки называют «Старо място» — «старый город» — это лишь современная реконструкция по фотографиям, рисункам и воспоминаниям оставшихся в живых жителей города. Так, что Варшаве на самом деле не более двадцати пяти лет. Наверное, это примерно то же самое, что было у нас, когда мы восстанавливали полностью уничтоженные во время войны Сталинград и Воронеж, и совсем недавно начали восстанавливать уничтоженный землетрясением Ташкент. Поэтому я не мог не восхититься упорством поляков в стремлении восстановить свою национальную историю, к тому же поляки настоящие традиционалисты в лучшем смысле этого слова, то есть, первым делом они выполняют ту работу, что находится в рамках их национальных традиций и народного менталитета, а уже потом занимаются всем остальным. Не зря же они сами говорят, что на первом месте у нас семья, а дела и государство — на втором. Вот в этом мы отличаемся — у русского всегда в сознании первенство государства, а личное — потом.

Как и мы, поляки охраняют свою историю и гордятся своими знаменитыми историческими памятниками. Буквально через пару дней после приезда мне устроили небольшую ознакомительную прогулку по городу. Мы посетили летнюю королевскую резиденцию, на территории которой я с удовольствием покатался на лодке по искусственному озеру, любясь с воды архитектурными памятниками, и кормя плавающих уток. Потом была обзорная прогулка по старому городу с катанием на фаэтонах и приобретением обязательного «туристического» набора сувениров.

Вот, что по-настоящему меня удивило и даже в какой-то степени покорило — это отношение поляков к религии. Было бы явным преувеличением сказать, что в результате своего внутрисемейного воспитания я являюсь воинствующим безбожником, каковыми были подавляющее количество моих товарищей и сверстников по двору, а потом по школе и институту. Благодаря усилиям своей бабушки, регулярно водившей меня в местный храм на Шаболовке, ненавязчиво и так, что мне было интересно ее слушать, объяснявшей основные постулаты православия и правильного, в духе этих традиций по-

ведения, я был более близок к Богу, чем дальше от него. Основы православия в моем воспитательном процессе были неразрывно связаны с патриотическим воспитанием, и бабушкины объяснения прекрасно гармонировали со школьным обучением. В моей школе элемент патриотического воспитания был одним из основных, и он отлично перекликался с трепетным отношением к русской культуре в моей семье, и все это привело к тому, что в моем миропонимании православие стало неотъемлемой частью культуры и патриотизм.

Я не считаю себя «воцерковленным» человеком, но я принимаю и уважаю религиозные убеждения других людей. Может быть, кто-нибудь даже назовет меня верующим, но только не поляк скажет, ибо он — религиозный фанатик. Иногда мне даже казалось, что эта «социалистическая» страна сошла с ума в своем религиозном рвении. А как еще, скажите, понимать ситуацию, когда в стране победившего социализма, пусть и с неизбежными местными особенностями в виде кое-где еще сохранившегося пусть и мелкого, но все-таки частного сельскохозяйственного сектора, ксендз пользовался большим авторитетом, чем, скажем, парторг или профорг? Как объяснить, что на практически всех перекрестках дорог стоят небольшие часовенки и просто статуи Богоматери, а в некоторых подобного рода строениях местными жителями даже поддерживается неугасимое горение лампадок перед стоящими в них иконами? Я не говорю уже о совершенно фантастическом количестве действующих костелов, которые есть не только в больших городах, но и практически во всех более-менее приличных размерах селениях. В общем, все это разительно отличалось от всего мною виденного и от всего того, к чему я привык за время моей жизни в Москве. Но, судя по всему, интеллектом Господь меня не обидел, поэтому у меня хватало ума, помня народную мудрость, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят, просто отмечать «про себя» все эти местные особенности и не слишком распространяться окружающим о своем мнении по поводу увиденного.

Алексей АВДЕЕВ

— Ладно, — сменил я тему, — а как ты попал в эту секцию самообороны?

— Ты знаешь, я не верю в предопределение судьбы, но, скорее всего, это было неизбежно, — неторопливо потягивая ароматный кофе, ответил Александр. — Как там говорится — если долго мучаться, то обязательно что-нибудь получится. Вот и у меня вроде бы что-то получилось. Понимаешь, я, насколько себя помню, еще с самого детства, всегда хотел быть сильным, и мне всегда нравилось

ощущение собственных мышц, физической силы. Всегда хотелось быть похожим на русских богатырей из народных легенд. Поэтому я всегда с уважением относился к силовым нагрузкам.

— А что же тогда не занялся той же штангой? Судя по твоей фигуре, у тебя это дело наверняка бы пошло!

— Ты пойми, спорт — это совсем не то же самое, что просто гармоничное развитие тела и физической силы. Спорт — это в первую очередь стремление к каким-то внешним достижениям в виде званий и наград. А мне этого не надо. Меня вполне устраивает здоровое и функционально развитое тело. Званиям и наградам я предпочитаю научные. И профессиональным спортсменом я себя не представляю. Ты знаешь, силой меня Бог не обидел, да и тренировки дали свои результаты. Но вот когда я увидел «Гений дзюдо», то все мои представления о силе перевернулись. Это было что-то! Так вот, когда я его увидел, то понял, что кроме общефизических упражнений есть еще и особая техника. Самооборона не в счет. То есть, на улице и с помощью одной силы можно отбиться, а вот овладеть этой техникой, развить еще не развитые возможности тела — это совсем другое дело!

— То есть, ты хочешь сказать, что тебя каратэ и самооборона интересуют не в прикладном смысле, а просто сами по себе?

— Да, так, скорее всего, будет правильней. Я считаю, что развитый человек всегда стремится к совершенству, а это просто еще одна грань непознанного, которую надо освоить.

— Но ведь нельзя же освоить все на свете!

— Нельзя, согласен. Но я и не пытаюсь освоить все. Я беру только лишь то, что мне нравится, а это мне на самом деле нравится. Но если уж я за что-то берусь, то осваиваю это дело в полном объеме, до совершенства. Поэтому я и начал заниматься в «Висле».

Тогда, в первый месяц моего пребывания в студенческом городке Академии, я увидел объявление о наборе в секцию самообороны с изучением дзюдо и джиу-джитсу. Это был обыкновенный большой лист бумаги, украшенный цветной, явно сделанной от руки эффектной картинкой, на которой был изображен японец, разбивающий гору черепицы. Сейчас я уже знаю, что это была просто перерисованная Анджеем Древняком, основателем этой секции, обложка книги Масутацу Оямы «Это — каратэ», но тогда я просто залюбовался изображением. Не раздумывая ни секунды, и даже не зайдя к себе в комнату общежития, в которую я в общем-то и направлялся, тотчас же вспомнив «Гений дзюдо», я отправился по указанному в объявлении адресу. Это была секция спортивного общества «Висла», имеющего в Польше примерно такой же статус,

что и «Динамо» в СССР. Но в отличие от наших всегда бесплатных секций, эта работала на коммерческой основе и строилась по принципу самокупаемости — все-таки Польша на самом деле не СССР!

— Послушай, Саш, а как бы и мне тоже записаться в эту группу?

— Да обычно. Приходи, договаривайся с Анджеем, плати и занимайся. Тебе только рады будут.

— То есть, я могу придти в ближайшую же тренировку?

— Конечно! Если хочешь, то я тебя сам Анджею и представлю. Никаких проблем!

Андрей ДРЕВНЯК

Я стал записывать новичков на начальный курс группы самообороны, который решил вести лично, благо, что давно уже имею право на ведение тренировок. Выбрал клуб «Висла». Почему я, студент Университета Горной промышленности и Metallургии, не стал тренировать в спортивном клубе Университета? Ну, на это есть свои основания, и не хотел бы о них распространяться. На самом деле мы будем заниматься каратэ, информацию о котором я по крупицам добываю откуда только возможно, но заниматься им открыто у нас не реально — эти наши коммунистические правители почему-то решили, что каратэ, впрочем, точно так же, как джаз и джинсы, идеологически враждебны социализму. Я не сильно разбираюсь в музыке, но джинсы то чем им помешали? Вот из-за всего этого я решил наш, даже не клуб — маленькую секцию «по интересам», назвать «Клуб дзюдо и самообороны». А так как я имею право на преподавание дзюдо и фактически подрабатываю этим в свободное от учебы время, то такое общественное объединение не вызовет у властей никаких подозрений.

Я не слишком надеюсь на массовость занятий. Во-первых, потому, что начинать тренировки обязательно надо с самых простых и не слишком увлекательных техник вроде приемов страховки, самых простых и не слишком эффектных бросков и других тому подобных основ. В общем, если проводить аналогию с повседневной жизнью, то все это можно определить термином «рутина», без которой, правда, никуда. Если не будет этих знаний и умений, то потом неизбежны травмы. Но это все равно скучно и не слишком вяжется в представлении обычного человека с техникой самообороны. Обычно людям надо что-то необычное и сверхэффективное, вроде одного волшебного удара: нанес — и все противники сразу же падают замертво. Удар, кстати, не надо слишком долго и тяжело отрабатывать. А, во-вторых, по собственному опы-

ту знал, что эффективность его применения напрямую зависит от количества вложенного труда. А это, опять-таки, не для всех. Многие в нашем обществе готовы часами до изнеможения шлифовать то или иное движение, чтобы в нужное мгновение оно получилось как бы «само собой». Вы спросите меня — а зачем вообще нужна эта секция? Честно отвечу — в первую очередь для себя. И здесь нет никакого противоречия! Да, я фанат техники единоборств, имею по дзюдо мастерскую степень первого Дана, и в этом не вижу ничего странного, или, тем более, плохого. Одни коллекционируют марки, другие не пропускают ни одной премьеры в театре, кто-то бегают по утрам и питается строго в соответствии с рекомендациями диетологов, а кое-кто не вылезает из пивных. Каждому, как говорится свое! В принципе это правильный лозунг, хоть и со здорово подмоченной нацистами репутацией. Итак, мой выбор — изучение техник единоборств и работа над повышением функциональности собственного тела. Так почему группа? А потому, что в группе таких же, как и ты сам, единомышленников, процесс совершенствования пойдет быстрее и проще, чем в гордом одиночестве. В «отшельничество» подобно великим мастерам прошлого, можно уходить только для дальнейшей шлифовки уже имеющегося громадного багажа знаний, а когда их «кот наплакал», то надо, наоборот, объединяться с другими людьми, чтобы совместными усилиями приобретать все новые и новые знания.

Что же касается непосредственно самой техники единоборства — каратэ, то я буду преподавать ее так, как понимаю сам. Поэтому сам печатаю материалы с названиями техник на японском языке, переводя их на польский, сам ищу нужных мне людей среди иностранных студентов, которые могут познакомить меня с любой информацией по этой тематике и показать любые техники и любые основы каратэ.

Краков по праву считается студенческим городом. Его администрация всегда, еще со средневековых времен становления Ягелоньского Университета, проявляла неусыпную заботу о студентах, поэтому и сейчас в нем обучается вполне достаточное количество студентов польского происхождения из Америки и Канады, дети недавних эмигрантов. Среди них есть те, кто в той или иной степени знакомы либо с каратэ, либо с другими родственными стилями единоборств, и вот их-то я и отыскивал, знакомился и вытаскивал из них все интересующую меня информацию. Один из них был канадец польского происхождения. Классный, кстати, парень, и совсем не задирал нос от своих познаний в области восточных единоборств. Правда, у него не слишком настоящее каратэ — перерабо-

танная американцем Эдом Паркером смесь из нескольких стилей каратэ и других систем единоборств, но пока сойдет и это. Не до жиру сейчас — освоить бы то, что само идет в руки.

Алексей АВДЕЕВ

— Послушай, Анджей! — обратился я к Древняку, вытирая полотенцем лоб, после того, как мы окончили основную часть разминки. — Как так получилось, что каратэ одно, а его разновидностей черт знает сколько? Почему этот канадец утверждает, что кулак в исходном положении перед цуки должен быть на уровне груди, а и Фунакоси, и Накаяма пишут, что он должен быть на уровне пояса? Почему мы в дзэнкуцу перемещаемся, подтягивая отставленную назад ногу по дуге к выступающей вперед, а он двигает ее по прямой линии? Это же ведь неправильно! Это против всех канонов!

— Нет, по его школе он и двигается, и бьет правильно, — было видно, что Анджею не слишком хочется говорить на эту тему. — Просто у него техника другая!

— Как может быть другой техника, если сам Фунакоси написал, что и бить, и перемещаться надо именно так и никак иначе? Кстати, что это такое — школы?

— Школы — это разновидности техник исполнения. Ну, вот есть же оперное пение, так?

— Ну и что?

— Да ничего! Просто оперное пение отличается от эстрадного, и, тем более, от рок-музыки. Но, тем не менее, это же ведь все равно пение. Точно так же и в каратэ. Один мастер делает это так, другой по-другому. Да, есть базовая — эталонная техника, но каждый спортсмен, ставший мастером, считал возможным немного ее изменить под свое строение тела и свои физические особенности. Вот так и возникали школы каратэ.

— То есть то, что правильно по одной школе, совсем не правильно по другой?

— Выходит, что так.

— Тогда что же правильно во всех школах?

— Мне кажется, все-таки базовые основы одни и те же у всех школ: это принципы дыхания, принципы психофизической подготовки. То есть то, что можно отнести к невидимым постороннему глазу основам. А кто как движется, как бьет — это все внешние отличия и не слишком важны. Важно не где именно кулак лежит перед ударом, а как он напрягается в момент касания с целью — вот в чем суть правильного выполнения удара!

Я промолчал, пытаюсь осмыслить и «переварить» услышанное, и понять, каким именно образом все то огромное количество видов и стилей каратэ, которые существуют на данный момент в мире со всеми тонкостями техник и характерными особенностями проведения поединка, имеет под собой общую основу. И здесь не причем национальные традиции, физические данные, опыт мастеров, развивающих эти стили. Важны правила проведения поединков.

— Алекс! — голос Анджея вывел меня из раздумий. — Я сказал «кихон»! Быстро в ряды!

На самом деле пришло время базовой техники, или, как это звучит на ломаном японском — «кихона». Вообще-то, кихон с японского переводится словом основа, база, фундамент, но в связи с тем, что технику ударов и блоков мы отрабатывали стоя в ровных шеренгах вдоль зала, то выражение «кихон» у нас применялось для обозначения всего процесса шлифовки технического арсенала в целом, как мы еще говорили, «в рядах».

Это была самая утомительная часть тренировочного процесса. Посудите сами — разминка, вернее та часть тренировки, которая одна в других секциях и группах вполне сошла бы за самостоятельную тренировку, длилась минут тридцать, ну, максимум сорок пять, правда, это если в этот день мы не делали упора на растягивающие упражнения. В зависимости от настроения Анджея в каждый конкретный день, растяжка могла идти то в сочетании с упражнениями на силу и выносливость, после которых некоторые новички молча и в полном изнеможении покидали зал и в дальнейшем больше никогда в нем не появлялись, а могла быть и «отдельным блюдом», и тогда на нее одну мы тратили не менее часа. Анджей, несмотря на все свои религиозные убеждения, был твердым сторонником теории естественного отбора, считавшим, что пусть лучше в секции будет меньше занимающихся, но зато каждый тренирующийся по своим кондициям станет на много сильнее любых других учеников в аналогичных секциях.

Практически на каждой тренировке в зал приходили все новые и новые люди, желавшие заниматься самообороной. И я не помню ни одной тренировки, чтобы хотя бы один из них не выдерживал нагрузок, и не покидал зал прямо во время занятия. У нас для этого даже имелось отдельное выражение — «вежливо покинуть зал, не попрощавшись, и на четырех костях». Что уж говорить о новичках, впервые пришедших на тренировку, если секцию через некоторое время покидали даже те, кто прозанимался в ней какое-то время! Так, из иностранцев, пришедших поначалу на занятия к Анджею, в конце концов, в секции остались только я и Александр. Но и в та-

ком чудовищном отсеке была своя весьма важная положительная сторона вопроса. Каждый ушедший из группы человек, я не говорю уже о новичках, давал полное моральное право всем оставшимся продолжать тренировки и гордиться собой. Пусть это чувство гордости было тайным и ничем открыто не выражалось, но я абсолютно точно знаю: каждый член группы в глубине души гордился собой и своими успехами. Нам на самом деле есть чем гордиться! Люди вообще гордятся многим — деньгами, славой, социальным положением в обществе. У некоторых это чувство иногда принимает характер психического заболевания, переходя в ничем не контролируемую гордыню. Но мы гордились иным. Мы гордились преодолением самих себя, своего малодушия, физической и душевной слабости. По сути, мы гордились работой над собой. И сейчас, после всего одного года занятий, я понимаю, насколько был прав Анджей в оброненном им однажды замечании. Тогда, после особенно тяжелой тренировки, мы в полном изнеможении сидели на лавочках вдоль стен раздевалки. Помню, что Анджей как-то задумчиво, и вроде бы ни к кому конкретно не обращаясь, негромко сказал, что самый страшный враг человека заключен в нем самом, и что если боец преодолеет самого себя, то у него уже не будет противников. Вот почему костяк группы полностью поддерживал своего тренера в его практике «отсеивания слабаков».

За время работы секции так уж сложилось, что «разминка» у нас на самом деле была только разминкой. После нее наступала очередь кихона, который никогда не продолжался менее полутора часов на каждой тренировке. По сути, он был как бы продолжением специальной силовой подготовки, призванной увеличить взрывную силу мышц, сопряженной с отработкой непосредственно самой техники. Задачей «стояния в рядах» было и наработка правильной траектории ударов, блоков и прочих технических действий, и выработка умения «кимэ» — максимального конечного напряжения всех мышц тела, то, что еще называется «концентрацией», при попадании удара в цель. Вот оно-то, на мой взгляд, и было во всем этом деле основным навыком.

К этому времени мы уже познакомились с достаточным количеством иностранных студентов, занимавшихся у себя дома самыми разными стилями каратэ, и я понял, что в основном все эти различия и нюансы выполнения техник не играли никакой существенной разницы. Для нормально подготовленного бойца было абсолютно все равно как именно, с какими нюансами наносить удар. Или, например, как закручивать локоть в том же верхнем блоке дзё-дан укэ. Одни каратисты, делая этот блок, поднимали предплечье вверх практически параллельно полу, в других школах, как, напри-

мер, в кёкусинкай, которым совсем недавно увлекся Анджей, руку с сжатым кулаком надо было поднять косым движением внутрь тела и вверх, чтобы отбить удар. На мой, конечно, чисто субъективный взгляд, это не играло никакой существенной роли. Я считал и считаю, что самое главное в ударе и в блоке — это конечное напряжение, максимальная концентрация всех мышц тела в самой последней стадии. То, что по-японски называется «кимэ». Это и суть, и квинтэссенция техники. Кимэ мы отрабатывали «на воздухе», делая удары в пустое пространство перед собой, наверное, это похоже на то, что боксеры называют «бой с тенью». Разница между нами была лишь в том, что мы били из неподвижной стойки и только одиночные удары — Анджей говорил, что «работать» связками из нескольких ударов, тем более, в передвижении, нам пока еще рано.

Александр ТАНИУШКИН

То, что Анджей показывает нам техники, которые сам же освоил совсем недавно, я понял достаточно быстро, еще на первых тренировках. Но мне, в общем-то, это было не слишком важно. Ведь Анджей сам искренне пытается понять каждое движение, каждый прием, и тщательно обдумывает, почему оно выполняется именно так, а не иначе. Поэтому меня, как наставника, он вполне устраивает. Да и по-человечески тоже. Анджей мне понравился с первого же момента нашего с ним знакомства. Мне всегда нравятся цельные натуры. Если бы кто мог видеть, с какой отдачей Анджей ведет занятия! Просто грех работать в зале «спустя рукава». Я сразу же стал заниматься на всю катушку, тренируясь не только в часы занятий, но и используя все свое свободное время. Так получилось, что из всех записавшихся в секцию иностранцев остался только я один, да пришедший чуть позже Алексей Авдеев. Тренировки у нас были построены таким образом, что слабые духом и телом уходили сами, и Анджею это обстоятельство нисколько не волновало.

Но, несмотря на то, что в первое время от падений на маты болело все тело, особенно доставалось ребрам, а от жестких блоков у меня были синими все предплечья. Когда я надевал рубашку с короткими рукавами, ловил на себе недоуменные взгляды. Как сейчас помню — сижу весной на экзамене за партой, готовлюсь к ответу и никого не трогаю. Сидящий прямо передо мной преподаватель, до какого-то момента лишь внимательно слушающий ответ очередного студента, вдруг кинул на меня сосредоточенный взгляд, потом еще раз, а потом вовсе прервал ответ студента и поинтересовался причиной моих сплошь синих от гематом рук.

— Спортивная травма, пан профессор, — уклончиво ответил я, стараясь не вдаваться в подробности.

— И где же вы сумели так пораниться? — искренне удивился он.

— В спортивном обществе «Висла», — коротко, досадуя на не слишком приятную мне назойливость, сказал я.

— И чем же вы занимаетесь? — не обращая никакого внимания на мое явное нежелание отвечать, снова спросил он.

— Рукопашным боем, пан профессор, самообороной без оружия.

— А, тогда понятно, — протянул экзаменатор. — Наверное, вы все без исключения и независимо от национальности сплошь сумасшедшие! У меня есть племянник, очень подающий надежды в науке юноша. И, вместо того чтобы развивать свои способности, изучать металловедение и продвигать вперед науку, он тоже занимается этой самой самообороной. И тоже ходит по улицам с такими же руками! Я, как только увидел ваши синяки, сразу же вспомнил Яна.

— Ян — это ваш племянник? — заинтересованно спросил я.

— Да. Ян Дидух. Если вы сумеете сдать мне экзамен, то я познакомлю вас. По моему убеждению, все сумасшедшие должны быть в одном месте, общаться только между собой, и не мешать жить всем остальным нормальным людям.

Экзамен я тогда сдал, как обычно, на «отлично». Я вообще хорошо учился, и с полным на то основанием рассчитывал закончить Академию с отличием, с «красным» дипломом.

— Так вы говорите, что тренируетесь в «Висле»? — расписываясь в зачетке, явно довольный моим ответом, переспросил профессор. — Хорошо, я скажу Яну, где вас искать. Хотя мне искренне жаль, что такие талантливые и подающие надежды молодые люди, вместо того чтобы заниматься делом, тратят свое драгоценное время на пустяки!

— В здоровом теле, пан профессор, не только здоровый дух, но и светлая голова! Наши тренировки помогают нам учиться! — дипломатично ответил я. Посмотрел на преподавателя и добавил: «А потом и науку двигать!».

— Посмотрим, посмотрим, — лишь недоверчиво покачал тот головой, — время покажет.

Мужда Омар ТАХ

В эту ночь я, как и всегда в последние полгода, проснулся почти под утро от какого-то громкого звука. Некоторое время я лежал на спине с открытыми глазами, пытаюсь понять, что же именно произошло, потом услышал резкий удар ногой по спинке кровати, и

понял, что мой сосед по комнате, этот странный русский из СССР — Александр, опять с кем-то дерется во сне.

— Александр! — я вскочил с постели, подошел к нему и возмущенно дернул его за плечо.

— Алек! — только и успел я произнести, как он, не просыпаясь и не открывая глаз, молча выкинул из-под одеяла руку и со всей силы ударил меня ей в челюсть.

Постепенно крутящиеся в моем сознании разноцветные шары исчезли, и зрение, в общем и целом, нормализовалось. По-прежнему сидя на полу около постели, я с опаской посмотрел на по-прежнему мирно спящего этого сумасшедшего русского, и мрачно подумал, что, пожалуй, с меня хватит, и что сегодня же надо будет пойти к коменданту общежития требовать переселения в любую другую комнату. Я никак не могу понять, зачем нормальному человеку эти странные, почти ежедневные самоистязания, которым он добровольно подвергает себя в спортивном зале, которые, тем более, постоянно мешают мне спать! Сколько раз я говорил ему, что меня это совершенно не устраивает, и я против этого. Но он только посмеивался и приглашал меня попробовать самому потренироваться. — Вот увидишь, Омар Тах, — постоянно повторял он, — стоит тебе только раз посетить наш зал, и такие мелочи тебя совершенно не будут волновать! Приходи, не пожалеешь!

— Нет, надо идти к коменданту! — еще раз подумал я, окончательно укрепившись во мнении, что с таким беспокойным русским соседом мне в одной комнате не ужиться.

Александр ТАЮШКИН

— Давненько я у тебя здесь не был! — Анджей внимательно осмотрел мою комнату, как будто он посетил ее в первый раз и ничего здесь еще не видел. — А где твой палестинец?

— Он не палестинец, он курд из Ирака.

— А какая, пся крев, разница? Что те, что эти своего государства не имеют, и даже толком воевать за это не могут!

— Мужда меня покинул! — с деланной горечью в голосе ответил я. — Говорит, что со мной невозможно ужиться, и что я вообще не даю ему по ночам спать! Поэтому я сейчас живу один.

— Так это же здорово! — искренне восхитился Анджей. — Можно в любое время тренироваться, и никто тебе ничего не скажет!

— В общем, я так и делаю. Здесь было двое претендентов на поселение, но я их незаметно для них самих направил для разговора к Мужде, и после этого они меня уже не беспокоили.

Услышав это, Анджей заразительно рассмеялся во весь голос, закинув назад голову. — А что, это на самом деле неплохой способ обеспечить себе тренировочную площадку! Кстати, а как твоё тамэсивари?

— Ты знаешь, вполне!

У меня на самом деле не было проблем с разбиванием предметов, несмотря на то, что в секции мы начали практиковать эту дисциплину совсем недавно. Все началось с того, что как-то Анджей, а он частенько после тренировок рассказывал нам о каратэ различного рода байки, которые он непонятно где слышал сам, и среди которых было вполне достаточное количество явно выдуманных чудесных историй, как-то раз принес очередную книгу Масутацу Оямы. В последнее время книги этого мастера явно превалировали над всеми остальными, и я заметил, что и манера исполнения техники у Анджея явно склоняется к оямовскому стилю. В этой книге ничего того, что мы еще не знали, не было, но нас заинтересовали фотографии, на которых Ояма и его ученики делали тамэсивари — разбивали кирпичи и целые стопки вертикально поставленных на упоры толстых досок. На нескольких фотографиях эти же доски разлетались на куски под мощными ударами кулаков и стоп, и это оказалось настолько заразительно, что вся секция стала усиленно набивать костяшки кулаков, ребра ладоней и внешние кромки стоп. Ничего о том, как это делают японцы, мы, разумеется, не знали, но какое это вообще имело для нас значение! В общем, к набивке конечностей мы подошли с тем же энтузиазмом, что и к остальным видам тренировочного процесса, поэтому результаты не заставили себя ждать — и на костяшках пальцев, и на ребрах ладоней у нас появились вполне осязаемые, можно смело сказать, огромные мозоли.

— Да, а покажи! У тебя здесь кирпичи где? — спросил Анджей таким тоном, как будто он был свято уверен в том, что в каждом порядочном доме у интеллигентного и вежливого человека обязательно должен находиться их некоторый запас.

— Я их держу в платяном шкафу, чтобы посторонние не задавали идиотских вопросов. А то ко мне однажды заглянул комендант, увидел кирпичи и почему-то он с тех пор ко мне как-то странно относится. Ему и так Мужда всяких страхов обо мне рассказывал, а тут еще это! Нет уж, ну их всех к черту! Пусть лежат в шкафу, мне так проще жить, а то ведь на самом деле пригласят на собеседование к психиатру.

В тот день, возвращаясь с тренировки, возле строящегося учебного корпуса я прихватил несколько кирпичей, засунул их в

сумку и еще пару взял в руки. Помню, что вахтер слишком внимательно осмотрел меня и мой груз, правда, ничего мне при этом не сказал.

В комнате я наскоро поставил кирпич, сделал замах и... сочный звук удара по кирпичу, сопровождаемый шумом падающих на пол обломков, совпал с невольным вырвавшимся двойным восклицанием крайнего удивления. Я обернулся. В дверях стояли комендант общежития в сопровождении дежурного по этажу.

— Пан Александр! Мы видим, что вы немного заняты, мы зайдем немного позже! — вежливо откланялось руководство, а я невольно представил, что сказал бы в этой ситуации комендант студенческого общежития в СССР.

Поэтому после этой истории я старался не слишком привлекать внимание к своей личности. Мало ли чего!

Анджей ДРЕВНЯК

После той книги Оямы, в которой рассказывалось о тамэсивари, мы буквально «заболели» этой дисциплиной. Члены секции били заборы, стены и вообще все то, что можно было разбить. Вот и в этот раз, придя к Александру в гости, я сразу же обратил внимание на стоящий в комнате здоровеннейший шкаф для одежды.

— А, что, Саш, — обратившись к нему по русскому произношению его имени, сказал я. — Слабо тебе проломить его стенку? — я показал рукою на шкаф.

— Я думаю, что без особых проблем, — ответил он.

— Давай, попробуй! — поощрил я такое похвальное его намерение.

Александр подошел, примерился и быстрым, мощным движением ударил ой-цуки с левой руки. Треск, и по доске поползла отчетливая трещина.

— Ну, теперь ты, — предложил он мне.

Ни секунды не сомневаясь в успехе — уж сколько я к этому времени переколотил самых разных досок и кирпичей, я, тем не менее, тщательно прицеливался и со всей концентрацией ударил чуть выше того места, в которое бил Александр. Шкаф покачнулся, но результат удара был нулевым. Не было ни только трещины, но даже намек на какое-либо механическое повреждение. Несколько озадаченный результатом, я ударил еще раз — точно такой же результат. Еще раз — ничего. То есть, вообще ничего! Я бил еще раз за разом несколько раз — и все с тем же успехом. Наконец Александр, сам удивленный не меньше моего, догадался открыть дверцы шкафа, и

мы увидели проходящее именно в этом месте толстеннейшее ребро жесткости.

— Да, Анджей, — вздохнул Саша, — оказывается, прежде чем что-нибудь сделать, надо все-таки хорошо подумать.

— Кстати, — в тон ему ответил я, — ты знаешь, Ояма ломал любые кирпичи, но однажды ему предложили разбить какой-то старый камень. Он долго с ним мучился. Но так и не смог ничего сделать.

— Да? — Александр явно заинтересовался, — и что же? В чем там было дело?

— В том, что Ояме подсунули камень из пирамид инков.

— Здорово!! — искренне восхитился он.

— Да, здорово. Но как только ему об этом сказали, то Ояма так разозлился на этих шутников, что еще раз ударил по камню изо всех сил и разбил его! Вот, что значит чувство здоровой спортивной злости.

— Спортивная злость, это хорошо, — как-то неопределенно и задумчиво протянул Саша, рассматривая трещину в шкафу. — А вот, скажи-ка мне, Анджей, — я иногда ловлю себя на мысли, а можно ли нас отнести к нормальным людям?

— К нормальным? Ты имеешь в виду обычных людей, которые каждое утро ходят на работу, вечером заскакивают домой, занимаются традиционными семейными проблемами, а потом идут куда-нибудь в бар и все такое прочее в том же духе?

— Ну, что-то типа этого. Мне почему-то кажется, что с их точки зрения у нас все-таки не все дома!

— Ты знаешь, — немного помолчав, ответил я, — у меня на примете есть парочка филателистов, которые на первый взгляд вполне мирные и безобидные люди. Но, по моему глубокому убеждению, мы, по сравнению с ними, полностью здоровые люди и с точки зрения психики, и с точки зрения морали! Я не говорю уже о физическом здоровье. У них голова так поехала на почве этих марок, что из-за них своего родственника грохнут, и душу дьяволу продадут не задумываясь. Хотя они не ломают руками кирпичей и платяных шкафов! Ты посмотри на этих, как ты их обозвал «нормальных людей!» Это, что жизнь? Это прозябание, это существование, это то, что вы называете обывательщиной и мешанством! Как можно жить, не имея перед собой высокой цели, даже зная, что она не достижима! Но все ты равно идешь вперед, работаешь над собой! Вот в чем смысл истинной жизни! Вот в чем твое предназначение! Господь создал человека по своему подобию, и Господь дал ему право выбора, сказав, что человек сам будет решать к чему ему стремиться и куда ему идти — к совершенству и в рай, или же к моральной и духовной

деградации и в ад! Вот мы и делаем свой выбор, и всю жизнь идем по своему пути. Он — путь в рай. Попробуй кто-нибудь доказать, что это не так!

— Нет, Анджей, ни рая, ни ада.

— А, Саш, да брось ты все эти свои коммунистические идеи! Я же тебя ни за что не агитирую, вот и ты не навязывай мне своего мнения! Я в Бога верю, ты — не знаю, хотя, скорее всего, нет, но это твое личное дело, и я не заставляю тебя видеть мир по-своему. Вот и ты оставь свое мнение при себе! Так будет правильней! А что касается этих обычных и нормальных людей, — я саркастическим тоном выделил последние три слова, — то, поверь мне, мы с тобой психически гораздо нормальнее, чем они. У нас есть цель, и мы стараемся ее достичь, чего-то вполне определенного добиться в жизни. Мы стараемся хоть в чем-то уподобиться Господу, а они? Они — просто серые и бессловесные животные, пережевывающие в стойле свою одну и ту же каждодневную жвачку, ни о чем не думающие, ни к чему не стремящиеся и ничего необычного, что выделялось бы из их серого ежедневного существования, не хотящие.

Александр внимательно слушал меня.

— Не знаю, как с точки зрения Бога, а с точки зрения морального кодекса строителя коммунизма, ты полностью прав, — после некоторого молчания наконец-то задумчиво ответил он мне.

— Прав, Саша, прав. В этом вопросе я полностью прав, ты уж поверь мне на слово. Я слишком долго думал и размышлял на эти темы. Поверь, что мы психически, морально и физически здоровы, и все у нас в порядке. Просто мы хотим чего-то добиться в этой жизни, и поэтому выделяемся из серой массы всех остальных, которые ничего не хотят. Лично меня такая «разблюдовка» вполне устраивает. Надеюсь, что и тебя тоже. Каждому свое, Саша! И давай на этом этот спор прекратим. Ты хочешь заниматься каратэ? — спросил я его.

— Конечно!

— Тогда занимайся, и не обращай никакого внимания на окружающих! Это, на мой взгляд, будет самым лучшим выходом.

— Скорее всего, ты прав, хотя невозможно жить в обществе и быть полностью свободным от него.

— И здесь ты не прав! Это называется «большим отшельничеством». Это такая ситуация, когда ты живешь «в миру», и, одновременно, вне этого мира. Такое возможно! Я завтра принесу тебе одну книжечку, почитай. В ней все очень просто и доходчиво изложено!

— Хорошо, почитаю. Попозже обсудим.

Получив известие от дяди о том, что в городе есть секция или курсы самообороны, — ничего более конкретного об этом он мне сказать не мог, я тот час же решил разыскать этого студента. Это оказалось нетрудно — Александра Танюшкина, который частенько подменял основного тренера — поляка Анджея Древняка, в «Висле» знало вполне достаточное количество народа. Поэтому в один из ближайших вечеров я стоял у входа в зал, дожидаясь окончания тренировки.

— Записываться в секцию? — спросил меня тренер, и я понял, что разговариваю с Древняком.

— Сначала поговорить, а там будет видно, — дипломатично ответил я.

— А ну-ка, покажи руки, — взгляд Древняка упал на мои сплошь покрытые синяками предплечья. — Вижу, что осваиваешь жесткие блоки? — то ли спросил, то ли констатировал факт Древняк, не обратив на мои слова никакого внимания. — Каким стилем интересуешься?

— Всем сразу, пока ничего конкретного. Информации нет.

— Да, это общая беда, но у нас с этим вопросом полегче.

— А вы чем здесь занимаетесь?

— Раньше тоже всем подряд, но сейчас перешли на Кёкусинкай Масутацу Оямы.

— А это что такое? Никогда не слышал!

— Это в первую очередь полный контакт. Ну и техника у него весьма своеобразная, отличающаяся от всех остальных школ. Но для полного контакта она в самый раз!

— А можно я у вас позанимаюсь, посмотрю?

— Если сможешь — тогда пожалуйста, никто против не будет!

— А почему вы сомневаетесь, что я смогу? Я давал вам для этого какие-то основания? — задиристо спросил я тренера, Я на самом деле не видел никаких оснований, по крайней мере, пока, считать, что он в чем-то лучше меня.

Древняк негромко засмеялся и сказал: «Сейчас объясню почему».

— Александр! — крикнул он, — подойди к нам!

Этот русский, судя по всему, тот самый, о котором мне и говорил дядя, и который сейчас сидел на полу на поперечном шпагате, чем сразу же вызвал у меня уважение — уж я-то знал, каких трудов стоит добиться таких результатов, молча встал и подошел к нам.

— Саш, дай мне свою куртку от кимоно.

Русский оказался достаточно невысокого роста, но по своему сложению был могуч, как боевой бык. Он также молча снял куртку и протянул ее Древняку. Древняк взял ее, свернул в трубочку и на-

чал выжимать. На пол, выдавленный из ткани, тонкой струйкой полился пот.

— Видел? — спросил меня Древняк.

— Видел, — с уважением ответил я.

— И вот так мы занимаемся всегда, каждый день. А иногда мы из зала выползаем, потому что выйти на ногах не можем — они подламываются. И так получается тоже достаточно часто. Ты уверен, что сможешь выдержать такие нагрузки?

— Уверен, — твердо ответил я. — Я себя знаю. Вот только кимоно у меня нет, и где его взять, я понятия не имею.

— Ну, с этим проблем у нас нет. Своих кимоно у нас ни у кого нет, мы их получаем в раздевалке клуба на время тренировки. Условия тебе сообщит Александр, он же все покажет и расскажет. Будешь заниматься у него в группе.

Как оказалось, мне весьма крупно повезло. В первую очередь тем, что я пришел именно в тот день. Буквально на следующей неделе у Анджея возникли какие-то трудности с администрацией клуба, и он при помощи русского Александра организовал секцию каратэ на базе спортивного клуба Горнометаллургической академии. Задержись я с появлением в зале всего на пару дней — и в нем бы уже никого не было. Второй причиной моего везения было то, что я начал свои регулярные тренировки именно под руководством «русского Саши». Мало того что Саша поддерживал дружеские отношения со старшим группы Анджеем, который, кстати, единственный мог называть его не официальным Александр, а неформально-дружеским вариантом его имени «Саша».

Дружеские отношения между ними не могли не сказаться на эффективности тренировок, так как, мало того, что Саша сам оказался очень въедливым и тщательно следящим за скрупулезным соблюдением учениками разучиваемой техники преподавателем, так еще и Анджеем всегда внимательно следил за тренировочным процессом в его группе. Повезло мне с этим тренером еще и потому, что он сам, имея прекрасную растяжку, очень много времени на тренировках уделял работе ногами. Техника ног — это болевая точка очень многих бойцов каратэ. Можно иметь великолепно выставленные руки, отлично двигаться, но если у вас нет хорошо проработанной техники ног, то никто не имеет право сказать, что он освоил арсенал каратэ в полном объеме.

Что можно сказать о тех днях? Наверное, только вот это:

«С тех пор уже прошли года,

Но в памяти моей,

События тех давних дней,

Свежи, как будто это было все вчера!»

Я до сих пор помню день своей первой тренировки. Переодевшись, я едва успел войти в зал, и еще толком даже не осмотрелся по сторонам, как Саша громко произнес: «Кихон!»! Все сразу же и молча, без суеты и гомона, построились в стройные ряды вдоль длинной оси посередине зала.

— Сэйдза!

Стоящие вокруг меня люди стали садиться на пол, упираясь в него коленями и опуская ягодицы на пятки, и я, еще не слишком хорошо понимая, что это и зачем именно, решил, что будет лучше, если, не задавая вопросов, делать все так же, как и все остальные.

— Мокусо! — По этой команде все закрыли глаза. Опять-таки, ничего не понимая, я тоже смежил веки, оставив, правда, небольшую щелочку для контроля за ситуацией в зале.

— Мокусо ямэ! — Глаза у сидящих учеников открылись.

— Сэнсэй-ни рэй! — Сидящие в рядах на коленях дружно сделали поклон, коснувшись пола лбом.

— Сэмпай-ни рэй! — еще один поклон, но на этот раз Саша, который в одиночестве сидел впереди всей остальной группы, и тоже подчинился отданным им же командам, теперь развернулся к группе лицом и остался сидеть прямо, как бы принимая наш поклон в свой адрес.

— Хаджимэ! — Группа поднялась с колен так же дружно и одновременно, как и встала в самом начале.

Сейчас, сквозь прошедшие десятилетия непрерывных тренировок, я с ностальгией вспоминаю те дни, те сумасшедшие по своим нагрузкам тренировки у «русского», как мы между собой «за глаза» называли Александра, и вспоминаю, как мы гордились именно тем, что занимались в его группе! На самом деле, существовало два Александра — один был вне зала, и другой — внутри зала. Александр в быту был мягким, добрым по складу души и по полученному дома воспитанию человеком. К нему идеально подходило известное классическое определение русской литературы девятнадцатого века «высокоинтеллигентная личность с широким кругозором хорошо развитого интеллекта». Он обладал такими высокими моральными установками и качествами, что я без малейших колебаний отдал бы ему кафедру проповедника в любом храме с самой высокой репутацией. И был еще один Александр. Александр-тренер, Александр-сэмпай. Этот второй человек подходил к вопросу тренировок с такой беспощадностью, что мне до сих пор не слишком понятно, как он в зале мог мгновенно преображаться из духовника в безжалостного инквизитора. Причина такого превращения, скорее всего, находилась в его перфекционизме, требующим от человека выполнения любой работы на самом высочайшем уровне.

— Ити, ни, сан, си, — сквозь окутавшую сознание пелену, которая как ватой приглушала любые внешние раздражители из-за невозможной усталости тела, я все-таки чуть-чуть могу воспринимать команды тренера. Они доносятся до меня как будто бы откуда-то издалека. Лишь чудовишным напряжением заставляю тело подчиняться счету выполнения движений. Дрожащие ноги то и дело подгибаются подо мной, предательски отказываясь разгибаться в коленях, а руки налились таким количеством свинца, что я сам удивляюсь, как это им еще удастся сбивать летящие в мой корпус удары. Единственное, что меня спасает, так это постоянно меняющиеся по кругу мои противники. Удивительно и другое: я не только стою, но еще и выбрасываю в разные стороны и на разную высоту ноги, руки и разворачиваю корпус во все стороны и направления.

— Го, року, сити, хати! — Все! Я больше не могу! На осознании предела своих возможностей, на понимании того, что мною выработаны все возможные имеющиеся у меня резервы и запасы стандартного и обычного человеческого организма, я принимаю решение, хотя бы на пару секунд остановиться и передохнуть. Но есть Бог! И есть ангел-хранитель, поддерживающий нас в переломный момент и не поддаваться дьявольскому искушению все бросить! Вдруг зрение мгновенно прояснилось. Я отчетливо, как будто и не было этих трех последних часов изматывающей тренировки, вижу изможденного, точно так же, как и вся остальная группа, тренирующегося сэмпай. Вижу, с каким трудом даются ему все произносимые им команды, и вижу его иссиня-бледное, с пошедшими непонятно по какой причине красными пятнами лицо. И в этот момент я понимаю, что не могу выйти из тренировки, не могу предать группу и тренера! Поэтому я стискиваю зубы, собираю волю в кулак, и сознание, уже давно не посылающее в мой мозг какой-либо мысли, чудесным образом формирует импульс первобытного упрямства и желания победы над собой любой ценой! — Я не уйду, я сильнее! Плоть глупа, сознание первично, вперед! — С этой мыслью, и ноги стали как будто легче, повинувшись отданной тренером команде, я пошел выполнять очередную серию ёко-гэри дзёдан.

Я прижился в этой группе, и даже потихоньку начал выбиваться в ее лидеры, несмотря на то, что большинство остальных занимающихся начали свои тренировки гораздо раньше, чем я. Уже буквально через месяц после первого посещения зала, я отчетливо понял, что все мои до этого времени попытки самостоятельных занятий были не более чем самодеятельностью. Наверное, именно так ощущает себя актер из маленького провинциального театра, случайно и непонятно каким именно Божьим промыслом зачисленный в труппу Большого академического театра. Очень быстро я понял, что для

нормальной работы в паре совершенно необходимо научиться чувствовать движения противника, изменять дистанцию не шагом, а с помощью перемещения в стойках. Я уже не говорю о блоках! В Кёкусинкай существовала целая система блокирования, в которой наряду с уже известными мне «жесткими» блоками, существовали и совершенно до этого момента времени мне незнакомые, так называемые «мягкие» блоки, которые по своей эффективности, правильно примененные в нужной ситуации в поединке, превосходили ломающую мощь классических жестких блоков каратэ.

Алексей АВДЕЕВ

— Ку, дзю! — Досчитал до десяти Александр, и я, стоя в первом ряду уже абсолютно без сил, вялым движением дрожащей от усталости руки стер рукавом кимоно заливающий глаза пот. — Ямэ!

— Все, на сегодня с кихоном закончили, — эта такая простая для обычных людей мысль прозвучала в моем сознании такой сладостной музыкой, что по сравнению с ней «Голубой Дунай», все остальные вальсы, да и «Летучая мышь» Штрауса-сына были полным и абсолютным ничто.

— Мокусо! — отрывисто, но уже даже на любой, самый немusыкальный слух понятно, что отданная крайне усталым голосом, прозвучала очередная команда старшего группы.

— А вот это правильно! Сейчас надо отдохнуть и восстановиться. И ничто не может быть лучше, чем сесть для этого на пол в медитацию. — Все-таки, молодец Сашка, понимает, что к чему, и когда какое упражнение необходимо дать. Еще пара-тройка лет таких тренировок, и из него получится великолепный методист! — как-то вяло и не слишком бодро подумалось мне. — Ладно, сейчас главное восстановить силы и настроиться на ката.

Первое понятие о ката и о работе в парах — эти основы всего остального, я получил от Анджея, но шлифовать знания я предпочитал уже под руководством Саши. Почему не у Анджея? Честно скажу — не знаю. Вернее, не знаю осознанно. Но я предпочитал основное время тренировок проводить в его группе, и только несколько раз в месяц для корректировки и дальнейшей отточки техники, посещать группу Древняка.

Андрей ДРЕВНЯК

Наверное, я все-таки неплохой тренер, и мои тренировки всегда проходят интересно и азартно, о чем мне неоднократно говорили, и

я не склонен считать, что это просто лесть. Хотя бы потому, что не зачем льстить. Заканчивая тренировку, я с нетерпением жду каждого следующего занятия — может быть, на самом деле я фанатик единоборств, а, может, это просто потому, что вкладываю в дело всю свою душу и весь свой энтузиазм, потому, что подхожу к делу неформально и «с огоньком», как говорит русский Саша. Кстати, о нем. Помню, что тогда, буквально в самые первые дни, как только я вывесил объявление о наборе в секцию самообороны, он пришел записываться одним из первых. Вместе с ним пришло еще несколько иностранных студентов, и помню, что тогда я крайне скептически отнесся к их появлению, так как прекрасно знал, какой силы отдача должна быть от каждого занимающегося, чтобы добиться хоть каких-то реальных результатов. В общем, я оказался прав — очень скоро из той «иностранной» компании в секции остался он один.

Вот уже второй год, как я веду эту «группу самообороны». В целом, я добился всего того, что ставил себе задачей на этом этапе. Теперь необходимо определиться со школой каратэ, по которой мы и будем тренироваться дальше. За это время, за время общения с людьми, изучавшими каратэ у себя на Родине, я понял самое главное — для того, чтобы «школа «пошла», необходимо найти то, что наиболее подходит именно тебе. Чтобы правила ведения поединка соответствовали физическому развитию, чтобы они не требовали от спортсмена той техники, которую он не в состоянии сделать. Есть ведь такие люди, у которых, как бы они ни старались и не страдали на растягивающих упражнениях, никогда не будет шпагата и не будет легкости «вылета» ног в разработанных бедренных суставах. Ну, просто потому, что у них такая особенная физиология и такие, только им одним, присущие анатомические особенности бедренных суставов. Поэтому им заниматься корейскими стилями, известными своими «летающими» ногами, или тем же кёкусинном, в котором удары ногами, причем, высокие удары, занимают значительную часть отрабатываемой техники, просто глупо. Для таких людей есть стили каратэ, в которых ноги выше пояса и по круговым траекториям редко когда поднимаются. Именно по этой причине и появилось такое количество самых разнообразных стилей каратэ со своей в основном однородной техникой, потому что каждый мастер считал, что вот именно такая, присущая только ему одному, особенность манеры исполнения наиболее подходит именно для его физиологии и телосложения.

Словом, через два года занятий я пришел к выводу: пора сосредоточить свои усилия на подборке наиболее подходящей именно

мне техники. Кому же в группе моя манера ведения боя и исполнения техники не подходила, отсеялись в естественном порядке. Ну, а те, кому это не подойдет по тем или иным причинам — что ж, они смогут либо продолжить свои поиски в попытках достижения настоящего мастерства, либо принять мою манеру. Я искренне надеюсь, что этого не произойдет, хотя бы потому, что на самом деле хочу, чтобы каждый человек достиг совершенства.

Александр ТАНИШКИН

В основном я был согласен с Анджеем в его поисках, хотя моя душа и без него требовала чего-нибудь такого, более сложного и более эффективного. Моя душа требовала даже не игры и задора, она требовала реальной, настоящей борьбы с реальным контактом. Тепло привыкло работать и потеть по-настоящему, желательно, без всяких ограничений или с максимально малыми ограничениями. Скорее всего, именно поэтому стиль Кёкусинкай был мне ближе по духу, нежели все остальные. Я просто не мог принять условий крайне схематичной бесконтактной схватки, и со временем кёкусин органично вошел в мою жизнь. Правда, это произошло далеко не вдруг и не сразу. Для того чтобы после моего первого знакомства с техникой каратэ я осознанно стал заниматься именно им, мне понадобилось несколько лет раздумий, и поиска.

Знакомиться с каратэ кёкусинкай мы — Анджей и я, начали по книгам Масутацу Оямы. Но изучение боевого искусства обязательно требует прямого и непосредственного контакта с человеком, который может на практике показать нюансы техники и манеры боя. Через год или немногим больше о нашей секции знало уже вполне достаточное количество людей, интересующихся восточными единоборствами, и в ее стенах проходило много интересных встреч с представителями различных школ и видов каратэ. В это время наша техника представляла собой «сборную солянку» из доброго десятка стилей и направлений, скорее всего, она напоминала современный спортивный рукопашный бой. На самом деле большие физические нагрузки, интенсивные тренировки в различных контактах, практикуемые Анджеем, давали нам неоспоримое преимущество во встречах с другими спортсменами. К этому моменту мы уже имели хорошие навыки кихона и освоили основы бесконтактного спарринга, а прекрасная физическая подготовка помогла нам достичь серьезных результатов, ведь несколько стократное повторение техник кихона на каждой тренировке было для нас самым, что ни на есть обычным делом.

Естественно, что мы постоянно сравнивали себя и свои достижения с уровнем подготовки представителей других направлений, хотя особенно разойтись мы не могли, ведь информацию мы добывали, где придется и как придется. Некоторый личный опыт у нас все-таки уже появился. Во время периода занятий с представителем кэмпо мы тренировались в форме парных упражнений, и в это время все было ясно и понятно. Во время же бесконтактных поединков постоянно возникало странное и неестественное чувство, когда ударить надо, и ты вроде как хочешь ударить, но рука сама уже останавливается и не доходит до цели. И при всем этом мы усиленно занимались тамэсивари. В общем, надо было останавливаться на чем-то одном — либо заниматься современным спортивным бесконтактным каратэ, либо надо было начинать думать о том, как проводить спарринги в полный контакт. Пришло время определения Пути.

Михаил СТЕПИН

— Ну, как? — спросил меня Алекс, выждав пару секунд после того, как я глотнул из стакана боржом. Он в этот момент с удовольствием смаковал какое-то ароматное, судя по мгновенно распространившемуся по помещению запаху, грузинское вино густо-рубинового цвета. У Алика, или Алекса, как я его обычно называл, была эта слабость — он любил сухие красные вина и прекрасно в них разбирался.

— Что как? Боржом — оно и есть боржом! Как обычно! Никогда бы не подумал, что в какой-то забегаловке можно приобрести по-настоящему хорошее вино, — добавил я, вспоминая, что мой старший друг купил эту бутылку в самой, что ни на есть обычной стекляшке, типа «пельменная», в которую мы зашли по пути к нему домой.

— Именно в таких забегаловках и можно найти стоящие сухие, — ответил он. — Ты на стенки стакана-то посмотри! Посмотри, какого насыщенного цвета пленка! Это говорит о том, что это настоящее выдержанное грузинское вино, а не какой-то там виноматериал!

— Сколько времени я тебя знаю, столько же не могу понять, в чем ты разбираешься лучше — в каратэ, или же в вине? Кстати, как там твой японец поживает?

— Хасимото? Нормально! У него все хорошо, в свободное от тренировок и учебы время с Сато в го режется. А! — Алик с видом абсолютной безнадежности махнул рукой, — все равно не объяснишь. Это чувствовать надо! Давай лучше о каратэ поговорим!

— Давай. У тебя что-нибудь новое в группе есть? Как там этот твой гимнаст-то?

— Серега-то? Да ничего, все по-прежнему цепляется с этим боксером.

— По-прежнему не могут решить, кто из них будет главным над остальными?

— Да черт их знает! Мне-то, в общем, все равно, сам понимаешь, что у меня с Хасимото свои, особые отношения, и как там все остальные мне до лампочки!

То, что Алик, живя в одной комнате с обладателем третьего дана по годзюрю каратэ Эйги Хасимото, тренируется у него по совершенно иной, чем все остальные ученики японца, программе я знал. Можно даже смело сказать, что он был единственным учеником Хасимото, который тренируется именно так, как и надо. Все остальные были для этого хитрого японца просто инструментами, с помощью которых он обеспечивал себе нормальную и безбедную жизнь в тотально дефицитном обществе СССР. Платя по пятерке рублей в месяц за двухразовые в неделю тренировки, Хасимото без особого труда обеспечивал себе еще одну стипендию зарубежного студента, которая равнялась примерно месячной зарплате инженера. А на такие деньги у нас можно жить вполне нормально. В общем, насколько я знаю, практически каждый иностранный студент в СССР зарабатывает или стремился зарабатывать себе на жизнь подобным образом. Те из них, кто не может предложить нам ничего из своих знаний, предлагает вещи или валюту, но, в общем, все как-то перебиваются и неплохо себя чувствуют. Особенно с учетом сумасшедших низких для них цен в наших элитных учреждениях «общепита» типа «Националя» или «Метрополя».

Александр ПОДЩЕКОЛДИН

Я познакомился с Эйги Хасимото несколько лет тому назад, когда он впервые приехал в СССР. Жил он тогда в одной комнате общежития вместе с другим японцем, с Тэцуо Сато. Это была неплохая компания. У Хасимото к этому времени уже был третий дан Годзюрю по школе знаменитого <Кота> Гогена Ямагучи, а Сато имел черный пояс по дзюдо и являлся чемпионом Токио по боевому дзюдо. Что это такое — «боевое дзюдо» я не знал, да, в общем, и не слишком сильно хотел знать, так как каратэ интересовало меня гораздо больше. Сам Сато на этот счет особо не распространялся, поэтому постепенно сложилось мнение, что он тоже занимается каратэ. Сато прожил в одной комнате с Хаси-

мото буквально всего ничего, так как по существующему в отношении иностранных студентов и вполне железобетонному правилу каждый иностранный студент проживал в комнате обязательно вместе с советским. Поэтому, когда меня подселили к нему вместо переехавшего в другой конец коридора Сато, он воспринял это как нечто само собой разумеющееся. Я быстро сдружился с ним, несмотря на разницу в нашем положении, и наши отношения даже достигли того уровня, что Хасимото сам предложил мне тренироваться у него. Он, без всякого сомнения, был классным бойцом и талантливым тренером, и как-то раз в разговоре со мной обронил, что до приезда в СССР побывал в США, где практиковал Годзюрю у Аарона Бэнкса из Нью-Йорка. Но в каком качестве он был в США — учеником или учителем, для меня так и осталось тайной — Хасимото умел, когда надо, молчать и вытащить из него любую информацию, если он считал, что она не подлежит по той или иной причине разглашению, было совершенно невозможно. Но то, что Аарон Бэнкс есть тот самый менеджер из Нью-Йорка, что сыграл важную, если не самую основную, роль в становлении фулл-контакт каратэ, я знал. Как и то, что именно он в прошлом, шестьдесят восьмом году, создал первую международную федерацию профессионального каратэ и организовал первый чемпионат мира по каратэ среди профессионалов. Все поединки на этом турнире происходили в жесткий контакт, а победитель получал не только медаль, но и деньги. То, что я всерьез заинтересовался каратэ, а не по заданию КГБ, в моем сотрудничестве с которым Хасимото ни на секунду не сомневался, только укрепило наши отношения, и я был единственным учеником, которого он обучал всерьез. Почему я это утверждаю и уверен ли я в этом? Уверен хотя бы потому, что когда мы с ним тренировались за плотно закрытыми «на ключ» дверями, в комнаты, кроме нас двоих, больше никого не было. Из моих друзей вместе со мной занятия <для всех> посещали Андрей Иванов, студент ИСАА МГУ и Саша Горницкий, океанограф по специальности, с которыми я выкладывался в зале до того, что частенько самостоятельно не мог выйти на улицу. Но это в зале и вместе со всеми. Настоящие же тренировки всегда проходили в нашей комнате и только вдвоем.

— Арекусу! — так Хасимото звал меня на японский манер, Арекусу! — часто повторял Хасимото, когда мы оставались наедине. — Пойми, настоящее искусство не может быть передано всем! Искусство передается только тому, кто достоин этого искусства! И только тому, кто доказал, что может его принять. В противном случае — это, как у вас говорят, «метать бисер перед свиньями»?

— Хасимото, — помнится, как-то раз спросил его я, — но ведь ты же тренируешь и остальных! Как же так? Выходит, ты продаешь свое искусство?

— Арекусу! Это ничего не значит! — с очень серьезным видом ответил он мне. — Да, я беру деньги с учеников, но только лишь потому, что за знания всегда надо платить! В Японии настоящий мастер никогда не будет обучать человека, если он не проявляет достаточного усердия на тренировках, это обязательное условие, но оплата обучения есть такое же обязательное условие. За науку всегда и везде надо платить! Так повелось еще с самого раннего средневековья, и за обучение в школе фехтования кэн-дзюцу или дзю-дзюцу ученики всегда платили Учителю. Но именно из-за этого, живя на деньги «внешних» учеников, Учитель имеет возможность бесплатно передавать искусство избранным. Очень и очень немногим избранным. Это закон жизни. Разве я беру с тебя деньги за тренировки?

Эйги ХАСИМОТО

Каждый человек должен быть достоин своих предков и истории своего рода. Я, Эйги Хасимото, потомок древнего самурайского рода, упоминающегося еще в «Сказании о доме Тайра», ученик, получивший мастерский третий дан годзюрю каратэ из рук своего учителя самурая Гогена Ямагучи, сейчас принимаю решение покинуть СССР. Давно, еще когда я только-только получил первый дан, уже тогда я решил посвятить свою жизнь изучению внутреннего смысла боевых искусств, для чего усердно, не жалея ни сил, ни времени, ни денег начал изучать все смежные с боевым искусством науки. В Японии я изучал технику поединка и восточную философию. Истратив на это все имеющиеся в моем распоряжении деньги, я уехал в Америку и заработал там достаточно, чтобы продолжить свои дальнейшие изыскания, и в СССР изучил европейскую медицину. Теперь я отправляюсь в Китай, в ту самую страну, которая стала родоначальницей современного окинавского, а потом и японского каратэ.

В основе всего лежит «дух». Я имею в виду «дух Воина». Именно из-за него я и поехал изучать европейскую медицину в СССР, хотя мог стать врачом в Европе или в тех же США, вообще никуда не выезжая. Но я выбрал СССР, потому что ни в начинающей покрываться жирком спокойной жизни Европе, ни в помешавшихся на деньгах и достижимых за них благах США духа уже нет. Даже в самой Японии, достигшей всего только благодаря побеждающему всё и

вся духу самурая, духу воина, которым бывшая привилегированная часть населения щедро поделилась со всеми остальными жителями страны, уже нет того подъема, который был до второй мировой войны. А В СССР он есть! Он был, есть, и, скорее всего, останется среди его жителей еще очень и очень надолго! Хотя бы потому, что русские — нация прирожденных воинов, воевавших за свою свободу всю свою историю. И этим они очень похожи на самураев.

В основе процесса обучения лежит дух, выраженный в настойчивости в преодолении препятствий. Но кроме этого, еще необходимо и желание изучить предмет. Желание как первоисточник всего остального, желание докопаться до истины, желание постигнуть секреты истинного мастерства. У Арекусы есть это качество. Я долгое время присматривался к нему и как к своему соседу по комнате в общежитии, и просто как к человеку. И я долго думал, прежде чем принял решение начать его обучение каратэ. И вот сейчас он, скорее всего, единственный человек в СССР, который не просто учится боевому искусству у японца — прямого носителя техники, но еще и у настоящего мастера с черным поясом, который, к тому же, прямой потомок самураев. Если честно, то мне повезло с учеником — у Арекусы есть и дух ученика, и дух Воина, и есть, как перво-причина достижения цели, огромное желание учиться каратэ. Вот, например, такой случай.

— Арекуса! — как раз во время тренировки, сказал ему я. — Стопы при исполнении скрестного шага в ката Найфанти надо ставить так, чтобы между ними было расстояние еще одной стопы. Я говорил тебе уже об этом! Почему ты при перемещении ставишь шагающую ногу мизинцем к мизинцу опорной ноги?

— Я видел исполнение этого ката на тех фотографиях, которые ты мне показывал, Мотобу Тёки и Фунакоси Гитином. Они ставили ноги именно так.

— Ты хочешь сказать, что они знают технику лучше, чем твой учитель? — улыбнулся я.

Арекусу дипломатично промолчал, но и так все было понятно. Я оценил его поступок. И с точки зрения такта и вежливости, когда он не обратил моего внимания на то, что я делаю технику не так, как эти признанные мастера, и, значит, ошибаюсь, и с точки зрения упорства в изучении мельчайших нюансов того дела, которым занимается.

— Арекусу! Я оценил и понял. Но в будущем я попрошу тебя сразу же обращаться ко мне со всеми вопросами по любым нюансам, чтобы не впасть в ошибку, подобную той, в которую ты сейчас попал.

— Я ошибся?

— Да, ошибся. Хочешь, чтобы я объяснил, в чем именно?

— Объясни.

— Смысл разницы положений ног в намерениях каратеки в том, что боец хочет сделать в следующий момент времени. Когда Мотобу и Фунакоси двигаются в фазе, которая запечатлена на фото, то обрати внимание, что они не переносят вес тела на шагающую ногу. Она у них полностью свободна, «подвешена» на бедре и колене, и такое положение позволяет им переместиться в любом нужном направлении. Я же акцентирую «бросок к противнику», поэтому у меня и шаг шире, и тело смещено в направлении движения. В окинавском Сюритэ этот способ перемещения называется «способ падающего дерева», потому что из-за перемещенного вперед центра тяжести и более широкого шага тандэн на мгновение выносятся за пределы тела и боец, двигаясь вперед, как бы падает в направлении движения. Точно так же, как падает на землю подпиленный в нужном месте ствол дерева.

— Так какой же способ правильней? — с несколько ошарашенным видом спросил Арекусу.

— Тот, который лучше и целесообразней, исходя из рисунка боя, который складывается в настоящий момент. Ты не должен просто и бездумно исполнять движения ката, просто как тупой набор не имеющих смысл движений! Ты должен, выполняя ката, каждый раз переживать конкретный бой, тот, который складывается именно сейчас, и который, может быть, будет совсем другим, когда ты будешь исполнять это же ката, но в следующий раз! Каждое исполнение ката — это разные поединки! Даже, когда ты выполняешь одно и то же ката. Каждое выполнение ката — это бой с другим противником, поэтому и нюансы выполнения бывают разными.

— А как же понять, когда как надо делать ката?

— Это не надо понимать, это надо чувствовать. Сделай ката как учебное пособие десять тысяч раз, и после этого ты сам его почувствуешь! Оно перестанет быть для тебя просто набором техники и станет реальным поединком. Только тогда, когда ты достигнешь этого уровня, можно будет говорить, что ты начинаешь понимать ката, технику и искусство! И только после того, как ты начнешь понимать скрытый смысл движений, тебе откроются все «секреты». Ты сам поймешь, и почему надо разворачиваться именно на этот, а не какой-нибудь другой угол поворота стопы, почему надо разворачиваться именно на этой, а не другой стороне стопы, и как надо при развороте использовать, чтобы оно стало по-настоящему мощным и быстрым. Ты осознаешь те мелкие подробности техники, знание

которых и дает мастерам неподвластную всем остальным силу. Это мелочи техники. Но настоящий мастер тем и отличается от просто мастера, что он досконально знает и использует эти подробности. Мне нравится твоя настырность, твое любопытство в желании узнать как можно больше. Продолжай в том же духе, и ты станешь настоящим мастером.

Александр ПОДЩЕКОЛДИН

Говорят, что я мастер каратэ. Все так говорят, и вроде бы даже черный пояс, врученный мне после соответствующей церемонии, проведенной Хасимото у нас в комнате, есть вещественное доказательство моему прогрессу в поисках истины на пути достижения мастерства. Но, тем не менее, я никогда не считал, и сейчас не считаю себя мастером. Скорее всего, я всю жизнь буду считать себя учеником. Просто потому, что хорошо понимаю, что истинное, настоящее мастерство не достижимо. Сейчас, после отъезда своего наставника в Китай, я сам веду занятия, но до этого момента был и отъезд после окончания Университета дружбы народов на несколько лет в США, где я работал в секретариате ООН, и там же занимался у Бэнкса и у еще нескольких китайских мастеров, по его рекомендации. Сейчас тренировки моей группы проходят в районе Ордынки, в старом купеческом особняке, в полуподвальном помещении уютно располагается спортивный зал. Институт Марксизма-Ленинизма ЦК КПСС — это единственное место, в котором я могу изучать работы Троцкого, и, пожалуй, сейчас я на самом деле единственный специалист в этой интереснейшей области, кроме того, оно служит великолепнейшим «прикрытием» для тренировок. Помню, однажды к нам на тренировку подошел местный участковый инспектор, желавший лично убедиться, что ничего противозаконного на вверенной его попечению территории не происходит. Стоило ему лишь увидеть пропуск в Институт, как мы тут же получили в его лице самого верного своего защитника.

Но дело не в этом. Основной вопрос, который Хасимото не стал мне растолковывать и предоставил вынести решение по нему самостоятельно, был, наверное, основным в нашем деле. Так чем же мы все-таки занимаемся — спортом, или же боевым искусством? Вот над решением этой проблемы я и бьюсь все время.

Александр ТАНИШКИН

— Александр! Так что ты все-таки думаешь по поводу весовых категорий? — спросил меня Яцек, когда мы в полном молчании, как обычно, еле волоча ноги после тренировки, прошли уже половину пути от дверей зала до автобусной остановки.

— Ты знаешь, я думаю, что они все-таки нужны, — ответил я, — но их не должно быть столько, сколько есть в боксе или борьбе. Если мы пойдем по этому пути, то соблюдем разумный компромисс между направлением Оямы, отрицающим весовые категории вообще, и излишней игровой составляющей, которая сейчас существует в спортивных единоборствах.

— И сколько же ты предлагаешь сделать весов?

— Не менее двух, но и не более трех. Три веса — это максимум, иначе мы на самом деле уйдем в сторону от жизненной правды боя. На улице ни один хулиган никогда не спросит, какого ты веса.

— Но если так, то тогда зачем три категории? Раз мы заботимся о правде жизни, то на самом деле надо принять идеи Оямы, что весовая категория должна быть одна!

— Нет, это неправильно. Идти путем Оямы, значит, признать, что только одна весовая категория имеет право на существование, то тогда, проводя аналогию, мы должны ввести абсолютный полный контакт и отказаться от запрещенных техник. Может быть, это неплохо для тренировок армии во время войны, но для спортивного стиля в мирное время явно не подходит. Мы еще на тренировках перекалечим друг друга. Раньше, чем сможем выставить команду на соревнования.

— Хорошо, пусть на самом деле будут два, три веса, хотя это еще надо обдумать. А что ты скажешь о степени контакта?

— Сложный вопрос, — чуть помолчав, ответил я, вспоминая, что все наши предыдущие беседы на эти темы оканчивались ничем. — Ты сам понимаешь, что контакт должен быть обязательно! Иначе мы выродимся в танцоров, и на каждом соревновании судьи половину времени будут выяснять друг с другом прошел удар, или же нет. Бесконтактное каратэ — это путь в тупик и никуда! Силу и концентрацию удара должен определить противник.

— Противник? Это как? Может быть, я чего-то не понял?

— Естественно противник. Состоянием своего здоровья.

— А, ну тогда ладно!

— Так вот, противник — продолжил я. — Но, с другой стороны, полный контакт — это путь в травматологию. Поэтому давай подумаем об ограниченном контакте. Я думаю, что мы должны остановиться на нем. Недаром же еще китайцы говорили, что правильный путь — это путь посередине между двумя крайностями! Есть над чем подумать.

Вот уже полгода, как Анджей носился с мыслью организации первых соревнований по каратэ в масштабе страны. Естественно, что все нюансы он обговаривал со мной. Нельзя сказать, что обсуждаемые соревнования были у нас на первом месте. Нет, мы и раньше проводили дружеские встречи с ребятами из других городов. Но эти соревнования у нас всегда проходили по правилам бесконтактного каратэ, которые мы разрабатывали сами «на колёнке», зачастую прямо в зале непосредственно перед боями. Мы выбирали те условия боев, максимально отвечавшие нашему личному пониманию каратэ, и при этом не слишком заморачивались мыслями, соответствует наша метода какому-либо кодифицированному и реально существующему в Японии или на Окинаве стилю каратэ. Все остальное для нас было не существенно.

Анджей ДРЕВНЯК

После полугода споров и размышлений мне по-прежнему казалось, что этот вопрос так и не будет решен. На каждый весомый довод находил свой контраргумент, и обсуждение быть или же не быть весовым категориям, а если быть, то каким именно — все это, казалось, будет длиться вечно. Выход из тупикового положения все-таки я нашел. «Люди отличаются друг от друга не только по росту и весу» — как-то раз, кстати, идя на тренировку, услышал я на улице обрывок разговора. «По росту и весу», — машинально повторил я фразу. И тут меня осенило! Ну, конечно же! Если мы берем весовые категории бойцов как критерии их сравнения, но, в то же самое время, считаем, что настоящий мастер из-за ломающей силы своего удара не должен принимать во внимание вес противника, то как развести их в примерно равные друг другу пары? Конечно же, по высоте их роста! И это справедливо. Ведь, чем выше рост, тем легче ударить противнику своей ногой по голове, и если бойцы будут примерно одного роста, то они будут в равных условиях, чем, если один боец будет на пару голов выше другого. Поэтому решено — весовых категорий нет, есть ростовые категории.

Александр ТАЮШКИН

На мой взгляд, это было наиболее правильное решение. Поэтому мы определились — есть категория с ростом до ста семидесяти сантиметров, и есть категория с ростом свыше ста семидесяти сантиметров, такая наша «абсолютка». По этим параметрам и будут составляться пары бойцов.

Ян ДИДУХ

Примерно спустя год, после прихода в группу, я все отчетливее и, если так можно сказать, ярче и контрастней отмечаю, что она из небольшой компании «по интересам», постепенно превращается в неформальную общественную организацию на уровне страны. Конечно, основная заслуга в этом процессе по праву принадлежит Анджею, хотя нельзя принижать и роль русского Саши. Конечно, он не так мобилен в своих перемещениях по стране, и его не так воспринимают, как того же Древняка. Поэтому основная нагрузка по налаживанию связей с аналогичными группами каратэ в других городах легла на поляков. В общем, этим занимался Древняк, я, да еще несколько старших учеников Анджея.

Нельзя сказать, что сразу все было гладко, и будто «каратэки» из других городов приняли наши взгляды и мысли. Конечно же, нет! В каждой такой группе был свой неформальный лидер, у которого был свой взгляд на правила проведения поединков, на манеру выполнения техники, на что угодно, даже на философию жизни и стили поведения в обществе! И в этом нет ничего странного — каждая личность, а каратэ занимаются именно Личности, имеет право на собственное видение мира и себя в этом мире. Поэтому с каждым из них приходится договариваться, убеждать в собственной правоте, или же принимать его взгляды. Но постепенно мы притерлись друг к другу, и с каждым новым нашим визитом в Варшаву, Гданьск или во Вроцлав — в те города, в которых тоже были люди, занимающиеся каратэ, в конце концов пришли к взаимопониманию.

Богдан МАЧУЛЬСКИЙ

Боец из Кракова осторожно, мягким и почти кошачьим шагом начал сокращать дистанцию, подбираясь ко мне на расстояние удара. Такое перемещение было достаточно необычным, так как повсеместно, по крайней мере, у нас в Варшаве, мы перемещались, скользя по полу, еле-еле поднимая стопы над его поверхностью. Шаг при этом получался достаточно тяжелым и прямоли-

нейным, полностью открытым и ни о какой скрытности намерений не могло идти и речи. Но этот парень перемещался совершенно по-другому и я даже успел подумать, что такую манеру стоит взять на вооружение. Больше я ничего не успел, так как в мозгу разорвалась бомба, перед глазами что-то вспыхнуло, потом все завертелось, потолок и пол внезапно поменялись местами и наступила темнота.

Александр ТАЮШКИН

— Александр! — буквально простонал Анджей. — Александр! Что ты наделал!?

— И чего я такого наделал? — буркнул я в ответ, не слишком хорошо понимая, чем он недоволен. — Что здесь такого необычного? — переспросил его я, наблюдая, как вялое и не слишком хорошо подающее признаки жизни тело моего соперника поднимают с пола и суют ему под нос пузырек с нашатырным спиртом.

— Он же лидер варшавян! — совершенно убитым тоном ответил Древняк.

— Ну и что? Можно подумать, что варшавяне чем-то особенным отличаются от гданьцев или вроцлавцев! Падают они все одинаково!

— Да черт с тем, как они падают! Но он же теперь может озлобиться и начать подзуживать против нас всех остальных! Ты об этом подумал?

— Да наплевать мне тогда и на него, и на всех остальных! Если они не мужчины, то зачем они тогда нам нужны?

— И кто тогда приедет к нам на чемпионат?

— Приедут мужчины! Те, кто не боится контакта. А все прочие бесконтактные танцоры нам на нем и даром не нужны!

Вот уже второй день мы находились в Варшаве, где проводили матчевую встречу с местными каратистами. В общем, сами поединки должны были быть просто прелюдией перед серьезным разговором, подводящим итог долгих и трудных встреч. В принципе, все уже было оговорено и договорено — и утверждены правила, по которым будут проходить поединки, и даже намечен список участников. Не спорю, большую роль в этом сыграл и тот самый Богдан, который сейчас начал приходить в себя и уже пробует встать на ноги, только ему это не слишком хорошо удастся. Скорее всего, Анджей прав — может быть, его надо было пожалеть, пожалеть чисто из политических и организационных соображений, но сейчас в этой ситуации я бессилен. Что я могу сделать, если моя коронка — мава-

си в голову с передней ноги «выстреливает» так, что я понимаю, что у противника есть брешь в обороне только после того, как удар уже сделан!? Это и есть тот самый «автоматизм», который достигается тысячекратным повторением одного и того же движения, тот уровень наработки техники, когда сначала бьешь, и только чуть позже осознаешь, что ударил! Японцы говорят, вернее, пишут в своих книгах, что такой уровень есть один из признаков мастерства. Я не считаю себя мастером, но что есть, то есть.

Алексей АВДЕЕВ

В тот момент, когда лидер «варшавских» упал, я как раз стоял в углу зала, и, разминая бедра, смотрел как Саша буквально «на цыпочках» приближается к своей жертве. То, что этот человек именно «жертва», я не сомневался — на том уровне, на котором наша группа находилась после всего того времени, что мы провели за отработкой техники, нам было вполне достаточно просто посмотреть, как человек двигается, чтобы понять, каким будет исход боя. Я не ошибся. Стоящий рядом со мной парень из Варшавы только как-то не слишком определенно хмыкнул, молча покосился в мою сторону, но ничего не сказал. Насупившись, он какое-то время молча смотрел, как лидера их группы поднимают с пола и приводят в чувство, а потом, в пол-оборота повернувшись в мою сторону, как-то не слишком внятно, скорее, для самого себя, что-то пробормотал «под нос» в том смысле, что время гладиаторов уже прошло.

Я огляделся по сторонам и сразу же уловил, что после нокаута лидера наши «хозяева» четко разделились на два лагеря. Нет, все они явно сочувствовали упавшему, им всем было не по себе, что упал именно «их» боец, но при всем этом, они всем своим видом выражали две точки зрения. И это были непримиримые точки зрения. Одни, и надо сказать, что таких было меньшинство, явно не принимали контакта, а другие, наоборот, стояли с блеском в глазах, вдруг внезапно осознав, что вот такая манера боя и есть именно то, что они искали и к чему подсознательно стремились.

— Да, — подумал я, — вот так и происходит распад до этого монолитной группы! Стоит только кому-либо показать людям истину, как они сразу же понимают, что-то, чем они занимались до этого, есть неправда и ложный путь развития, ведущий в тупик. Наверное, именно так Христос открыл глаза иудеям на истину. Боже, прости меня за это сравнение! Это не богохульство, это только попытка понять мир и жизнь.

Богдан МАЧУЛЬСКИЙ

Постепенно свет перестал быть раздражающе-ярким, зрение сфокусировалось и, несмотря на то, что голова все еще немного кружилась, а во рту явственно ощущался металлический привкус, как после отравления, резкий запах нашатыря прочистил мышление и я смог, хотя и с трудом, осознавать действительность. Расплывающиеся вначале очертания приняли свои настоящие формы, и я увидел склонившиеся надо мной встревоженные лица своих друзей.

— Все нормально, лежи, не двигайся, — первым делом каким-то особенно заботливым тоном сказал мне Генрик Сенкевич, и я впервые не испытал желания пошутить по поводу его имени и фамилии. — Лежи, «скорую» мы уже вызвали, она скоро будет здесь.

Лежа на полу, чуть приподняв голову, я осмотрелся по сторонам и увидел сидящего рядом с собой на корточках, но только по другую сторону от Генрика, того самого парня, с которым стоял в поединке.

— Что это было? — только и спросил я его.

— Маваси в голову с передней ноги, — как-то не слишком весело ответил он.

— Это была классная маваси. Не переживай.

— Я на самом деле не хотел так сильно, извини.

— Ничего страшного. Мы не балетом здесь занимаемся. Попозже приходи, поговорим. И о маваси тоже. — Я откинулся на пол, и начавшееся было головокружение начало проходить. — Парни, встреча должна продолжаться! Я оставляю за себя старшим Генрика, а через пару дней, когда я приду в себя, подходите ко мне, все обсудим!

Генрик СЕНКЕВИЧ

Все-таки, я не зря учусь в Дипломатической академии МИДа. И кое-чему за эти первые два года студенчества уже успел научиться. Поэтому меню итоговой «сайонары», как называют в Японии банкет, даваемый организаторами чего-либо по поводу завершения этого «чего-либо», я продумывал сам. Конечно, голонка и бигос прямо-таки сами просились в меню, но, подумав, я решил не использовать их. Голонка — вареная свиная голень уж слишком сильно напоминала аналогичное немецкое блюдо, а бигос — солянка с мясом и колбасками, явно уступал флякам. Учитывая, что наши гости были из Кракова — как ни крути, а все-таки культурный центр Польши, я решил вторым блюдом поставить чисто краковское блюдо, и после некоторого раздумья остановился на жареной утки «по-краковски». Почему вторым блюдом? Ну, потому, что первое надо все-таки отдать хозяевам встречи. И на него я безо всяких сомнений предложил

«фляки по-варшавски» с горячим отварным картофелем вместо хлеба. Мало того что, многие блюда польской кухни по технологии своего приготовления и по набору продуктов сходны с блюдами украинской и русской кухонь, на столах, вернее, на том одном столе, за которым должен был сидеть русский Саша, лежал черный, настоящий ржаной хлеб. Это, безусловно, был поклон в его сторону. А сами «фляки» настоящее, национальное, истинно старопольское, излюбленное в польской кухне блюдо, в которой вообще блюда из рубца — фляки по-варшавски, фляки в соусе, суп с рубцом, присутствуют очень часто, чуть ли не каждый день. Так, что с этим все в полном порядке! Ну, а уж крайне разнообразные у нас фруктовые и ягодные сладкие блюда — все эти фруктовые салаты, мороженое, сладкие блинчики и прочие кондитерские, и булочные изделия — они интернациональны и везде в конце трапезы подаются к кофе и ликерам, а у русских к чаю. Я подумывал так же и насчет настоящего чая, такого, к которому привыкли русские, но решил не искушать судьбу — ну где я сейчас достану настоящий чай по-русски?

Богдан МАЧУЛЬСКИЙ

— Богдан! — внезапно снова сел на стоящий около моей постели стул Янек, — и все-таки так нельзя! Нельзя! — упрямо повторил он снова. — Или мы занимаемся настоящим японским спортивным каратэ, признанным во всем мире, или мы занимаемся чем угодно, но только не этим!

— Кёкусин такое же каратэ, Янек, что и твой сётокан! А если ты хочешь повторить свой довод, что Ояма выскочка и самоучка, и что кёкусину всего-то ничего, то я повторю тебе, что твой сётокан не намного его старше, а Фунакоси в начале его пути определяли именно этими терминами. Только Фунакоси никогда не был бойцом в истинном понимании этого слова, а Ояма непревзойденный боец!

— Не важно, кто какой боец, мы с тобой уже множество раз говорили на эту тему! Причем здесь личные бойцовские качества основателя? Тот же Мотобу Сёку был на несколько голов сильнее Фунакоси в поединке, ну и что? Для основания стиля важно знание теории и техники, а умение применить ее не так уж и нужно. Можно мало, что уметь самому, но если у человека есть организаторский и педагогический талант, если он может теоретизировать, как Кано Дзигоро, то он создаст свой стиль! Фунакоси уже всё всем доказал, Ояма — пока еще ничего!

— Вот мы и поможем ему в этом!

— Это твое последнее слово?

— Да, Янек, — вздохнул я, мне на самом деле не хотелось терять друга.

— Тогда мы расходимся! Занимайтесь своими зубодробительными тренировками, убивайте друг друга в зале и на улицах, если вам это так нравится, и я очень надеюсь, что от боя без оружия вы не перейдете к поединкам с предметами! При всем том, мне очень не хотелось бы хоронить вас, и даже вот так навещать в больницах! Но это ваш выбор! И пусть его последствия падут на ваши головы! Но меня с вами в этом самоубийстве не будет! — Янек рывком поднялся на ноги и быстро вышел из палаты, даже не обернувшись в дверях. — Я буду заниматься настоящим каратэ, — вдруг прокричал он в дверной проем, даже не потрудившись зайти в комнату, — настоящим, а не каким-то там новоделом!

Просто сказать, что после визита в Варшаву краковских каратистов в наших рядах начались «разброд и шатания», означает как минимум, как на своем дипломатическом языке выразился бы Генрик, «сгладить имеющиеся системные противоречия и не педалировать разногласия». Но варшавские приверженцы нового направления единоборств очень быстро поделились на два лагеря — сторонников бесконтактного направления WUKO и контактного направления Масутасу Оямы. Скорее всего, рано или поздно, но это бы все равно произошло, слишком непримиримым было различие между ними. С одной стороны, устоявшееся и признанное в мире спортивное бесконтактное направление было осеяно сиянием славы известных мастеров, а, с другой, практически полностью прикладное, «уличное» жестко-контактное новое Оямовское каратэ произвело настоящий фурор в мире поклонников восточных единоборств своей реалистичностью, жизненностью и применимостью.

— К тебе можно? — в дверь просунулась вихрастая, и как всегда не слишком причесанная голова Ёжи Ковалевски, самого младшего ученика моей группы.

— Заходи.

— Ты уже все знаешь? — то ли спросил, то ли сказал Ёжи, и так энергично кивнул головой в сторону коридора, в котором еще слышались быстрые шаги покидающего больницу Янека, что его длинные локоны, волнами свисающие на плечи, метнулись по лицу, полностью закрыв его мягкой каштановой копной.

— Тебе сколько раз говорить о том, чтобы ты подстригся?! — Ёжи в свои тринадцать лет был любимцем всей нашей группы и прекрасно об этом знал, используя такое к себе отношение «на все 100».

— Богдан! Ну, какая тебе разница? — привычно заканючил он, и его лицо при моих словах сразу же приняло страдальческое выраже-

ние. — Ну, что ты, в самом-то деле, прямо как ментор в школе! Нормальная у меня прическа! Точно такая же, как и у Джона!

То, что Ёжи непонятно как именно сочетает страсть к каратэ с любовью к современной музыке, особенно к «Битлз», я знал. Но мне равно было не слишком понятно как можно в тринадцать лет быть полностью независимым в своих суждениях «о жизни», и, в то же самое время, максимально подражать во всем Джону Леннону. — Ладно, — в очередной раз одернул я себя, пусть самовыражается, как хочет. В конце концов, на то он и мальчишка, чтобы искать свой собственный путь в жизни, да и в роке нет ничего такого уж страшного.

— Давай, рассказывай!

— А что рассказывать? — пожал плечами Ёжи, каким-то особенно заботливым движением поправляя мне подушку. — Ты в курсе, что краковяне выиграли все поединки.

— Ну, в курсе. Дальше то что?

— А дальше ничего, — пожал он плечами. — На следующий день Генрик устроил им прощальный ужин. На нем и произошло это размежевание. Все началось именно с Янека. Если быть точнее, то на ужин Янек уже пришел как лидер группы «балета».

— Кого? — недоуменно переспросил я.

— Балета, — повторил Ёжи, — мы договорились теперь их так называть.

— Кого «их»?

— Ну, бесконтактников, — сказал Ёжи и до него потихоньку стало доходить, что, судя по всему, я знаю далеко не все. По крайней мере, меньше, чем он сам. Понял это и я.

— Ёжи! — поманил я его пальцем. — Подойди-ка сюда, поближе. Я хочу тебе кое-что на ухо сказать. Ёжи недоуменно оглянулся. Судя по всему, явно не понимая, кого я могу опасаться в совершенно пустой комнате, но, тем не менее, нагнулся ко мне. Схватив его одной рукой за талию, а второй за шею, я одним рывком кинул не слишком уж тяжелое мальчишечье тело себе на колени и, перевернув его лицом вниз, пару раз довольно увесисто шлепнул ладонью по попке.

— Богдан! — возмущенно прокричал Ёжи, — что ты делаешь? Отпусти!

— Отпустить? — спросил я, не переставая шлепать. — А зачем отпускать маленького врушку?

— Что я такого сказал?

— Вот в том то и дело, что ты не сказал, — я спедалировал два последних слова. — Итак, будем говорить?

— Буду! Буду! — Тщетно пытаюсь вырваться, придушенно воскликнул Ёжи.

— Точно? — усомнился я, зная его хитрый характер.

— Точно, точно!

— Ну, хорошо, посмотрим, — разрешив себя уговорить, я отпустил мальчишку. — Тогда говори. Но только всё и правду. Потому, что если я тебя вдруг поймаю на какой-либо неточности, то буду уже не шлепать, а пороть. Ты мне веришь? — я всякий случай уточнил момент, на что Ёжи дипломатично промолчал, сделав вид, что полностью поглощен приведением растрепанной одежды в порядок.

— Ну? Я жду.

— Да ничего такого особенного не было. Просто, когда краковяне стали говорить о духе настоящего каратэ, и о том, что для правдоподобности надо работать в полный контакт, Янек встал со своего места и сказал, что настоящее каратэ — это бесконтактное каратэ. А все остальное — это новодел и придумки, которые к каратэ не имеют никакого отношения. В общем, в Варшаве сейчас две группы — кёкусинкай и сётокан.

— И почему никто мне об этом не говорил?

— Мы посоветовались, и решили тебя пока этим не огорчать, думали подождать, пока ты не окрепнешь.

— Ну, не так уж я и плохо себя ощущаю, — проворчал я, в глубине души осознавая, что такая обо мне забота мне чертовски приятна.

— Янек возглавляет сётокан?

— Да. А мы решили, что если ты захочешь по-прежнему быть руководителем нашей группы, то мы вместе будем заниматься кёкусином. Ты же ведь не будешь против? — с надеждой, что я не откажусь, заглядывая мне в глаза, спросил Ёжи.

— Нет, малыш, не откажусь. Я на самом деле считаю, что за кёкусином будущее. Это на самом деле истинное и настоящее каратэ. А бесконтактное каратэ — это просто балет! Это вы правильно подметили. А как там твой бой сложился? Я что-то забыл спросить у Генрика.

Збышек ПЕТРАС

Из Варшавы мы поехали в Гданьск, потом Анджей планировал посетить с «дружеским визитом» Вроцлав, и только после этого вернуться в Краков. У всех было прекрасное настроение, да иначе и не могло быть, так как все проведенные в Варшаве бои мы выиграли с таким явным преимуществом, что не могло быть и речи о том, чтобы поставить столичных каратистов с нами «на одну полку», как

выразился русский Саша. У каждого из нас, конечно, во всей этой поездке были свои планы и задачи. Если Анджею и Саше, как организаторам, было не так важно выиграть свои поединки, как договориться о приезде варшавян на турнир в Краков, то тому же Яну Диду было более важно выиграть бой. Меня же, в силу моего четырнадцатилетнего возраста, организационные вопросы не волновали вообще. Поэтому, сейчас я все время только и думал, что о том проведенном мною поединке.

Я как раз разминался в углу зала, когда ко мне подошел Ян Дидух и сказал, что Саша, в группе которого я занимаюсь, поставил меня в пару с парнем моего возраста. — Вон там, около судейского стола, тот, с волосами а-ля Джон Леннон, — показал он на моего противника.

— Что, вон тот? — удивленно протянул я. — Но он же года на два меня младше? Как он будет со мной работать? Ведь все же должно быть «по-настоящему»?!

— Он младше тебя только на год, просто он в другой весовой категории, и Саша просил передать, чтобы ты во время боя учитывал не только то, что он тебя младше и легче, но также помнил, что ты не у нас в зале, и что вы не на гладиаторской арене. В общем, отнесись к парню благожелательно. Наша основная задача здесь — показать технику и преимущества нашей системы тренировки и манеры ведения боя. Поэтому задача для тебя лично — показать технику, все то, чему тебя учили, а не просто без затей отправить парня в больницу. Ему ведь на самом деле только тринадцать лет. Кстати, от того, как ты с ним сработаешь, тоже будет зависеть многое — он здесь любимчик. Учти это! Впрочем, Саша сказал, что он сам к тебе подойдет перед боем и все объяснит.

Наверное, варшавянину тоже уже сказали о предстоящем бое и показали меня, потому что минут через десять я заметил, что он внимательно рассматривает меня как бы «со всех сторон», явно пытаясь понять, как именно я буду вести бой и какие особенности техники у меня наиболее хорошо отработаны. Ну, что ж! Если воина просят побыть джентльменом, то он может быть и джентльменом! И я пошел к судейскому столику.

Анджей ДРЕВНЯК

Я посмотрел на часы, отметив, что до Кракова осталось ехать еще где-то чуть больше часа, и снова перевел рассеянный взгляд за проносившийся за стеклом пейзаж. Все мои мысли были полностью заняты воспоминаниями о «турне трех городов», как между собой в

шутку в команде называли этот наш вояж. Да, а мальчишка наверняка вырастет хорошим человеком, — подумал я, глядя на заметного утомившегося за эти несколько дней и сейчас спокойно сидящего около окна напротив меня Збышека. — И с учетом этого обстоятельства даже не слишком важно, насколько хорошим он будет бойцом, хотя в поездке он проявил себя именно им. И бойцом, и рыцарем.

Збышек как будто поймал мои мысли: встал с кресла, посмотрел в мою сторону и потянулся, вытягиваясь вверх всем своим высоким, стройным, гибким, но все еще худеньким мальчишеским телом. Наблюдая, как он расправляет плечи и сводит назад лопатки рук, расслабляя позвоночник, я невольно вспомнил, в каком «запущенном» виде он впервые пришел к нам на тренировку, сутулый, с полным отсутствием мышц чем-то неуловимо напоминающий свернутого в вопросительный знак земляного червяка. И сейчас, отмечая начинающие наливать «взрывной» силой рельефы его эластичных мышц, я с удовольствием вспоминал первый в спортивной жизни Збышека «соревновательный» бой. Это на самом деле было красивое зрелище, и на него стоило посмотреть. Конечно, выставив его на поединок, я ни секунду не сомневался в победе Сашиного ученика, хотя и понимал, что в спорте бывают разные чудеса. Узнав, кто именно будет работать с ним в паре, я даже растерялся. С одной стороны, нам надо было выиграть, и выиграть «за явным», а, с другой, если сильно побить любимца команды, то чувство жалости к нему может обернуться негативным отношением к победителям. А в Варшаве нам необходимо было добиться прямо противоположного результата! И поэтому, мы с Сашей нашли идеальный выход.

— Збышек, у нас к тебе дело! — подойдя к нему вдвоем с Сашей, мы отвели парня в угол зала, где никто не мог помешать разговору.

Несмотря на возраст, все занимающиеся в секции всегда обращались с ним, если и не как с взрослым, то всегда наравне с остальными учениками, и Збышек, хоть и не показывал вида, очень ценил такое к себе отношение. Вот и сейчас он очень серьезно отнесся к предстоящему разговору.

— Збышек! — повторил я, — у нас имеется серьезная проблема. Тебя поставили в пару с местным твоим ровесником...

— Да не волнуйтесь, вы, пан Анджей! — от волнения Збышек даже перешел на «вы», чего ранее за ним никогда не замечалось. — Я его сделаю, точно сделаю, вот увидите!

— Збышек, не перебивай, и выслушай до конца! — вступил в разговор Саша. — Что это ты себе позволяешь?

— Так вот, — продолжил я, сделав вид, что ничего не произошло. — Ты выиграешь бой, выиграешь, — повторил я. — В этом никто из нас не сомневается! Но важно даже не то, что ты его выиграешь, а то, как ты его выиграешь, — я специально спедалировал на слове «как». — Пойми, тебе нельзя выигрывать этот бой грубо! Тебе нельзя его «ломать»!

— Почему? — искренне и недоуменно вскинул на нас взгляд Збышек. — Это же будет настоящий бой, вы сами сколько раз мне говорили об этом!

— Да, в настоящем бою на самом деле надо бить в полную силу и не задумываться о последствиях для противника, это так. Но сейчас будет не настоящий бой. Сейчас мы приехали сюда, не для того, чтобы всех здесь уничтожить, а чтобы показать, что наш стиль лучше. Что он не только более реален, но и то, что в нем приветствуются рыцарские правила боя. Поэтому ты должен не просто выиграть, «сломав» противника, а выиграть путем его переигрывания. Покажи, что ты не только сильнее его и в тактике и в технике. Это очень важно! Ты понял?

— Да, понял, — после некоторого размышления кивнул головой Збышек. — Я знаю, что такое рыцарство. Это как пан Володыевский?

— Да, так. Поступай так, как поступали великие польские воины в то время, — ответил ему я, — и все будет правильно и хорошо.

— А, что, Саша, как тебе все-таки наш Збышек?

— Из парня будет толк! — ответил он. — Вряд ли этот варшавский мальчишка сможет забыть все то, что было!

— Ты имеешь в виду, что это был по-настоящему хороший бой, а не только то, что он у него был первым?

— Да, именно это. Я считаю, что Збышек на самом деле лучше нас всех показал, что такое истинный кёкусинкай!

... Как только объявили поединок, Збышек спокойно вышел на очерченную площадку и подчеркнуто уважительно поклонился своему противнику. Выпрямился и принял стойку выжидания.

— Хадзимэ!

Не успели звуки сигнала о начале боя затихнуть под высокими сводами, как Збышек, стремительно ринулся вперед всем корпусом демонстративно показывая, что он намерен атаковать и идти вперед на противника, как шутили у нас в секции, «в стиле паровоза». Как он и рассчитывал, его противник тут же ушел в защитную стойку, освободив выступающую ногу от веса корпуса. Збышек моментально сменил направление движения вбок и вперед, и, в одно мгнове-

ние оказавшись практически за спиной варшавянина, сделал сильную и быструю подсечку под его свободную от веса тела ногу. В реальном бою парень из Варшавы неминуемо бы растянулся на полу, скорее всего, повредив себе паховые «связки» ног, в просторечии растянув обе ноги, но Збышек подстраховал его. Крутнув корпус навстречу падающему противнику, наш воспитанник не только успел звучно, правда, не слишком сильно, помня полученные наставления, ударить локтем в корпус своего противника, но и подхватил его тело обеими руками и не дал упасть и получить травму. Тут же прыжок назад, слегка согнутые колени, стойка выжидания.

На стороне варшавян произошло какое-то непонятное шевеление и легкий гул голосов дал отчетливо понять, что действия нашего парня не остались незамеченными.

— Вазаари! — рука арбитра метнулась в сторону Збышека. — Хадзимэ!

Мягко, как крадущаяся к воробью среди густой травы заросшей обочины кошка, Збышек снова двинулся вперед, и на этот раз в его перемещении не было никакой стремительности. То и дело меняя направление своего движения из стороны в сторону, Збышек не давал ни одного шанса противнику понять где же и когда будет совершена решающая атака. А то, что сейчас Збышек сделает атаку в старокинавской манере «иккен но хиссецу» — «одним ударом наповал», я не сомневался. Просто потому, что лично показал ему, как это делается на последней перед нашим отъездом в столицу тренировке.

Удар! Маэ-гэри тюдан лезвием низко бьющего копыя прошел между разбросанных рук, точно посередине и с глухим смачным шлепком воткнулся в тело мальчишки из Варшавы. Инстинктивно тот опустил руки, запоздало пытаясь заблокировать нижний уровень защиты, и тут же по короткой дуге взметнувшаяся вверх другая нога Збышека замерла, не доведя удара до цели, точно напротив виска его противника. В зале стояла полная тишина — все прекрасно понимали, что только благородство одного из бьющихся сейчас на площадке мальчишек не довело дело до травмы. В этот момент Збышек как-то особо широко и дружелюбно, так, как могут улыбаться только мальчишки, да и то только друг другу, кивнул своему уже не столько противнику, сколько напарнику, явно приглашая его не «зажиматься», а действовать раскованней и активней. И варшавянин принял это предложение.

Правильно говорят, что как только у бойца пропадает страх, то исчезают и все остальные мышечные зажимы. Сейчас я вспоминаю этих двух бесящихся на площадке мальчишек, искренне и безо вся-

ких внутренних страхов и комплексов, показывавших пришедшим посмотреть на поединки зрителям все то, что они могут дать своим уровнем умения. Это на самом деле было хорошее зрелище! Да, удары были «в контакт», но это были не ломающие безжалостные к противнику боевые удары «на вынос», а это были дружеские тумачи «детского» спорта! Как только прозвучал сигнал к окончанию «поединка», оба парня одновременно подняли руки другого в знак признания победителем своего соперника, что было по-настоящему хорошо, и варшавяне это оценили.

Александр ТАЮШКИН

— Это как пан Володыевский? — вспомнил я вопрос Збышека, и невольно улыбнулся. Сказать, что исторический цикл Сенкевича в Польше популярен — это не сказать совсем ничего. Его здесь на самом деле прямо-таки боготворят, и его творчество в Польше знают абсолютно все. Настолько, что можно просто произнести выражение «эпопея», и все окружающие сразу поймут, что речь идет об исторической эпопеи Сенкевича. Почему-то поляки думают, что главные герои этих произведений — поляки. На самом-то деле это не так. Эпические герои средних веков, упоминаемые в его книгах, на самом деле к польской нации не имеют ровным счетом никакого отношения, так как все они без исключения по своим национальностям либо русины, либо литовцы, либо просто самые, что ни на есть чистокровные русские. А поляками они стали только лишь в соответствии с сильным на то желанием автора.

Но это так, к слову. Тот рыцарский поступок Збышека стал переломным в отношении к нам варшавян, и та часть группы, что тяготела к реальности в поединках каратэ, заявила, что примыкает к школе кёкусинкай. Сразу же после поединков их некогда монолитная столичная секция каратэ распалась на две непримиримые группы, исповедующие два противоположных отношения к каратэ. Скорее всего, рано или поздно, но это бы произошло и без нас — это неизбежный процесс развития, но просто так получилось, что именно мы стали последней, переполнившей чашу каплей. Главное — мы добились, что и в столице появилась группа, исповедующая контактный стиль ведения поединка, и этим стилем стал наш кёкусин! Максимальная цель визита в Варшаву нами была достигнута!

То же самое, пусть и с вариациями, происходило и в других городах. Я наблюдал за происходящими событиями как бы со стороны, хотя и был их непосредственным участником, но такая «отстраненность» помогала мне принимать самое правильное в данной ситуа-

ции решение. В конце концов, заявку на участие в первом чемпионате Польши по кёкусину заявило несколько групп из Варшавы, Гданьска, Вроцлава и Катовиц. При этом все согласилось, что бои должны проходить в Кракове, на базе Горно-металлургической академии.

— Итак, мы соглашаемся, что соревнования пройдут в течении двух дней, в субботу и воскресенье двадцатого и двадцать первого апреля этого года! — подытожил итоги обсуждения вопроса Анджей.

— Да, пусть будет именно так! — единогласно ответили ему «делегаты».

Александр ТАЮШКИН

— И в чем ты собираешься выступать? — как только я услышал этот вопрос, заданный мне Анджеем случайно-ненавязчивым, как бы так, к слову, тоном, слишком уж безразличным, чтобы он на самом деле оказался «без личной заинтересованности», я сразу же насторожился. К этому времени я знал Древняка настолько хорошо, что уже в любых ситуациях мог его предсказывать, практически все его поступки, а уж мысли и тем более. Частенько бывало так, что он начинал что-либо говорить, а я, не дожидаясь окончания фразы, сам ее заканчивал. — Научили тебя польскому! — иногда в шутку говорил мне Анджей. Вот и сейчас, услышав его вопрос, я понял, что он задан совсем не просто так.

— Ты считаешь, что мне не в чем выступать? — вопросом на вопрос ответил я.

— А ты, что, считаешь, что в этом балахоне, — Анджей пренебрежительно кивнул на мою тренировочную форму, — можно выступать на всепольских соревнованиях?

— Если я прозанимался в нем все это время, то почему бы мне в нем не выиграть и первенство страны?

— Первенство Польши ты все равно не выиграешь — мы с тобой в одной весовой категории, хотя второе место будет твоим, не спорю, — меланхолично, как бы «про себя» заметил Анджей. — Но все равно, соревнования — это такое мероприятие, на которое надо выходить во всем лучшем. Вот я, например, специально для этого сшил новую форму. И тебе рекомендую сделать то же самое.

— Насчет первого места — это ты как-то уж слишком самоуверенно себе его уже отдал, «на это мы еще смотреть будем» — одесским выговором ответил я. — Но о форме — может быть, ты и прав. Я подумаю.

Есть поговорка, что «независимо от того, чем поляк занимается в жизни, истинным поляком является только тот поляк, кто в душе торговец». К Анджею это выражение справедливо на все сто процентов. Сколько я его помню, он всегда в свободное от тренировок время занимался тем, что мастерил какие эмблемы, выпелы, нашивки на спортивную форму и прочие прибабасы, которые потом я неоднократно видел у других ребят из нашей секции, да и из других, аналогичных нашей, групп. Я сильно подозреваю, что переходили они к ним явно не безвозмездно, хотя по отношению ко мне ничего такого, что-то типа торговых операций, Анджей ни разу себе не позволял.

Вот почему я удивился, услышав от него предложение, сшить себе новую форму, сразу же заподозрив его в желании немного на этой операции заработать. Нет, в том, что именно сшить ничего странного не было, это было как раз нормально, потому что в продаже ничего похожего на нашу спортивную форму, естественно, не было. Изредка появлялись дзюдоги — спортивная форма борцов дзю-до, но она отличалась от необходимых нам, да, к тому же, в Польше инструктора восточных единоборств носили кимоно только черного цвета, которые вообще были абсолютным дефицитом из-за малого на них спроса. Поэтому выход был только один — шить самому. Но вот то, что он сделал мне это предложение, было несколько необычно, потому что до этого времени его мой внешний вид абсолютно не волновал. В конце концов, пришел к выводу, что в данном случае Анджеем двигало не желание немного на мне подзаработать, а стремление сделать организованные им соревнования, первый чемпионат его страны по любимому его виду спорта как можно ярче, лучше и представительнее. В том числе и в том, чтобы форма его участников была максимально красива и элегантна. Но при всем этом, Анджей был все-таки в чем-то прав. И поэтому я принял решение обновить свой спортивный «гардероб».

Судя по всему, Анджей предусмотрел возможность появления в моей голове различных мыслей и подозрений, и очень этого не хотел. В общем, это понятно и нормально — все-таки мы столько времени провели, развивая одно и то же общее дело, и у нас настолько близкие отношения, что любой человек в такой ситуации не захочет, чтобы в голову его друга закралось подозрение о том, что он стремится на нем подзаработать. Поэтому Анджей мягко, но твердо отказался участвовать в пошивочном процессе в любой его стадии и степени, ограничившись лишь замечанием, что из всех наших знакомых лучше всех с этим делом справятся вьетнамцы. Это на самом деле было так.

Во-первых, вьетнамцы отлично шили, и постоянно меняли свои наряды. Во-вторых, кимоно было все-таки исключительно восточным костюмом, через который европеец с европейским воспитанием и мировоззрением приобщался к восточной культуре, и поэтому они отнеслись к поставленной им задаче со всей серьезностью. Могу честно сказать, что кимоно и по цвету и по покрою получилось на славу — именно то, что было нужно. Правда, это не помешало вьетнамцам сэкономить на материале, и, забегая вперед, могу сказать, что мое первое упражнение в нише «портняжного бизнеса» оказалось неудачным — уже через пару месяцев штаны порвались, накрыв медным тазом все вложенные в эти «основные фонды» инвестиции. Недолго думая, я решил более не прибегать к наемному труду и уже собственноручно наложил на образовавшуюся в характерном для всех спортивных штанов месте прорехе заплату, которая потом долго служила предметом для шуточек моих учеников. Зато к моменту начала турнира я выглядел так же блистательно, как какой-нибудь средневековый шляхтич перед королевским турниром в том же Кракове.

— Да, это именно то, что нужно, — довольным тоном сказал мне Анджей, придирчивым взглядом осмотрев мою обновку на последней перед соревнованиями тренировке нашей группы. — Но это все равно не поможет тебе занять первое место.

Вот тогда я впервые понял, что на самом деле он очень и очень опасается, что первым на этом турнире будет не он, а я.

Я И ДИДУХ

Сото укэ! Рука стоящего напротив меня бойца немного провисла в локтевом суставе вниз, и ее отшвырнуло в сторону середины корпуса. Но он не сдался, и, морщась, быстро оттянул ее назад, и снова пробил этот же прямой удар в корпус. Еще одно сото укэ! — рука окончательно ослабла, и, понимая, что ей он уже ничего не сможет сделать, противостоящий мне «вроцлавец» попытался достать меня маэ гэри тюдан — прямой «пинок» чуть ниже «солнечного сплетения». Это техническое действие, скажем прямо, «грязновато», но движение было настолько стремительно проникающей силы, что если бы я пропустил его, то меня неминуемо снесло бы на пару метров назад. Но я уловил начало движения, и поэтому успел! Гэдан бари на бьющую прямой удар в корпус ногу! Я делал защитную технику как можно жестче, искренне и изо всех сил стараясь причинить максимальные повреждения своему противнику. Это у нас здесь сейчас контактное каратэ, это не балет, и здесь нет места ложному пониманию гуманизма! Нога бессильно опустилась вниз,

и тут же вперед, на удар локтем по открывшимся для атаки ребрам. К сожалению, удар, так, как надо, не получился — бойца просто снесло немного назад и в сторону. Но, есть Бог на свете! Воспользовавшись тем, что расстояние между нами немного увеличилось, я тут же распрямился, немного подпрыгнул вверх и вклепил ему мава-си гэри — круговой удар по восходящей дуге подъемом стопы в голову. Все! Теперь уже на самом деле все!

Боец из Вроцлава рухнул на пол на этом же месте — его даже никуда не снесло силой удара, и стоящий наготове врач с заранее открытым пузырьком с нашатырным спиртом сразу же бегом бросился к нему. Повинуясь жесту судьи, я развернулся и пошел назад — в свою сторону площадки дожидаться уже чисто формального признания своей победы.

Алексей АВДЕЕВ

Ой цуки в корпус, ударившись о низ грудины, заставил парня из Гданьска резко выдохнуть и согнуться. Я уже замахивался на дзёдан сюто-ути, как мой противник одним быстрым рывком ушел в сторону и неуловимым для глаза движением в падении подбил обе мои ноги. Я еще лежал на полу, как противник подскочил ко мне и зафиксировал тэтци с правой руки по переносице.

— Иппон — громко провозгласил судья, и на этом турнир для меня закончился.

Анджей ДРЕВНЯК

— Да, однако! — подумал я, смотря как Александр быстрой подсечкой под переднюю ногу, сначала вывел своего противника из равновесия, а потом слегка, явно жалея его, шлепнул по виску бойца из Гданьска подушечками оттянутых назад пальцев стопы. — А ведь, именно он будет у меня в финале, — наблюдая за тем, как судьи отдают ему победу в этом бою «за явным преимуществом».

Как только что завершился первый круг турнира, и судьи приступили к составлению очередных пар бойцов, я подошел к нему.

— Ну, что, убедился, что настоящим бойцом может быть только лишь тот, кто в равной мере освоил как ударную, так и бросковую технику? — продолжил я давний наш с ним спор. — Если бы не эта твоя подсечка, то еще неизвестно, сколько тебе пришлось бы с ним еще возиться! А тут одно движение — и все!

— Подсечка — это еще не бросок, — как обычно, отметил он мне. — Одно дело, по сути, удар по ноге, и совсем другое — взять человека на

захват! Это сколько же выпить надо, чтобы такое противнику позволить? — как обычно, закончил он старой русской поговоркой.

— Ладно, давай готовиться к боям. Чувствую я, что в финале нам с тобой придется встречаться!!

— Да встретимся, не переживай! Или ты беспокоишься, что после того, как я у тебя выиграю, у нас отношения испортятся?

— Не, и не выиграешь, и не испортятся. Все равно победит дружба!

Вот так. Посмеиваясь и шутливо споря, мы с Сашей внимательно наблюдали за проходящими на площадке боями. В общем, для нас все складывалось хорошо — краковская группа уверенно побеждала, и некоторые проигранные нашими бойцами поединки не могли смазать общую победную картину.

Збышек ПЕТРАС

Я бросил взгляд на висящие над входной дверью в зал часы, посмотрел на секундомер, отметив, что только что завершившийся поединок между бойцами из Гданьска и Катовиц мы прохронометрировали «секунда в секунду». В данный момент судейская коллегия составляла пары на следующий круг боев, и до начала поединков у нас еще было вполне достаточное время.

— Ну, как тебе бои? — спросил я Ёжи, с которым мы вместе «руководили» секундомером и барабаном.

— А где вы этот барабан-то раздобыли? — вопросом на вопрос ответил он. — Разве гонг не лучше?

— Анджей говорит, что сигнал барабана в японской традиции, а гонг есть только в европейском боксе. Поэтому каратисты и должны отмечать время именно ударами барабана.

— А как правильно — каратисты? Или же каратэисты? — не унимался он.

— Да что ты привязался-то? — не выдержал я. — Ну, какая тебе-то разница? Если уж так хочется все это знать, то подойди к Богдану, Генрику, к Анджею, в конце концов, подойди!

— Настоящий мастер должен все знать о том, чем он занимается! — произнес Ёжи, явно повторяя за кем-то эту фразу.

— Вот ты сначала стань им, а потом и узнавай! — отмахнулся я от него. — Тоже мне, сэнсэй!

— Пан! Вы меня оскорбили, и я требую удовлетворения! — шутливо ответил он мне.

— Вон, к нему! — я показал пальцем на еще одного нашего бойца, на Юрека Зюзюка, активно разминающегося перед следующим кругом поединков. — Он сегодня за меня! От него и требуй!

— Злые вы все здесь, уйду я от вас! — ответил я. — Пошли кофе пить! Все равно здесь еще минут двадцать ничего не будет.

Юрек ЗЮЗЯК

Я сидел, привалившись к стене зала, в полном изнеможении и абсолютном истощении сил, ровным счетом не обращая никакого внимания на свободные места в зрительских рядах кресел. Все-таки, этот мой последний бой с парнем из Катовиц дался мне крайне тяжело.

— Ну, ты как? — присев вместе с Сашей рядом со мной на корточки, спросил Анджей.

— Как видишь! Этот парень на самом деле очень сильный боец! Даже не знаю, как Ян будет с ним работать.

Только что закончился мой бой с Марексом Кучиньским, американским студентом польского происхождения, проходящим курс обучения в каком-то Катовицком институте. Бой, который я проиграл! Я честно пытался сделать все, что мог, я даже пытался сделать больше, но этого все равно не хватило для победы — уж очень сильным соперником оказался этот американец!

Менее всего ожидаемым «сюрпризом», самым необычным в этом поединке оказалась манера боя моего противника. В нашей секции мы привыкли вести бой из так называемой «боевой» стойки, из камаэтэ, чем-то достаточно сильно напоминающей западно-европейскую боксерскую стойку — высокую, с практически полностью выпрямленными ногами, и я с трудом представлял себе, как можно драться иначе. Да, всю базовую технику мы отрабатывали именно в так и называемых базовых стойках, в тех же дзэнкуцу-дати, кибэ-дати или в кокуцу-дати. В них мы и передвигались с ударами и блоками, и ката делали, и все это на достаточно низкой от пола зала высоте. Но чтобы в этих базовых стойках драться!? Не могу утверждать, чтобы этот американец постоянно находился в низких стойках! Время от времени он даже поднимался из них вверх, чтобы сделать удар ногой в верхний уровень, в голову или же в грудь, но все остальное время он оставался на нижнем уровне. Мало того, что тем самым он очень сильно сокращал размеры своего тела, то есть, мест, куда я мог бы ударить, что не могло быть со мной, постоянно находящегося в высокой стойке. Между тем такое положение противника было крайне необычно для меня, к нему тоже надо приноровиться. А когда я мог приноровиться, если впервые в жизни столкнулся с такой манерой боя? И нет никакого времени, чтобы вникнуть в ситуацию и в ней разобраться.

— Не переживай! — хлопнул меня по плечу подошедший к нам тот самый Марек, бой с которым закончился несколько минут тому назад. — Ты на самом деле хорошо дрался, но у тебя объективно не было шансов на победу.

— Это почему же? — сразу ошетинился вопросом Анджей.

— Ну, хотя бы потому, что я каратэ занимаюсь больше, чем он, и дома, в США. Я занимался не где-то там и непонятно у кого, — Кучиньский как-то снисходительно и неопределенно посмотрел на Анджея и Сашу, — а в школе самого Аарона Бэнкса, причем, у самого Эйги Хасимото!

— Да? — Саша начал заводится от такого поведения американца. — И чем же таким знамениты эти Бэнкс и Хасимото?

— Бэнкс — основатель профессионального полноконтактного каратэ, а Хасимото имеет по каратэ годзюрю третий дан и сейчас он один из самых лучших инструкторов, да и бойцов в этом стиле, — спокойно и как бы свысока пояснил Марек. — Да, наверное, и во всем мировом полноконтактном профессиональном каратэ тоже! — чуть помолчав, добавил он. — Поэтому, после того, как я сегодня стану чемпионом, вы хорошенько подумайте, что вам надо развивать на самом деле — этот непонятный оямовский новодел, это его странное изобретение, или же настоящее традиционное японское каратэ в профессиональной версии. Только оно может дать и настоящую технику поединка, и деньги! Только за ним будущее!

— Чем нам здесь, в Польше, — в голосе Анджея я отчетливо различил начавшие проявляться признаки гнева, он выразительно сделал ударение на слове «Польша», — чем нам здесь заниматься, мы определим сами, и без советов всяких посторонних. Если ты такой сильный, то докажи это на площадке, а разговаривать с тобой, или нет, мы сами решим!

— Хорошо! — засмеялся американец, — хорошо. Если вам для понимания простых вещей надо обязательно получить по лицу, то это будет нетрудно организовать. Хотя мне и искренне жаль моего противника. Он же не виноват, что у него такие учителя, — Марек опять сделал нажим на слове «учителя». — Будем надеяться, что в следующем бою ваш ученик будет драться лучше, чем в только что закончившимся!

— Ты лучше о себе побеспокойся, — сдержанно посоветовал ему Саша.

— Моего уровня хватит на любого бойца советского каратэ! — засмеялся американец. Он посмотрел на Сашу, перевел взгляд на Анджея, и добавил: «Как на поляков, так и на русских»!

— Посмотрим, посмотрим, — негромко, почти «сквозь зубы» произнес Анджей, легко поднялся с корточек и вместе с Сашей отошел от нас.

Ёжи КОВАЛЕВСКИ

— Знаешь, Юрек, — задумчиво посмотрев на друга, сказал я. — Ты что-нибудь о ниндзя слышал?

— Нет, а что?

— Это не что, это кто. Ниндзя в средневековой Японии — это диверсанты и шпионы, мне Богдан недавно о них рассказывал.

— А он то откуда о них узнал?

— А ему Генрик рассказал. А Генрику на лекции об этом рассказывали, он же на дипломата учится, будет специалистом по Японии.

— Ну, и что?

— А то, что давай-ка мы попытаемся побольше выяснить у этого американца, как он работает, и какие у него еще штучки есть в арсенале, а потом нашим расскажем. Вашему бойцу тогда легче будет.

— Не знаю, Ёжи. Надо с Анджеем или с Сашей посоветоваться.

— Посоветоваться? О чем, да и зачем?

— Как-то это не очень спортивно, понимаешь? Как-то нечестно вот так выпытывать, а потом все передать противнику.

— А что здесь нечестного? Это все равно, как разведчик на войне у фашистов тайны узнает. Что здесь нечестного?

— Вот видишь, разведчик, и на войне. А сейчас не война, и здесь нет фашистов.

— А что, этот американец не фашист?

— Вряд ли, — задумчиво потерев затылок, ответил Юрек. — Если бы он был фашистом, или его бы здесь не было, или его бы уже убили. Сам понимаешь!

Я понимал. К фашистам в Польше на самом деле свое, простое, отношение. История страны, так сказать, обязывает.

— Ну, хорошо, — я все-таки никак не мог унять, — давай тогда просто так подойдем к нему, поговорим!

— Зачем? После того, что произошло, о чем нам с ним разговаривать? Ты, что, не видел, как он с Анджеем и с Сашей разговаривал?

Неизвестно, чем бы все это закончилось, и к какому решению мы бы, в конце концов, пришли, но американец сам подошел к нам.

— Привет, хлопцы! Как жизнь?

— Да, ничего, мистер, в порядке.

— Ну, что вы так официально, называйте меня просто «пан Марек»!

— Паны в Польше, а в Америке мистеры!

— М-да, здорово вам тут мозги промыли, — пробормотал американец, судя по всему, как-то не слишком уютно начиная ощущать себя в нашей компании. — И все у вас тут такие?

— Такие, это, какие? — как-то не слишком приветливо переспросил его Юрек.

— Послушай, хлопчик! Я такой же поляк, как и ты! Ну, что ты ерепенишься? Я тебе что-нибудь плохое сделал?

— Тогда почему ты ведешь себя так, как будто ты коронный шляхтич, а мы твои холопы? — спросил его я.

— А я и есть шляхтич, — спокойно ответил Марек. — И отец мой воевал за Польшу против немцев и русских в Армии Крайовой.

— Так вот, мистер, — уже начиная злиться, ответил Юрек. — Здесь у каждого присутствующего кто-то из семьи воевал против немцев. У русских нет семьи, в которой кто-нибудь не погиб бы на войне. Так же и у нас в Польше, — я специально так же, как и американец, сделал ударение на выражении «у нас в Польше», подчеркивая этим, что Марек не наш, не поляк, — не принято гордиться тем, что он воевал с русскими. Это одно и то же, что гордиться тем, что он воевал на одной стороне с немцами!

— Эй, пацан!

— Это вы, мистер, просто вежливо сдержались, а на самом деле хотели сказать мне «холоп»? — ядовито вернул шпильку Юрек. — Вы не стесняйтесь, говорите, здесь к вам хуже, чем сейчас все равно уже относиться не будут.

— Ладно, — процедил Марек, — на самом деле нечего с вами разговаривать, вас бить надо!

— Пан не желает посадить провинившихся наглых холопов на кол, или гуманно повесить? — осведомился я. — Или пан хочет просто суметь отсюда уйти? А то ведь холопы такие злобные гниды!

— Ладно! — Марек встал и отошел от нас.

Ян ДИДУХ

— Ян! — спокойным тоном сказал Анджей, но я видел, что у него все внутри кипит от негодования. — Ты можешь умереть, но перед этим ты просто обязан, — он сделал ударение на слове «обязан», — ты обязан выиграть бой у этого! — Наставник весьма и весьма выразительно, вложив в это движение все переполнявшие его эмоции, мотнул головой в сторону американца. Я перевел

взгляд на Марека, который с интересом смотрел в нашу сторону, судя по всему, прекрасно понимая, о чем идет разговор. Кучинский был настолько уверен в своей победе, что даже поднял вверх правую руку и приветливо помахал ею мне, как бы приветствуя и подбадривая.

— Катовице катит! — крикнул он непередаваемым на другие языки польским выражением. Но его поняли и русский Саша, и Анджей, и я. Вот то, что его понял я, это, наверное, и было самым главным для меня лично, и самой большой его ошибкой. Просто потому, что его обращение в мой адрес я воспринял как личное оскорбление.

— Ладно, пан Марек, или, как там тебя, мистер Кучинский? Посмотрим, кто и куда сейчас покатит! Посмотрим.

— Ян! — задумчиво и несколько затянато, как будто, он все еще обдумывал свои слова, обратился ко мне Саша, — а ты знаешь, у него есть дыра в манере боя! И, кстати, достаточно большая дыра!

— ????

— Обрати внимание — он постоянно в стойках, и выпрямляет ноги только для того, чтобы сделать удар ногой. Так?

— Ну, так. И что?

— Да ничего! Что нам говорит теория по вопросу смены уровней?

— А что она говорит? Да ничего!

— Нет, она нам говорит о том, что если тебя атакуют по верхнему уровню, то ты должен контратаковать по нижнему. Ты обратил внимание на то, что он совершенно не использует ни подсечек, ни бросков? Ты понимаешь почему?

— Наверное, потому, что он не умеет их делать. Так?

— Так. Но если он не умеет их делать, то он не умеет и защищаться от них. Поэтому твоя тактика должна быть построена на мощных, сносящих амплитудных ударах по нижнему уровню.

— Но я сам плохо делаю подсечки без захвата!

— А ты их и не делай! Ты просто бей маваси по стопе, а лучше по лодыжке, прямо по суставу, и все дела! Чем не подсечка?

— Кстати, а ведь это очень даже неплохая мысль! — вмешался в разговор молчавший до этого момента Анджей. — На самом деле, не давай ему подойти к тебе на расстояние удара руки, как только он начнет движение, то сразу же вышибай ему ноги этими сносящими подсечками, а когда выведешь его из равновесия или собьешь подсечкой на пол, то так же амплитудно, с проносом, бей ногами в голову.

— А если он все-таки прорвется в ближний?

— Тогда короткой подсечкой выводил его из равновесия и сразу же

бросай! Сходись с ним вплотную, чтобы он не мог сильно ударить рукой, и бросай! Нет ничего лучше хорошо сделанного броска, если противник не умеет бороться! Я не один раз это проверял на практике! А ты же ведь не зря столько времени дзюдо осваивал, у тебя получится! — на этой оптимистичной ноте Анджей закончил обсуждение тактики предстоящего мне боя.

Александр ТАНИШКИН

В тот момент, когда Ёжи нажал на головку секундомера, а Юрек гулко ударил колотушкой по туго натянутой коже барабана, американец, быстро произведя вежливый поклон, распрямился во весь свой немаленький рост. Его сначала широко разошедшиеся на уровне бедер и сжатые в кулаки руки теперь моментально взлетели вверх и, сложившись в некое стилизованное перекрестье, замерли на уровне груди, прикрывая солнечное сплетение. То, что в этом бою противник Яна будет выкладываться «на все сто», желая не просто победить, но победить так, настолько «за явным», чтобы ни у кого не осталось никаких сомнений в том, кто же на самом деле в Польше самый сильный боец, не было никаких сомнений. В общем, это нормально для любого вида спорта, особенно для единоборства, так как в таких боях каждый боец работает «на вынос», нисколько не жалея своего противника, отлично понимая, что его противник изо всех своих сил будет стараться поразить его. И это нормально, потому что это единоборство, это контактный поединок.

Что сейчас «играло на руку» Яну — так это его игровая манера боя, предусматривающая высокую технику ведения поединка, точность любых движений и сочетание прекрасной координации тела и рук, ног, корпуса и головы.

Ян ДИДУХ

Я легко скользнул передней ногой вперед и закружился вокруг американского каратиста. Он мгновенно встал в низкую кибачи, легко перешел из нее в кокуцу — заднюю стойку, и, перетекая из стойки в стойку, но не выходя из классических положений тела и не поднимая центра тяжести, внимательно отслеживал каждое мое перемещение вокруг него. Моей главной задачей было «оплести», запутать его в своих перемещениях, не дать ему даже намек на то с какого именно положения я начну атаку. И все-таки я не успел.

Марек КУЧИНЬСКИЙ

Мой противник легко, как будто танцуя, кружил вокруг меня, пытаюсь опутать невидимой нитью перемещений, и сковывать мои движения. Станный он человек, неужели он на самом деле думает, что я никогда не бился с боксерами!? Вот и сейчас, он фактически поставил на карту в этом бою «всё», все то, что умел, и чему его учили эти доморожденные «сэнсэи», пытаюсь этим «перебить» мою традиционной техники каратэ. Я прямо-таки улыбался его потугам! Вот я делаю ложный рывок в его сторону. И только что он стоял рядом, а через какую-то долю секунды уже находится чуть-чуть в стороне, как он думает, ровно настолько, чтобы мой мощный удар прошел мимо него. Бедняга, он и не подозревает, что такое «раздергивание»! Как только он остановился, думая, что не дал мне ударить, как я мгновенно одним рывком подтянул под себя заднюю ногу, резко оттолкнулся ей от пола и рывком вылетел вперед в длинном выпаде. Выпад — и сразу же длинный и мощный удар в полной скрутке корпуса! Именно вот такими ударами бойцы и ломают ребра своим противникам! Я «честно» и изо всех сил пробил прямой левой ему в корпус! Сильно, резко пробил! Однако, вот странно! Я почти слышал характерный сухой хруст, обозначающий перелом, или, как минимум, трещину в ребре. Красное пятно — вернейший признак правильного попадания, вздувалось на ребрах, четко обозначая место «приложения». Но этот парень, казалось, совсем не заметил травмы. Он по-прежнему легко передвигался вокруг меня, делая различные движения руками по округлым траекториям, словно сознательно избегая применения ног, я так и не понял, почувствовал ли он на самом деле что-либо.

— Да и черт бы с тобой, пся крев, холоп! — разговаривая с самим собой можно не выбирать выражений, я искренне ненавижу эту чернь, отобравшую у моей семьи наше родовое имение! — Ладно, сейчас ты у меня попляшешь! — И я снова рванул вперед в стремительной атаке.

Ян ДИДУХ

После первой атаки американца я понял, что Саша был прав в своем предложении манеры боя против него. Сначала я решил все-таки попробовать свою излюбленную тактику боя, и сейчас видел, что она вообще не срабатывает. Если в моих предыдущих боях на этом турнире такая манера, безусловно, давала желаемый результат, то сейчас она вязла в грамотной защите моего противника. Ничего

не получалось! Абсолютно ничего! Не проходили ни одна из моих излюбленных связок, которыми до этого я обычно издала осыпал противника градом легких и быстрых ударов, не давая ему ни одной возможности ответить мне. Но сейчас все было по-другому!! Американец отвечал мне редкими одиночными, но очень тяжелыми и ломающими, настоящими ударами каратэ. Вот прямо сейчас он легким подшагом вошел в ближний бой, вот левый его прямой в мою печень, черт, как же больно! Вот я пропускаю апперкот в голову, только каким-то чудом успеваю отдернуть голову назад в самый последний момент! Да, ничего не могу сказать — у него четкая и очень грамотная работа, буквально «раскладывающая» меня! И если все оставшееся время ничего не изменится, то я рискую не дожидаться формального окончания поединка. И, кажется, сейчас самое время сменить манеру боя на ту, что предлагал Александр.

Александр ТАЮШКИН

Я стоял непосредственно около самой площадки и сумрачно наблюдал бой — Ян проигрывал его по всем параметрам, и американец прекрасно осознавал это. Он вообще был полным хозяином положения, и, по моему, за оставшуюся минуту боя поставил себе задачу обязательно закончить поединок нокаутом. Вот он снова рванул и вперед — и сам не понял, что же произошло. Но мне-то это было прекрасно видно! Наконец-то Ян мощным ударом сбоку вышиб его переднюю ногу и, уйдя немного в сторону, успел всадить в корпус потерявшего равновесие и валящегося вперед своего противника хороший крюк по длинной полудуге. Сразу же он ушел немного назад, добавил крюк в голову, а когда в защите рука американца поднялась вверх, четко всадил короткий крюк этой же рукой в открывшееся подреберье. Теперь уже на корпусе его противника предательским красным пятном появился знак попадания кулака! И как сразу же изменилась ситуация!

— Вазаари! — объявил судья, и я, поймав взгляд Яна, лишь коротко одобрительно кивнул ему в знак того, что именно так и надо действовать в дальнейшем. И Ян все понял, как надо.

Ян ДИДУХ

Чертовски болит бок. Наверное, ребро он мне все-таки сломал! — Выйдя из очередной атаки, поймал я шальную мысль. Так и хочется согнуть корпус немного в сторону и прижать локтем пробитое место! С другой стороны, я получал искреннее удовольствие,

отмечая, что и для американца последние минуты не прошли даром! И у него тоже не все в порядке! По-прежнему кружа вокруг него, я то и дело вышибал его ноги по всем возможным направлениям, отмечая, что он уже даже не пытается как раньше, подлетать ко мне в длинных растянутых стойках, и его атаки стали носить откровенно оборонительный характер.

— По-моему, парень, ты явно тянешь время, надеясь выиграть по очкам за счет ранее полученного преимущества, — догадался я. — Нет, так не пойдет!

Буквально только что Марек был полностью уверен в собственной победе надо мной — это так отчетливо читалось во всем его поведении, и особенно во взгляде. Но сейчас уже все было по-другому. Стоило мне поменять рисунок боя, свою манеру его проведения, и все стало на свои места. Сейчас американец просто не может понять, что именно произошло, почему он больше не в состоянии диктовать мне свои правила, и почему он то и дело пропускает удары, а ему самому ничего не удастся сделать в атаке.

— У тебя меньше минуты времени! — как будто услышал я слова Анджея, и решительно пошел вперед на противника. Кучиньский попытался уйти в сторону, но длинный круговой удар по лодыжке выбил его переднюю ногу еще дальше вперед, он почти упал на колени задней, и, с удовлетворением заметив, как он поморщился от боли в суставе, я не стал ограничиваться одним ударом, а пошел вперед с серией мощных ударов ногами.

Марек КУЧИНЬСКИЙ

Я ни черта ничего не могу понять! Только что я побеждал по всем параметрам, и вот в одно мгновение все переменилось! Мою ногу в очередной раз выбили даже не подсечкой, а непонятно чем именно. И я опять потерял равновесие. Резкая боль пронзила и без того уже распухшую лодыжку — пару секунд назад я незаметно посмотрел на нее и увидел, что низ голени постепенно наливается багровым цветом, местами переходящим в иссиня-синий внутреннего кровоизлияния. Почувствовав, как по спине сильно прошел удар круговой удар ноги подъемом стопы — маваси, выбивая из легких остатки воздуха, я только охнул, не столько от боли, сколько от неожиданности — все-таки этот удар прошел абсолютно «чисто» и достаточно чувствительно.

— Пся крев! Матка божка ченстоховска! — соединил я в одно целое два несовместимых восклицания, и прямо-таки физически ощутил как мои глаза зажглись упрямым упорством привыкшего

побеждать своих противников бойца, и, высоко подняв руки в пассивной защите, прикрывая голову от круговых ударов, я медленно, раскачиваясь в стойках из стороны в сторону, двинулся вперед уже не на своего противника по спортивному бою, а на своего врага в смертельном поединке. Наверное, именно с такой решимостью биться «на смерть» шли в смертельную схватку мои предки-шляхтичи.

Ян ДИДУХ

Я наблюдал за изменениями ситуации со спокойным, можно сказать, каменным и ничего не выражающим выражением лица, а потом легко и свободно заскользил вдоль одной из границ площадки на пружинящих, сильно согнутых ногах. Держа свою согнутую левую руку на уровне пояса непосредственно у тела, вытянул правую вперед, почти распрямив ее, но все равно низко, ниже уровня подбородка, я, в глубине души, прямо-таки наслаждался выражением лица своего противника. То, что он шел в свою последнюю, «на смерть» атаку было понятно и без слов! Что ж, это его выбор, и пусть будет, что будет! Рывком Марек сблизился со мной, в последний момент резко изменив направление движения, чтобы избежать удара по ноге, резко ударил левой рукой в корпус, но не достал, нырнул под ожидаемый им мой встречный удар в голову, и пошел на правый снизу в подбородок. Вернее, он хотел сделать все это. Вот только не получилось. Он абсолютно не обратил никакого внимания на мое резко поднявшееся вверх правое колено, очевидно посчитав, что таким образом я хочу закрыться от его возможного следующего удара в корпус, и тут же был за это невниманием наказан.

Поднявшись вверх, колено так же резко пошло вниз, толкая вперед поднятую параллельно полу стопу, и через секунду вся мощь мгновенно распрямившейся ноги подушечками оттянутых назад пальцев пробила ему солнечное сплетение. Американец как-то неопределенно хекнул, невольно, без всякого своего на то желания, выпуская выбитый из его тела воздух, и немного осел вниз, потом передернулся, как кукла, которую дернули сразу за все нити, и, наклонив корпус, застыл на месте. И вот сейчас я взорвался непрерывным каскадом ног. Мои любимые вертушки — дзёдан маваси гэри с проносом в голову в сочетании с дзёдан ура маваси гэри пяткой в висок с разворота шли непрерывной серией, не давая противнику никакой возможности для контратаки. Заставляя его все свое внимание перемещать на мои ноги, я во-

шел в ближний бой, коротким, но мощным сото уже смел выдвинутую вперед руку, а потом накладкой сверху блокировал ее. Как только рука оказалась зажатой, я сразу же «натянул» Марека на себя, встретив наклонившийся вперед корпус коротким и сильным маэгэри какато под вытянутую руку. Судя по тому, как округлились глаза моего противника, ему на самом деле стало очень и очень больно. Едва я поставил ногу после удара на пол, как сразу же запустил ее вверх по короткой дуге, одним взрывом выдернув свое бедро вверх и проведя оглушающий удар подъемом стопы по голове.

Мои ноги, как извивающиеся змеи, жалили американца по всей высоте его тела, заставляя то и дело опускать в защите руки вниз. И тогда я атаковал своими руками его голову. Подсечки не давали возможности правильно распределить вес, Кучиньский был вынужден распределять свое внимание еще и на свои ноги, никогда до этого не атаковывающиеся его противниками, и он просто не умел этого делать — все это сильно ослабляло защиту и не давало ему возможности перейти к атаке. Я не знаю, сколько это длилось: может быть, полминуты, может быть, одну. Но когда я вышел из атаки, он все еще неподвижно стоял на том же самом месте, с которого ему и хотелось начать атаку, медленно покачиваясь на широко расставленных ногах, не имея ни одной возможности для какого-либо технического действия. И в этот момент я: все, надо заканчивать! Точно таким же способом, каким он сам хотел закончить со мной.

Юрек ЗЮЗЯК

Это на самом деле надо было видеть! Знаете, в кино часто используют так называемую «замедленную съемку» — когда для героя действие в реальном времени кажется замедленным и растянутым. Вот и для меня тот момент вспоминается именно как растянутое и замедленное действие, хотя все произошло практически мгновенно до такой степени, что глаз едва-едва сумел уловить все движения бьющихся людей на площадке.

Ян только-только закончил свою атаку ошеломительной серией ударов и одним прыжком ушел на безопасную дистанцию, чтобы «не попасть» на встречное движение «вразрез». Его противник стоял буквально в паре метров напротив него, немного покачиваясь, полностью деморализованный и не очень хорошо осознающий, что же с ним происходило? Но в какой-то момент он это осознал и ринулся вперед. Если бы этот бросок вперед был сделан в начале боя, то, скорее всего, Кучиньский достиг бы своей цели, но сейчас у не-

го уже не было необходимой скорости перемещения и резкости в движении. Ян крутанулся вокруг своей оси, выкинул вперед ногу вдоль вектора атаки американца, в дзёдан усиро гэри, попав ему пяткой точно в центр подбородка.

Все, на этом поединок закончился. С сухим треском ломающейся челюсти голова Марека отогнулась назад, почти ударившись затылком о спину. Его ноги по инерции еще двигались вперед, пока, наконец, не задрались высоко вверх, и он с грохотом упал спиной на пол всем весом своего почти стокилограммового тела.

Александр ТАЮШКИН

То, что Анджей в поединке со мной будет работать ногами не выше среднего уровня, если вообще будет их использовать, я прекрасно знал. Странно, да? Он всегда старался, чтобы его ученики свободно использовали любой технический арсенал «ножной» техники, большое внимание на тренировках уделял растяжке и упражнениям на гибкость тела, а у него самого и с гибкостью, и с растяжкой были весьма серьезные проблемы. Это была классическая ситуация в полном соответствии с известной поговоркой о сапожнике без сапог! По крайней мере, по сравнению с моим фехтованием ногами по любым «уровням». Я свободно и легко работал ими как на дальних, так и на средних дистанциях, и при желании мог даже ставить ногами блоки на бьющие в меня руки. Технический же арсенал Анджея по применению ног был весьма и весьма скуден. Если маэ и усиро гэри у него были еще куда ни шло, то йоко, при исполнении которого бедро необходимо повернуть в бедренном суставе, что, конечно, хуже, и все это не выше груди противника среднего роста. Маваси гэри, требовавшее отличной бедренной растяжки, Анджей бил лишь в исполнении «куби» — по косой восходящей траектории без выноса бедра, и не подъемом, а, скорее, внутренней стороной стопы. Естественно, что такой удар мог принести очки на соревнованиях, но нанести им серьезные повреждения настоящему противнику в реальном контактном поединке на той же улице было уже весьма и весьма затруднительно. Даже при сверх желании бойца. Для этого необходима хорошая разработка бедренного сустава, которая достигается либо занятиями с детского возраста, либо поистине адским трудолюбием при стойческом отношении к боли. С этим у Анджея было все в полном порядке. Но у него не было врожденной генетической предрасположенности к растяжке и гибкости, поэтому он не мог работать ногами так же легко, как, например, я или тот же Ян Дидух. Анджей все-таки нашел

выход из этой ситуации: простой, элегантный и совсем не требующий титанических сверх усилий. Назывался он «жесткие блоки». Правда, их лучше и правильнее именовать «ну очень и очень жесткие блоки».

Скорее всего, Анджей начал искать замену атакующей техники ног в тот самый момент, как понял, что у него с ними ничего особенного не получится. Нашел он ее достаточно быстро, и на мысль, что именно может послужить такой заменой, его натолкнуло наше общее увлечение тамэсивари. В общем, эта идея на самом деле лежала на поверхности. Ведь, если удар может ломать препятствие, цель этого удара, то почему блок не может ломать быющую конечность? Может? Анджей незамедлительно провел пару-тройку экспериментов на нескольких членах группы каратэ из пригорода Кракова, и полностью убедился, что стоит на правильном пути. С этого момента с ним стало невозможно работать ногами, так как каждый удар, если он успевал на него среагировать, неизбежно натывался на костяшки или основание его жестких кулаков и на не менее острые костяшки локтевых суставов.

Анджей ДРЕВНЯК

Я стоял напротив Александра и всматривался в его внешне абсолютно спокойное, можно даже сказать, безмятежное выражение лица. Наверное, я лучше всех знал этого человека — я сам вырастил из него бойца масштаба страны, и постепенно из моего ученика он превратился в моего друга. И вот сейчас мы стоим напротив друг друга, чтобы в поединке выяснить, кто же из нас является самым сильным человеком в польском каратэ в нашей категории. С одной стороны, мне почему-то кажется, что это неправильно, что друзья не должны биться между собой ни за какие звания и места на спортивном пьедестале, но как сказать это Саше? А, с другой, если положить на вероятность жребия, пойти на риск — значит, фактически добровольно отказаться от звания чемпиона страны. Ведь я уверен в собственной победе, ибо я самый сильный, самый опытный, самый техничный и потому, что Господь Бог не позволит, чтобы моя победа досталась даже моему другу и ученику. Он хоть и друг, но только ученик. Не стоит забывать, что движение каратэ кёкусинкай в Польше начиналось все-таки с меня. И потому, что справедливым выходом из этой ситуации будет только мой выигрыш в финальном поединке! А Господь не допустит несправедливости! Я понимаю все это, понимаю и искренне надеюсь на победу, но, несмотря на все эти надежды и соображения, я все-таки не хо-

чу полагаться на волю слепого случая, и хочу лично проконтролировать развитие событий. Вот поэтому я и не стал предлагать решить вопрос жребием!

Александр ТАЮШКИН

В глубине души, с одной стороны, я понимаю, что по законам справедливости чемпионский титул должен достаться Анджею. С другой — сознаю, что Анджей никогда мне не простит, если в бою я ему поддамся, чтобы он наверняка выиграл, и этим умалю его победу. Если уж честно, то мне, советскому человеку и гражданину СССР, титул, тем более, сильно неофициальный, чемпиона Польши был совершенно безразличен. В том смысле, что для меня он значил то же самое и имел примерно такую же ценность как титул чемпиона Гватемалы и значил гораздо меньше, чем официально признанное спортивными властями Тамбовской области звание чемпиона Урюпинска. И этой мотивацией я кардинально отличался от всех моих польских друзей. Я понимаю, что мы с Анджеем примерно равны по силе, что выиграть финальный бой может любой из нас и последнее решающее слово в этом поединке может сказать любая, самая незначительная случайность. И, если честно, то я признаю, что Анджей имеет гораздо большее право, и это будет справедливо, на звание чемпиона своей страны, чем я. Но как быть в этой ситуации? Я не успел принять никакого решения.

— Хадзимэ!

Ёжи КОВАЛЕВСКИ

Я впервые вижу такую работу ногами. Александр сорвался со своего места, и птицей пролетел разделяющее его с Анджеем расстояние в одном длинном даже не прыжке, а в подскоке с быстрой сменой опорной ноги в ударе, в чем-то среднем между подпрыге и тоби-ёко гэри. Судя по высоте удара — пятка шла точно в голову, это было тоби ёко, а если смотреть по длине перемещения вперед, по направлению к противнику, то, безусловно, — подпрыг. Но не в этом дело. Преодолев эти несколько метров менее, чем за долю секунды, Александр обрушил на Анджея каскад ударов «на вынос», нанося их с проносом таким образом, что траектория движения заканчивалась даже не за десять сантиметров, как учит теория, а явно за несколько десятков этих самых сантиметров. Я оглянулся вокруг, и отчетливо понял, что всем сейчас стоящим вокруг площадки зрителям было совершенно понятно, что Саша работает по-настояще-

му, как говорят русские «без дураков». На какой-то момент времени мне даже стало страшно, я отчетливо осознавал, что если хотя бы один такой удар — любой из наносимых Александром, попадет в цель, преодолев защиту, то нокаут будет неминуем. Такие удары не выдерживаются независимо от места его попадания удара, — они просто проламывают тело.

Юрек ЗЮЗЯК

Мощь атак первых секунд поединка ошеломила всех зрителей, и казалось, что Анджей не выдержит и вот-вот пропустит тот единственный удар, который неизбежно станет последним в этом поединке. Но Анджей выдержал. Закрывшись в глухой обороне руками от двух первых ударов, которые своей силой и сметающей мощью буквально сдвинули его на метр в сторону, он ушел в нижнюю стойку, потом подобрал под себя ноги и одним мощным прыжком из положения «на корточках» вышел из зоны атаки ногами Александра.

— Ага! — подумал я. — Теперь понятно, зачем инструкторы столько времени мучили нас на тренировках этими бессмысленными, на мой взгляд, упражнениями. Этими бесчисленными прыжками на корточках, этими перепрыгиваниями с ноги на ногу, с выбрасыванием ног в стороны, с падениями из положения «полуприседа» на руки, на спину, и так далее. И вот сейчас, видя как легко Анджей этим способом — простым-простым, да не очень и простым, приседом с перекатыванием с одной ноги на другую, ушел из под мощнейшей атаки, мало того что ушел и сумел подняться прямо из под ног Александра, он к тому же сразу вошел в ближний бой, навязав противнику «перестрелку» короткими ударами по корпусу, я все понял. Я понял, что ни одно из тех бесчисленных и труднейших упражнений, как мы говорили между собой, «на смерть» не давалось нам просто так, без какой-либо потаенной, осознанной тренерами, но еще непонятной нам тогда цели. Теперь, видя, как мой инструктор (имею в виду, конечно же, Сашу), спокойно выдерживает мощнейшие прямые удары кулаками по собственным ребрам Анджея, а тот, в свою очередь, не обращает никакого внимания на встречные атаки Саши, я понял, зачем был нужен «бег по животам» на каждой тренировке! Сначала отжимания на одной руке, а чуть позже и подпрыгивания на кулаке в процессе отжимания. Но тогда искренне этого не понимал!

— Наверное, в дальнейшем надо не пытаться понять, зачем тренер дает то или иное упражнение, и не критиковать его, а просто это самое упражнение делать! Чуть позже, с опытом, понимание придет само. Точно так же, как оно пришло ко мне только сейчас!

Анджей ДРЕВНЯК

Выйдя из комплекса, я остановился, обернулся и каким-то, уже совершенно новым взглядом, так, как будто видел его впервые в жизни, посмотрел на здание. Вроде бы, ничего нового и особенного — комплекс, как комплекс, со всеми его раздевалками, душевыми, тренерскими комнатами и несколькими спортивными залами. Тот же, что и все эти годы. Тот же, но, все-таки, уже другой. В том мы просто тренировались, занимались самосовершенствованием, а в этом зале, что на втором этаже, я только что стал чемпионом Польши по каратэ кёкусинкай. Я — чемпион Польши! Наверное, это и справедливо, и закономерно. Сколько лет я шел к этому дню, и сколько сил отдал для достижения этой цели? Не знаю! И если этого не знаю я сам, то и вряд ли кто сможет ответить на этот вопрос. Даже Саша, мой самый ближайший друг и ученик по каратэ, и просто друг по жизни! И, как странно то, что именно он единственный мог воспрепятствовать этому! И попытался, но попытался честно и справедливо.

Жизнь — сложная штука, и я даже не буду стараться понять, почему судьба свела именно нас в финальном поединке на этой первом первенстве страны! Конечно, можно ответить в том духе, что, мол, потому, что вы на самом деле два сильнейших в своей весовой категории бойца кёкусина в Польше. Но ведь я то понимаю: да, конечно, это правда, но — правда не вся! Жизнь просто захотела испытать нашу связь на прочность, дав нам обоим проверку на искренность отношений экзаменом на гордыню, на тщеславие и на порядочность. Да, именно так, ибо было в том поединке одно место, когда я поскользнулся на мокрой от пота участников площадке и потерял на секунду равновесие и контроль над ситуацией. На самом деле потерял! И любой другой боец сразу бы воспользовался этим моментом, чтобы, пока я пытался выпрямить ноги и подняться, спокойно пробить ту же маваси мне в голову. А Саша не стал этого делать! Сознательно не стал, хотя, со всеми его шпагатами и умением «фехтовать» ногами, мог выполнить любую самую выигрывшую и стопроцентно заканчивающуюся безоговорочным «иппоном» комбинацию. Прекрасно понимая, что он мне проигрывает, и у него тем самым есть последний шанс воспользоваться этой ситуацией и стать чемпионом, он предпочел остаться просто честным человеком. Вот именно в таком скрупулезном соблюдении «рыцарских», самурайских канонов ведения спортивного поединка и проявляется дух настоящего каратэ.

Виктор ФОМИН

Я вышел из здания школы, остановился перед ее главным входом и некоторое время мучительно вспоминал, закрыл ли я на замок дверь в спортивный зал? Мои мысли были прерваны появлением «технички» — уборщицы. Она о чем-то меня спрашивала.

— Извините, что вы сказали? — переспросил я.

— Я говорю, забыл что-нибудь? Уж больно долго стоишь на одном месте и о чем-то думаешь!

— А, да нет, все в порядке, не беспокойтесь. Я так, о своем задумался. Все нормально.

На самом деле, ничего нормального в сложившейся ситуации не было. Закралась мысль: неужели, вот сейчас, из-за совершенно непонятной мне беспечности Юры все накроется медным тазом? Допускать такое развитие событий мне совершенно не хотелось — уж слишком долг и труден был мой путь к школьному спортивному залу в Бирюлеве, но, с другой стороны, дальше так тоже не могло продолжаться! Просто потому, что «замораживание» ситуации на этом уровне вело в тупик и сулило отсутствие любого, даже самого маломальского прогресса в росте мастерства. А мастерства хотелось! Больше всего на свете, и не меньше, чем достижения мастерства в музыке. А музыка для меня есть абсолютное все! Ведь именно благодаря музыке я смог вырваться из знаменитого, прекрасного — для меня лично, но и вместе с тем, далекого и провинциального Ростова-на-Дону в Москву. И не просто в Москву, непонятно куда именно, а в ту самую, легендарную своими выпускниками и преподавателями, знаменитую на весь мир Московскую консерваторию! Ведь, если бы не учеба в консерватории, то не было бы и участия в студенческой добровольной народной дружине. Не было бы работы в ДНД, то не было бы и тренировок по самбо, которые вел тромбонист Слава Иванов, чемпион Москвы и «внештатник» МУРа из соседнего потока. Но благодаря этой тренировке я впервые узнал о существовании каратэ, и увидел как наш тренер ребром ладони круговым движением снаружи — во внутрь поражает своего противника. Именно тогда я впервые увидел «дви-

жение» каратэ. С тех пор каратэ прочно заняло в моей жизни место наравне с музыкой. Я понимал, что людям просто «по определению» не может придти в голову, что стоящий перед ними высокий стройный красивый парень, атлет с рельефно развитыми мышцами, может быть каким-либо образом связан с таким «не мужским» занятием. А уж мысль, что он профессиональный музыкант вообще невозможна. Обычно, глядя на меня, все сначала считали, что перед ними стоит курсант военного училища.

Так вот, я с детства серьезно занимался спортом. Сначала просто для того, чтобы стать сильным — нравы нашего города не предусматривали возможности если не выживания, то нормальной жизни для «слабых». И просто потому, что мне нравилось ощущение здорового сильного тела. В результате получилось то, что получилось — семьдесят пять килограммов прекрасно тренированных «взрывных» мышц при росте под сто восемьдесят сантиметров в сочетании с независимым характером и силой воли. Я быстро перерос уровень знаний в каратэ «тромбониста». Точно так же, как и студента-каратиста из Колумбии, пытавшегося вести занятия в консерватории. И чем больше я занимался, тем сильнее мне хотелось найти более квалифицированного наставника. Потом был Женя — муж моей сокурсницы, к которому я ездил каждое утро за шестьдесят километров от Москвы к восьми утра, поднимаясь для этого из постели в четыре часа. Но все это было «не то». Все эти «преподаватели» ничего от меня не хотели, ни на что не рассчитывали и сами не считали, что «знают» каратэ. Они просто по доброте своей души делились своими знаниями, ничего не требуя взамен. В какой-то период они сами говорили, что, мол, прости, Вить, но больше мы ничего тебе дать не можем. Если хочешь, ищи себе кого-нибудь другого. Мне ничего не оставалось, как кинуть по всем своим друзьям и знакомым клич «ищу наставника по каратэ»! И мир на самом деле оказался не без добрых людей — учителя мне нашли!

Внешне Юра Вдовин, получивший коричневый пояс по Ситорию у тогда еще мало кому известного Сато, студента УДН им. Патриса Лумумбы, не производил никакого впечатления мастера таинственного каратэ. Хотя он и был плотного, мощного телосложения при достаточно высоком росте, все дело портили его очки в массивной роговой оправе, делаая его похожим на обычного студента-технаря, не чурающегося физических нагрузок. В отличие от всех до этого бывших у меня инструкторов, у Юры был «свой» спортивный зал, что автоматически выводило уровень тренировок на совершенно другой уровень. За не слишком большую мзду, Юра договорился с близко сошедшимся с ним физруком школы. В тот момент, когда

я пришел в секцию, в ней уже сложились свои правила и традиции, был свой староста группы, отвечающий за сбор. В группе ходили по рукам копии забугорной литературы по каратэ. Несмотря на то, что за двух разовые в неделю тренировки по два часа каждый ученики платил по десятке в месяц, сам Юра не слишком часто баловал группу своим присутствием, перекладывая на старосту львиную долю своих обязанностей. Неудивительно, что «текучка» в группе была постоянным явлением — кому же захочется платить свои деньги за тренировки у не слишком хорошо подготовленного ученика, который только немного превосходил по своему уровню остальную группу. Но меня в силу незначительности моих знаний это обстоятельство тогда совершенно не интересовало. Мне была нужна информация и место, в котором я мог бы ее отшлифовать. Все остальное было совершенно не важно.

Александр ТАНЮШКИН

В этот безо всякого сомнения исторический момент я стоял около окна в своей комнате и, тщательно рассматривая «стрелку» на штанине брюк, решал вопрос целесообразности их переглаживания. К своей внешности на танцах в местном районном ДК, располагавшемся буквально в нескольких шагах от станции метро «Академическая», около которой я жил, я относился щепетильно и погрешностей в этом вопросе не допускал. С одной стороны, качество проглажки стрелки меня совершеннейшее не удовлетворяло, и, значит, брюки надо было перегладить. С другой, мне до чертиков хотелось как можно быстрее оказаться на танцах, и поэтому не ощущал совершенно никакого желания связываться с этой грозящей растянуться на неопределенное время «бытовухой». Через минуту напряженного размышления с полным погружением в этот жизненно-важный вопрос бытия, оторвав, наконец, взгляд от штанины, я пришел к окончательному выводу, что вопрос надо решать кардинально. То есть, сменить костюмные брюки на только-только начавшие входить в моду привезенные из Польши джинсы. Разобравшись с этой проблемой, я отметил, что перед выходом из дома надо будет пригладить непослушный вихор. И только сейчас осознал, что уже как минимум минуту наблюдаю за людьми в белых одеждах делают какие-то непонятные движения на втором этаже школы.

Спортивный зал стоящей буквально в паре сотен метров от моего дома школы с высоты моей квартиры на шестом этаже просмат-

ривался буквально «насквозь», и мне было отлично видно все то, что сейчас происходило внизу. А внизу ребята делали, вернее, пытались отрабатывать маэ-гэри тюдан. Понаблюдав еще минуту за их достаточно беспомощными попытками в этом направлении, я увидел, что отработку маэ-гэри — удар ногой вперед они закончили. Сменив отрабатываемую технику на усиро гэри — удар ногой назад, они сменили и ударные ноги. Правда, на степени освоенности техники это никоим образом не отразилось, и то, что они делали, было не ударами, а, скорее, некоторыми разновидностями пинков в разные стороны на одной и той же высоте — выше пояса ноги у них не поднимались. И тут я вспомнил, как всего неделю назад я уезжал из Кракова в Варшаву, чтобы пересест в ней на московский поезд.

— Саш! А в СССР каратэ есть? — вдруг спросил Анджей, когда я уже собирался войти в вагон.

— А черт его знает, Анджей! — пожал я плечами. — Это вопрос из серии «А есть ли жизнь на Марсе?». Может быть, есть, а, может быть, и нет. Откуда я знаю, что есть в СССР, если я живу в Польше! Приеду — посмотрю, поговорю с людьми.

— Давай! — шлепнул он меня рукой по плечу. — Как вернешься, расскажешь о своих изысканиях, очень интересно!

Мои чувства, с которыми я вошел в вагон, наверняка знакомы любому, кто когда-либо после долгого отсутствия возвращался домой. Возвращение домой! Я уже предвкушал и фирменную «тройную архиерейскую» уху ранним-ранним утром на берегу сонной Пахры, когда ее берега еще окутаны легкой дымкой, и шашлыки в сосновом бору вблизи Малаховки, и общение с друзьями детства по двору. И если честно, то в это время два вопроса меня интересовали менее всего — есть ли жизнь на Марсе, и есть ли каратэ в СССР. Ну, как-то не до этого мне тогда было!

— Как вернешься, расскажешь о своих изысканиях, очень интересно! — вспомнил я просьбу Анджея.

— Наверное, на самом деле на ловца и зверь бежит, — додумывал я народное утверждение, пока бегом спускался по лестничным маршам, держа в руках сверток со своим черным кимоно.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Обычно всегда захлопывающаяся за защелку встроенного английского замка дверь в спортивный зал на этот раз оказалась почему-то просто прикрытой. Кто и почему так лопухнулся, сейчас уже не понять, да, в общем, и незачем — какой смысл искать растяпу, если посторонний уже вошел в зал во время тренировки. Почему мы

тренируемся только за закрытыми дверями и в отсутствие посторонних? Я не знаю, и, если честно, то, скорее всего, никто уже не сможет сказать и пояснить, откуда пошла и с кого именно у каратистов появилась привычка не пускать посторонних на тренировки. Вряд ли кто-нибудь из нас сможет ответить на этот вопрос. Просто есть такая традиция, привычка, обычай — называйте это как хотите, нам все равно, есть она, и есть! Поэтому дверь в зал всегда запирается. А окна, какими бы большими они не были, если есть в этом смысл, всегда закрываются чем-нибудь плотным, вроде материей для оконных штор, чтобы никто из прохожих не мог увидеть, что люди делают в зале. Но почему — никто не знает! Я, правда, припоминаю, что однажды мой тренер Юрка Вдовин как-то рассказывал мне, и, якобы, он это слышал от своего Учителя Сато-сана, что обычай тренироваться за плотно закрытыми дверями и в отсутствие посторонних идет из средневековой Японии.

В те времена школы дзюдзюцу строились исключительно по родовому и семейному признаку, а обязательным условием допуска посторонних к изучению техники поединка было «вступление» в семью. Не важно, как именно — можно было на самом деле жениться, выйти замуж, или просто пройти обряд усыновления — удочерения, но породниться надо было обязательно! И если это условие не было выполнено, и постороннего ловили за подглядыванием за тренировками, за «несанкционированным» изучением техники поединка, то делом чести всех членов клана и семьи было убить такого «шпиона». Как говорил Юрка, это было связано с тем, что если кто-либо узнавал семейную, тайную технику поединка, то он мог обратить полученные им знания против самих же носителей техники, а в то время бились только «насмерть» и, значит, тяжесть этого преступления в те годы вполне равняется тяжести шпионажа в наше время. Конечно, это только лишь слова, а в нашем деле ходит столько легенд, что где правда, а где вымысел может разобраться разве только лишь специалист вроде Сашки Подщеколдина! На то он и по образованию международник, и тренируется у самого Хасимото!

Вообще наш мир, мир людей, занимающихся каратэ, очень своеобразен и интересен. Мы не такие, как остальные, мы — другие. Что я хочу этим сказать? Какие мы — другие? Ну, хорошо, попробую объяснить. Вот, возьмем для сравнения борца или боксера — они нам ближе всех, и единоборцы и спаррингуются в полном контакте, хотя из них двоих, боксер будет нам поближе, у него все-таки не бросковая, а ударная, как и у нас, техника. Эти люди занимаются практически такими же, как и мы, единоборствами, и все у них примерно так же, как и у нас. У них такие же растяжения мышц и

сухожилий, такие же синяки и сотрясения мозга от ударов и такие же ушибы внутренних органов от мощных и сильных бросков! Они, так же, как и мы, радуются победам и печалются от поражений, мы одинаково понимаем мир и себя в этом мире, и одинаково реагируем на Зло и несправедливость! Я, например, не знаю ни одного человека, занимающегося любым видом контактных единоборств, который бы разделял идею непротivления злу насилием. В общем, мы с ними одной крови. И при всем этом мы совершенно разные люди. Наше основное различие состоит в том, как мы воспринимаем поединок. Для спортсменов он только лишь способ получить медаль и спортивное звание — знаки отличия их профессии, и спорт для них — просто работа, точно такая же, как работа в цеху или в конторе для всех остальных жителей СССР. Для нас же поединок — это совсем другое, нечто гораздо большее, и, уж, совсем не способ заработать деньги. Если коротко, то я скажу так: поединок — это способ самовыражения, осознания себя в мире и выражение своего отношения к этому миру. И поэтому большинство моих соотечественников считает каратистов людьми «не от мира сего», людьми, которым не интересно то, что занимает всех остальных жителей страны, и которых можно определить термином из бессмертного романа братьев Стругацких «люди, желающие странного».

В большом и просторном школьном зале сейчас занималось всего несколько человек, поэтому вошедшего в зал человека увидели сразу все. Среднего роста — гораздо ниже меня самого, примерно на голову, светлые волосы, улыбочное и доброжелательное лицо. Словом, парень как парень. В общем, обычный человек, если бы не неожиданно широкие и мощные плечи, венчающие треугольник плотного торса. Только вот здесь он нам все равно не нужен, даже с такими узкими бедрами и широкими плечами.

Александр ТАЮШКИН

Когда я вошел в зал, то выражения лиц в нем присутствующих людей были далеки от доброжелательности. Они сразу же остановились и развернулись в мою сторону, явно ожидая момента, когда я покину зал, чтобы вернуться к своим занятиям. — Раз, два, ... семь, — сосчитал я. — В общем, немного, у нас в зале занимается больше. Судя по всему, старшим в зале был высокий парень с вьющимися волосами и аккуратными бачками во всю длину уха, старше меня как минимум лет на пять-семь, выше ростом на голову и тяжелее килограммов на двадцать.

— Вам чего? — не слишком вежливо обратился он ко мне.

— Да вот, зашел посмотреть. Интересно. Можно?

— Нельзя. У нас или бьются, — при этих словах он демонстративно несколько раз легонько ударил кулаком одной руки по раскрытой ладони другой, — или не смотрят. Ну, что выберете? — с некоторой издевкой в голосе продолжил он.

— Если выбор только между этим, то тогда я, пожалуй, побьюсь.

— Да? Вы хорошо подумали? Я сразу и честно предупреждаю, что мы работаем в полный контакт и без перчаток.

— Ничего, ничего, — улыбнулся я. — Я это обстоятельство уж как-нибудь переживу, — уже не сдерживаясь, я ухмыльнулся этому «бычку», как сразу про себя окрестил лидера группы прямо в лицо. — Где здесь у вас можно переодеться?

Николай МЕЛЬНИЧУК

То, что это не просто случайный прохожий, я понял уже во время первых сказанных нами друг другу фраз — вполне достаточно было посмотреть на его кентосы — вместо нормальных обычных костяшек суставов кисти среднестатистического гражданина на месте двух «ударных поверхностей» кулаков были одни сплошные мозоли. Ну, а когда он, появившись в черном кимоно, подпоясанном зеленым поясом, что уже говорило о многом, на пороге зала сделал поклон, приветствуя место тренировки и всех, на ней присутствующих, то все сомнения отпали окончательно.

— У кого занимаешься?

— У Древняка.

— Не слышал. Это где?

— В Кракове.

— Где? — изумленно переспросил я. — В Кракове? Это в Польше что ли?

— Ага, в Польше, — в процессе быстрой разминки ответил он.

— И что же ты там делаешь?

— Учусь. Ну, с кем работать то? — прекращая расспросы о себе, спросил он, скептически осматривая явных новичков с белыми поясами. — С этими что ли?

— Работать будешь со мной! — я сразу же, с ходу отверг не слишком замаскированную и явно предлагаемую мне спасительную соломинку. — Но работать будем по-настоящему! В контакт!

— Как скажешь! — пожал он плечами. — В конце концов, каждый сам хозяин своему здоровью!

— Ты о себе побеспокойся! — ошетинился я, все более и более отчетливо понимая, что этот так неожиданно появившийся соперник

представляет собой нечто большее, чем все до этого встречавшиеся на моем жизненном пути бойцы. — Роман! — кликнул я старосту группы. — Дай команду на начало!

Александр ТАЮШКИН

Нас разделяли не более четырех метров — мы встали напротив друг друга по границам правильного квадрата, расчерченного на полу для розыгрыша баскетбольного мяча.

— Черт возьми! — подумал я, с интересом прислушиваясь к своему телу и понимая, что не испытываю абсолютно никакого трепета перед противником, — прямо как Сильвио на дуэли из рассказа Пушкина! Тот, помнится, под дулом пистолета баловался вишней, а что я сейчас чувствую и ощущаю?

В ответ сознание в несколько секунд оценило состояние мышц, психики и эмоционального настроя и выдало совершенно неадекватный для меня ответ — мне интересно! Просто интересно, и все! И ничего более! Странно, но, еще не зная уровня подготовки своего противника я был абсолютно спокоен и полностью уверен в своей безоговорочной победе за явным преимуществом! — Ладно, — подумал я, — главное, не обидеть его явным выигрышем и завязать контакты на будущее!

И в этот момент «бычок» бросился вперед в длинной атаке.

Николай МЕЛЬНИЧУК

На мою длинную атаку из низкой дзэнкуцу еще никто не реагировал. Говорят, что тяжи медленны и неповоротливы. Может быть, оно и на самом деле так. Но только не я. Я как раз быстр и стремителен, а уж быстроте и «взрывности» моего прямого удара позавидует любой боксер-средневес. И мне очень хотелось с первых же секунд боя показать этому парню «из Кракова», кто есть кто и что кто собой представляет. Задняя нога привычно легким подскоком подлетела к передней, центр тяжести опустился еще ниже — мощный толчок опорной ноги вперед, и гияку цуки летит в голову «оппонента»! Быстро летит, ничего не могу сказать против! Быстро. Ровно настолько быстро, чтобы противник не подумал ничего плохого и не впал «в грех подозрения измены». Чтобы купился на хитрость и, вовремя среагировав на техническое действие, бросился блокировать удар. Тот самый удар, который летит быстро, но не очень уж быстро, ровно настолько медленно, чтобы его можно было заблокировать верхним поднимающим блоком, открывая, правда, при

этом свое подреберье. А именно оно, подреберье, и является единственной и настоящей целью. «Поляк», как и ожидалось, четко заблокировал мое гяку цуки дзёдан, открыв низ корпуса.

Смысл тысячекратных повторов одного и того же движения, одного и того же блока или удара как раз и состоит в том, чтобы, когда надо, когда наступает такая необходимость, оно вылетало само, даже если сознание еще не осознает такой необходимости — это срабатывает подсознание, основываясь на тысячекратных повторениях. Только в этом случае боец достигает необходимой быстроты и мощи удара. Я знал, что моя любимая связка гяку цуки дзёдан — маэгэри тюдан отработана до совершенства. И знал, что мая — прямой удар ногой в низ корпуса, под защиту противника, вылетает настолько мощно и быстро, что его не то, что заблокировать — его многие мои противники и заметить то не успевали. А те, кто успевал заметить и те, кто даже пытался заблокировать, все равно ничего не могли сделать! Не блокируется моя маэ! Не зря она на самом деле повторялась несколько тысяч раз сначала в рядах в группе у Юры Вдовина, потом в парах у него же, потом снова в рядах у Сато-сана, потом снова в парах и только после этого в поединках. Вот и в этот раз я не осознал, что маэ гэри вылетела в открывшуюся «дыру» в обороне моего противника. Как и всегда, впрочем. С той только разницей, что если раньше мой противник, получив мощный удар на огромной скорости «сворачивался», резко и шумно выдыхал воздух, а потом либо отлетал (когда у меня получалось все-таки что-то не так), либо просто, если все было сделано правильно, молча оседал вниз на подломившихся и внезапно переставших держать его ногах, то в этот раз, почему то ничего этого не произошло. Я просто-напросто не попал в «поляка», провалившись всем корпусом вперед.

Александр ТАЮШКИН

Судя по всему, что такое тай сабаки, эти парни еще не знали. Хотя связку дзёдан укэ-тай сабаки мои ученики, к примеру, проходят в конце первого года обучения. Я увернулся от удара чисто автоматически, даже не осознав этого. Как только противник провалился вперед, я крутнулся ему навстречу и выбросил по дуге во встречном мощном круговом ударе в корпус кулак. Импульс от сложения в одно целое нескольких составляющих удар движений точно по ребрам вызвал такую их деформацию, что я прямо-таки физически ощутил, как они немного прогнулись вовнутрь и затрещали. Противник охнул и немного осел вниз. Подсечка под «переднюю» ногу, выбила из-под и без того уже заваливающегося тела основную опору,

и я еще успел крутнуться вокруг своей оси, чтобы провести уси-ро гэри с разворота в голову.

С этого момента исход поединка стал для меня настолько ясен, что я позволил себе не работать по-настоящему серьезно и с полной концентрацией, а начал просто отрабатывать на сопернике, как на мешке, все то, что у меня еще нуждалось в дальнейшей шлифовке.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Первое впечатление — искры из глаз! Никогда меня еще так сильно и концентрированно не встречали! Упав на пол, я быстро откатился в сторону, и хотя с каждой секундой все сильнее и сильнее чувствовал нарастающую боль в боку, сразу же вскочил на ноги и встал в стойку. Так, как учил нас Сато? Быстро встать в длинную дзэнкуцу! «Поляк», словно танцуя, двинулся вперед, сначала небрежно кинул явно проверочную маэ, было видно, полностью контролирует бьющую ногу и никогда не завалится из-за нее вперед, которую потом спокойно поставил перед собой в оборонительную кокуцу дати. Перешел в кибя, из нее в дзэнкуцу, и из этой стойки в меня полетело два быстрых, но легких прямых удара в голову. После этого опять немного «танца» вокруг, и вот он уже снова стоит в достаточно высокой стойке, чуть касаясь пальцами передней ноги пола.

— Ага, хорошо, — подумал я, — теперь, по крайней мере, понятно, что он в обороне. — Додумать я не успел, — единственное, что помню в эту секунду — мгновенное потемнение в глазах от быстрого, как пощечина, обжигающего удара подъемом стопы передней ноги по виску.

Я очнулся быстро — зрение сфокусировалось и окружающие предметы, начиная с по-прежнему стоящим передо мною противником, приняли прежние очертания. Если по-честному, то бой проигран, и на этом вполне можно остановиться, «обсудить ситуацию и перекурить». Понятно, что этот парень явно сильнее и техничнее меня, это не обсуждается, и это понятно! Понятно хотя бы потому, что он и применяет совершенно незнакомую мне технику, и то, что его исполнение этой техники гораздо выше моего исполнения моего технического арсенала. Но я не хочу сдаваться!

Александр ТАЮШКИН

Скучно, товарищи! Скучно! Может, предложить ему прекратить все это безобразие — ну, уж больно неравны наши силы, неинтересно! Это же ведь, то же самое, что по мешку бить! С той только лишь

разницей, что мешок не ходит вокруг тебя и не издает звуки! А в остальном — ну, никакой ведь разницы! Наверное, все, на самом деле хватит!

— Слышь, может, давай, на этом прекратим? — я скорее попросил, чем предложил парню. — Ведь, все же понятно! Давай лучше посмотрим, кто из нас какую технику знает! Давай на воздухе, а?

— Работай! — проскрежетал он сквозь зубы, бросаясь на меня в очередную свою длинную атаку.

— Ну, работать, так работать! — я лишь мысленно пожал плечами, и начал «отсушивать конечности», спокойно и методично отбивая летящие в меня прямые длинные удары внешним блоком сото укэ, лишь иногда, скорее для разнообразия, чем по причине технической необходимости блоком изнутри ути укэ. — Ага! Опять маэ! — Я легко повернулся на носках ног, плавно, и, в то же самое время, стремительно переходя из высокой дзэнкуцу в ура дзэнкуцу дати, и, понижая центр тяжести тела, одновременно с этим движением всей своей немаленькой силой, как будто прорубая боевым топором доспех противника, обрушил основание максимально сжатого кулака на бьющую в меня ногу!

Я успел услышать какой-то глухой утробный рев, вырвавшийся из глотки парня при ощущении им сильнейшей боли в ноге, правда, не слишком хорошо осознал услышанное. Автоматизм выполнения техники в поединке затвержен в подсознании раз и навсегда, до самого конца жизни и, видит Бог, я не хотел этого делать! Но подсознание «работало» по своей воле: мышцы тела, повинаясь «мышечной памяти», развернули корпус навстречу врагу и одним слитным скоординированным движением тела из положения гияку цуки воткнули ему в подбородок основание оттянутой назад раскрытой ладони. Я не понимал, что делаю даже тогда, когда моя одноименная с рукой нога вылетела по короткой дуге вверх, прошибая противнику висок через вытянутую вперед в ударе руку, еще до того как она, отдернутая назад отработанным рефлексом, пошла обратно на исходную позицию. Парень, так и не поняв, что же именно произошло, начал мягко оседать вниз, постепенно заваливаясь на бок. Вот такой «неосознанный» автоматизм срабатывания мышц и есть показатель мастерской подготовки бойца!

Сергей ОЛЕЙНИК

Я занимаюсь каратэ уже несколько месяцев, придя в группу Николая Мельничука «по блату» — за меня попросил его одноклассник, с которым мы вместе работали. До этого момента я еще не

встречал человека, который в поединке мог хоть что-нибудь противопоставить тренеру, хотя с визитами «дружбы» бывали у нас самые разные единоборцы. Были и боксеры, были и борцы, начиная от самбо, и заканчивая вольниками, но никому из них ничего с Мельничуком сделать не удавалось. Никому. Боксеры прекрасно умели бить руками, но они не знали техники ног. Если быть точнее, то умеющие бить боксеры никак не реагировали на наши ноги — они их просто «не видели». Если кто-нибудь из них «краем глаза» и отмечал поднятие перед ним колена у противника, то не обращал на это никакого внимания — они же привыкли, что ноги нужны только для перемещения, и поэтому твердо знали, что ими не бьют. А если ими не бьют — зачем, тогда, спрашивается, вообще реагировать на какие-то непонятные движения? Борцы же — те изо всех сил закрывались от бьющих рук и с первых же секунд боя рвались в ближний бой, чтобы сделать захват, бросок, стараясь перевести бой «в партер». Они более-менее умели защищаться от рук, но вот ноги для них тоже были «терра инкогнито». Поэтому поединка с нами не выдерживал никто. Но этот парень был и не боксер, и не борец. Он был такой же, как и мы сами, каратист. Но только более сильный, знающий, и более опытный!

Николай МЕЛЬНИЧУК

Постепенно вращающиеся вокруг меня стены приняли надлежащее им положение, и сквозь громадные стекла во всю стену окон в зал по-прежнему лился мягкий и слегка размытый начинающимися сумерками вечерний солнечный летний свет. Это было на самом деле странное ощущение — я лежал на деревянном полу, надо мной склонились встревоженные лица учеников — и полная тишина. Лишь беззвучно шевелились их губы, их руки тормозили мою одежду, но я ничего не слышал. Потом в голове что-то щелкнуло, и в одно мгновение как будто пеленающий меня кокон безмолвия разлетелся на мельчайшие — в пыль, осколки, и волна обыденных звуков оглушила меня внезапно нахлынувшей волной.

— Ты меня слышишь? — склонился надо мною поляк, оттолкнув кого-то из учеников.

— Слышу, — и я сам поразился, как глухо звучит мой голос.

— Ты как?

— Нормально. Что это было?

— Сидеть можешь? — не обратив никакого внимания на мой вопрос, переспросил меня незнакомец.

— А я то откуда знаю? — я пожал плечами. — Давай, попробуем!

Александр ТАНИЮШКИН

— Тебя как зовут то? — спросил меня лидер группы, когда мы всей группой — парень, надо сказать, оказался весьма и весьма здоровым, килограммов девяноста веса, подтащили его к стене зала и прислонили к матам, свернутым в трубочку в углу.

— Саша, — устраивая его поудобней, ответил я.

— А меня Николай. Давай, Саша, доведи уж тренировку до конца, раз ты такой опытный, а после мы поговорим.

— Хорошо, — согласно кивнул я. — Пусть будет так. — Кихон! — подал я команду построиться в ряды для отработки техники, но на нее никто не отреагировал.

— Что это ты такое крикнул? — переспросил меня Николай. — Что это такое?

— Это команда построиться в ряды для отработки техники.

— Да? Странная, какая то команда. Зачем это? Мог бы и просто сказать построиться.

— Это неправильно. Традиционно, в знак почтения к отцам-основателям, к тому, что каратэ пошло по миру из Японии, все команды на тренировках каратэ подаются только по-японски. Поэтому я и скомандовал на японском языке.

— Вряд ли в Москве большое количество людей знает японский, — скептически возразили мне.

— Да ничего страшного! Выучите. Знать основные команды — это же не язык целиком учить!

— Но тогда на тренировках дзюдо команды тоже должны подаваться по-японски, а на них все говорится по-русски, — насмешливым тоном возразил мне один из учеников. — Да и вряд ли кто-нибудь понял бы японский!

— Меня не интересует, как и на каком языке говорят на тренировках по дзюдо, — дипломатично начал я, — но если вы хотите начать тренироваться каратэ по-настоящему, то надо все делать так, как и во всем остальном мире!

— И, что, ты знаешь, как тренируются каратэ во всем мире? — таким же насмешливым тоном спросил меня тот же ученик. — Интересно, откуда?

— Я учился каратэ в Польше, а в ней учится много студентов из разных стран, которые у себя дома тоже занимались каратэ, — демонстративно не замечая его тона, ответил я.

Сейчас меня совершенно не интересовал ни вопрос победы в поединке с кем-либо, ни вопрос наказания неразумного наглеца, сейчас мне было важно установить контакты с людьми «одной со мной крови», с такими же, как и я сам каратистами. И для меня не

было важно, на каком уровне продвинутости в каратэ они находятся, главным было установить контакт!

— Алексей! — подал голос тренер группы, — отстань от человека! Даже если его познания в каратэ хотя бы в пару раз меньше, чем его уровень в поединке, то он уже для нас находка. Я пока не могу вести занятие, но в этом нет ничего такого — бой есть бой, и в нем всегда кто-то проигрывает. Саша доказал, что он лучше меня знает каратэ, у него более лучшая техника. Поэтому он сейчас и будет вести тренировку! А вы делайте так, как он скажет. Саша, начинай!

Юрий ВДОВИН

Я молча выслушал рассказ Николая. Не знаю, поверил бы я во все то, что он говорил — уж слишком невероятным было все то, что я только что услышал!

— Ну, судя по твоему виду, этот парень на самом деле что-то из себя представляет.

— Ага, — как-то без особого энтузиазма отозвался Николай. — И стиль у него совсем не такой, как у нас. У него настоящее каратэ!

— Хочешь сказать, что у нас не каратэ? Или, вернее, не настоящее каратэ? Или, может быть, что Сато-сан не японец? — сразу же перешел я в атаку.

Может быть, я не отреагировал бы на слова Николая с таким пылом, если бы в них не было правды, пусть даже не полной правды. Я занимаюсь у Тэтсуо Сато, у Сато-сана, как уважительно называла его вся без исключения группа. И этого человека есть за что уважать! Да, он принципиально занимается бесконтактным каратэ, в то время как сам я всегда тяготел к полному контакту, но, в то же время, он великолепно «выставлял» технику, и поэтому парни нашей группы безо всякого сомнения были самыми техничными бойцами Москвы. Но что такое каратэ без контакта? Так, что-то не слишком определенное, и сильно напоминающее «лебединое озеро»! В балете тоже есть высокие прыжки и амплитудные махи ногами, но от этого он не становится чем-то реальным и применимым в настоящем бою. А я, пришедший в каратэ из бокса, знаю толк, и кое-что понимаю в настоящем полном контакте! Вот поэтому-то я сейчас и взорвался, что почувствовал некий скрытый укор в словах своего ученика. Ведь, на самом деле, это разные вещи — применять полный контакт к изначально бесконтактной технике поединка, к тому же еще таким образом, чтобы об этом не узнал Учитель, и изучать настоящее контактное каратэ. Это разные вещи!

— Да нет, — после некоторого молчания отозвался Николай. — Все дело как раз в том, что у нас настоящее каратэ. Самое, что ни на есть настоящее! И Учитель настоящий, даже японец. Вот только это настоящее наше каратэ является настоящим бесконтактным каратэ! А я хочу заниматься настоящим контактным! Вот в этом-то все и дело!

— Ладно, отлеживайся, — сказал я ему, поднимаясь со стула, на котором сидел. — Оправишься, поговорим.

— Я могу привести этого парня на тренировку?

— Ко мне? А зачем?

— Ну, он же интересуется каратэ, ему интересно будет посмотреть еще и на твою группу.

— Зачем? Как человек он мне не интересен. Сам кёкушинкай — это молодая техника, искусственно составленная Оямой из корейских стилей и годзюрю, в ней нет ничего нового, и она по своей сути не может называться стилем каратэ. Только если по названию. Она мне тоже не интересна, поэтому я не вижу смысла в нашей встрече. Если этому твоему кёкусинкаевцу так хочется посмотреть на московские группы, то своди его к Подшеколдину. Он как раз годзюрю занимается.

Всю дорогу от дома Николая я размышлял о сложившейся ситуации, и об окружающих меня людях. Да, судя по всему, я на самом деле первый человек в нашей стране, кто открыл коммерческую секцию каратэ. Это произошло всего-то ничего, буквально несколько месяцев назад здесь, Тушине, и дело сразу же пошло на лад. Сейчас я счёл необходимым открыть еще несколько школ под руководством уже моих собственных учеников — спрос на изучение каратэ в нашем обществе был огромным. Школа Николая Мельничука была как раз из их числа. В самом начале у меня занимались десять человек, через два месяца — уже двадцать, а приблизительно через полгода у меня было уже порядка ста пятидесяти последователей. Нельзя сказать, что в Москве нет школ каратэ, хотя, конечно, они не встречаются на каждом углу, и распространены совсем не так, как те же секции бокса и борьбы. Но, тем не менее, школы были, и при желании их вполне можно найти, как находят их все по-настоящему этого хотящие. Но у всех этих школ каратэ есть один существенный недостаток, которого была лишена моя школа. Практически все школы московского каратэ исповедовали бесконтактное, спортивное каратэ по направлению WUKO. С такой постановкой вопроса были согласны далеко не все, и постепенно начало развиваться жесткое противостояние между спортивным бесконтактным каратэ WUKO — это аббревиатура по первым буквам названия международной федерации спортивного каратэ, и полно-

стью контактным направлением ведения поединка. В моей школе не было никаких ограничений, и, уж тем более, я не признавал никакой «бесконтактщины». Да и как еще могло быть иначе, если у меня был опыт занятий боксом! Я подхожу к делу с практической стороны, и на традиционную технику каратэ накладываю боксерскую базовую технику и манеру ведения боя. В итоге получается абсолютно реальная техника, которая идеально подходит не только для спортивных, но и для прикладных целей на той же улице. Другое дело, что при всем этом я прекрасно понимал, что тот гибрид, который у меня получился, никак нельзя назвать истинным, чистым и настоящим каратэ! — Что же делать, как быть? — в очередной уже раз снова и снова задаю я сам себе этот же самый вопрос.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Если честно, то отказ Юрки от встречи был для меня неожиданностью. Я почему-то был уверен, что он не только согласится увидеться с «поляком», но согласится с радостью. Наверное, только он сам думал, что его искания настоящей контактной техники каратэ и все его из-за этого метания от одной школы к другой были для окружающих «тайной за семью печатями». На самом деле это совсем не так, и все достаточно близко знающие его люди обо всем этом были прекрасно осведомлены. Все мы ищем, что-то свое, то, что максимально близко подходит каждому из нас, не просто какому-то типу людей, а именно и конкретно каждому. И я не исключение. В Москве есть одна такая школа, исповедующая только полный контакт, и при этом возглавляемая мастером, прошедшим школу обучения у настоящего японца. Мало того, что у японца с настоящим, полученным не где-нибудь, а в Японии, третьим даном черного пояса, так, к тому же еще, этот японец был самураем! Настоящим самураем и потомком древнего самурайского рода, а это не просто так! Но поскольку обучение каратэ шло в полном соответствии со всеми их средневековыми самурайскими традициями и особенностями, эта школа лично для меня была неприемлема!

Правильно говорят в народе, «что хорошо для русского, то немцу смерть»! Наверное, скорее всего, именно так же обстоит дело и с тем, что подходящее для японской национальной психологии, не слишком неприемлемо для русского человека. Ну, не могу я принять эту рабскую покорность воле старшего только потому, что он старший, это беспрекословное согласие с тем, что старший по рангу «всегда прав», да разве только одно это! У японцев столько их национальных и прочих изощренных азиатских примочек, что вся

моя анархистская по своей природе и национальным особенностям русская душа всеми фибрами противилась такому насилию! Я как-то раз был на тренировке в этой школе, посмотрел, как они в ней живут, и этого было вполне достаточно, чтобы ясно и отчетливо осознать и понять, что здесь я заниматься никогда не буду! Впрочем, это обстоятельство никоим образом не помешало мне иметь вполне дружеские отношения и с сэнсэем школы — Александром Подщеколдиным, и с другими его учениками, которых вполне хватало на то, чтобы обмениваться новостями из мира каратэ и обсуждать кое-какие отдельно взятые моменты техник. И именно с Подщеколдиным я и договорился о «визите вежливости» к нему на тренировку Саши Танюшкина.

Александр ПОДЩЕКОЛДИН

На первый взгляд этот парень вполне был очень даже ничего. В том смысле, что с фигурой у него все было в полном порядке. Широкие плечи четкой горизонтальной полосой доминировали над узкими бедрами, и вся эта конструкция очерчивалась правильным треугольником мощного торса. То есть, для европейца у него была идеальная спортивная фигура при среднем росте, доброжелательно улыбающееся круглое лицо, казалось, источало спокойное дружелюбие. Только вот глаза... Знаете, осознающего свои силы и поэтому уверенного в себе человека всегда выдают глаза — это мне в свое время вполне доходчиво на нескольких примерах убедительно показал еще Хасимото. «Глаза — зеркало души» — известное и распространенное в России выражение, но именно Хасимото впервые показал мне, как на практике применять это умение.

— Вот, смотри, — говорил он мне. — Вы, и европейцы, и русские, такие наивные, что думаете, что вас либо не понять, либо понять трудно. Но вас всех можно спокойно различить и по лицу, и по походке, в общем, по вашему внешнему виду. Вы просто себя со стороны не видите. А вы, русские, настолько отличаетесь от иностранцев, что вас элементарно определить! Смотри человеку в глаза! Человек может выглядеть внешне абсолютно расслабленным, но если ты посмотришь в глаза, то сразу поймешь его состояние. У русских глаза — всегда собранные. Как бы русский человек внешне не выглядел, его глаза готовы в любой момент собрать всё тело в кулак и отразить неожиданную атаку. И сразу же после этого немедленно атаковать самому. У русских глаза никогда не расслабляются, а от них и все тело у вас всегда в полной боевой готовности. Вы — воины в душе и в жизни. Вы потому и смогли победить нашу Квантун-

скую армию, что вы воины, вы всегда готовы к смертельной схватке и защитить себя.

Вот так и здесь — у этого парня были глаза уверенного в себе бойца.

— Привет! — сказал я и замолчал, ожидая его ответа.

— Здорово! — спокойно ответил он и тоже замолчал.

— Понятно, — подумал я, — не прост!

— Значит, ты тот самый Саша из Польши, что занимается кёкусинкаем?

— Да, тот. А ты тот самый Саша из Лумумбы, что занимается годзюрю?

— Да вроде бы, тот самый, — усмехнулся я правильности своего предположения, что парень очень даже совсем не прост. — Поработаем и познакомимся?

— Да можно, конечно и так. Хотя, обычно люди сначала все-таки знакомятся!

— Ну, так же поступают обычные и нормальные люди! А с каких это пор каратисты стали считаться нормальными людьми?

— Ты, Саш, конечно, волен оценивать себя как угодно, но лично я в себе никаких отклонений от нормы не замечаю, — ответил гость, неторопливо стягивая с себя одежду.

— Что ж, тебе виднее. Но ты знаешь, у нас работают в полный контакт, — как бы невзначай и промежду прочим негромко сказал я, краем глаза отслеживая реакцию гостя на это известие.

— А что, в Москве есть еще и группы, занимающиеся бесконтактным каратэ? — даже как-то безразлично, вроде как «для порядка» и чисто формально поинтересовался он.

— Есть. Куда же без них то? — я даже сам удивился, насколько безрадостным тоном произнес эти слова. А как еще можно иначе, если я знал, что непримиримые противоречия между сторонниками спортивного и традиционного направления в каратэ привели к полному разрыву отношений? И сейчас мне хотелось узнать, что же думает об этом мой гость — я почему то считал, что, живя в Польше и свободно общаясь в ней с иностранными студентами, он знает о ситуации в каратэ гораздо больше, чем я сам. — Ладно, прикинул я, — сейчас поработаем, посмотрим на него в деле. Надо самому выяснить, насколько, уже порядком мне надоевшие, слухи о каком-то никому в наших достаточно узких кругах неизвестном «мастере из Польши» на самом деле соответствуют действительности. А потом посидим в «Красном уголке», — решил я, — посмотрим, как он пьет и как у него с «внутренней силой». А заодно он и информацией о всем том, что происходит в мире каратэ расскажет! Так, — прикинул

я, — Иван! — окликнул я старосту группы. — Дай указание кохаю, пусть соберет у людей по рублю и двигает в магазин. В общем, сам все знаешь. Вперед!

Александр ТАНЮШКИН

Я с некоторым недоумением воспринимал все происходящее в этой группе. Нет, с одной стороны, все было нормально, точно так же, как и в группе Николая, и в группе его тренера Юрия Вдовина. А с другой, здесь было совсем не так. Я сразу же обратил внимание на жестко подчеркиваемое различие между членами группы, между младшими и старшими учениками, между кохаями и сэмпаями. Глава же группы, сам Александр Подшеколдин, вообще стоял особняком и был вне всех этих категорий, и любые его слова, пожелания и прямые указания исполнялись незамедлительно и беспрекословно. Вообще в группе царил дух железной дисциплины и такой же стальной иерархии. Скорее всего, именно что-то из этого мне и не понравилось. Нет, я за дисциплину и порядок на тренировке, это — без разговоров! Но дисциплина бывает разной. Есть дисциплина вышколенной элитной гвардейской части, а есть порядок поведения в исправительной колонии строгого режима. Это разные виды подчинения, и почему-то мне кажется, что группа Подшеколдина была более близка ко второй разновидности!

— Что-то не так? — спросил меня он, сразу же обратив внимание на то, какими я «круглыми» глазами наблюдаю за тем, как кохаи — самые младшие ученики группы старательно моют пол зала в то самое время, как старшие ученики расхаживают по нему в грязной обуви, оставляя на досках пола отчетливые следы. При этом кохаи, не возмущались, и даже как бы не замечали — тут же снова замывали.

Услышав обращенный ко мне вопрос, я развернулся к тренеру и, показав пальцем на младших учеников, только и смог спросить: «А это что такое?»

— Что именно? — сделав вид, что не понял вопроса, переспросил меня Александр.

— Вот это! — я снова показал на моющих пол учеников.

— Это перед тренировкой моют полы. Тренироваться надо в чистом зале!

— Что моют пол, это я вижу! Зачем другие ходят в обуви по вымытому полу?

— А что, нельзя? — мне показалось, что Подшеколдин произнес эти слова с какой-то иронией и даже скрытой издевкой.

Я внимательно посмотрел Подшеколдину в глаза, как бы пытаюсь рассмотреть в нем что-то другое, скрытое от остальных, молча пожал плечами и сказал: «Ну, если человек сам позволяет над собой издеваться, то это его личное дело. Но я не понимаю, как можно гордиться тем, что ради своего удовольствия ты унижаешь других?»

— Ты, Александр, что-нибудь слышал о психо-физической подготовке воина? — со вздохом спросил Подшеколдин.

— Только не надо мне говорить, что, заставляя других унижаться, ты тем самым тренируешь их выдержку, — ответил ему я.

— И выдержку, и эмоциональную устойчивость, и даже смирию гордыню. Все эти качества в своей совокупности, плюс физическая мощь, высокие моральные и этические принципы как раз и формируют характер настоящего бойца. А если к этому добавить еще виртуозно отточенный и богатый технический арсенал, то это будет слепок истинного мастера.

— И кто это тебе все рассказал? — не удержался от сарказма теперь уже я.

— Эйги Хасимото! — не обращаю на мою иронию никакого внимания, ответил Подшеколдин.

— Черт возьми, как тесен мир! — не удержался я от восклицания.

— Что такое?

— Да встречался я в Польше с одним учеником Хасимото. Редкий был ублюдок!

— Да, и как?

— Глубокий нокаут. Хотя, не спорю, парень был неплох и весьма техничен.

— И, что же, это ты его нокаутировал?

— Нет, это был Ян Дидух, мой ученик.

— Хорошо, — после некоторого молчания, как бы в раздумье, ответил Подшеколдин. — Я думаю, что сегодня уже у тебя будет возможность поработать с другим учеником Хасимото. Посмотрим, как тебе повезет.

— Александр! Ты, что, на самом деле решил, что у тебя со мной что-нибудь выйдет?! Даже и не надейся!

— Ты лучше разомнись как следует.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Как там было у Джека Лондона в «Мексиканце»: «...здесь дело в личных счетах». Хотя когда эти два Александра успели их «поймать» друг друга, я так и не понял — вроде бы они только что и прямо на моих глазах познакомились! Не считать же, на самом деле, поводом

для ссоры только лишь то, что кто-то там когда-то, пусть и достаточно недавно, из школы учителя Подщеколдина проиграл поединок кому-то из школы наставника Танюшкина! Ерунда какая-то! У нас, в Москве, такие проигрыши-выигрыши почти каждую неделю происходят, и никто из-за них никого на дуэль не вызывает! А то, что сейчас здесь между этими двумя Александрями произойдет самая настоящая дуэль, по самым, что ни на есть настоящим жестоким и неумолимым правилам «боя на вынос» ни я, ни Танюшкин с Подщеколдиным, да и вообще никто из присутствующих не сомневался.

Судьей поединка выбрали меня.

— Хадзимэ!

И это на самом деле были «лед и пламень»!

Александр ПОДЩЕКОЛДИН

Разумеется, ничего другого я и не ожидал! Кёкусин, он и в Африке кёкусин! Такая же разболтанная, почти «а-ля боксерская» высокая стойка с минимальными признаками низких классических стоек настоящего японского каратэ, никаких признаков «иккен но хиккэцу» — работы на поражение насмерть всего одним-единственным ударом, с обильным предложением вместо этого частых, но легких ударов руками, правда, вот еще раз, уклон — уйти от очередной маваси в голову, частая и на удивление хорошая работа «высокими» ногами. — Ладно, — усмехнулся я «про себя», — посмотрим, как ты сейчас будешь себя чувствовать! Что такое кёкусинкай, что такое этот новомодный сейчас кикбоксинг Бэнкса, Норриса и Валера, кто там еще из его отцов-основателей — что они могут противопоставить настоящему классическому традиционному японскому самурайскому боевому искусству?! Лови!

Александр ТАНЮШКИН

Надо же, как манера боя этого парня похожа на ту, которую я видел у Кучиньского! Ну, просто один в один! Наверное, все-таки, правда, что этот Саша обучался у того же самого японца, что и тот поляк. Тем хуже для Саши! Он-то наверняка считает, что его техника и манера боя будут для меня новинкой и полной неожиданностью. Какое жестокое его ждет разочарование!

Я спокойно «вальсировал» вокруг также легко двигающегося вокруг меня «самурая» и спокойно уходил от всех его атак, ожидая того «момента истины», когда он все-таки будет вынужден подняться из низкой стойки и выпрямить ноги. В этот самый момент я и пла-

нировал «высечь» его той самой круговой подсечкой пятки под обе ноги, идея которой пришла мне в голову совсем недавно, а потом добить лежащего на полу противника прямым ударом кулака сверху. Но шло время, мы перемещались вокруг друг друга по замкнутым траекториям, я периодически прощупывал оборону противника легкими, в принципе, совершенно безобидными и ни на что не претендующими ударами рук, и ничего не происходило. Через какое-то время я осознал, что мой противник уже давно побил все рекорды нахождения и перемещения в низкой классической стойке, который был поставлен в нашей краковской секции славящимся своей физической мощью Яном Дидуком. — Черт возьми! — подумал я, — вот это на самом деле сюрприз!

Я посмотрел на Сашу, но он совершенно не выказывал никаких признаков усталости и, судя по всему, совершенно не собирался подниматься вверх. И в этот момент он взорвался.

Александр ПОДЩЕКОЛДИН

— Пожалуй, пора! — решил я и демонстративно атаковал своего противника таким образом, что линия моей атаки шла явно мимо его тела, под углом и как бы по касательной по отношению к нему. Естественно, что он не то чтобы не обратил на это внимания, конечно, обратил, но просто не счел нужным реагировать на это явно ничем не угрожающее ему движение. Я даже скажу больше — он сознательно дал мне уйти ему вбок, чтобы попытаться свалить подсечкой — я понимал, что в сложившейся ситуации только это техническое действие должно возыметь эффект. Понимая это, я видел, как он примеривается ее провести и сейчас только выжидает подходящего момента.

«Да, парень, — мелькнула мысль, — сейчас тебе будет совсем хорошо!»

И это было последнее, о чем я подумал перед ударом — мощным, всеми мышцами плечевого пояса с включением «закрутки» бедра, с громким, оглушительным ревом «киай» — так, как и учил Хасимото. Этот сделанный из дзэнкуцу дати боковой выпад кулака в голову — «цзюнцуки», был совершенно безупречен — я отчетливо почувствовал, как кентосы так, как и надо, под прямым углом, воткнулись в голову противнику. Саша даже не среагировал на удар — он его просто не видел, и все было именно так, как и задумывалось великим Гогеном Ямагучи, автором этой комбинации из перехода и удара. Но..., но ничего не произошло. Мой противник не был первым человеком, который на себе, «на своей шкуре» про-

чувствовал мощь этого технического действия, можно даже сказать, что это моя «коронка», моя любимая атакующая комбинация, и все мои противники после нее падали без сознания в глубоком нокауте. Но этот парень по-прежнему стоял на ногах! Я отчетливо видел, что это «стояние» не было тем легким раскачиванием на «полусогнутых», которым качается нокаутированный противником боец! Нет, это было твердое, абсолютно нормальное и прекрасно осознаваемое им состояние, а уж я-то в этом разбираюсь! Больше я ничего ни подумать, ни, тем более, удивиться не успел. Просто потому, что в следующую же секунду мне пришлось использовать весь свой арсенал, все свои знания и всё свое умение для защиты от ответной шквальной атаки Александра его ногами.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Я сам хорошо работаю ногами. Вернее, я так считал, что хорошо, «свободно» работаю — легко, высоко, делаю абсолютно весь каратистский ударный арсенал и бью ногами по любым траекториям. И вот сейчас я видел, КАК надо работать ногами! Причем, было абсолютно ясно, что этот Саша никого сейчас ничему специально не учит, и «показушную» технику ног никому не демонстрирует. Он сейчас просто «по-настоящему» работает ногами в поединке. Так, как и надо работать ногами специалисту каратэ. Вообще, удивительным было уже то, что он просто устоял на ногах после проведенного Подшеколдиным удара — мне неоднократно приходилось наблюдать, как после него люди падали и очень долго не могли подняться. А этот еще и начал массированную темповую атаку. Знаете, трудно пересказать все то, что я сейчас вижу — любое перечисление ударов, летящих в Подшеколдина со всех сторон! Все эти круговые в голову с разворота и без оно, перемежающиеся круговыми подсечками то под «переднюю», то под «заднюю» ногу, то под обе ноги одновременно. Все эти легкие после них выпрыгивания в высокую стойку с практически одновременным нанесением прямых и боковых ударов, и все в голову — все это будет только лишь сухим перечислением выполненных техник! А для того, чтобы оценить красоту поединка, его надо все-таки видеть непосредственно, вблизи!

Александр ТАЮШКИН

Я четко пропустил этот удар. Противник скользнул по диагонали в сторону, так, как если бы он хотел зайти мне за спину, и я уже понизил центр тяжести, собираясь в приседе крутнуться вокруг

своей оси и круговым движением стопы высечь изнутри опорную ногу Подшеколдина. И в этот самый момент он и ударил! Удар был направлен точно в висок, так называемый «удар в мозг», хотя этим термином боксеры именуют круговой удар по крыльям носа. Но в этот момент, подготавливая подсечку, я немного присел, и кентосы Подшеколдина со всей силы врезались не в мозг, легко проминая тонкую височную кость, а воткнулись в толстую кость свода черепа, к тому же, скользнув по ее закруглению. В общем, нокаута у него не получилось, хотя он его и хотел изо всех сил и концентрирующий крик «последнего удара» «киаай» Подшеколдин не прокричал, нет, а как и положено, проревел. На меня этот удар произвел, скорее, обратное, чем желаемое Александром действие — я как бы страхнул с себя сонливое оцепенение, «проснулся», разозлился, и начал массированную атаку ногами.

Очень быстро я понял, что имею дело с по-настоящему сильным, опытным и техничным бойцом, который, к тому же, совершенно не боялся ударов в полный контакт с максимальным «вложением».

— Наверное, — мелькнула мысль, — с ним Хасимото занимался отдельно, индивидуально, и совсем не так, как со всеми остальными своими учениками!

Я «расстреливал» своего противника изо всех сил, буквально сметая его мощными ударами ног «с проносом», но Саша или брал их на блоки, которые хоть и сотрясали его тело, но все-таки сдерживали мощь атак, либо Подшеколдин каким-то совершенно непостижимым для меня образом ухитрялся от них уворачиваться.

— Ладно, пора заканчивать! — Я показал длинный передний удар рукой в подпрыжке к противнику, всем видом давая понять, что это на самом деле «обманка», и бить я на самом деле буду круговой удар с разворота ногой в голову. Подшеколдин тут же среагировал, развернувшись в сторону атаки и заранее поднимая вверх в жестком блоке скрещенные и сжатые в кулаки руки.

— Все, парень. Попался!

Колено левой ноги взлетело вверх, имитируя замах на круговой удар, по лицу Подшеколдина скользнула еле заметная легкая улыбка понимания и удовлетворения от разгаданного им моего технического действия. Улыбка «заиграла», да так и осталась на его губах. Колено мгновенно развернулось, стопа полетела вниз, а другая, ударная нога, пошла вверх в тоби ёко гэри. Я пулей вылетел в прыжке вверх, так, что мои колени были точно на уровне плеч противника, и с криком «киийя!» одним резким «выстрелом» воткнул пятку и ребро стопы глубоко в тело, прямо в подреберье Александра.

Александр ПОДШЕКОЛДИН

Я на самом деле поверил, что он будет бить тоби усиромаваси гэри в голову. И для этого были все основания! То, что это будет боковой удар ребром стопы в корпус — на самом деле мощный и проламывающий любую защиту даже с самыми что ни на есть жесткими блоками кулаками, я понял только лишь тогда, когда пятка Александра соскользнула с нижнего плавающего ребра и погрузилась глубоко в мою печень. Адская боль пронзила все тело, в глазах моментально потемнело, и я упал на одно колено. По большому счету, в такой позиции и в такой ситуации пару-тройку столетий назад японские самураи заканчивали бой еще одним последним ударом меча, сносящим противнику голову, а средневековые европейские рыцари исключительно из чувства гуманизма и человеколюбия, приканчивали своих соперников ударом мизерикордии. Наверное, я в такой ситуации поступил бы примерно так же, как и они, тем более, что и Хасимото всегда вдальбивал мне, что в бою нет места жалости, и что поверженного противника обязательно необходимо добить. Поэтому, если бы этот Саша сделал еще один, последний завершающий удар, навывнос, наповал, то я не держал бы на него зла или же обиды — бой есть бой, а на войне, как на войне! Но Саша его не сделал. Он просто отошел на несколько шагов в сторону и спокойно ждал, когда я окончательно приду в себя.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Нокауты бывают разные. В боксе иногда бывает, что легкий, но хлесткий и быстрый удар, не несущий никакой разрушительной силы, дает те же самые последствия, что и сильный, мощный, «глубокий» удар, заканчивающийся далеко за передней границей цели. Такие, с проносом, удары обязательно что-то разрушают и ломают, а быстрые и хлесткие в голову только вызывают сотрясение мозга. Но это в боксе. У нас же, в условиях работы голыми кулаками, понастоящему сильный удар всегда и обязательно является причиной травмы. Что уж здесь говорить об ударе босой ногой! В общем, это был настоящий нокаут. Тот самый, после которого в боксе запрещают полгода выступать на соревнованиях, и как минимум пару часов рекомендуется спокойно полежать. Но Подшеколдин плюнул на эту необходимость, и, сделав нам приглашающий следовать за ним знак рукой, медленно поплелся в соседнюю с залом комнату.

— Иван! — обратился он к старосте группы, — начинайте разминку. И вообще, проводи сегодня тренировку сам.

— Рассаживайтесь, — он показал на стоящие вокруг длинного стола, мягкие стулья. — Иван! Почему не приготовлена сайонара?

Александр ТАЮШКИН

Я с удивлением смотрел на Подшеколдина, открывающего бутылку какого-то молдавского портвейна, и не верил своим глазам.

— Это что еще такое?

— «Негру дю Пуркарь». Самый лучший молдавский марочный портвейн.

— Да я вижу, что портвейн! А зачем он здесь?

— Обычно портвейн пьют. Хотя на некоторые марки из-за их цены можно только любоваться. Да и то издали и через стекло витрины. Но этот мы выпьем. Рекомендую. — Александр взял один из стоящих на стеклянном подносе донышками вверх стакан, и до половины наполнил его, действительно ароматным, вином густо-рубинового цвета.

— Послушай! — происходящее начало меня немного забавлять. — Ты можешь мне ответить, какое отношение этот портвейн имеет к каратэ?

— Могу. Видишь ли, сила человека определяется не только уровнем развития его мышц, а мастерство заключается не только в качестве отработки технического арсенала. Есть еще такое понятие как «ки». Что-нибудь слышал об этом? — с этими словами Александр неторопливо наполнил второй стакан и подвинул его Николаю, явно приглашая выпить.

— Ты знаешь, я ничего не слышал о «ки», но все равно никак не могу понять, какое отношение каратэ имеет к литрболу? — я постарался, чтобы в этих словах как можно явственней прозвучали иронично-саркастические нотки.

— Я правильно тебя понял, что ты не хочешь выпить вместе со мной? — вместо ответа спросил Подшеколдин.

— Правильно.

— Ну, а ты? — он повернул голову к Николаю.

Николай посмотрел на стакан с вином, покосился на меня и отрицательно замотал головой. — Нет, я тоже не буду.

— Ну, как вам угодно, настаивать не буду. А я выпью. Тем более, что мне этой сейчас совсем не помешает.

— Я думаю, что как раз сейчас то этого делать и не стоит, — осторожно попытался я возразить ему. — Ты бы поберег печень. Ей и так сегодня досталось!

— А! — только махнул рукой Александр, — ничего ей не будет! Да,

что вы стоите, присаживайтесь! Не хотите пить — ваше дело, но компанию составьте.

— Хорошо. — Мы с Николаем сели за стол.

— «Ки», — после некоторого молчания прервал его Подщеколдин, а также уровень мастерства, определяется не только внешними физическими кондициями. Каким то критерием может служить и общий морально-психологический настрой, настрой на конкретный поединок, безоговорочная вера и полная уверенность в собственной победе, но это все наносное. Как это ни странно, основным критерием истинного мастерства служит умение выдерживать алкоголь. Или, если быть точнее, то способность организма нейтрализовывать его вредное воздействие, что возможно только с помощью «ки».

— Ты хочешь сказать, что мастерство определяется не техникой, ни физическими кондициями, а умением пить и не пьянеть? — улыбнулся я.

— Да. Но я не говорил просто о мастерстве, я говорил об истинном мастерстве, — Подщеколдин сознательно выделил тоном слово «истинное». — А это разные, это совершенно разные вещи!

Я стал неторопливо одеваться, краем глаза наблюдая, как Александр неторопливо наливает себе очередной стакан портвейна.

— Знаешь, я не считаю себя мастером, поэтому, пожалуй, остановлюсь на достижении просто мастерства. А об истинном, или каком там еще мастерстве, я пока думать не буду! Это позже. После достижения обычного мастерства!

— Тому не надо черта искать, у кого черт за спиной сидит! — ответил мне Александр цитатой из Гоголя.

— Не понял, поясни!

— Зачем стремиться к обладанию того, что ты уже имеешь?

— Ты хочешь сказать, что я уже мастер?

— Истинное мастерство недостижимо. Но если ты честно посмотришь правде в глаза, без какого-либо самоуничижения, вспомни хотя бы сегодняшний бой, то тогда ты неизбежно придешь к выводу, что ты уже достиг мастерского уровня — в смысле физических и технических кондициях. Пойми, в задаче стать мастером есть разные этапы! Сначала надо достичь определенных кондиций тела. Потом, или параллельно с этим, достигается определенный технический уровень. Многие часто считают, что это и есть истинное и настоящее мастерство. На самом деле, это не так. Это только промежуточный этап, одна из ступеней лестницы, что ведет наверх, к истинному мастерству! Как только тренировки дали результат в области физических кондиций, то перед человеком сразу же ставится следующая задача.

— И кем же она ставится? Уж не Господом ли Богом? — я начинал сознавать, что перестаю всерьез воспринимать своего собеседника. Парень он, может быть и неплохой — пока не знаю, боец точно хороший, сам, как говорится, проверял, но вот, что касается всего остального, то здесь у меня сомнения! Я имею в виду систему его мировоззрения как характеристику состояния мышления, или, в просторечии, степень здоровья «головы».

— А что есть Бог? Ты сможешь формулировать определение, что это такое, или кто он такой?

— Бог? — я запнулся. — Ну, Бог — это нечто такое, — я неопределенно развел руками вокруг.

Подщеколдин, насмешливо глядя на меня поверх края, уже неизвестно какого по счету стакана, спокойно ждал, когда же я сформирую ответ.

— Не трудись, — наконец пришел он мне на помощь. — Умы лучше, чем мой и твой вместе взятые, не могли сформулировать это определение. Да и не поминай имя Господа все, не надо! Просто прими на веру то, что я тебе сейчас скажу. Или, не прими, и проверь. Но в этом случае тебе придется это проверять очень долго, может быть, до конца жизни. И, скорее всего, эта проверка и приведет тебя к необходимому тебе выводу.

— Ну, ну, — не слишком определенно хмыкнул я. — Хорошо, говори, слушаем.

— Так вот, — продолжил Александр. — Когда задача достижения, так сказать, «промежуточного мастерства», выполнена, то перед учеником встает еще более трудная задача следующего этапа роста его мастерства и личности. Она очень трудная, но обязательно встанет перед учеником! Истинное мастерство невозможно наработать обычными методиками. Поэтому ученику следует искать иные пути его достижения. Если он найдет их, то станет настоящим мастером, если нет, то он так и останется только лишь подмастерьем, хотя, не спорю, окружающие его люди, не знакомые с боевым искусством, будут искренне считать его мастером этого самого искусства. Выбор — за тобой! Подумай об этом как-нибудь!

Александр остановился, перевел дух, глотнул из стакана.

— Ладно, я сказал вам все, что хотел! Если у вас будут мысли на этот счет, то я всегда буду рад выпить с вами что-нибудь вкусное и полезное для вашего роста в поисках мастерства. Был рад увидеться и поработать! — С этими словами Александр протянул свою руку.

— Тогда ответь мне на прощание на один вопрос, — я пожал его руку и чуть задержал ее в своей ладони.

— Спрашивай.

— Ты помнишь тот удар в голову, который ты сумел нанести мне?
— Конечно. Я весьма удивлен, что ты сумел остаться на ногах.
— Случайность. Я просто успел подсесть под него, и ты попал не в висок, а по черепу. А так, по идее, ты должен был разбить мне череп!

— Да, — пожал плечами Подшеколдин. — В общем, такая комбинация и задумывалась. Иккен но хиссецу — одним ударом наповал!

— То есть, — не поверил я своим ушам, — ты осознавал, что этим ударом можешь убить меня, и, тем не менее, сознательно сделал именно его?!

— А, ты об этом! — Подшеколдин произнес эти слова таким тоном, что мне сразу стало ясно, какую «мелочь» я его спрашивал.

— Ну, ну! — подбодрил его я.

— Да все очень просто, я даже не понимаю, почему ты об этом спрашиваешь! — вдруг взорвался он. — Да потому, что я об этом даже и не думал, мне это было безразлично!

— Безразлично! Убить безразлично? — в который уже раз за этот день не поверил я своим ушам.

— Как мне надоели спортсмены! — вдруг каким-то, почти плачущим голосом, произнес Александр. — Как вы мне все надоели! Никто из вас, никогда, не сможет понять того, чем вы исподволь занимаетесь! Вы превратите каратэ в очередное спортивное единоборство, вы так же деградируете его, как деградировали когда-то на самом деле боевые виды дзю-дзюцу, вы превратите в профанацию все то, к чему прикасаетесь! Вы никогда не сможете понять, что для настоящего воина совершенно не важны последствия его поступков. Именно этим воин и отличается от спортсмена!

— А если бы тебе это удалось? Куда бы ты тогда дел мой труп?

— Зачем думать о том, что еще не произошло? Вот, когда труп бы был, тогда бы мы об этом и подумали.

Я смотрел на Подшеколдина, и никак не мог понять — то ли он просто вдребезги пьян, то ли он на самом деле свято верит во всю ту чушь, очень опасную чушь, которую сейчас несет.

— Ладно, Саш, — сказал ему я, — нам пора. Как-нибудь, мы еще зайдем!

— Ага. Счастливо! — мотнул он головой на прощанье.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Мы молча шли сквозь опустившиеся на город сумерки, и оба не замечали, что дорога освещена только лишь ночными фонарями.

— Ну, что скажешь? — спросил я Александра.

— Сложно. Искать путь достижения истинного мастерства через алкоголь? — он остановился, и в упор посмотрел на меня. — Ты знаешь, я такого пути не понимаю! Я знаю, что я не дурак, но я искренне тебе говорю, что я этого не понимаю. Хотя, надо отдать ему должное, он очень неплохой специалист!

Я видел, что Танюшкин специально и сознательно избегает применять выражение «мастер», хотя оно у него так и вертится на языке.

— Да, он хороший специалист, — чуть помолчав в ожидании, что еще скажет Александр, но так и не дождавшись этого, продолжил я. — Я бы даже сказал, что он настоящий мастер, скорее всего, единственный в Москве, кого можно назвать именно так.

— А как же Сато?

— Сато другой. Сато совсем другой, он спортсмен, чистый спортсмен, а Подшеколдин всегда говорил, что спортом не занимается.

— Если он не занимается спортом, то чем же тогда он занимается? — в голосе Александра явственно слышалось неприкрытое удивление.

— Он занимается боевым искусством. Он занимается каратэ не как видом спортивного единоборства, а именно как разновидностью реального боя. Как умением убивать голыми руками. В его понимании, вернее, в понимании его учителя, Хасимото, человеческое тело точно такое же оружие, как винтовка, автомат или же нож с мечом. Руки и ноги — это оружие без оружия. Вот и все отличие!

— Тогда мне понятно, почему он бил этот удар именно насмерть, не задумываясь о последствиях! Но если он так будет продолжать и дальше, то рано или поздно, он обязательно плохо кончит! Современная Москва совсем не то место, где можно применять свои руки и ноги как оружие, это ему не средневековая Япония! А сам Подшеколдин — совсем не самурай с двумя мечами и с правом на безнаказанное убийство простолюдина!

— Ты на днях уезжаешь обратно? — чуть помолчав, спросил я его, хотя прекрасно знал, что это именно так.

— Да, послезавтра. Но я обязательно приеду сюда через полгода, на зимние каникулы. Ты к этому времени найди какой-нибудь зал, и мы обязательно продолжим наши тренировки.

Андрей ДРЕВНЯК

Перед выездом из Москвы Саша позвонил мне домой и сообщил дату прибытия. Мы всей секцией в качестве встречающей делегации стояли на продуваемом всеми ветрами, еще по-летнему теплы-

ми, на перроне краковского вокзала в ожидании прибытия варшавского поезда. Вереница вагонов, лязгнув металлическими буферами и буксами, наконец-то тяжело остановилась, и в дверном проеме появилась его характерная, только ему одному присущая фигура.

— С приездом, Александр! — опередив всех остальных и плюнув на субординацию, ломающимся подростковым мальчишечьим голоском крикнул ему Збышек.

— Спасибо, воробышек! — непонятно почему Александр всегда звал Збышека именно этим словом. — Как твоя ёко гэри? Освоил?

— Ага! — И Збышек, не обращая никакого внимания на всех остальных людей на перроне, с гордостью проделал несколько ударов ногой по воздуху на уровне головы.

— Молодец, Збышек!

Александр спустился вниз, и начал пожимать руки всем его встречающим.

— Ну, что, Саш! Есть ли жизнь на Марсе?

— Этого я, Анджей, не знаю. Но вот каратэ в СССР точно есть! Лично проверил!

— Отлично! Сейчас едем ко мне домой, вещи у меня бросишь, и в твою любимую ресторацию! Все давно заказано, «Выборова» вот-вот скиснет! Там обо всем и расскажешь.

Юрий ВДОВИН

Николай позвонил мне в воскресенье где-то в начале одиннадцатого утра и предложил сразу после обеда подъехать к нему на Сокол попить пива «с настоящим астраханским лещом», прозрачно намекая, что одной только рыбой дело не ограничится.

— Юра, подъезжай, не пожалеешь! Посидим, поговорим, заодно и ситуацию обсудим.

С одной стороны, пить пиво мне не слишком хотелось. С другой, мне на самом деле было что обсудить с Мельничуком. Наш мир адептов каратэ, несмотря на то, что занимающихся им с каждым месяцем становится все больше и больше, достаточно тесен и узок. Кроме того, увеличивается лишь общее количество учеников, тех, кто только-только начинает познавать тайны поединка. А количество инструкторов, тренеров, то есть, тех, кого в действительности можно назвать Учителями, остается по-прежнему неизменным. И все мы, тренеры, инструкторы, друг друга знаем. Конечно, настоящих мастеров среди нас практически нет, разве, что Сато-сан может называться таким Учителем, да Учитель Подшеколдина Хасимото

бесспорно имел такой уровень. Ну, может быть, и сам Подшеколдин в какой-то мере может претендовать на это звание, да, в общем, и все! Больше таких настоящих весомых величин среди нас нет! Лично я сам себя определяю лишь в качестве инструктора, тренера. Но ни в коем случае не как Учителя. Так вот, в не слишком широком мире каратэ все тренеры либо лично знают друг друга, либо слышали и прекрасно осведомлены, пусть и в «общих чертах», что происходит у коллег нового и интересного. Поэтому известие сначала о появлении «Саши из Польши» в зале Мельничука, а потом и о его поединке с Подшеколдиным вот уже с месяц как будоражило нашу «общину». Этот поединок обрастал все новыми и новыми подробностями, часто весьма фантастическими, и я был совсем не прочь поговорить обо всем этом, если не с участником, то с непосредственным свидетелем боя.

Буквально через пять минут после звонка Николая, мне позвонил староста группы Виктор Фомин, явно за что-то на меня рассерженный. И я воспринял этот звонок за знак. Я не дал ему сказать ни слова.

— Виктор, бери с десяток бутылок «Жигулевского», и в два часа дня встречаемся в центре зала метро «Сокол». Познакомлю тебя с интересным человеком, не пожалеешь!

— Может, нам лучше поговорить без пива.

— Без тебя разберусь, что нам стоит делать. Приезжай, буду тебя ждать, и не опаздывай!

Я прекрасно понимал, из-за чего Виктор так взбудоражен. Не из-за денег, нет! Хотя обучение в моей группе и стоило каждому ученику семь рублей в месяц — достаточно весомые деньги при среднемесячной зарплате в сто двадцать рублей, и староста платил точно так же, как и любой другой, но у Виктора были ко мне претензии по другим вопросам.

Виктор был настоящим, если так можно выразиться, классическим фанатом каратэ, готовым отдавать ему всю свою жизнь. При этом он умудрялся быть фанатиком в музыке, успешно обучаться в Консерватории, что было всегда для меня полнейшей тайной «за семью печатями». Я же, будучи таким же приверженцем каратэ, отношусь к нему все-таки спокойнее, понимал, что за пределами спортивного зала клокочет прекрасный и очень интересный мир. Вот почему я позволял себе время от времени «манкировать» своими обязанностями тренера, в угоду, на мой взгляд, более интересного мероприятия, пропускать тренировки. Виктора же такое положение дел категорически не устраивало, и время от времени он даже пытался «серьезно» поговорить со мной для «наставления на путь

истинный». Обычно я отмахивался от его попыток исправить ситуацию. Но сегодня я каким-то «шестым чувством» понял, что разговор лучше всего не откладывать, встретиться с ним и перевести разговор в другое русло, «спустив» таким образом «пар» недовольства. Благо, что повод для этого представлялся стопроцентным.

Виктор ФОМИН

В назначенное мне время, морщась от периодически раздающегося из сумки перезвона пивных бутылок, я стоял в центре зала метро «Сокол». Вдовин появился минута в минуту, что на него в последнее время было не слишком похоже.

— Пошли, — коротко кивнул он мне, с удовлетворением покосившись на чуть позвякивавшую от вибрации проходящих мимо поездов сумку. — Сегодня будет обалденная встреча, ты совсем не пожалеешь, что поприсутствуешь на ней, — коротко бросил он на ходу. — Новости просто отпадные и совершенно сенсационные! Сейчас придем, сам все услышишь и увидишь!

— Что-нибудь на самом деле важное? — поинтересовался я, не слишком хорошо понимая, что для меня в моем теперешнем положении может быть «по-настоящему важным».

— Ты о приезде в Москву поляка слышал?

— Нет. А кто это?

— Сейчас узнаешь. Кажется, в Москве появился на самом деле по-настоящему профессиональный тренер и очень сильный боец каратэ! Сейчас нам все расскажут «из первых уст».

Обычный «сталинский» дом, пятый или седьмой этаж, дребезжащий лифт, короткий звонок в дверь и в ее открывшемся проеме возникла фигура здоровяка. Весил парень явно не менее восьмидесяти пяти килограммов, что внушало к нему, по крайней мере, внешнее уважение. Правда, некоторым диссонансом выглядел синяк вокруг правого глаза и шишка на виске.

— Маваси, — автоматически отметил я.

— Знакомьтесь! — радушно представил нас друг другу Юрий, — это Николай Мельничук, имел честь быть спарринг-партнером того самого поляка, последствия ты видишь, и непосредственный свидетель его боя с Подшеколдиным. А это, — он обратился к хозяйину квартиры, — староста моей группы Виктор Фомин! Прошу взаимно любить и жаловать!

— Что это у тебя здесь в сумке? — наметанным взглядом оценил ее размеры Мельничук. — Пиво? Очень и очень кстати. Сколько взял?

— Десять. Хватит? — не слишком дружелюбным тоном переспросил я.

— Вполне. У меня в ванной сейчас еще ящик охлаждается. Разувайтесь, проходите на кухню, и помогайте разделывать рыбу.

Николай МЕЛЬНИЧУК

— Так, — первое, что сказал Виктор, увидев в беспорядке сваленную на обеденном столе рыбу, — будем сортировать. — Так, рыба сюда, тарань сухая — сюда, вобла сухая — в этот угол, лещ жирный. С него и начнем, подлещик сухой к тарани, в общем, в целом все.

— Здорово! — искренне восхитился я, — где это ты так насобачился?

— Это ты мучился? — кивнул он на разделочную доску с лежащим на ней растерзанным здоровенным лещом. — Ну, кто же так леща то разделывает? На доске да еще, к тому же и ножом? Ну, просто курам на смех!

— А как же еще иначе? — искренне удивился я.

— Смотри и учись! Вся рыба за пятнадцать минут будет разделана и лежать рассортированная.

Одной рукой Виктор брал рыбину за один конец хвоста, другой за противоположный — рывок и внутренности сами вываливались на стол, хребет отделялся, чешуя мягко отходила от мякоти. Еще одним коротким движением, зажав голову двумя пальцами, и сделав короткий поворот хребта вокруг оси, он отделял ее от всего остального и аккуратно клал в отдельную горку.

— Вы в Москве плавательный пузырь жарите? — поинтересовался Виктор. — Нет? Зря, очень вкусно, особенно у леща. Сейчас покажу, как это надо делать, — он указал на два здоровенных куска. — Это икра еще не просолилась, ее опасно есть, можно что-нибудь из глистов подцепить. Ее надо выбросить. Хотя, думаю, что избежание проблем, и чтобы товар не портить, ее можно и пропаясить.

— Пропаясить? Что это такое? — спросил Вдовин, с интересом наблюдающий за процессом разделки. Насчет выкинуть, это ты явно перегнул. Не знаю, как там у вас, а в Москве такая икра на вес золота идет!

— Вот как глистов подцепишь, тогда и будешь определять, что золотое, а что и не очень. Лучше слушай, что тебе специалист говорит! Ладно, будет паюсить. Какая-нибудь ненужная в хозяйстве марля есть?

— Сейчас найдем.

— Еще нужен утюг и старая чистая тряпка, — крикнул он мне из кухни, когда я рылся в комодке соседней комнаты в поисках заказанных вещей.

Виктор ФОМИН

В том, как «пропаюсить» икру — запечь ее в собственной пленке, по большому счету нет ничего сложного, но знать, как это делается, и уметь делать — разница все-таки есть. Я взял марлю, обильно смочил ее водой, выровнял слой икры, завернул сначала в марлю, а потом и в ткань, и горячим утюгом тщательно прогладил. Через десять минут икра была готова к употреблению.

— Божественно! — просмаковали первые куски Юрий с Николаем. — Виктор! — где это ты так наловчился? — прожевывая сквозь набитый рот спросил меня Николай.

— Так он же из Ростова! — довольный произведенным эффектом ответил за меня Юрий. — Уж кому из нас уметь управляться с рыбой, так уж именно ему!

— Из Ростова? Из того самого, что на Дону?

Из него самого, — ответил я, прожевывая балык рубца и запивая его хорошим глотком пива.

— А здесь ты чем занимаешься?

— В Консерватории учусь.

— В Консерватории! Обалдеть! — уже привычно для меня удивился Николай. — И на чем же ты играешь?

— На фортепьяно.

М-да! — озадаченно почесал голову мой собеседник. — И, что, не мешает? Я про кентосы имею в виду. Для меня каратэ и фортепьяно вещи вроде бы как несовместимые.

— Да нет, все нормально. Надо только меру знать в загрузлении пальцев, да с упражнениями на нукитэ не перебарщивать. И тогда все будет в порядке. И с каратэ, и с Шопеном с Бетховенным.

— Если хочешь, сам взгляни! — вмешался в разговор Вдовин. — Виктор, покажи ему как ты гияку цуки с разворота бьешь!

В общем, это был наш с Юрием коронный и тщательно отработанный номер для показух. Но, с другой стороны, эта показуха гарантировано и стопроцентно ломала у противника любую кость и в любом случае отправляла его сначала в нокаут, а потом в больницу. Неоднократно это дело уже было проверено, как говорится, «на практике». Вдовин быстренько смотался в прихожую, в которой он оставил свою сумку с досками для тамэсивари, вытащил из стопки одну, тщательно осмотрел ее со всех сторон, и протянул ее для ос-

мотра Мельничуку. Тот взял ее, повертел в руках, смерил толщину своим большим пальцем и удовлетворенно вздохнул: «Ну, что, два дюйма. Стандарт!»

Вдовин зажал доску двумя пальцами одной руки и вытянул ее в сторону, так, что она оказалась напротив провала прихожей. Зафиксировав взглядом положение руки с доской, я повернулся к ней спиной, а потом, резко развернувшись вокруг своей оси, на выдохе с громовым «киай» вышвырнул в прямом ударе кулак вперед, выполняя классический гияку цуки. Все было, как и всегда, как и обычно. Лопнув вдоль волокон, пятисантиметровая доска раскололась напополам, так, что ее верхняя часть осталась в пальцах Вдовина, а нижняя по горизонтальной траектории, вдоль по вектору приложения силы удара, улетела куда-то в темноту прихожей.

— Здорово! Класс! — иступленно зааплодировал мне Мельничук. — Настоящий гияку цуки, мощный и правильно сделанный удар! Он может и должен быть именно таким, не иначе, каким делают эти касания на очко ребята из WUKO! У них именно касания, а здесь настоящий, боевой удар «на вынос»! Кстати, а что, ты на самом деле после такого удара можешь еще что-нибудь сыграть?

— В доме есть инструмент? — просто спросил его я.

— Да, есть, вот только им давно никто не пользовался.

— Понятно, — коротко кивнул я. Ситуация, в общем, была весьма и весьма распространенная — пианино в квартире есть, а зачем оно в ней есть, никто толком не знает, и никто играть на нем не умеет. Так, стоит в качестве мебели! — Давай, посмотрим, в каком оно у вас состоянии, и можно ли на нем что-либо сыграть.

Пианино, к моему удивлению, оказалось во вполне приемлемом состоянии. Немного расстроено, конечно, но мы сейчас были и не в Консерватории, да и слушали меня не члены жюри конкурса. Поэтому вполне прокатило. Я быстренько, навскидку сыграл несколько легких шуток Клайдерманна и Маркса, закончив все попури из Лунной сонаты и Огиньского.

— Bravo! Музыка и каратэ на самом деле едины! — громко одобрили мое выступление слушатели. — Теперь давайте к столу. Николай, кстати, сможет все нам подробно рассказать, — предложил Вдовин.

Юрий ВДОВИН

Все, что сейчас рассказывал Николай, мне было уже известно. Важно было, чтобы все это услышал Виктор. Он слушал молча, с горящим взором, только время от времени позволяя себе задать

тот или иной уточняющий вопрос. Появление в Москве еще одного реального и по-настоящему сильного мастера, могущего продвинуть развитие каратэ вперед, его на самом деле сильно волнует. Я не был против — понимал, что рано или поздно это произойдет.

— Как ты говоришь, называется стиль? — переспросил он Николай.

— Кёкусинкай. Только полный контакт и свободное фехтование ногами. И цуки у них бьют не от бедра, а от груди. Очень сильно бьют.

— Интересно, — протянул Виктор, — крайне интересно. Послушай, а ты сможешь познакомить меня с этим поляком, когда он еще раз приедет в Москву?

— А как к этому отнесется Юрий? — Николай посмотрел в мою сторону.

— Юрий к этому отнесется абсолютно спокойно. Я никого силой у себя не удерживаю и прекрасно понимаю, что каждому человеку надо найти свой собственный стиль. Когда Александр приедет, то пусть Виктор сходит к нему не тренировку, сам все посмотрит и сам все для себя решит.

Алексей АВДЕЕВ

Я почему-то был уверен, что для нашей встречи Сашка подберет ресторанчик-погребок именно в этом стиле. Лично я бы предпочел бы оформление зала в духе «рыбачья хижина» — люблю, знаете ли, и море, и морепродукты, но к моему огорчению Краков никогда не был ни портовым, ни просто приморским городом. Зато вот средневековой старины в нем, густо насыщенной огромным количеством такого же средневекового железа в виде рыцарских лат и прочего вооружения, в нем был явный переизбыток. Этот ресторанчик, позиционирующий себя как средневековый винный погребок, располагался в подвальном помещении (если это огромное помещение со сводчатыми потолками, можно назвать подвальчиком). Его темные, закопченные от времени потолочные балки едва угадывались в клубящемся сумраке под потолком на высоте, ну, никак не менее четырех метров, и само оформление зала было решено в духе старопольско-немецких «пунктов общественного питания» того времени. Латы и оружие, развешенное по стенам и между псевдовитражных окон в виде ниш в стенах с искусственной подсветкой за цветным стеклом — вся это старина вполне органично сочеталась с современной аппаратурой на сцене, среди которой гордо выделял-

ся настоящий, не менее чем двухсотлетней давности клавесин, и трубы старинного органа на задней стене. В общем, «Рыцарский стан» — как гласила вывеска около входа в заведение, по оформлению буквами и шрифтом под классическую латынь вполне соответствовавшая своему названию.

— Пшепрашем пана, — вежливо обратились мы к проходящему мимо нас метрдотелю.

Дзень добжий! — так же вежливо и приветливо откликнулся он на наше к нему обращение.

— Мы здесь впервые, но слышали о вашем заведении много хорошего. Будьте добры, покажите нам настоящую старопольскую кухню. Знаете, что-нибудь такое мясное одним большим куском, но только обязательно национальное!

— О, я все понял, молодые пань! Я все сделаю в самом лучшем виде, и вы обязательно поймете, что такое настоящая национальная польская кухня на огне. И очень рекомендую перед первым блюдом рюмку водки. Но только не «Выборовой», а именно «Старки». Только «Старка» отражает своим вкусом истинный польский характер!

— Отлично. И напоследок я хотел бы попросить вас учесть, что мы не туристы, а студенты, обучающиеся в вашей стране. Поэтому нам не хотелось бы выйти из ресторана полными банкротами.

— Пусть пань не беспокоятся. Я воевал в Армии Людовой и вместе с вашими войсками освобождал Краков от швабов. Я сразу понял, что вы русские, и что вы студенты. Не переживайте, счет будет в полном порядке!

— Прекрасно, благодарим вас.

Александр ТАНИУШКИН

На самом деле здесь было тихо, уютно и спокойно. Алексей не удержался, улучил момент, подошел к сцене, подсел к клавесину, и наиграл на нем несколько классических старопольских баллад. С голосом у него, как известно, все в полном порядке, поэтому. Если в первые секунды среди музыкантов и обслуживающего персонала еще и было какое-то замешательство, то на второй-третьей секунде все замерло. Алексей пел о любви польских рыцарей к своим прекрасным дамам, пел о красоте Речи Посполитой, ее тихих реках и красивых дубравах, и опять о любви и снова о любви. Вскоре ему стал подыгрывать уже весь оркестр кабачка. Алексей замолчал и все посетители встали из-за столиков и начали аплодировать ему.

— Это было бардзо добже, молодой пан! — за моей спиной неожиданно появился пожилой поляк, своими размерами чем-то неуловимо напоминающий нашего кондового сибирского мишку. — Где вы так хорошо изучили нашу классическую средневековую музыку?

— Я студент Ягеллонского университета, изучаю в Кракове вашу культуру. Она меня очень интересует, — ответил Алексей.

— Добже, добже! А польский откуда так хорошо знаете?

— Я же учусь у вас! Как можно изучать культуру страны, не зная языка?

— Твой друг тоже так же поет?

— Нет, у него в детстве была травма, — пошел в лес и ему наш русский медведь наступил на ухо. Так, что теперь он только разговаривает.

Зал дружно рассмеялся шутке Алексея, и в ресторанчике установилась та совершенно изумительная, дружеская и теплая и доверительная атмосфера между посетителями и официантами, между барменами и музыкантами.

Алексей АВДЕЕВ

— Панове, прошу к столу, — обратился к нам официант, все готово!

Едва мы расселись за столом, он лично наполнил рюмки ароматной и пахучей «Старкой», и торжественным жестом открыл крышку по внешнему виду старого серебряного блюда. На серебряном подносе лежал здоровенный кусок свиных ребер, от которых шел такой восхитительный запах, что рот мгновенно наполнился от предвкушения удовольствия слюной.

— Приятного аппетита, панове, — пожелал нам старик, и деликатно отошел от стола.

— Слушай, а здесь на самом деле отлично, — проговорил Александр, рассматривая зал. — Посмотри вон туда, обрати внимание, с каким вкусом оформлен вон тот банкетный зал в углу. Явно для какой-то туристической группы.

Александр ТАНИУШКИН

По своему возрасту я не только не участвовал в войне, но даже ни разу не пересекался с теми пленными, что восстанавливали в Москве разрушенные бомбежками здания. Поэтому что такое «вермахт», не говоря уже о «СС», я знал только по кинофильмам и

книгам. И вот сейчас я столкнулся с этими понятиями вплотную, «лоб в лоб», «лицом к лицу». Пьяный гомон и громкие развязанные голоса, причем, явно не поляков, стали слышны в зале еще в тот момент, когда открылась входная дверь верхнего тамбура. По мере того, как посетители спускались вниз, шум усиливался, и это был тот безобразный, невоспитанный шум людей, явно не привыкших считаться с окружающими и в чем-то себе отказывать для уважения прав остальных. Первым в зал вошел высокий, сухопарый, совершенно седой, можно смело сказать, «как лунь», старик с таким надменным выражением лица, что я невольно сразу же представил его в немецкой военной форме времен Второй мировой войны. Кстати, в моем воображении она сидела бы на нем как влитая.

«Явно бывший немецкий офицер», — подумал я и покосился на сидящих за соседними столиками поляков. Их лица выражали ненависть.

Действительно, именно этим посетителям здесь явно не рады.

За спиной старика стояли двое мужчин помладше, судя по всему, его сыновья.

— Немцы, — сказал Алексей, пристально рассматривая ввалившуюся компанию. — Явно, бывшие ветераны войны со своими отпрысками. Кажется, у них что-то типа ностальгического тура по местам бывших сражений. Мне кажется, что это и не самая удачная, задуманная ими затея. Полякам они явно не нравятся.

Буквально через несколько минут громкое гоготанье, чавканье и звон пивных кружек из того угла, в котором для туристической группы был заранее накрыт стол, заглушил звуки оркестра, и музыканты покинули сцену, аккуратно сложив около клавесина свои инструменты. Но немцы этого даже не заметили. Лица поляков становились все мрачнее и тверже, но они пока сдерживались, стараясь не обращать внимания на происходящее. В целом в ситуации настал момент, когда вошедший первым в ресторан старик поднялся со своего места и произнес речь по-немецки. Язык этот я не знаю, однако выражение «их бин гаупштурмфюрер СС» я понял. Судя по всем, поляки понимали немецкий лучше меня, поэтому они с мрачным и решительным видом стали подниматься из-за своих столиков. Все, что произошло далее, в моем восприятии сложилось как одно целое, хотя потом мне и говорили, что это было не совсем так.

Из-за нашего столика, было прекрасно видно происходящее «в немецком углу». Может быть, я еще не прореагировал бы на то, что перепившиеся «гости с Запада», дружно затаили «Хорст Вес-

сель», — просто потому, что я не знал, какую роль эта песня сыграла в становлении немецко-фашистского государства. Но, судя по всему, это хорошо знали поляки.

Немцев обслуживал полячка, судя по размерам ее живота, находящаяся как минимум на шестом месяце беременности. И до этого были случаи, когда компания «сверхлюдей» вела себя по отношению к ней, мягко говоря, фривольно, лапая официантку живот, и задницу, стараясь провести рукой по ее груди. Официантка терпела, стараясь как можно меньше времени находиться около немцев. Но сейчас старый эсэсовец схватил официантку, силой усадил ее себе на колени и, смеясь, стал лапать ее, что-то говоря своим сыновьям. Тут же, чуть ли не пинком, он перебросил женщину на колени одного из своих сыновей. И, видя это, мы с Алексеем вылетели из-за стола на помощь женщине практически одновременно.

— Убери свои лапы, пьяная свинья, — почему-то по-русски выкрикнул ему в лицо Алешка.

— О, руссише швайн! — с каким-то вопросительным недоумением протянул старик, и как-то странно, даже не кулаком, а таким образом, как будто у него в кисти была зажата пара перчаток, попытался ударить «а-ля подщечина» Лешку.

Если честно, то я никогда не был особо высокого мнения о Лешкиной технике. Может быть, потому, что у меня самого она доведена до состояния совершенства и времени на ее отработку и шлифовку я никогда не жалел. Наверное, не стоит сейчас об этом спорить, но я всегда, хотя и считал ее «приемлемой», говорил Алексею, что ему есть еще над чем поработать. Это я говорю о классическом исполнении, о технике, кихоне, так как в реальном поединке исполнение любого блока или удара неизбежно смазывается и становится еще более далеком от канонов, завещанных нам основателями стилей. Но в этот раз у меня не было претензий к Алексею по поводу выполнения им технического движения. Он все сделал именно так, как и надо было сделать, как нас и учит Масацу Ояма.

Не обращая никакого внимания на пытающуюся хлестнуть его по щеке руку, даже не пытаясь заблокировать эту атаку мягким отводящим блоком, Алексей просто подшагнул передней ногой вперед и немного в сторону, одновременно и уходя от бьющего в него удара, и раскрывая этим движением свое бедро. Толчок стопы, заворот колена, передача вращения снаружи-вовнутрь на бедро, скручивание корпуса и практически одновременно с этим посыл плеча вперед, локоть полусогнут и направлен вниз, и начинает

плавно, медленно, как в замедленной киносъемке распрямляться. И все это в одном мгновенном движении! Это был не пистолетный, это был даже не винтовочный, это был настоящий пушечный выстрел! Это было именно то классическое гияку цуки, которое и должно биться настоящими мастерами! Щелчок напряженной в самый последний момент одновременно со всеми остальными мышцами тела кисти, «кимэ» — момент истины нокаутирующего и все ломающего удара, кимэ, сопряженной с оглушительным ревом «киай», все это на секунду парализовало всех, кто это слышал. Кимэ гияку цуки с киай и вот уже старый эсэсовец как подрубленный ствол дерева молча падает под ноги Алексею. И тут началось такое!

Алексей АВДЕЕВ

Если честно, то до этого случая я вообще никогда не участвовал ни в одной коллективной драке — круг общения и общий уровень воспитания как-то не давал такой возможности. А уж о кабацкой, пьяной ресторанной драке речи вообще не могло идти ни при каких обстоятельствах. Я даже в студенческие годы никогда не подрабатывал, как некоторые мои однокурсники, пением в ресторанах и прочих зланных местах. В общем, не было у меня такого жизненного опыта. И вот сейчас, по своей собственной инициативе оказался организатором вот такой пьяной кабацкой коллективной драки. Нет, я не жалею об этом, наоборот, я считаю, что заступившись за честь Ружены — той самой беременной официантки, я поступил абсолютно правильно, по всем параметрам — и как русский, и как мужчина, и как боец, в конце концов! Но, тем не менее, дело сделано и все вокруг нас завертелось в круговороте общей драки.

Как только нокаутированный мною эсэсовец свалился на пол, то тут же на его место выскочило еще два немца, и один из них атаковал стоящего рядом со мною Александра. Кончилось это, в общем, именно так, как и должно было кончиться — один удар рукой в голову был им просто перехвачен «в кисть» — Александр поймал его кулак пальцами открытой ладони, сжал и нейтрализовал, а на бьющий кулак второй руки, Александр просто контратаковал кингэри. Кингэри хороший удар, и есть у него такая особенность, что боль приходит через несколько секунд после поражения самого паха. Немец начал оседать на пол, Саша просто взвалил его на свои широченные плечи, раскрутил вокруг своей оси, и как метательный снаряд метнул уже практически бессознательное тело на не-

мецкий банкетный стол. Немец проехал по нему как по маслу, собрав тарелки и приборы, и неизбежно рухнул бы на пол с другого торца стола, если бы не уперся в стену и так и остался лежать бесформенной тушей поперек него. Это на самом деле смотрелось очень и очень живописно!

Александр ТАНИЮШКИН

То, что какой-то не очень хорошо стоящий на ногах немец вознамерился сломать о мою голову ударом сверху старинный, тяжелый дубовый стул явно даже не девятнадцатого века, я заметил краем левого глаза. Если честно, то мне этого крайне не захотелось. Во-первых, стул был по-настоящему тяжелым, сделанным из цельного куска дерева, а я знаете ли, питаю слабость к антиквариату, и чтобы такое произведение искусства пострадало — не по мне это, а, во-вторых, я предполагал, что в результате столкновения с моей головой стул окажется крепче. Осознавая, какие именно травмы в результате такого удара понесут мои голова и шея, я принял решение обойтись без этих потрясений. Впрочем, все эти решения принимал не я, не мое сознание, а мое подсознание. В какие-то доли секунды, оно само приняло решение, само отдало все необходимые приказания мышцам и в тот самый момент, когда стул на вытянутых руках немца находился в наивысшей точке, то правая нога произвела маваси ути-кэагэ — прямой мах ногой изнутри наружу. Стопа ударила точно в локтевые сгибы рук, выбила локти, и стул полетел по направлению удара, попав в кого-то из «фронтowych» друзей немца. Секунду, не более, немец осмысливал ситуацию, а потом с раздробленной маваси гэри скулой — я даже не стал опускать на пол эту же правую ногу после маваси ути-кэагэ, свалился на пол.

Ружена ПОРУЦКАЯ

Через минуту в драку с этими немецкими свиньями включились все присутствующие в зале поляки. Помню, как один из немцев попытался схватить лежащий на столе разделочный нож для мяса, который на самом деле был ни чем иным, как обычным кинжалом. Едва он до него дотянулся, как тот самый русский, что первым вступился за меня, молча пригвоздил тянущуюся к ножу ладонь руки длинной средневековой двузубой вилкой. Как наш метрдотель дедушка Генек разбил о голову здоровеннейшего немца сначала одну, а потом, когда этот удар не оказал эффекта еще одну бутылку «Выборовой». Не дожидаясь, чем все кончит-

ся, я бросилась из зала наверх. Там на дверях стояли в качестве швейцаров и охраны мой муж Марек, его отец и мой тесть пан Тадеуш.

Марек ПОРУЦКИЙ

Я единственный потомок шляхтичей Порущких. У меня был старший брат, но он погиб во время войны за Освобождение, и я его совсем-совсем не помню. Хотя все говорят, что я вылитая его копия и по внешности и по характеру. Внешне я так же сильно похож на отца — такой же высокий, здоровый и сильный — как медведь из Полесья. Да и увлечение историческим фехтованием, что в свое время принимало участие во всех битвах польской нации, дало свои результаты в виде развитых и сильных мышц и хладнокровия в по-настоящему опасных ситуациях. А я, как никак, все-таки призер Польши, второе место по стране в этом виде спорта в тяжелом весе. Поэтому, когда жена крикнула мне, что внизу, в зале идет большая драка, мы с отцом сразу же кинулись вниз по ступеням. В зале на самом деле шло настоящее побоище.

Нас сразу же атаковали немцы. Ну, за отца-то я был спокоен — он как разъяренный медведь несколькими замахами своих тяжелых рук буквально смел на пол нападавших, дав мне время оглядеться по сторонам. Увидев, что один из немцев уже готов метнуть в нас тяжелое дубовое кресло, я в один прыжок подскочил к нему, вырвал кресло из рук, этим же креслом изо всех сил ударил его прямым тычком в лицо, и немец упал. Я еще успел увидеть, как кто-то из швабов попытался снять со стены прикрепленный к ней двуручный испанский меч, взятый нашими предками в качестве трофея в какой-то стычке с немцами. И как в этот самый момент мощная, но гибкая фигура одного из русских ударом ноги буквально впечатала этого любителя антикварного холодного оружия в стену.

Александр ТАНИЮШКИН

Если честно, то эту важную деталь я заметил в самый последний момент. Можно сказать, что безоговорочная победа была предопределена, две трети немцев без сознания в разных позах и в разных местах зала валялись на полу, еще двоих-троих поляки добивали в разных углах зала, и их положение было полностью безнадежно. И только двое фашистов твердо стояли на своих ногах. Как-то так получилось, что ими оказались как раз те два сына этого старого эсэсовца, с которого все и началось. Один из них, беспристрастно оце-

нив сложившуюся ситуацию, мощным длинным крюком в голову явно знакомого с боксом человека, бросил на пол атакующего его поляка, и воспользовавшись секундной паузой, стал отдирать со стены прикрепленный к ней здоровенный двуручный меч. Это уж слишком! Одно дело драться кулаками, ногами, стульями, ну, черт, с ним — бутылками, и совсем другое дело использовать холодное оружие, пусть даже и в виде муляжа. Такие муляжи сделаны с таким знанием дела, что проткнуть ими человека такое же плевое дело, как и настоящим мечом!

Как и в прошлый раз, подсознание само приняло решение и само его реализовало. Между мною и пытающимся оторвать меч от стены было несколько метров свободного пространства, потом стоял полутораметровой высоты дубовый тяжелый обеденный стол, за столом было еще около метра пустого пространства, вплоть до стены. Я в одно мгновение промчался эти несколько метров, набирая скорость для прыжка, вылетел вверх, вытягиваясь в одну линию, перелетая через стол, оттолкнулся от его поверхности, передернул бедра, выкидывая вперед стопу ударной ноги. Все получилось точно по технике нанесения тоби ёко гэри. Завернутое бедро, напряженная через напряжение всех остальных мышц тела именно в ударный момент времени стопа, удар ребром стопы, почти пяткой точно в позвоночник между лопатками — там, где и находится нервный дыхательный узел, контролирующий дыхание человека, немца вминает всем корпусом в стену, он бьется лицом о сталь меча и молча сползает по стене вниз.

— Даже не мякнул! — с удовлетворением подумал я.

Курт фон Вольцов

Я мрачно осмотрел зал, понимая, что все кончено, и только я один могу противостоять толпе рычащих от злобы медленно подбирающихся ко мне недочеловеков. Но я, Курт фон Вольцов, потомок старинного, известного еще со времен крестовых походов и орденов меченосцев прусского баронского рода, чьи развалины на Куршской косе недалеко от Кенигсберга еще высятся среди дюн, не сдамся на милость этой толпе холопов. Краем глаза я отметил, что один из боевых топоров на стене не закреплен, как тот же меч, а просто висит на двух вбитых в дубовые панели кованых гвоздях. Одним движением руки я схватил топор, с удовлетворением убедился, что он не муляж, настоящий, наверняка помнящий не одну кровавую схватку тевтонский топор, средневекового рыцаря.

— Слушайте меня! — громко, на весь зал выкрикнул я. — Я, Курт фон Вольцов, прусский барон и потомок старинного баронского рода, вызываю равного себе по происхождению с равным оружием на поединок. Если среди вас такого человека нет, то тогда я требую пропустить нас наверх и дать нам уйти! Если вы попытаетесь задержать нас, то тогда я объявлю все произошедшее здесь провокацией, мстью нам со стороны поляков за прошедшую войну. Если вы нас не пропустите, то тогда я буду прорубаться сквозь вас точно так же, как когда-то прорубались сквозь вражеское войско мои предки. Выбирайте!

— Эй, фриц, ты, что, с ума сошел? — недоуменно спросил меня тот самый русский, с которого все и началось. — Ты, что, на самом решил, что сейчас средневековье, а ты у себя в замке? На дворе двадцатый век стоит! Бросай свой топор на пол и жди приезда полиции!

— Заткнись холоп, тебе никогда не понять воина! Итак, кто примет мой вызов?

— Я! — услышал я в ответ, и из толпы поляков вышел здоровенный мужчина. — Я — Марек Поруцкий, потомок старого шляхетского рода, развалины нашего замка еще стоят на Вестерплатте. Я равен тебе по происхождению, и я буду драться с тобой равным оружием. — С этими словами поляк спокойно подошел к другой стене и снял с нее тяжелую двуручную булаву.

Алексей Авдеев

Я огляделся вокруг и с изумлением увидел, что поляки молча, деловито, не говоря ни слова, расчищают площадку в центре зала, просто оттаскивая валяющиеся на полу бесчувственные тела немцев к ближайшим стенам.

— Александр! — обратился я к Сашке. — Это что, массовая галлюцинация? Это только у нас, или же вообще у всех присутствующих?

— У нас с тобой все в порядке, — сумрачно ответил мне он. — Это не галлюцинация, а массовый психоз! Пан Тадеуш! — крикнул он директору ресторана. — Неужели они начнут драться, пусть и на муляжах? Они же сделаны из настоящего железа, значит, боевые!

— Это не муляжи, — спокойно ответил ему директор. — Это самое, что ни на есть настоящее оружие. Вон тот топор, что держит немец, мой предок привез в качестве трофея после Грюнвальдской битвы, а с той булавой, что у моего сына, другой мой пращур участвовал в битве с Хмельницким под Желтыми Водами.

— То есть, вы хотите сказать, что это настоящее средневековое оружие, и ваш сын и этот немец будут драться ими по-настоящему, допуская вероятность убийства своего соперника?

— Да, — спокойно ответил пан Тадеуш. — Был вызов чести, и ни один шляхтич, если он, конечно, истинный дворянин, никогда не позволит себе не принять его. В противном случае он просто перестает быть им.

— А если они убьют друг друга?

Поляк молча пожал плечами и ничего не ответил. Было видно, что для него подобный вопрос просто лишен какого-либо смысла.

— Да вы что, охренели все? — я быстро шагнул вперед, стараясь подобраться как можно ближе к массивному столу, что бы одним мощным толчком поставить его между приготовившимися к схватке врагами, а затем попытаться отобрать у них оружие. Но мой замысел был разгадан. Директор схватил меня за воротник рубашки и ремень брюк и одним броском отшвырнул в сторону на несколько метров.

— Не лезь не в свое дело!

— Вы забыли добавить «холоп, пся крев»! — ледяным тоном сказал ему Александр. — Вы же здесь все настолько родовитые и благородные, что вам, наверное, просто противно находиться в одном помещении с простолюдинами! Не так ли, пан Тадеуш? Не переживайте, мы не будем надоедать вам своим присутствием. Вы здесь можете изрубить друг друга на самые мелкие кусочки, но без нашего присутствия! Нам, знаете ли, еще доучиться надо, и даже самая лучшая польская тюрьма не сможет заменить Ягеллонского университета! Поэтому делайте, что хотите, но без нас! Нас вообще здесь не было!

— Мы благодарим вас за оказанную помощь, — спокойно заговорил директор ресторана, как будто в этом зале в последние полчаса ничего не произошло. — Отныне в этом доме вы всегда самые желанные гости, и полностью заверяем, что ни один присутствующий сейчас здесь поляк никогда не скажет, что вы здесь сегодня были. Вы можете уйти прямо сейчас и вообще в любой момент времени.

Курт фон Вольцов

В настоящем поединке «на смерть», нет правил, нет моральных и иных норм, и нет понятий, что такое «хорошо», и что такое «плохо». Хорошо — это выиграть бой и остаться в живых, все остальное — плохо. Я не задумывался о последствиях предстоящей схватки — после всего того, что здесь произошло, я не слишком верил,

что если я даже сдамся полякам на милость победителей, то все равно смогу остаться в живых. Уж слишком далеко все зашло. Кроме того, настоящий воин выше рассуждений о том, что будет «потом». Это неважно. Он обязан делать именно сейчас, исходя из своих представлений о долге и чести. В общем, я почему-то, сам не зная почему, каким-то шестым чувством был уверен, что нам всем удастся выйти «сухими из воды» из всей этой истории.

Я выбрал миг атаки в тот самый момент, когда поляки и русские что-то гневно выясняли между собой и совсем не ожидали моего нападения. Сделав быстрый выпад вперед, я по косой линии сверху вниз ударил топором, стараясь раздробить своему противнику ключицу. Но поляк успел среагировать. Он тут же отскочил в сторону, ударом булавы по обуху топора сбил лезвие в сторону и коротко контратаковал коротким прямым тычком булавы мне в лицо.

Александр ТАНИУШКИН

Мы не успели отпрянуть. Немец прыгнул вперед, стараясь рубануть сверху вниз, Марек сбил удар и попытался ответить тычком в голову. Немец уклонился, и в этот момент Марек присел на колени и широкоамплитудным ударом булавы попытался раздробить своему противнику колени. Но барон высоко подпрыгнул, подтягивая колени к груди, уходя от удара, и обеими руками по вертикальной линии сверху вниз попытался раздробить своего противника на две части. Марек просто крутнулся вокруг своей оси и лезвие топора, высекая искры из камней пола, по инерции от удара скользнуло в сторону. Правильно говорят, что реальные, настоящие бои длятся не долго. Этот бой тоже продлился не более минуты, наверное, даже не более тридцати секунд. Как только лезвие топора высекло искры из пола, в ту же секунду булава поляка одним коротким, но мощным движением раздробила немцу кисти рук, держащие цевье топора. В общем, на этом бой можно было бы, и закончить, но Марек выпрямил ноги, еще раз крутнулся вокруг своей оси, и по всем правилам механики его булава, двигаясь по правильной эллипсовидной траектории в горизонтальной плоскости, неминуемо должна была раздробить немцу бок головы. Но в самую последнюю секунду Марек, судя по всему, передумал убивать. Он сделал неуловимое движение кистями, и булава изменила направление своего движения, обрушившись вместо головы немцу на его плечевой сустав. Удар, треск раздробленной кости, огромное пятно крови, сразу же проступившее сквозь ткань костюма, и барон без сознания упал на пол.

— А теперь вам на самом деле пора уходить, — спокойно, как будто бы между нами никогда не было никакого «непонимания ситуации», сказал пан Тадеуш. — Идите за мной.

Мы прошли через кухню, вышли в длинный узкий коридор и остановились перед тяжелой дверью на улицу. Пан Тадеуш позвенел ключами, открыл дверь и мы оказались в примерно такой же узкий, как и сам коридор, переулке.

— Садитесь в машину!

Мы молча, ни о чем, не спрашивая, сели на заднее сиденье машины и через несколько минут движения уже остановились у практически такого же, как и первое, здания.

— Вы весь вечер с шести часов, находились здесь и никуда отсюда не уходили. Весь обслуживающий персонал подтвердит это обстоятельство, и вы можете быть абсолютно спокойны за свое алиби. Заказывайте, что хотите, все за счет заведения. И помните — холоп, быдло, — это не происхождение, это состояние души. Это те, кто безропотно дают помыкать собою, кто позволяет себя унижать, те кто никогда не дает сдачи. Вы не холопы. Вы воины, дружинники, и сегодня вы все это прекрасно доказали. В первую очередь самим себе. И совершенно не имеет никакого значения, состоите ли вы в дворянском сословии, или же нет. Воин — это не сословие, воин — это состояние духа. Желаю вам, панове, приятно провести здесь вечер. А мне пора, у меня сейчас будет очень много забот и хлопот.

Пан Тадеуш заботливо подвел нас к столику, препоручил заботам местного метрдотеля, и тихо удалился. И, если честно, это было очень и очень кстати — уж слишком беспокойным выдалось начало сегодняшнего вечера, слишком много впечатлений за такой короткий промежуток времени!

Алексей АВДЕЕВ

— Ну, что скажешь, Саш? — спросил я Александра, когда мы расселись в удобных «покойных» креслах, официант зажег свечи, и нам стали бесшумно одно за другим приносить блюда.

— Ты знаешь, можно, конечно, ответить, что после начала такого отдыха необходимо еще пару дней порелаксировать, но мне сейчас пришла в голову одна очень интересная мысль. И я думаю, что сейчас как раз самое время поделиться ею с тобой.

— Я весь во внимании.

— Ты знаешь, в Москве меня свели с одной весьма интересной и экстравагантной личностью, с неким Александром Подщеколдиным. Он ученик достаточно известного японского мастера, учив-

шегося в нашей Лумумбе, а сам этот японец в свое время учился у еще более известного мастера — у Гогена Ямагути. О Ямагути вообще легенды ходят. Но не в этом дело. А пока ответь мне — Бог есть?

Александр ТАЮШКИН

— Я! Бог! Я комсомолец и кандидат в члены партии! — в притворном ужасе вскричал Алексей, явно иронично посматривая на меня, склонив набок голову.

— Леш! Кончай придуриваться! Мы сейчас одни и сидим в кабачке, а не на партийном или комсомольском собрании в консульстве, и рядом нет ни «товарищей по партии», ни секретаря по идеологии. Я тебя серьезно спрашиваю. И знаешь, у меня есть основания для такого вопроса.

— Если серьезно, то если ты имеешь в виду седобородого старика, сидящего на облаке где-то там наверху в районе стратосферы, то в него я не верю.

— А как ты относишься к идее Абсолютного разума, Мирового интеллекта, Направляющей и Регулирующей силы?

— А вот в эти понятия, Саш, я верю. И не просто верю, я бы сказал, что пару-тройку раз в своей жизни чувствовал некую «направляющую силу» и почему-то уверен, что в некоторых случаях жизни без какого-то непонятного мне сверхъестественного вмешательства откуда-то извне не обошлось. Но почему ты спросил об этом?

— Давай я вначале расскажу тебе, что было со мной в Москве, в том числе и о Подщеколдине, а потом мы сверим все это с тем, что мы с тобой только что видели и в чем невольно участвовали. У меня запрашиваются вполне конкретные параллели, и я не думаю, что вся совокупность этих встреч — это только лишь чистая случайность.

— Хорошо, рассказывай, я слушаю тебя.

Я был очень подробен, и было видно, что мои выводы просто поражали Алексея своей математической логикой и фактологичностью. Конечно, все это был чистейшей воды идеализм, но это был, на мой взгляд, материалистический идеализм, то есть пока еще не доказанные инструментами предположения, но при всем этом я исходил из того, что все эти пока еще непонятные нам силы абсолютны материальны. Просто мы пока еще не умеем их измерять.

Я рассказал о московских секциях каратэ. И о связке Сато-Вдовин-Мельничук — полное бесконтактное каратэ по версии WUKO, и об их идейной противоположности в связке Хасимото-Подщеколдин, и закончил следующим пассажем:

— Понимаешь, Леш, я не верю в то, что в мире все происходит что-то так, само по себе. Я достаточное количество раз убеждался, что каждое событие есть следствие какого-либо другого, и само это событие, в свою очередь, является причиной для другого, последующего события. Вот смотри. В Москве я увидел две группы — беззубое ВУКО и сумасшедшее по своей агрессивности традиционное годзюрю. Я их увидел, и, по большому счету, не сделал ровным счетом никаких выводов — так, принял к сведению. И что происходит дальше? А дальше происходит то, что мы с тобой только что видели! Я не понял того, что увидел, и нам показали все то же самое, только в более развернутой и более облегченной для понимания доступной форме! То есть, нам показали крайнюю поляризацию, крайнее развитие традиционного направления боевого искусства, причем совершенно не важно, в какую форму будет облечено это искусство! Подшеколдин пусть и не старается сознательно убить своего противника голыми руками и ногами, но он допускает такую возможность. Эти рыцари не используют голые руки и ноги, в их понятии это для простолюдинов, они дерутся на мечах, топорах и булавах, но они тоже вполне спокойно допускают возможность гибели в поединке и самих себя, и своих противников. А есть ли между ними какая-либо принципиальная разница, Леш? Нет! Нет между ними никакой разницы! Зато между ними есть общее, они, по сути, близнецы-братья! И те, и другие используют традиционные системы боя, они дерутся именно на конечный результат, на самую, что ни на есть реальную победу, не задумываясь о том, какой ценой будет эта победа достигнута! Мне кажется, что проще всего будет объявить их всех сумасшедшими, но вся проблема-то как раз в том, что на самом деле они все ужасающе нормальные с психической точки зрения люди! Они просто остались в своем мировоззрении где-то там, в Средневековье! Со всеми этими средневековыми замашками, привычками и обычаями. И я считаю, что нас провели через сегодняшний вечер не просто так — нам показали, какой у нас есть выбор!

— Выбор? Ты о чем?

— Об этом самом. Нам показали, по какому пути мы можем пойти дальше в своем развитии. Мы можем выбрать чисто спортивное в своей боевой импотенции ВУКО, мы можем стать эдакими современными гладиаторами и работать в поединках в полном соответствии с этим правилом «иккэн но хиккецу» — одним ударом наповал, а можем выбрать путь посередине. Не уходить в крайности, а взять самое мудрое и самое подходящее и из одного фланга, и из другого!

— Вижу, что свой выбор ты уже сделал, — с легкой улыбкой заметил мне Алексей, отпивая глоток вина.

— Да, Леш, сделал. Прямо сейчас.

— Значит, по-твоему все то, что сегодня мы с тобой видели и в чем участвовали, и это обсуждение — на самом деле были необходимы и не напрасны.

— Конечно. И в первую очередь это было необходимо для нас обоих! Нам просто, по сути, приказали определиться в своем пути. Наверное, пришла пора идти по нему дальше, и идти очень далеко, серьезно и без оглядки назад!

— Ты прав на все сто, Александр! — с серьезным видом ответил мне Алексей. У меня закралось подозрение, что все, что я только что ему наговорил, он сам понял давным-давно, и до поры до времени предпочитал об этих материях помалкивать.

Алексей АВДЕЕВ

Наконец-то Сашка все понял! И, что самое ценное, ему это не сказал кто-то, не разъяснил, положил в рот и заставил прожевать, нет, он до всего этого «доехал» сам, самостоятельно. А это обстоятельство особенно важно!

— Ну, и чем же ты будешь заниматься? — скорее для проформы спросил я.

— Я буду заниматься кёкусинкай!

— Так ты им и так занимаешься.

— Я не говорю о стиле, о разновидности базовой техники. Под кёкусинкай я подразумеваю спортивный принцип ведения боя! Вот, смотри. Есть ВУКО, его я отвергаю. Есть, назовем это так, «традиционное проведение поединка», не важно в каком стиле. По своей сути, «гладиаторские бои», и эти бои находятся в самом, что ни на есть жестком противоречии и с нормами современной жизни и с нравами и обычаями современного мира, и даже с уголовными кодексами наверняка всех цивилизованных стран мира! Это дуэли с непредсказуемым для участников исходом! Есть еще жесткое, полноконтактное, силовое направление поединка. Но при всем том это не что иное, как спорт, и в таком, пусть очень жестком, но все-таки спортивном поединке есть ограничения, которое проводится в полном соответствии с установленными правилами, под присмотром четырех судей по бокам площадки и арбитра около бойцов и при наличии бригады врачей! Мы не гладиаторы, и мы не ставим своей целью уничтожение или же причинение инвалидности противнику. Мы живем

в двадцатом веке. И в своей соревновательной практике должны исходить из норм, правил и обычаев именно двадцатого, а не, скажем, тринадцатого столетия! Я буду заниматься именно спортивным направлением!

— Что ж, прекрасно. Ты на самом деле все понял, Саша! И понял правильно! Я на самом деле рад за тебя и за твой выбор пути. Я, Саш, тоже сделал свой выбор. Все события сегодняшнего вечера были организованы в твою честь. Поздравляю! Раз к тебе к твоей скромной персоне проявлено такое внимание, значит, ты на самом деле далеко пойдешь!

— Да ладно тебе, — смущенно ответил Александр. — Какое еще будущее! Мое будущее пока не простирается дальше кандидатской диссертации и черного пояса. И то все это дело под вопросом!

— Как гласит китайская поговорка: «Дорога в тысячу ли начинается с первого шага», Саш! Так, что лиха беда начало! Ты просто иди по своему пути, иди и не оглядывайся. И ни о чем не жалеешь. Мне почему-то кажется, что ты пойдешь в правильном направлении.

Александр ТАЮШКИН

— Ладно, что-то мы заикнулись на моей скромной персоне. Ты-то что решил для самого себя? — спросил я Алексея.

— Решил весьма оригинально, — ответил он мне. — Я бы сказал, что это будет явно ассиметричное решение вопроса и уж совсем не привычное использование каратэ. Я буду его использовать совсем не так, как ты, как Анджей, вообще, как все остальные.

— И каким же еще образом можно использовать каратэ? — на самом деле удивился я.

— Ты, Саш, боец по жизни, и поэтому тебя в первую очередь интересует непосредственно техника, прикладной аспект техники, и следовательно, не видишь самого леса. А я, насколько тебе известно, певец, поэтому и нет ничего удивительного в том, что в каратэ меня заинтересовало прежде всего дыхание. Ведь по-настоящему в каратэ на первом месте стоит вовсе не умение махать руками и ногами, а умение дышать. Потом дышать, потом стоять, потом двигаться вместе с дыханием, и только уже на заключительном этапе — умение размахивать руками и ногами.

— Интересный подход к вопросу — только и пробормотал я про себя. Давай, продолжай!

— Конечно, интересно. Возьми то же самое ногарэ, то же самое ибуки — чем они отличаются друг от друга?

— Ногарэ и ибуки? Ты лучше спроси, что между ними общего! Как можно сравнивать то, что нельзя сравнивать?

— Можно. Вспомни, в последние полгода я практически не уделял внимания прикладной технике, и переключился исключительно на дыхание.

— Угу. И из-за этого даже во второй круг чемпионата не вышел, — буркнул я, искренне раздосадованный тем проигрышем Лешки.

— Да черт бы с этим чемпионатом! Я еще раз повторяю тебе, что не собираюсь становиться бойцом, а вот для оперного исполнителя великолепное и совершенно иначе, чем у остальных поставленное дыхание имеет гораздо более важное, просто колоссальнейшее значение! Вот поэтому я и решил, что сосредоточу свое внимание исключительно на изучении Сантин ката и на Тэнсё.

В общем, в словах Алексея имелась своя сермяжная правда жизни и серьезный смысл тоже имелся. К тому же, если он на самом деле сосредоточится на изучении различных аспектов дыхания, заключенных в ката, то он станет уникальным в своем роде специалистом. Мало, кто у нас по-серьезному изучает «энергетические», дыхательные моменты техник. А узкие специалисты всегда в цене. Даже если они отстают от остальных в физической и общетехнической подготовке.

— Ну, что ж. Это твой выбор и твое право сделать его. Хотя лично я пошел бы по другому пути!

— Каждый человек, Саш, индивидуален, и у каждого из нас свой путь. Но я рад, что ты меня понял. Послушай, — внезапно сменил тему Алексей, — а ты знаешь, я же ведь тоже в Москве наткнулся на каратистов, я просто со всеми этими заморочками не успел тебе об этом рассказать.

— Обалдеть! — изумленно протянул я. — Бывают же такие совпадения! Давай, рассказывай!

— Да рассказывать-то особенно и нечего. Это радиофизики из МИРЭА, с Соколиной горы, которые чего-то там прочитали, что-то где-то услышали, и решили, что они тоже будут заниматься каратэ. Занимаются то они на самом деле, черт знает чем, но искренне считают, что это настоящее каратэ. Пытаются бегать по стенам зала, всякие там кульбиты и сальто делать, ну и прочую ерунду. Да, еще они на каждой тренировке регулярно становятся в ряд вдоль гимнастического бревна и бьют по нему ребрами ладоней. Считают, что они таким образом удар отрабатывают.

— Они что, «Гения Дзюдо» Куросавы насмотрелись?

— И это тоже. Руководит ими бывший боксер Роальд Шефталъ, он научный сотрудник, и поэтому считает, что если занимался боксом, то может руководить тренировками и по каратэ.

— М-да! Хотя это все и занятно, но это опасное заблуждение! — усмехнулся я. — А что у них из реального?

— Из реального у них ничего. То есть, вообще ничего! Они и со-то-укэ от гэдан-барай на самом деле с трудом отличают, и вообще путаются в разнице между маэгэри и маваси. Я уже и не говорю о стойках, комбинациях, ката и так далее.

— И что ты предлагаешь?

— Ты в эти каникулы в Москву едешь?

— Конечно! А ты?

— Я не смогу. У меня этим летом фестиваль в Сопоте, а потом, чуть позже, в Гданьске фестиваль рыбацкой песни. Все балтийское побережье будет. Мне смысла просто нет уезжать, а потом возвращаться. Но я позвоню своему двоюродному брату. Сергею Жукову, он хотел заняться настоящим каратэ, тем более, что он немного занимался у Хасимото, он этих ребятшек до какой-то кондиции доведет, а тем временем и ты подъедешь.

— Да, черт возьми! Опять этот Хасимото! Он как черт из пробирки отовсюду вылезает. Он мне уже начал надоедать.

— Успокойся! Насколько мне об этом человеке известно, он был личным, «внутренним» учеником Гогена Ямагути, а Ямагути был офицером японской военной разведки. Хасимото, судя по всему, тоже был не только учеником Ямагути. В общем, наши объявили его персоной нон-грата и выслали из страны в двадцать четыре часа. Так, что ты Хасимото уже точно не увидишь, ну, а опыт общения с его учениками у тебя уже имеется. И, насколько я могу судить, весьма положительный. По-крайней мере, общий счет встреч в твою пользу!

— А этот твой брат, Сергей, что он умеет?

— Я точно не знаю. Ну, что-то бесспорно умеет, не зря же он все-таки занимался. И с физухой у него все в порядке, с растяжкой в том числе — у него первый разряд по гимнастике. Правда, с апломбом у него тоже все хорошо.

— Ладно. Приеду в Москву, познакомимся. Посмотрим на людей и ситуацию, а там все и решим окончательно.

— Вот и хорошо. Тогда давай вперед, а то свиная нога вон уже стынет, да и «Старка» вот-вот прокиснет. За наши дальнейшие успехи, Александр! И в каратэ, и в жизни!

Сергей ЖУКОВ

Я только-только так удобно и спокойно расположился на диване, вытянув гудящие после тренировки ноги, что единственным в этот момент желанием было лежать в таком положении как можно дольше, и ничего при этом не делать. Тем более, мне совершенно не хотелось с дивана вставать и куда-то идти. Но пришлось. Длинный телефонный звонок особенного тембра трелью, которой телефонная станция обозначает междугородный вызов, подсказал мне, что это из Польши звонит мой двоюродный брат Алексей, который вот уже несколько лет как обучается в Ягеллонском университете в Кракове. Вообще-то, я всегда рад его звонкам, да, к тому же, мне еще с самого детства нравилось с ним общаться — уж больно неординарной личностью он был. Когда он поступил в знаменитое Гнесинское училище по классу вокала, то этому удивились, хотя и знали, что поет Лешка вполне прилично. Но когда после его окончания он решил продолжить свое обучение на филологическом факультете МГУ, то этому шагу никто из хорошо знавших его людей почему-то не удивился. На этом фоне тот факт его биографии, что именно Алексей был отобран придирчивой комиссией по программе международного межвузовского студенческого обмена для продолжения образования в Польше, воспринимался уже как нечто, само собой разумеющееся.

Как обычно, в трубке шел отчетливый фон, но слышимость все равно была вполне удовлетворительной, и я с первого раза нормально воспринял всю предназначавшуюся мне информацию.

— На Соколиной Горе? — переспросил его я.

— Да, да! От остановки трамвая надо немного пройти в сторону по путям, свернуть на параллельную улицу и там буквально в ста метрах увидишь школу. Пройди в спортзал и спроси Алика Шефталя. Он там ведет. В общем, договоришься!

— Шефталя?

— Да, Шефталя. А что? Ты его знаешь?

— А черт его знает! Знал я одного Шефталя. Может быть, это он и есть. Скорее всего, он и есть, фамилия-то все-таки редкая. Хо-

тя, Москва большая и людей в ней много, может быть, и не он. Посмотрим. Но все равно, спасибо, Леш! Ты-то как сам?

— Да нормально, скоро приеду на каникулы, там и поговорим подробно, давай, пока!

Я положил трубку телефона и задумался. К этому времени я уже несколько лет занимался каратэ годзюрю в секции студента Университета дружбы народов Эйги Хасимото, но надо прямо сказать, что занятия меня совершенно не удовлетворяли. К моменту прихода в эту секцию каратэ я уже имел первый разряд по спортивной гимнастике, и прекрасно знал, что такое тренировки «на износ» — что ни говорите, а гимнастика очень трудозатратный вид спорта, не говоря уже о неизбежных травмах. Спортивное и бесконтактное каратэ, которое преподавал Хасимото, чем-то было похоже на разучивание комплексов вольных упражнений в гимнастике, но я ждал от него большего. В его каратэ не было самого главного — реальности, а разучивание ката не могло заменить поединков в условиях уличной драки безо всяких ограничений и правил. Это, конечно, случайность, но буквально накануне звонка брата, размышляя о ситуации с тренировками, я пришел к выводу, что имеет смысл прекратить бессмысленные, на мой взгляд, занятия в секции годзюрю, и начать тренироваться самостоятельно, основное внимание уделяя реальному полноконтактному поединку. И тут такое сообщение! Вот уж, на самом деле, информация сама приходит к человеку тогда, когда он в ней начинает по-настоящему нуждаться! Не надо ничего искать, не надо беспокоиться о месте тренировок — все уже есть, и даже группа занимается именно «полным контактом». Нельзя сказать, что я не пытался вырваться из «заколдованного» круга, нет, пытался, но что можно было найти в качестве альтернативы? Секцию такого же бесконтактного каратэ, которую вел еще один студент РУДН им. Патриса Лумумбы Тэцуо Сато, которого все почему-то звали Сато-саном? Так шило на мыло умные люди не меняют, тем более, что Сато изначально специализировался не по каратэ, а по дзюдо, пусть и по боевому дзюдо, это дело не меняло — он и сам по-настоящему познакомился с ударной техникой только уже в СССР. Да и, кроме того, в соответствии с японской традицией он очень не приветствовал переходы учеников от тренера к тренеру. Я не спорю, Сато трепетно относится к «выставлению» базовой техники, и его ученики по праву славятся ее филигранной отработкой. Но, скажите мне, что толку от удара, пусть и великолепно отшлифованного «на воздухе», если боец не может, потому что не умеет, применить его на практике в условиях настоящего, безо всяких правил и ограничений боя! Поэтому мысль о переходе к Сато у меня даже не возникала. А сейчас, пожалуй, в этом уже нет никакой необходимости.

Эдуард ГОДИК

В этот вечер Роальд придти не смог — что-то там у него в институте, и тренировку пришлось вести мне. Я прошел в холл школы и уже собрался спуститься вниз, в спортивный зал, как заметил стройную фигуру незнакомого мне молодого человека с сумкой, явно ожидавшего кого-то из нашей группы.

— Вы к кому?

— Мне нужен Шефталъ — вежливо ответил он.

— Его сегодня не будет. Ему что-нибудь передать?

— Я, собственно-то говоря, на тренировку.

— А как вы о нас узнали?

— Мне порекомендовал обратиться к нему мой брат — Алексей Авдеев.

— Авдеев? Это тот, кто учится в Польше?

— Да, это он.

— А-а, понятно. Ну, что ж, проходи. Кимоно с собой есть?

— Да, есть.

— Даже так? Может быть, что-нибудь уже умеешь и знаешь?

— И умею. И знаю. Я немного занимался у Хасимото.

— Хасимото? Не слышал. А что он преподает?

— Бесконтактное годзюрю.

— Бесконтактное? Ну, тогда тебе у нас будет сложно.

— Посмотрим, — как-то неопределенно пожал плечами парень. — Где у вас раздевалка?

— Вот сюда и вниз. Да там увидишь!

Сергей ЖУКОВ

Я стоял в центре зала, отмечая, как он быстро заполняется учениками, старающимися не опоздать к началу тренировки. В общем, обычный зал, ничем не выделяющийся из десятков тысяч аналогичных спортивных залов по всей стране.

Рядом с залом такая же стандартная раздевалка с крючками для одежды на стенах и скамейками вдоль стен. В раздевалке неторопливо переоблачались в кимоно несколько человек, мельком взглянувших на меня и ничего при этом не сказавших. Я тоже решил не слишком трепать языком, предпочтя расставить все точки над «I» непосредственно на тренировке.

Я еще успел, выйдя в зал, немного размяться, как раздалась команда построиться в ряды и началась разминка. К той разминке, что мы делали у Хасимото, эта не имела вообще никакого отношения — это была, скорее, производственная гимнастика. Немного

побежав вдоль зала, перемежая бег различными видами прыжков, ведущий тренировку парень, а за ним и все остальные предприняли героическую попытку запрыгнуть на вертикальную стену зала и пробежать по ней несколько метром. Задумка, в общем, неплохая, жаль, что это ни у кого не получилось. Ни у кого, кроме меня. Что, в общем, совсем и не странно — мало того, что для такого фокуса надо иметь соответствующие мышцы и навыки и хорошо проработанный вестибулярный аппарат, так еще надо ЗНАТЬ, как по стенам люди бегают! Посмотрев «со стороны» на все эти бесплодные попытки «взлететь аки птица», я разбежался, запрыгнул на стоящий около стены гимнастический брус, сделал по нему несколько шагов и перепрыгнул на стену. Горизонтальная скорость позволила мне сделать, отталкиваясь от стены ногами под углом в сорок пять градусов, несколько шагов — это было достаточно, потом соскользнул с нее назад на брус, сильно оттолкнулся от него, снова «перелетел» на стену, опять несколько шагов по ней, и в последнем отталкивании в «сальто прогнувшись», твердо встал на пол на обе ноги.

— Оба-на! — только и смогла сказать группа.

— Что, ребята, нравится?

— А как это у тебя так получилось? — ошарашено спросил тот самый парень, что встретил меня в вестибюле школы.

— Да ничего сложного! — весело ответил ему я, — он даже не заметил легкой издевательской иронии в моем голосе, — так был ошарашен. — С десятков лет нормальных тренировок под руководством нормального и знающего тренера, и вы так же все будете делать.

— А что это такое было?

— А это как раз и было то самое каратэ, которым вы делаете вид, что занимаетесь.

— Мы на самом деле занимаемся каратэ!

— Да! Ну, что ж. Я могу вас в этом разубедить. Вот то, что я сейчас вам показал — это нормальная общефизическая подготовка каратиста. С этим все ясно. Давайте посмотрим, как у вас обстоят дела с базовой техникой! Что вы умеете делать?

— Вот, мы умеем делать удар ребром ладони. — С этими словами говорящий подошел к тому самому гимнастическому бревну, о специфическом использовании которого я уже был слышан, и стал, что есть силы долбить по нему ударами сверху вниз.

— Стоп, стоп, стоп! Это что?

— Как что? Это удар!

— Давай начнем с того, что это не удар, так как удар бьется не по неодушевленному предмету, ничем тебе не угрожающему, а по ре-

альному противнику, с которым ты дерешься. То, что ты сейчас делаешь — это так называемая «набивка ударных поверхностей», это просто упражнение для усиления того места кисти, которым бьется один из ударов. Но это совсем не удар.

— А что же тогда удар?

— Что такое удар? Удар — это вот это! — С этими словами я быстро встал в дзэнкуцу дати, поднял согнутую руку за голову, и резко, с выдохом опустил локоть вниз, разрубая ребром ладони ключицу воображаемого стоящего передо мною противника. Перед тренировкой я не только постирал и выгладил кимоно, но и подкрахмалил обшлага рукавов — этому меня научил еще Хасимото. Поэтому звук хлопка при резком торможении руки в конце удара был настолько гулким и хлестким, как настоящий выстрел. На ребят это произвело колоссальное впечатление.

— Этот удар называется сюто сокоцу ути. Есть несколько его разновидностей. А вот это тоже техника каратэ, — и я начал двигаться по залу в стойках, демонстрируя ошеломленным зрителям различные комбинации из ударов и блоков. — Ну что, поняли? — наконец-то остановившись, спросил их я. — Вот это — каратэ, а то, что там у вас, я даже и не знаю, каким это словом назвать!

— Тебя как зовут то? — наконец-то пришел в себя один из зрителей.

— Сергей. Сергей Жуков.

— А тебя?

— Толя. Анатолий Подругин.

— Ну, прекрасно. Давайте знакомиться?

Рональд ШЕФТАЛЬ

Как говорится, было ваше — стало наше! Еще один способ честного отъема не принадлежащего тебе имущества! Нет, конечно, секция каратэ — это не имущество, это нечто нематериальное, но это гораздо больше и гораздо важнее, чем материальное имущество — это имидж! А имидж в нашей стране, по крайней мере, в тех кругах, в которых я общаюсь, это очень и очень немаловажная составляющая жизни конкретного человека. Что такое каратэ для той части технической интеллигенции, среди которой я вращаюсь? Это возможность выйти из рамок уже давно всем осточертевшей «марксистско-ленинской идеологии», возможность слегка и особо ничем не рискуя пофрондерствовать в своем узком кругу. Нет, я, конечно же, прекрасно осознаю, что идеологическое управление КГБ свой хлеб просто так не ест, но в нем работают такие же интеллигентные и умные люди. Они всегда отличат интерес к индуизму и дзэн-буд-

дизму интеллигентного человека от глупого и не разумного диссидентства! Заниматься каратэ — модно, это ново, свежо, это показывает нетривиальность личности. А с такими людьми всегда дружат такие же продвинутые люди, которые, кстати, очень часто почему-то занимают вполне солидные должности в научных институтах и совсем не против того, чтобы продвинуть по служебной лестнице «равного себе» коллегу. А уж как сладостны и успокоительны для души неспешные беседы в покойных гостиных солидных и успешных людей, под чашечку настоящего, заваренного «на песке» ароматного, привезенного из последней зарубежной командировки колумбийского кофе с капелькой французского черносмородинового ликера, о котором здесь знают только истинные ценители!

Каратэ — это комильфо, это интеллигентно, тонко, это для солидных и знающих себе цену людей. Это почти так же, как и с совсем недавно появившимся айкидо: обратить силу агрессора против него же самого. Это даже почти по-христиански. А если человек настолько продвинут в своем развитии, что не только может свободно обсудить теоретические аспекты восточных единоборств, но еще и сам ведет секцию по реальному применению этого учения на практике, то одно следует утверждать: этот человек нашего круга! Каратэ — это вам не бокс. Бокс — это грубо и слишком примитивно, бокс — это бокс, в нем бьют по лицу, и после бокса синяки и болезненные ощущения во всем теле, нет, только каратэ! Ну, разумеется, лично я, имея звание мастера спорта по боксу, прекрасно осознаю, что на улице, в случае чего, применяться будет исключительно бокс, а не это «философическое», и пока не понятое мною с точки зрения реальной пользы в драке каратэ! Но это знаю я — мастер спорта по боксу! Но зачем же это знать остальным? Ведь бокс в наших кругах — совсем не комильфо!

Я создал свою секцию по каратэ. Чем мы в ней занимались — это совсем другой вопрос, главное, что я вел секцию по каратэ! И вот приходит какой-то мальчишка, и в один момент уводит у меня всех моих учеников! Ну, что это такое! И группа хороша! Вместо того чтобы хранить верность Наставнику, сразу бросилась учить за ним, все то, что он дает! С другой стороны, как человек, разбирающийся в поединке, я признаю, что дает он неплохо. Ну, с методикой преподавания у него есть проблемы — не умеет он учить, но технику знает. И как применить ее на улице, тоже знает, и, самое главное, умеет. В первый момент, на эмоциях, я даже хотел закрыть зал и выгнать вообще всех на улицу под тем предлогом, что не доросла еще группа до истинных знаний, надо людям еще поработать над собой в индивидуальном порядке, помедитировать в одиночестве. Но по-

том понял, что нет худа без добра. А зачем, скажите мне на милость, закрывать зал? Пришел настоящий специалист? Великолечно! Будем учить у него настоящую технику каратэ, не помешает, кстати, знать ее на самом деле, может, что полезное из этого дела и выльпится! А формально группа по-прежнему под руководством Роальда Шефталя, он ведет в ней занятия. Ну, а то, что он периодически доверяет тренировки молодому ученику — что это может сказать о нем, кроме того, что Шефтал, как и положено мудрому Наставнику, дает расти своим ученикам и не сдерживает их прогресс!

Я сам начал изучать технику каратэ, но, так как в этом зале всем всё было прекрасно известно, в том числе и история группы, то начал потихоньку готовить условия для открытия еще одной, уже только своей секции в Звездном городке. Тренер и Наставник отряда космонавтов — это так романтично, солидно и основательно!

Александр ТАНИУШКИН

Скоро наступит пора ехать в Москву, Лешки не было ни на одной тренировке. На все мои к нему вопросы он только лишь отмалчивался, загадочно улыбался и говорил, что готовит сюрприз, который всем нам обязательно понравится. Судя по настрою Анджея, ему такое поведение Алексея совсем не нравилось, и я не был уверен, что он найдет в себе силы и сможет по достоинству оценить и трудозатраты Алексея, и время, и, самое главное, полученный результат. Но вот в один из дней Алексей пришел, как и раньше, на тренировку.

— Ну, что покажешь, чем порадуешь и удивишь? — спросил его Анджей, когда группа закончила обычную разминку.

— Сейчас.

Лешка скинул куртку кимоно, вышел на центр зала, и каким-то изменившимся голосом, не произнес, а прорычал: «Сантин»!

В этом рыке настолько отчетливо и явственно слышалась неистребимая жажда получения не важно чей, но обязательно чьей-то жизни, что я опешил и в растерянности замер на месте. Краем глаза, уловив около себя какое-то движение, я только лишь сумел отметить, что стоявший секундой ранее около меня Збышек в полном благодушии, наслаждаясь совершенно незапланированным отдыхом после изнурительной разминки, начал тихо-тихо отодвигаться назад. С этого момента Алексей полностью завладел моим вниманием. Он вдруг немного сгорбился вперед, а потом с сухим щелчком полной концентрации изо всех сил проткнул пальцами рук воздух вдоль своего тела.

Помнится, в детстве меня всегда потрясала одна и та же сцена в фильме «Морозко», в которой главный герой вдруг превращается в медведя. Помню, что тогда волны ужаса захлестывали мое сознание, слезы сами лились из глаз и эти ощущения были выше и сильнее меня. Я сидел в кресле, сжавшись в комок, не в состоянии пошевелиться или даже вскрикнуть. Примерно то же самое я испытывал и сейчас. Замерев на одном месте в столбняке, я молча наблюдал за процессом перевоплощения моего друга в дикого, жаждущего крови страшного зверя. В одно мгновение тело Алексея сразу же затвердело от нечеловеческого напряжения, а еле видимые до этого сухожилия набухли и превратились в стальные корабельные канаты.

Передо мной, буквально в нескольких метрах, стоял оборотень, и не просто оборотень, а настоящий злобный и смертельно опасный громадной нечеловеческой силы зверь, неторопливо озирающийся в поисках жертвы. До этого всегда добрые и лучистые и даже после самой трудной тренировки его смеющиеся глаза превратились в узкие щелочки, излучающие флюиды свирепости и непреклонного желания убивать. Из неплотно прикрытого рта время от времени, одновременно с поворотами корпуса и кругообразными движениями рук, вырывался первобытный звериный рев, и в этот момент я вдруг, впервые, но абсолютно ясно понял, как ведет себя перед смертельной схваткой могучий тигр, собирая воедино всю мощь своего тела и психики. Алексей развернулся в мою сторону, и мне показалось, что из его глаз вылетело нечто подобия молнии, пригвоздив и меня и всех остальных к одному месту. Мы стояли полностью парализованные, не в силах пошевелить даже кончиками пальцев, я лишь ощущал, как встали дыбом волосы на моем теле. Холодные мурашки сменил ледяной пот, прокатившийся по телу с головы до ног, и меня начал бить крупный озноб.

Я никогда не испытывал чего-либо подобного. Это трудно описать, это надо видеть. Все закончилось так же мгновенно, как и началось. Перед нами снова стоял улыбающийся Алексей, а мы смогли перевести дух.

Анджей ДРЕВНЯК

Я не верил собственным глазам.

— Это Сантин но ката?

— Да, это Сантин.

— И где же ты ее выучил? И у кого? — я не мог скрыть своего

восхищения увиденным, и зависти от того, что вот я лично так не могу.

— В Консерватории был один японец, ему сказали, что я занимаюсь каратэ и он захотел познакомиться со мной.

— Ну и?

— У него оказался пятый дан по Уэтирю.

— Пятый дан! — чуть ли не хором воскликнули мы. — И ты об этом молчал?

— Он поставил условие, что о наших тренировках никто не должен знать. Он сказал, что если я хоть одному человеку расскажу, что мы с ним занимаемся, то тренировки тут же прекратятся. А мне очень хотелось освоить Санчин.

— И ты все это время молчал, — с какой-то горестью в голосе проконстатировал Анджей.

— Как видишь, — спокойно ответил ему Алексей. — Кто бы выиграл, если бы я рассказал вам об этом человеке, он прекратил бы заниматься со мной, я бы ничего не выучил, и, как следствие, не смог бы ничего передать вам.

— Да нам после этого и так ничего от тебя не нужно! Научился — молодец. А теперь свободен. Можешь идти на все четыре стороны.

— Зря ты так, Анджей, но, в общем, как знаешь. Твое дело. — Алексей спокойно поднял куртку и вышел из зала в раздевалку.

Александр ТАНИУШКИН

— На самом деле, Анджей, зря ты так, — повторил я, провожая взглядом уходящего из зала Алексея. — Мы вполне сможем получить эти знания и через него.

— Ты не понимаешь, Саш, он предал всех нас, всех!

— Да ничем он никого не предавал. Если этот японец поставил такое условие, то это его право. Хозяин-барин, как у нас говорят. Хочу — учу, не хочу — не учу. А если хочу учить, то только вот на таких условиях. Что мы потеряем, если возьмем технику не от японца, который нас все равно бы ничему не научил, а от Алексея?

— Технику надо брать только из первоисточников. Все остальное — уже не верно. Но в любом случае, я так решил!

Алексей АВДЕЕВ

Выходя из зала, я не обернулся. Просто вышел — и все. Как оказалось — насовсем.

Я увидел Ёжи Ковалевски совершенно случайно — просто шел по улице, а он, вернее, они, стояли среди кустов небольшой рощицы около автобусной остановки. С одной стороны, они, вроде бы, вместе с остальными людьми ждали автобуса, а, с другой, почти скрытые листвой кустарника, были совершенно одни. Я залюбовался этой парой. Сейчас, в свои четырнадцать, Ёжи из обыкновенного мальчишки, которым он был еще год тому назад, превратился в настоящего парубка, уже даже не подростка, а почти юношу. Высокий, красивый, с хорошо развитой благодаря постоянным занятиям фигурой, он больше походил на юношу, чем на четырнадцатилетнего, в общем-то, все-таки еще мальчишку. И спутница у него была под стать ему — такая же! Молодая — не более тринадцати лет девчонка, стройная, с задорно-улыбчивым выражением лица. Я прямо-таки залюбовался этой парой — так хорошо, так гармонично они смотрелись со стороны! Я улыбнулся, и пошел дальше, и совсем уже было обогнул эту рощицу, оставив ее за спиной, как услышал сзади какой-то придушенный вскрик. Обернувшись, я увидел, как двое мужчин отнимают у спутницы Ёжи сумочку, а сам он оседает на землю — в руке третьего нападавшего тускло сверкнуло лезвие ножа.

Так быстро на короткие дистанции «на взрыв» я не бегал даже на тренировках. Бандиты слышали топот только тогда, когда я был от них уже всего в нескольких шагах. Последний переступ, левая нога рывком вверх, выпрыг вверх, передергивание бедрами и правой ногой с закруткой по всем канонам техники тоби ёко гэри, я пяткой прошибаю голову стоящего около Ёжи мужчины с ножом. Это было правильное решение — первым делом выбить именно вооруженного, а потому наиболее опасного противника. Есть ножи у остальных, нет — не важно, с этим потом разберемся, но вот у этого есть совершенно точно! Ему и первый удар! Бандит валится на землю, я кидаю быстрый взгляд на Ёжи, отмечая кровавое пятно, быстро расплывающееся по его летней рубашке, и дикая, сумасшедшая, совершенно первобытная злость захлестывает меня. Этот, с ножом, он еще не успел упасть на землю, а я, совершенно не соображая. Что делаю, «тигровой лапой» — впадинкой между оттопыренным большим пальцем и вытянутой ладонью, резким коротким движением прошибаю ему горло.

Все произошло настолько быстро, что остальные двое за это время только успели сбить Ёжи девчонку на землю и отнять у нее сумочку. Они, едва успев взглянуть на меня, появившегося «из ниот-

куда», как левое кансэцу гэри сломало одному из них колено, а дзёдан маваси гэри туюсоку с правой ноги прошибло висок другому. Все!

— Люди, сюда, быстро!! — крикнул я стоящим на автобусной остановке. — Вызовите скорую! Немедленно вызовите!! Здесь ножевое ранение!

Мужчины, стоявших на остановке, продрались сквозь заросли кустов, быстро поняли, что именно здесь произошло, и сразу же бросились к висающему на будке автобусной остановки телефону-автомату, а я встал на колени перед лежащим на земле Ёжи.

— Ты как?

— Богдан! Ты? Откуда?

— Ты как себя чувствуешь? Куда тебя ударили?

— Вот сюда, — он показал на грудь. — Я Галку защищал. Они хотели ее ограбить, они сначала меня не видели!

— Ладно, с этим потом разберемся! Ты сейчас, самое главное не теряй сознания, разговаривай со мной, сейчас врачи подъедут.

— А где Галка? Галка где? — прошептал он бледнеющими с пугающей быстротой губами.

Я обернулся, и увидел, что его спутница стоит рядом, прижав руки к лицу, и широко открытыми от ужаса глазами смотрит на Ёжи.

— Так, — подумал я, — еще и шоковое состояние. Только этого не хватало!

— Встряхните ее! — крикнул я столпившимся вокруг нас людям, — встряхните ее! Вы, что, не видите, что она в шоке!

И в этот момент, практически одновременно с полицией, подъехала машина «Скорой помощи». — Ну, слава, Богу, — подумал я, — успели!

Людия ВАЛЕВСКА

Я в шоке!!

— Ну, о каком порядке можно говорить, если ясным днем, в центре столицы какие-то сбежавшие из тюрьмы бандиты нападают на прохожих, — почти кричала в лицо я своему мужу. — О каком порядке вы, там, у себя в горсовете думаете? Что вы там вообще делаете? Что было бы, если рядом с Галкой не было этого мальчика? В какой больнице он лежит, и почему ты его до сих пор не перевел в центральную городскую клинику? Я тебя спрашиваю, почему ты его не перевел в городскую клинику? Отвечай!

Владзимеж ВАЛЕВСКИ

Я знаю свою жену — если она завелась, то это так надолго, что можно смело уходить в другую комнату.

— Этот мальчик, Ёжи, уже переведен, — мягким тоном — он единственный может остановить поток эмоции моей жены, ответил я ей. — Вот уже полдня, как он там. Операция прошла успешно, и у него все хорошо.

— Немедленно едем к нему! — безапелляционным тоном заявила супруга. — Мы все должны этому подростку, и ты просто обязан лично контролировать ход его лечения и смотреть все ли у него есть! Этот юноша спас нашу дочь, и с этого момента я буду относиться к нему как к собственному сыну! Ты меня слышишь?

— Слышу, слышу, — устало ответил я, понимая, что спорить с женой абсолютно бесполезно, и самое умное, что можно сделать в этой ситуации — это вызвать машину для поездки в клинику.

Я уже несколько лет занимаю ответственный пост в исполкоме Варшавы, даже можно сказать, я вхожу в десятку высших руководителей города. Но, руководя большим городом, я ничего не могу поделать с собственной женой, и иногда мне кажется, что я руководжу городом, а она руководит мною. Се ля ви, как говорят французы! Когда мы зашли в отдельную палату, которая моим личным распоряжением была выделена этому отважному мальчику, то увидели, что он не один. Около него сидел какой-то мужчина, и они оживленно разговаривали, если это можно назвать разговором — парень еще с трудом шевелил губами.

Лидия ВАЛЕВСКА

Я просто очарована паном Богданом! Да и разве может быть иным преподаватель Варшавского университета? Умен, образован, по-европейски воспитан, с хорошим чувством тонкого английского юмора! Теперь я абсолютно спокойна за Галку — она в компании хороших людей!

— Пан Богдан, я все понимаю, но позвольте вас спросить — что я могу для вас сделать? — спросил муж.

Как я и ожидала, пан Богдан улыбнулся и отрицательно покачал головой. — Благодарю вас, пан Влодзимеж, но мне ничего не надо. Хотя, — вдруг остановился он, — а не могли бы вы помочь нашему клубу зарегистрироваться официально?

— А вы, что, не зарегистрированы?

— Увы, пан Влодзимеж, нет. Никто не хочет регистрировать клуб каратэ!

— Влодзимеж, ты обязан помочь в регистрации — безапелляционно вмешалась я. — Пан Богдан, как и подобает настоящему джентльмену, ничего не хочет для себя, но клубу надо помочь! Кроме того, Галка уже сказала, что она тоже будет посещать занятия по каратэ. Не может же наша девочка ходить в неофициальную секцию!

— Да, я знаю, — в задумчивости протянул муж. — Каратэ, джаз, непонятно почему бридж — это все отнесли к тлетворному западному влиянию. — Он огляделся по сторонам, и добавил: «Глупость, конечно, но что поделать»?

— Влодзимеж, так ты сможешь? Я знаю своего мужа. И если на него как следует надавить, то он будет тянуть с решением вообще непонятно сколько времени, а в этой ситуации необходимо быстро принять решение.

— Да, — после некоторого молчания ответил он. — Мы сделаем это в несколько этапов. Сначала вы зарегистрируете клуб дзюдо и самообороны — на этом этапе к вновь открывающимся организациям самое пристальное внимание. Потом мы подождем пару недель, и добавим в название слово каратэ — это делают служащие, и контроля уже практически никакого нет, и я поговорю с кем надо. А чуть позже мы снова поменяем название клуба, и уберем вообще все, кроме каратэ. Вот таким образом, через пару месяцев ваш официально зарегистрированный клуб будет клубом каратэ. Такой путь вас устроит?

— Конечно, пан Влодзимеж! Я вам очень благодарен.

— Никаких благодарностей! — чувствуя, что ситуация уходит из-под контроля, снова вмешалась я. — Никаких благодарностей! Это мы вам благодарны!

— Ну, что вы, пани Лидия! Разрешите поцеловать вам ручку!

Я всегда говорила, что воспитанный и интеллигентный человек таковым и останется в любой ситуации.

Сергей ЖУКОВ

Ну, первый промежуточный этап мною достигнут. Я хотел уйти — и ушел. Я хотел найти зал, в котором мог бы сам осмыслить полученные ранее знания и спокойно тренироваться — я такой зал нашел. То, что пришлось отодвинуть на задний план старого руководителя группы — ерунда! Кстати, я вспомнил этого Шефталя. Это на самом деле был тот самый мужик, что как-то пару-тройку раз появлялся у Хасимото, и чего-то там пытался освоить. Но так и не ос-

воил. И с растяжкой у него были, помнится, большие проблемы, и никак не получалось забыть, отбросить свою боксерскую технику и с чистого листа начать учить выполнение удара по технике каратэ. В общем, походил этот мужик на занятия, походил, да так как-то и исчез. О чем, насколько я помню, никто не пожалел и никто никогда о нем не вспоминал. И тут — нате вам, здрасте! Руководитель группы каратэ! Хасимото узнал — собственными руками прибил бы за такое самозванство!

Но пока меня все устраивает. В ожидании того момента, когда придет из Польши тот самый мастер реального поединка с отточенной техникой, о котором говорил Лешка, и у которого можно будет многому научиться, я решил в этом зале поддерживать форму, а заодно и натаскать ребят. Всегда хорошо, если твои ученики не пустое место, а их и показать в случае необходимости не стыдно! И мы начали тренироваться.

Александр ТАНЮШКИН

Я снова в Москве! Сдана летняя сессия, кстати, один из экзаменов принимал опять дядя Яна Дидуха. Классный старикан! Прогнал меня по всему курсу, но добродушно, без всякой злости. В какой-то момент мне даже показалось, что ему искренне интересно посмотреть, как же на самом деле занятия спортом влияют на интеллектуальное развитие студента. Но, судя по тому, что претензий у него ко мне не было, и он опять поставил мне «отлично», никакого негатива он не обнаружил.

Вот я и в Москве! Теперь надо позвонить Николаю Мельничуку, выяснить, что в столице в кругах каратэ нового и интересного, и есть ли в ней еще интересные с этой точки зрения люди.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Ну, наконец-то!

— Привет, Александр! — прокричал я в телефонную трубку. — Когда приехал?

— Да, вот, только что, буквально несколько часов назад, — ответили мне. — Что нового в городе?

— Ну, новостей полно! Увидимся?

— Конечно!

— Кимоно брать?

— Обязательно! Есть пара интересных новых связей, да и позаниматься совсем не мешает, а то я, пока в поезде ехал, застоялся.

Александр ТАНЮШКИН

Я еще некоторое время походил по квартире, потом подошел к телефону и снял трубку.

— Алло! Это Сергей Жуков? Здравствуйте, Сергей! С вами говорит Александр Танюшкин, вас должен был предупредить о моем звонке Алексей Авдеев.

— Да, здравствуйте, я жду вашего звонка.

— Мы можем увидеться, посетить зал и потренироваться?

— Конечно! Мы сейчас перебрались в другой зал, и теперь занимаемся у метро «Войковская», там буквально сто метров пройти по трамвайным путям.

— Хорошо, когда у вас ближайшая тренировка?

— Завтра в семь вечера.

— Прекрасно, тогда давайте увидимся в центре зала в полседьмого вечера.

— Договорились!

Алексей АВДЕЕВ

Правильно говорят, что после пребывания за границей надо снова привыкать к нашей советской действительности. Нет, я не спорю, что Польша социалистическая страна, правда, она все-таки не слишком социалистическая. И в Польше тоже, как и в СССР, есть практически такая же, как и в СССР, своя партийная номенклатура, почему-то точно так же, как и у нас, считающая, что лучше всех остальных знает, как этим остальным жить и что делать. Но, все-таки, Польша не СССР. Наверное, точно так же, как и все остальные социалистические страны Восточного Договора. Она не такая практически по всем параметрам, не настолько социалистическая, нежели СССР, и в ней все-таки «легче дышать», и ее гражданам в повседневной жизни позволено гораздо больше, чем жителям СССР. Именно поэтому всем тем, кто возвращается после нескольких лет жизни за рубежом, надо по новой учиться воспринимать родную действительность и все те «свинцовые мерзости жизни», которые из-за «замыливания глаз» не замечает никуда не выезжающее за пределы границ подавляющее количество граждан СССР. И которые сразу же бросаются в глаза не только иностранцам, но и всем тем, кто хоть немного видел другой уклад жизни и знаком с жизнью людей в других странах. Вот почему наши власти так неохотно выпускают жителей страны за рубеж, и так мало впускают в страну даже иностранных туристов.

По приезду я сразу же разыскал двоюродного брата Серегу, с целью ознакомиться с положением дел в тренировочном процессе. В Польше мы могли сами организовывать любые соревнования, вплоть до чемпионата страны. В глубине души я был абсолютно уверен, что ничего даже близкого к тому, что мы делали там, здесь нам не позволят, а потому, как разумный человек, считал необходимым сначала изучить обстановку. И только уже потом, после получения четкой информации, действовать согласно реальному положению дел. Я считаю, что теперь, когда я благополучно, без единого нарекания со стороны соответствующих контролирующих государственных органов отучился за границу, приобрел надлежащую для дальнейшей карьеры репутацию, передо мной, в буквальном смысле этого слова, открыты все двери. В том числе, что немаловажно, и за границу. Поэтому было бы глупо рисковать своим социальным положением в обществе. И в этом, по-моему, нет ничего крамольного. Я не дурак, все вижу и все понимаю. Я не могу исправить ситуацию в стране, и, следовательно, у меня есть два выхода — либо протестовать и де-факто погибнуть, либо приспособиться к ситуации и реально и таким образом выжить. Лично я выбираю второе.

Тадеуш КАСЬЯНОВ

Тренировка, как тренировка. Самая, что ни на есть, обычная и ничем особенным не запоминающаяся. Если, конечно, не считать того, что всю ее вторую половину меня неотрывно мучила мысль, где же взять деньги на аренду этого спортивного зала в следующем месяце, до которого оставалось два дня. Плату надо было вносить в первый день месяца, а денег не было, и я никак не мог сообразить, откуда же им взяться.

— Тэд! — погруженный с эти горестные мысли, я даже не услышал, как ко мне подошел Алексей. — Тэд! Сегодня, чуть попозже к нам придет парень, он учится в Польше и там же занимается у поляка. За него просили, поэтому оставь после тренировки пару-тройку парней показать ему нашу технику, и сам не уходи. Давай поговорим с ним.

Опять придется тащить из семьи, — с какой-то обреченностью подумал я. — Ладно, потом разберемся.

Алексей ШТУРМИН

Понятия не имею, что представляет собой этот Саша! Ну, да, конечно, мир московского каратэ узок и кое-что я о нем уже слышал.

Боец там, — убийца, только полный контакт и все такое прочее. Посмотрим. Поэтому я и согласился на переданную мне через третьих лиц просьбу разрешить ему посетить тренировку. Нам это не мешает, а личное знакомство с каким-никаким, а все-таки представителем зарубежного каратэ лишним не будет! Пусть придет, не жалко!

Пока «ребята с Маяковки», как нас называют, по праву занимают ведущее положение в Москве. У нас парней самая отточенная техника, даже ученики Сато не могут с нами соревноваться в этом, у нас самое методически грамотное построение тренировок, надо все-таки отдать должное Тэду, в общем, мы самые-самые. Вот только связей и контактов с людьми нам здорово не хватает, и очень жаль, что Тэд не слишком вникает в это дело! Сильные и грамотно подготовленные бойцы — это хорошо, это прекрасно, но зачем они будут нужны, если им не с кем и негде будет драться? Можно, конечно, соревноваться между собой или с учениками других таких же неофициальных школ, но я то хочу совсем другого! Я хочу официального признания каратэ как нового вида спорта в СССР! А этого никогда не произойдет без завязывания нужных связей с нужными людьми!

Александр ТАНИУШКИН

Я вышел из баскетбольного зала на Маяковке со смешанными чувствами.

С одной стороны, техника учеников мне понравилось — их стремление довести отточенность техники до совершенства было видно вполне отчетливо, что определенно говорило в пользу этого тренерского тандема. Во время моего разговора с Алексеем и Тэдом я неторопливо разглядывал как они, в безупречных классических стойках, выполняя второй хэян, передвигаются в нескольких метрах от меня.

— А что ты можешь? Покажи, — попросил меня Алексей, после короткого представления.

Я быстро скинул верхнюю одежду и выполнил сначала ёко гэри, а потом и усиро гэри, все выше собственной головы, поднимая ударную ногу практически вертикально вверх.

— Ничего не могу сказать, хорошо! — восхищенно проговорил Алексей, обращаясь к своему напарнику Тэду, и тот одобрительно кивнул головой.

— Ладно, ребята, приятно было познакомиться, мне пора, спешу, — сказал им я после этого представления, и оделся так же быстро, как и скидывал одежду за пару минут до этого.

— Хорошо. Заходи как-нибудь.

— Обязательно!

Это было просто данью вежливости, я знал, что вряд ли когда-нибудь зайду сюда еще раз. По причине того, что мне у них просто неинтересно. Техника? Да, с техникой у них неплохо, и я бы даже сказал, что хорошо. Но не техникой единой, как говорится, жив человек. А если у вас неправильная или не соответствующая вашим представлениям о поединке манера боя? Кстати, их манера — WUKO, мне не подходила. Они явно не мои единомышленники. А раз так, то зачем мне к ним ходить! У меня слишком мало времени, чтобы просто так расхаживать по гостям.

Юрий ВДОВИН

Это был хороший удар — быстрый, резкий и хлесткий, и, в то же самое время, по-настоящему сильный. Безусловно, парень когда-то серьезно занимался боксом, и, судя по тому, насколько грамотно он вложился в удар корпусом, можно определить: он далеко не новичок в боксе. Не мастер, конечно, но где-то около этого. Но он не знал, что перед ним не какая-нибудь там тусовочная рохля, каких достаточно в заведениях типа «Метлы», в которой мы сейчас и находились, а самый, что ни на есть профессиональный боксер. Поэтому так хорошо сфокусированный и резкий удар парня не прошел. Вернее, удар-то прошел, только вот не попал. Всего чуть-чуть завернуть корпус по нисходящей дуге вниз и налево, и вот уже мой правый кулак коротким прямым на нырке прошибает ему печень, а на обратном движении крюком слева в ту же самую печень, только сбоку, добивает его окончательно. Противник мешком стал оседать у моих ног.

И вот тут я услышал шорох. Кто-то обхватил меня сзади двумя руками, сковав предплечья, и короткими рывками начал поднимать вверх, собираясь произвести бросок, что мне совсем не понравилось. Надо срочно принимать контрмеры. Для этих непонятных для меня людей сегодня явно был не их день! Если первый противник не был в курсе о том, что я мастер спорта по боксу, то второй совершенно точно ничего не знал о моих занятиях каратэ у Сато-сана. Как только мои ноги оторвались от пола, я резко дернул головой назад, ударив «борцу» в лицо и сразу же разбил ему нос, а потом, убрав в сторону бедро, коротким сабельным ударом ребра ладони разрубил противнику пах. Дальше все было рутинным делом техники.

Из темного угла короткого коридора, под прямым углом примыкавшего к двери в туалет, в который я, в общем-то, и направлялся,

послышалось сдвоенное хныканье, и через пару секунд с пола поднялся Виталик — второй бармен «Метелицы».

— Ну? Чего это они к тебе пристали?

— Денег требовали! — сквозь слезы промычал он.

— Денег? Ты, что кому-то задолжал? — Я никак не мог поверить в то, что бармен «Метлы» редко когда уходящий домой после смены без честно заработанного левого «стольника», взял у кого-то в долг и не смог вовремя вернуть взятое.

— Нет, они хотели, чтобы я им каждый день отдавал половину заработанного.

— Ага! Понял. Они хотели, чтобы ты с ними делился. А ты протестовал! Так?

— Да! — Виталик кивнул, и по его лицу опять обильно потекли слезы. В этот момент я краем глаза отметил какое-то непонятное шевеление тел, пытавшихся подняться на ноги.

— Ну, что ж, Виталик, люди хотят тебе что-то сообщить!

Виталик задрожал и сделал попытку пройти сквозь стену.

— Вижу, ты не склонен к общению с ними. Так?

— Так, так! — молча ожесточенно закивал головой Виталик, всем своим видом показывая, насколько ему неприятно общение с этими плохо воспитанными людьми.

— Ты кто такой и почему лезешь не в свое дело? — прохрипел «боксер», еще инстинктивно прикрывая локтем пробитую мною печень.

— Что, болит? — вместо ответа с участливым выражением лица, всем своим тоном показывая, насколько я ему сочувствую.

— Не лезь не в свое дело, и уматывай отсюда! — услышал я в ответ на вежливое свое понимание его ситуации. — Не лезь и уходи, иначе сам на счетчик станешь!

— Да ну! — удивился я. — И кто же это меня на него поставит?

— Я и поставлю!

— Тяжелый случай, — пожал я плечами, и коротким, одними трицепсами, резким ударом точно в середину подбородка отослал своего собеседника в глубокий нокаут. — Ладно, — пробормотал я «про себя», — послушаем, что нам скажет второй.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Так получилось, что я не сразу расслышал звуки ударов из «туалетного» коридора. Ансамбль, пытающийся громкостью звука компенсировать недостаток мастерства исполнения, напрочь заглушал все звуки зала, и даже сидящим за одним столиком людям приходилось повышать голоса, чтобы их могли услышать собеседники. Ес-

ли быть точнее, то я услышал только один, зато очень четкий, звонкий шлепок, какой всегда бывает, когда костяшки кулака прошибают чью-то челюсть. Как раз в этот самый момент музыка стихла, и в наступившей тишине эта плюха прозвучала особенно громко и отчетливо. Несмотря на то, что в таком развитии событий не было ничего такого, что могло бы удивить завсегдатаем «Метелицы» — ну, подумаешь, кто-то дал кому-то по лицу, ну и что здесь такого, тоже мне, какая невидаль, головы сидящих повернулись в сторону прозвучавшего удара. Я вскочил из-за столика и понесся в туалет, куда пару минут назад отправился Юрка. И, следовательно, то, что авторство этой самой плюхи принадлежало ему, можно было не сомневаться. Я не беспокоился за него — Юрка еще тот парень, из тех, кто может постоять за себя, но, тем не менее, я прекрасно понимал, что репутация у «Метелицы» та еще, и в этом месте никогда просто так не стоит шелкать клювом! Всякое в ней может произойти!

Когда я влетел в коридорчик, Юрка методически, не слишком уж сильно, скорее так, для острастки, охаживал локтями по корпусу прижатого к стенке какого-то кренделя, то и дело, шелкая того открытой ладонью по щекам. Перешагнув через валяющееся в беспмятстве на полу тело, я подошел к Юрке вплотную и только сейчас заметил зажавшегося в угол Виталика, у которого не более чем пять минут назад я брал очередную «Кровавую Мэри».

— Юр, проблемы?

— Уже никаких. Ладно, Виталик, — сказал он, обращаясь к бармену. — Ты иди к себе в бар, а мы этих сейчас по черной лестнице спустим. Подожди к нам попозже, поговорим.

Юрий ВДОВИН

Я еще раз посмотрел в ошалевшие от страха глаза бармена, и мне понравилось его предложение. Но чем больше я над ним размышлял, тем оно мне нравилось все больше и больше.

— И сколько же ты хочешь нам предложить? — переспросил его я, одновременно с этим взмахом руки подзывая к себе болтающего в углу зала с каким-то своим знакомым Кольку Мельничука.

— Двадцать пять, — дрожащим голосом повторил бармен.

— На каждого! — еще не понимая, о чем именно идет речь, но, очень удачно процитировав известного персонажа, вмешался в разговор Николай.

Бармен каким-то затравленным взором, посмотрел на меня.

— Ладно, — сделав вид, что сжалился над ним, произнес я. — Так уж и быть, сегодня по двадцать пять на каждого, тебя сегодня на са-

мом деле отбивать придется, и оптом по двадцатке в день на обоих, если заказываешь услугу на целый месяц со второго раза.

— А не много? Вдруг они отвяжутся?

— Отвяжутся? — расхохотался я. — Да кто же сам по себе отвязывается от денег? А тебя только доить и доить! Ты же по сотке в день зарабатываешь! Как можно самому от такого пирога отказаться? Нет, Виталик, сами по себе они от тебя уже не отвяжутся!

— А вы не боитесь, у них же наверняка ножи есть!

— Ты, Виталик, плати, а все остальное пусть тебя не волнует. Хорошо?

— Ладно, но расчет только после того, как я буду стоять около дверей квартиры.

— Идет. Я надеюсь, что у тебя хватит ума не делать глупых поступков?

— Юра, ну о чем ты говоришь! Ты же прекрасно понимаешь, что у меня нет выхода! Не в милицию же мне обращаться, на самом-то деле!

— О, да! В милиции тебя просто заждались! — изо всех сил желаю, чтобы такое выгодное дельце не сорвалось с крючка, проговорил я. — Они тебя на самом деле и как родного примут, и защитят! Правда, потом все равно посадят.

— Вот-вот, — чуть не плача, проговорил бармен. — А оно мне надо!

— Ладно, хватит болтать. Ты заканчиваешь как обычно, в двенадцать?

— Да.

— Мы будем тебя ждать сразу около дверей на проспекте. И не вздумай выходить на улицу даже без пяти минут двенадцать. Или ровно, или чуть позже!

— Я понял.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Я шел за «клиентом», метрах в десяти-пятнадцати позади него, в то время как Юрий возглавлял колонну, идя впереди всех. Клиент вышел ровно в назначенное время, а перед этим мы осмотрели близлежащие переулки, а, выйдя на проспект, внимательно осмотрелись по сторонам. Вокруг все было тихо.

— Как считаешь, где его ждать будут? — спросил я Юрия.

— Если здесь никого нет, то, скорее всего где-то в районе дома, — чуть помедлив, ответил он. — Они дадут ему время успокоиться и расслабиться, и когда он решит, что все обошлось, вот тут-то они и появятся.

— Что-то мне не кажется, что это обычная шпана.

— А нам то до этого какое дело! — усмехнулся Юрка. — Челюсти у всех ломаются одинаково, и печень пробивается точно так же.

В этот момент Юрка остановился, и через пару секунд мы подошли к нему.

— Поподробнее еще раз расскажи про свой двор, — попросил он клиента.

— Про свой двор, или про тот, в котором я сейчас живу? — Судя по взволнованному лицу, парень совсем потерял голову.

— На кой хер мне твой родной двор! Разумеется, о том, куда мы сейчас идем!

В этот момент из густой тени, лежавшей во всю ширину узкой улочки старого Арбата, преграждая проход, навстречу нам вышло три человека. Я обернулся, и буквально в нескольких метрах от нас увидел еще две массивные фигуры.

— Я же говорил, что они просто так не отвяжутся! — проблеял бармен, иначе и не назовешь его тон.

— Заткнись! — коротко бросил ему Юрий. — Николай, вперед! — громко, так, чтобы слышали наши противники, почти крикнул он мне.

Но вся фишка была как раз в том, что мы бросились не на ждущую нас спереди троицу, а на этих здоровенных амбалов, стоявших позади нас, в полном соответствии с той тактикой драки, которую мы разработали перед крыльцом «Метелицы» в ожидании нашего клиента.

Юрий ВДОВИН

Все началось сразу и без долгих предисловий. Наша договоренность сработала, и ее хватило на тех двух, что стояли за нашими спинами. Слава Богу, что моя гимнастическая подготовка меня не подвела, и, бросившись к своим противникам, я, не добежав до «своего» чуть более метра, взмыл в воздух в высоком прыжке и в полете, используя всю силу прыжка, что есть силы врезал кулаком ему в лицо сверху вниз, вышибая нижнюю челюсть к чертовой матери!

Николай МЕЛЬНИЧУК

Я демонстративно, как говорится, по рабоче-крестьянски, широко и от всей души замахнулся круговым ударом руки в голову. На лице у моего противника появилось пренебрежительное выражение скуки от предстоящего ему даже не боя, а избияния явного про-

фана в поединке. Правда, это выражение скуки тот час же сменилось гримасой боли от проведенного мною резкого кингери мыском ноги ему в пах. Глупый амбал согнулся в три погибели и заверещал от боли. То, что сейчас он визжал как милицейская машина на вызове, мне было глубоко по барабану, но вот то, что он согнулся, мне показалось весьма и очень даже кстати. Я не стал ждать, так как остальные трое уже были близко от нас. Отчетливо слышал их набегающие шаги, и первым ударом локтя сверху по холке, с добавлением этим же локтем восходящим круговым ударом под челюсть, отправил этого доверчивого гражданина в нокаут.

Юрий ВДОВИН

Противник Кольки верещал так отчаянно, что я даже поморщился. Ну, на самом деле! Подумаешь, получил по яйцам — с кем, как говорится, не бывает. Впрочем, очень быстро это звуковое оформление исчезло, и я понял, что человеку сейчас уже хорошо. Хотя меня теперь гораздо больше занимали остальные трое его приятелей. Они, видя, чем окончилась первая стычка с нами для их подельников, не стали рисковать, атакуя нас с набега, а, не доходя нескольких шагов, практически остановились и стали окружать меня и Николая с трех сторон. Бедняги! Этому, конечно, не учат в секциях спортивных единоборств, но бой с несколькими противниками является обязательным предметом для продвинутых учеников в хороших школах восточных единоборств. Я и Николай были хорошими учениками, и занимались именно в таких вот хороших школах. Методику построения подобного рода поединка мы знали назубок, и потому, даже не сговариваясь, сразу же атаковали крайнего слева противника.

Николай МЕЛЬНИЧУК

По большому счету, один человек вполне может успешно противостоять двум нападающим на него. Но только при условии, что он или явно преобладает над ними в мастерстве поединка, причем, от стиля и вида единоборства это совершенно не зависит, или он просто умеет вести бой одновременно против нескольких противников. Но тот, кто стоял крайним слева, явно этого не умел. Как у него обстоят дела с технической подготовкой, мы выяснить не сумели. Точнее — не успели: для этого парня все закончилось практически мгновенно.

Мы налетели на него вдвоем и одновременно. Юрий, пуганув прямым в голову его напарника, стоявшего в центре, так, что тот

отскочил в сторону, добился нужного нам положения «двое против одного» буквально на несколько секунд. Нам их вполне хватило. Ошарашенный внезапным нападением, парень несколько раз как-то суетливо и бесцельно махнул руками, и, сраженный точными и безжалостными ударами в голову, тут же свалился на землю. Получив вдогонку несколько «добойных», на всякий пожарный случай, ударов ногами по голове, он затих, и мы сразу же потеряли к нему всякий интерес, переключившись на его напарника. А он, оправившись от шока, сам пошел в атаку. Первым на его пути был Юрка. Будучи уверен в своем друге, я сосредоточил все свои усилия на последнем, третьем «рэкетире».

Юрий ВДОВИН

Теперь нас было «двое на двое», и противники поняли, что имеют дело не просто с физически сильными людьми, а с настоящими, хорошо подготовленными бойцами. И поэтому сейчас мы осторожно перемещались по круговым траекториям, и каждый пытался понять другого, время от времени «раздергивая» его оборону короткими и быстрыми ложными атаками. На какую-то секунду, изворачиваясь от очередного рывка вперед Николая, его противник оказался буквально в метре от меня и спиной ко мне. Не честно? Да, наверное, не спортивно. С одним лишь нюансом: сейчас мы были не в спортзале, а в темном переулке, и между нами происходил совсем не спортивный поединок. Поэтому, не отягощая себя морально-этическими проблемами, работая исключительно на подсознании, я сразу воткнул ему ребро стопы в длинной, с выносом бедра ёко гэри, точно в позвоночник.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Парень полетел на меня, как пробка из бутылки шампанского. Если честно, этого я совсем не ожидал. До такой степени не ожидал, что даже еле-еле успел встретить его прямым правой в челюсть. Сила удара, сложенная со скоростью его полета в моем направлении дала свои результаты, и в ту же секунду он тихо лежал у наших ног. Теперь нам только осталось разобраться с последним «оставшимся в живых», и мы могли считать, что первый в этой «подрботке» четвертак нами честно заработан. Причем, заработан на самом деле «потом и кровью»! Как говорится, пот наш, кровь — их! Однако с последним, судя по сверкнувшему в его руке лезвию ножа, у нас ожидалась очень большие проблемы.

Юрий ВДОВИН

Но у меня почему-то не было ощущения опасности, и каким-то шестым чувством я ощущал, что все будет хорошо.

— Крутой ты парень! — спокойным, насмешливым голосом сказал я парню, внимательно следя за его перемещениями.

Парень осторожно, маленькими шагами приближался к нам на дистанцию одного броска. Его прижатый к бедру локоть руки, в которой он держал нож, а также жестко прижатый к обуви лезвия большой палец показывали, что перед нами не какая-то там шпана, а опытный и знающий как надо обращаться с оружием боец.

— Николай! — обратился я к другу. — За твоей спиной лежат кирпичи, возьми парочку в руки.

Парень остановился.

— О! — воскликнул я. — Уже хлеб.

— Пропустите меня! — хриплым голосом сказал он.

— А тебя никто и не держит, иди, — спокойно пожал я плечами.

— Пропустите!! — повторил он.

— Иди! Позади тебя переулок. Иди, тебя никто не будет догонять!

— Мы можем договориться, — парень кивнул головой в сторону Виталика, съёжившегося при этих словах.

— Не получится, — покачал я головой. — Это, знаешь ли, дело принципа. Раз взялся за дело и пообещал, надо доводить его до конца.

— Зря. Ты пожалеешь! — уже успокоившись, бросил нам всем парень, пятясь спиной в темноту.

— Посмотрим. Не говори гоп! — ответил ему я. Хотя, впрочем, мог бы этого и не говорить — все равно на этом месте уже никого не было.

Александр ТАНИУШКИН

Эта группа была не слишком большой, примерно такая же, какой была и группа в Кракове, когда мы только начинали. Но я знал, что это обстоятельство не имеет никакого значения. Люди будут узнавать о нас, будут приходить, кто-то выдержит нагрузку и останется, кто-то — нет, и уйдет, в общем, все будет так же, как это было и у нас в Кракове. На моем месте Анджей бы посчитал, что поэтому и в методике тренировок не обязательно что-то менять, все оставить так, как было у нас в Кракове. И с этим можно согласиться. Но я так не считаю. Может быть, чуть позже, когда ученики более-менее

войдут в форму, за время одного занятия они и будут «умирать» три раза. Но это будет потом. А пока мне надо оценить уровень физической и технической подготовки группы. Нельзя же взваливать на человека больше, чем он сможет вынести, и пусть человек недотренируется, чем перетренируется. В этом смысле я солидарен с девизом врачей «Не навреди!». А чем, по большому счету, тренер, дающий своими занятиями ученику здоровье и силу, отличается от врача? Ни чем!

— Сергей, — обратился я к Жукову, — а покажите мне как вы тренируетесь? — Я покосился на недовольно засопевшего рядом со мной Шефталю, и добавил, — вот пусть одну тренировку проведет Алик, а вторую — ты.

— Нормально, — ответил он. — Кто первым начинает?

— Давай я начну, — предложил Шефталю.

Александр ТАНИУШКИН

Два месяца каникул пролетели быстро. Пришло время подводить итоги своего пребывания в Москве, систематизировать впечатления и начать задумываться о собственном будущем. Да, это место мне подходит — и зал, и занимающиеся в нем люди. Мы все не святые, и я, кстати, в том числе, у каждого из нас есть свои достоинства и недостатки — не на необитаемом же острове живем, в коллективе! Что касается этой группы, то здесь нет никаких вопросов и неясностей — ребята сами попросили, чтобы я вел у них занятия. И я буду вести. Вернее, уже начал. Я сейчас невольно сравниваю личности тех двух лидеров секции, что вели занятия до меня, и удивляюсь, как такие разные люди могли ужиться в месте. Шефталю и Жуков. Вот уж, поистине, лед и пламень! Ладно, вернусь в следующем году, все это нивелируется. Хотя, конечно, чем меньше Шефталю будет иметь отношения непосредственно к тренировочному процессу, тем будет лучше.

Методика тренировки, которую предложил Шефталю, на мой взгляд, более подходила для бокса, нежели для каратэ. Хотя не спорю, его упражнения на раскоординацию движений были практически те же самые, что в свое время давал нам Анджей. Но вот работа ног никуда не годилась. Ноги у Алика годились, разве что, на маэ там или усиро. И то не выше среднего уровня! К тому же руки. Я смотрел, как он делает цуки, и где-то в глубине сознания понимал, что он никогда не сможет переучиться.

— Алик! — как-то на одном из занятий не выдержал я. — Ну, это же не бокс! Сколько раз было говорено, что плечо не поднимается

и не прижимается к подбородку! А локоть! Ну, зачем ты постоянно оттягиваешь локоть в бок? Локоть при ударе должен смотреть вниз, и он не должен выпрямляться до конца! Я вообще не понимаю, как он у тебя до сих пор из сустава не вылетел?

— Саш! Ну, что я могу поделать? Я стараюсь.

— Ладно, — тяжело вздохнул я. — Но ты тогда не спеши, делай не быстро и не часто, ты следи за своей техникой! Как ты учеников-то обучать будешь?

— Обучать — не делать! Покажу медленно и языком все объясню, — пробурчал в ответ Шефталю. — Не велика и не хитра задача!

Я только вздохнул и ничего ему не ответил, так как сам придерживался прямо противоположной точки зрения. Я почему-то считал, и до сих пор считаю, что настоящий тренер должен на собственном примере показать ученику правильное выполнение удара или блока. Объяснить на словах, конечно, можно. Но положительный эффект от преподавания будет тогда очевиден, когда учащемуся не только объяснят, что от него хотят, но еще и покажут, что именно от него требует тренер! А для этого тренер должен сам уметь сделать все то, чему он обучает. А иначе, какой же он тренер?!

Сергей ЖУКОВ

Я прекрасно помню, как Хасимото говорил, что на тренировках — это тот промежуток времени, в котором не Учитель должен научить, а, наоборот, ученик должен научиться у своего Учителя. Поэтому Хасимото никогда ничего нам не объяснял, он просто делал то, что хотел показать, и искренне считал, что если ученик настоящий, если он искренне заинтересован в приобретении знаний, то он будет настолько внимателен и сосредоточен, что сам все увидит. А если не увидит, то, или ему это на самом деле не нужно — не «его» это техника, или он плохой ученик, и, значит, такая у него судьба. В общем, Хасимото много раз говорил, что на самом деле все зависит от самого ученика, и никогда не вдавался в подробности исполнения той или иной техники. Он говорил, что это японская традиционная методика обучения, и он не считает нужным отходить от нее.

В чем-то я был согласен с Хасимото. По большому счету, если ученик на самом деле хочет, то он найдет способ выяснить все интересующие его нюансы, в конце концов, это его проблемы и трудности. А класть информацию в рот, разжевывать ее за нерадивого ученика, да потом еще и контролировать, чтобы он ее проглотил —

да зачем мне это нужно? Тратить время на ленивого балбеса? Я лучше потрачу его на самого себя.

Поэтому я вел тренировку, тренируясь сам. Хочешь учиться — смотри на меня и повторяй. Если, что непонятно, то я все-таки русский, не японец, подойди и спроси, я объясню. Ну, еще могу подправить новичка на первых тренировках, если у него, скажем, после маэ-гэри стопа не отдергивается обратно к бедру, а просто ставится вниз. Мне не трудно, я еще раз покажу и объясню, но если эта ошибка будет повторяться и дальше, а мои объяснения ученик пропустит мимо ушей, то я просто перестану обращать на него внимание.

Александр ТАНИУШКИН

Я считаю, что был полностью прав, когда решил устроить этим ребятам тренировку по принципу «трех смертей» — уровень нагрузки, так мы его называли в Кракове. Имеется в виду, что на этом уровне тренируются люди, уже подготовленные всем предыдущим объемом проделанной тренировочной работы. В Кракове мы не признавали «гостей», которые наблюдают за тренировкой со стоящих вдоль стен лавочек. Хочешь понять, что такое наша тренировка? Тогда переодевайся и добро пожаловать в зал! Если ты обладаешь соответствующей физической формой и имеешь возможность выдержать эти два с половиной часа непрерывной тяжелой физической нагрузки — тогда добро пожаловать! Нет — иди и потренируйся дома самостоятельно. Вот и здесь я решил применить этот метод.

Я посмотрел во время двух предыдущих тренировок, когда Шеф-таль и Жуков показывали свои методики построения занятий. В общем, ничего, парни более-менее в норме. Трудновато им, конечно, придется, но ничего, выдержат. А если кому-то станет плохо, (мы это тоже все проходили) — выйдет из рядов, посидит на лавочке около стены, отдышится, и снова в ряды.

«Первая смерть», по-научному — полное выкладывание сил, должна произойти во время разминки. Это, разумеется, не означало, что прямо вот так — с места и в карьер! Конечно же, нет! Просто у нас под разминкой подразумевается нечто большее, чем понимают тренеры других видов спорта. У нас это называется «разогревом» и занимает совсем немного времени. Ровно столько, сколько необходимо, чтобы разогреться во избежание травм! А все остальное — это целый комплекс хорошо продуманных и связанных в единую и стройную систему подготовительных и подводящих упражнений, имеющих своей целью «раскатать» тело, сделать его способным к выполнению боевой техники каратэ кихона и на спаррингах.

Николай СОБОЛЕВСКИЙ

Чем штанга, которой я занимался до прихода сюда, похожа на каратэ? Я имею в виду, конечно, уровень нагрузки. А тем, что и после тренировки по штанге и по каратэ, добросовестный ученик буквально выползает из зала. По крайней мере, должен выползать. Вот говорят, что штанга закрепощает мышцы. Дураки говорят. Если у штангиста не будет достаточной гибкости, то он никогда не сможет прогнуться в той мере, чтобы «подлезть» под гриф. Точно так же, если мышцам не хватит эластичности, то, как он сможет обеспечить достаточный импульс, чтобы сделать последний рывок? А вы знаете, что хорошо тренированный штангист из положения «сидя на корточках» спокойно перепрыгивает через гимнастического коня и козла? И что означает для него с такой взрывной силой ног сделать удар ногой? И с места, и в прыжке? Так, легкая шутка!

Я не спорю, по своей структуре нагрузка в каратэ все-таки несколько иная, чем на тренировки в секции штанги. Но нагрузка, она и в Африке нагрузка, а потому я спокойно отнесся и к бесчисленному количеству махов с приседаниями, и к хождению по залу по всех разновидностях гусиного шага, и к десяткам отжиманий на кулаках, пальцах и запястьях. Ерунда для меня все это! Вот и сейчас я иду вдоль зала на кулаках, а мои ноги несут на своих плечах напарник, которому дано указание, чтобы зря не тратить время, то опускаться на ходу в гусиный шаг, то подниматься из него. Единственное, что здесь надо «поймать», то есть понять, как следует максимально расслабить конечность во время выполнения удара, а потом максимально напрячь все мышцы тела в момент ее касания с целью. Как только я это понял — все, дальше дело только за бесчисленными повторами во время шлифовки техники исполнения.

Анатолий ПОДРУГИН

— Все! Разминка окончена, можно отдохнуть! — возвестил Александр, и я услышал облегченные вздохи ребят. Впрочем, я не слишком к ним прислушивался, занимаясь в этот момент только собой. Я перевел дух, ощущая, как предательски дрожат мои ноги. — Я выдержал, я выдержал! — билась в мозгу мысль, — я не сломался, я выдержал!

— Отдых — это смена занятий! — снова раздался громкий голос тренера. — Вокруг зала, мелкой трусцой, бегом марш!

И мы побежали. Этот бег сейчас был очень кстати, я прямо-таки ощущал, как «приходят в себя» мои перетруженные на этой так сказать «разминке» мышцы всего тела.

— Быстрее, увеличиваем темп!

— Еще быстрее! Можно обгонять друг друга!

Я не засекал время по часам, да и часы остались в раздевалке, но к тому моменту, как раздалась новая команда, вокруг зала мы бегали уже не менее пяти минут.

— Ускорения по диагоналям! Резкий взрыв, а потом снова спокойный бег вдоль стен. Начали!

А вот здесь была засада. Одно дело просто бежать, пусть и достаточно быстро, но в одном и том же темпе, и совсем другое — резко взрываться, ускоряясь на небольшом отрезке. Потом снова практически мгновенно сбрасывать скорость до нуля и спокойно бежать, восстанавливая дыхание, до следующего угла. Крайне не просто.

Александр МАРКОВ

А вторая часть тренировки мне очень понравилась. Если быть точнее, то я на ней не просто отдохнул, а восстановился! Все дело в том, что по своей природе я очень гибкий. Конечно, сказывается еще и мой не слишком престарелый возраст — двадцать буквально на днях исполнилось, но двадцать — это все-таки не пять и не семь лет, когда мальчишки приходят в секции фигурного катания, гимнастики, акробатики, в которых требуется растяжка и гибкость тела. Взять хотя бы того же Серегу Жукова, который сейчас в паре метрах от меня делает эти упражнения. Вернее, он их не делает, он сразу принимает конечную позу, да еще и проворачивает в них корпус в разных направлениях. А я именно делаю упражнения.

— Ить, ни Сан, си, — считает Саша, строго под счет выполняя наклоны к вытянутым вперед ногам с оттянутыми на себя стопами ног. Боль под коленями ощущается, но вполне терпимо, а вот у того же Володьки Ишкова, что старше меня лет на десять-пятнадцать, большие проблемы. Как только мы приняли позу «прыгун через барьер», как охарактеризовал ее Александр, (а что, весьма и весьма похоже!) я повернулся к Ишкову. У него на самом деле были большие проблемы. Одно дело тянуть подколенные связки — это еще куда ни шло, а вот нагибаться в бок к согнутой в колене ноге — это посерьезнее упражнение будет. Я видел, как беззвучно шевелятся его губы, и не слышал, что он говорит. На некоторых других упражнениях, например, на «лягушке», в которой сначала надо сесть на пол, согнув в коленях ноги, а потом еще и откинуться на него спиной, мне самому хотелось, то плакать, то материться!

Владимир ИШКОВ

В отличие от молодых, которых у нас в группе примерно половина, я уже не слишком молод — за тридцать, что для каратэ достаточно прилично. Нет, я не имею в виду тех «философов» из компании Алика, которые в боевой системе единоборства ищут какой-то скрытый «сакральный» смысл, и поэтому не слишком много времени уделяют физическим упражнениям. Нет, я как раз из тех, кому нужна прикладная система для реального, как на улице, поединка. И, так как я уже не слишком молод, то и с растяжкой у меня не очень — знал бы, что буду заниматься, еще в детстве пошел бы в секцию гимнастики, как тот же Серега Жуков... Какая-то растяжка, конечно есть, но можно ли это назвать растяжкой на самом деле? Или это просто возможность поднимать ноги в той или иной плоскости чуть выше пояса? Не могу сказать, что у меня эта способность хуже, чем у того же Шефталя, или у любого другого человека нашего возраста, что пришли с Шефталем из института радиоэлектроники, нет, но и не лучше. А какая она, растяжка, должна быть, я впервые увидел у того же Жукова. Сначала подумал, что это исключение — все-таки человек раньше гимнастикой занимался, а сейчас посмотрел на этого Сашу Танюшкина и загрустил. А ведь он тоже начал заниматься отнюдь не в детстве! Что ж теперь делать — надо принимать ситуацию такой, какая она есть. Значит, будем в основном работать руками, а ноги — так, в качестве вспомогательного аспекта.

Уже скоро час, как мы делаем этот комплекс на растяжку и гибкость, а кажется, что ни конца ему, ни края, и когда же все это мучение окончится!? Вот и работа в парах уже подошла к концу, что? Уф, все! Ну, и слава Богу! Теперь можно и отдохнуть.

Владимир СЛУЦКЕР

— Бег! Пошли! — не дав отдышаться после растяжки ни минуты, в очередной раз скомандовал Александр. — Вращение вокруг своей оси, быстро! Начали вправо! Отдыхать будете в беге!

— Интересно, — подумал я. — Когда в начале тренировки мы минут десять прыгали на месте в самых разных комбинациях — это была тренировка, или, по Шашиной терминологии, разминка. А сейчас бег, и не просто бег — с разными там скручиваниями и комбинированием движений ног по ходу, — это, что, отдых?

— Бег — это отдых, — как будто подслушав мои слова, во весь голос произнес Александр. — Во время бега надо восстанавливаться и готовиться к следующим упражнениям. Каратэ — это вам не оздоровительная гимнастика!

Алексей СКРИПЛЕВ

Вот уже две трети тренировки позади. Группа прошла и через разминку, и через растяжку. Наступило время отработки техники.

— Кихон!

Кряхтя, мы построились в ряды.

— Хидари дзэнкуцу дати ёй! Маэ-гэри тюдан ёй! Хадзимэ! — спокойным, уверенным голосом скомандовал Александр, и начал отсчет. — Ити, ни, — звучал его уверенный голос. Александр умудрялся группой не только демонстрировать нам технику, но еще и передвигаться по залу в стойках, проверяя правильность выполнения нами удара. А вот это мне очень даже понравилось. Сергей, я Жукова имею в виду, когда вел у нас занятия, то ничего подобного не делал — просто сам стоял перед рядами и выполнял удары. Временами у меня даже складывалось впечатление, что он не тренирует группу, а тренируется сам, а нам просто разрешено присутствовать на его тренировке. У Саши же все было по-другому. Он именно тренировал группу. Постоянно подходил то к одному, то к другому, специально вставал перед кем-то в стойку под самыми различными углами, чтобы этому человеку было лучше видно, как именно вылетает нога в ударе, каким образом она возвращается обратно, ну, и все такое прочее.

— Счет! — громко воскликнул Саша. И ничего не произошло.

— Я сказал «счет»! — повторил он. — Первый слева в первой шеренге начал отсчет! Пока не выучили японский отсчет, можно по-русски!

— Раз, два, три, — начал Эдик Годик, стоящий крайне левым в переднем ряду, и, повинувшись его командам, наши ноги ритмично двигались вперед-назад, как поршни колес у старого паровоза.

Сергей ЖУКОВ

Надо признать, что это было достаточно трудно — тренировка построена совсем не так, как давал нам нагрузку Хасимото. У него техника разучивалась в ката, и не было такой откровенной массивной физической подготовки. Хасимото считал, что основа успеха в поединке заключена в сильных ногах, и поэтому у него ученики сначала тщательно разучивали базовую технику, причем исключительно из низких классических стоек, что и укрепляло мышцы ног и корпуса, а потом девяносто процентов времени мы отработывали ката. Это очень громко сказано — «отработывали ката». На самом деле только одну — первый хэяиан. Хасимото считал, что развитие должно идти поэтапно, но каждый этап должен быть освоен в совершенстве. Поэтому он часто говорил, что до тех пор,

пока мы не будем делать изучаемое в совершенстве, он не даст нам ничего нового.

Да, я понимаю, что ката исторически возникли в качестве способа «устного запоминания» комплексов техник и передачи ее из поколения в поколение в процессе обучения. Хасимото утверждал, что постоянное и при этом осмысленное выполнение ката способствует развитию чувства пространства и позволяет улучшить боковое зрение, шлифует каноническую технику, влияет на уровень психологической подготовки, дает возможность отрабатывать технику, которую с партнером отрабатывать опасно. Но в этом я с ним не согласен, несмотря на то, что у него третий дан, а у меня вообще нет никакого пояса. Зато есть солидный опыт уличных драк, и поэтому я не хуже его разбираюсь в вопросе, что надо бойцу, а что — нет. Техника, безусловно, нужна, нужен и опыт реальных боев, а вот бесцельное заучивание различных канонических последовательностей ударов и блоков по воздуху — нет! Я вообще-то, признаю, что ката имеют некоторую ценность — в них можно обучиться правильному дыханию, так как без него — никуда, да и такой аспект, как переходы от одной позиции к другой, на что часто не обращают внимания — это тоже очень важно. Ведь в этих переходах и заложена техника и тактика боя, переход от позиции к позиции — это не что иное, как сама динамика боя. Но заучивать наизусть последовательность ударов и блоков? Нет, уж, увольте! Я уж как-нибудь сам разберусь, что именно, какой удар и какой блок мне применить в конкретной ситуации. Техника нападения и защиты имеет тысячи вариантов, и почему на тренировках я должен наизусть заучивать только один? Чтобы его автоматически применить тогда, когда он совершенно не нужен? Ката нужны, с этим никто не спорит, но только в том случае, если с их помощью отработать базу, и сразу же после этого все их забыть! И это, кстати, как раз одна из тех причин, по которым я ушел от цепляющегося за эти комбинации Хасимото.

А здесь на самом деле все по-другому. Здесь мощнейшая физическая подготовка, отработка отдельных техник, короткие комбинации — именно то, что и происходит в драках, и все.

Александр ТАНИУШКИН

Ну, в общем, ничего! С другой стороны, и ничего сверхъестественного тоже. Обычная нормальная тренировка. Парней, правда, пошатывает, но это тоже не страшно.

— Что парни, — обратился я к секции, — трудно?

Группа промолчала.

— Когда я спрашиваю, черт бы вас побрал, то надо отвечать! Со слухом после нагрузки проблема? Тогда я знаю хорошее упражнение для его улучшения! На кулаки встать! Положение «ворота»!

«Ворота» — это когда руки широко расставлены в стороны до такой степени, что предплечья стоят на полу вертикально вверх, и основная нагрузка приходится на грудные мышцы.

— Начинаем отжиматься! Ити, ни, сан, си! — Когда я досчитал до пятидесяти, группа в изнеможении легла на пол. — Ладно, пока хватит! Продолжим разговор. Трудно?

— Ага, угу, — нестройно промычали ребята, всем своим видом показывающие как им сейчас хорошо, и что им совершенно не хочется ни вставать на ноги, ни вообще, что-либо делать. Просто так лежать — и все! Именно это они сейчас и ощущают — по себе знаю! Сила хорошего тренера состоит еще и в том, что он на своей собственной шкуре испытал все то, что дает группе, и в том, что он сам знает, чувствует, ощущает и о чем думает ученик во время тренировки. Потому, что он сам прошел через все эти нагрузки! Для меня в сделанных сегодня упражнениях не было ничего экстраординарного, но вот для лежащих сейчас на полу юношей это на самом деле был шок — с такой интенсивностью они еще не тренировались.

— Так как у нас сегодня первая тренировка, то в ее конце я дам вам некоторое послабление — можете меня слушать лежа на полу, а не стоя на ногах. Но на следующем занятии этого уже не будет. Вы сейчас выдержали стандартную тренировку кёкусинкай. Я у себя в Кракове выдерживаю подобные нагрузки как минимум три раза в неделю, а если повезет — чаще. У вас, если вы будете продолжать ходить на тренировки, все будет также. Выбор делать вам! А с какой отдачей надо заниматься, я вам сейчас покажу. Вы все видели, что я все упражнения делал вместе с вами, наравне. Только я их делал немного лучше, и с большей самоотдачей. Смотрите, и намазывайте на ус, что у вас все должно быть точно так же, как и у меня сейчас.

С этими словами я снял с себя куртку от кимоно, свил из нее жгут и начал выжимать, как выжимают белье после стирки хозяйки. На пол полилась тоненькая струйка пота, и группа замерла в восхищении.

— Вот так, парни. Хотите попробовать повторить?

Несколько человек последовали моему примеру, сняли куртки и стали их выжимать. И на самом деле, у нескольких участников тренировки на пол пролилась тоненькая струйка мутной жидкости.

— Вот, видите? Теперь у каждого из вас есть беспристрастный

определитель его прилежности на занятии, — сказал я. — Если вы выжимаете куртку, и с нее на пол льется, то вы нормально позанимались в этот раз, если нет — то вы в этот день не тренировались, а просто разминались. Следующая тренировка через день, в четверг!

Владимир СЛУЦКЕР

Да, так я еще никогда не уставал! Когда мы по очереди (уж больно тесна была раздевалка!) переодевались, было терпимо — горячие мышцы хотя и давали знать о своей крайней усталости, но все было в норме. А вот когда мы вышли из школы на улицу и побрели к метро, в этот момент я почувствовал, что это такое — послетренировочный отходняк! Ноги как будто сковало, колени отказывались гнуться. А спуск по ступенькам вниз в метро превратился в инквизиторскую пытку. Судя по изумленным взглядам прохожих, мы на самом деле представляли собой колоритную картинку — толпа здоровых молодых мужиков со стонами и матюгами еле-еле ползет по ступенькам вниз на негнущихся ногах.

— Ничего, ничего! — с улыбкой сказал Саша, — вам сейчас самое главное по приезду домой влезть в ванну и полежать в ней с полчасика. Наутро будет еще немного хуже, но как втянетесь, то все пройдет. Все через это проходили!

Алексей АВДЕЕВ

— Серега! — радостно воскликнул я, — Ну, как жизнь в столице?

— Лешка! Привет! — услышал я его густой, такой же радостный баритон. — Когда приехал?

— Вчера вечером. Вот только-только пришел в себя и сразу же решил тебе позвонить.

— И правильно сделал! — услышал я в ответ. — Это очень здорово, что ты здесь, мне тебя здорово не хватает!

— Какие-то проблемы? — сразу же насторожился я.

— Особых никаких. Но хотелось бы обсудить одну тему. У тебя какие отношения с Танюшкиным, Шефталем и прочими из его команды?

— С Танюшкиным прекрасные, а Шефталю я и не слишком-то и знаю. А в чем дело?

— Давай встретимся, расскажу. Это долгая история, — ответил он. — Еще не забыл, где я живу?

— Да нет, вроде бы помню.

— Вот и прекрасно. Прямо сейчас заскочить сможешь? Обо всем и поговорим.

— Ладно, через пару часов буду. Кимоно-то брать?

— Да возьми, не мешает, заодно и технику обсудим. Приезжай, я жду!

Александр ТАНЮШКИН

Я доволен этой первой тренировкой. Конечно, пока нет такой отдачи, какая была у учеников нашей группы в Кракове. Но нельзя же требовать от людей больше, чем они могут дать! Все постепенно! Они втянутся, привыкнут к нагрузкам, и все будет, как надо! Все будет! И лужи пота под выжимаемым кимоно, и скользкий после тренировки от этого же пота пол. Ничего, я сделаю эту группу сильнейшей в Москве, эти парни уже через полгода, ну, максимум год, будут бить всех во всех остальных секциях каратэ.

Сергей ЖУКОВ

Алексей молчал, осмысливая услышанное.

— Ты уверен в этом? — наконец, после некоторого молчания спросил он.

— Абсолютно, — спокойно ответил я. — Вот увидишь, пройдет совсем немного времени, и Шефталь сначала станет для Танюшкина незаменимым, а потом предаст его. И еще неизвестно как именно и с какими для Танюшкина последствиями.

— Ну, ты из Шефталя прямо какого-то демона делаешь, — засмеялся Алексей. — Александр, знаешь, тоже не мальчик и кое-что повидал в своей жизни! Если за все эти годы, что он учится в Польше, к нему у нашего консульства не было ни одной претензии, а это, поверь мне, не так уж и просто, то это кое-что значит!

— Шефталь старше Александра. Старше и опытнее, — возразил я брату. — И обстановка во всех этих НИИ не хуже, чем в ваших заграницах. В них тоже идет борьба на выживание. В общем, я предупредил, а остальное — это вам решать. Я-то на все это со стороны посмотрю, а главным пострадавшим Танюшкин окажется!

Я, конечно, немного sluкавил. Что представляет собой Шефталь, я уже разобрался, и прекрасно понимал, что вместе с Танюшкиным стану объектом атаки — в этом я нисколько не сомневался. «Ладно, — подумал я, хочешь — нет проблем, подеремся! А там и посмотрим, кто кого!»

Александр ПОДЩЕКОЛДИН

Я много размышлял о причинах поражения. И пришел к выводу, что мне просто не хватило реальной боевой практики. Почему окинавские методы рукопашной схватки, из которого и вышло японское годзюрю, такие эффективные? Потому, что они постоянно проверялись войной, боем. Тогдашние бойцы своих противников убивали лицом к лицу, и совершенно не важно как именно — оружием, или же голыми руками. Важно то, что воины дрались за свои жизни на полях сражений, заваленных трупами врагов и своих друзей. Вокруг — крики, звон оружия, кровь, в воздухе разлит запах смерти, а они, не обращая никакого внимания на весь этот окружающий их «антураж», дерутся «на смерть» с очередным противником! Все это развивало совершенно невозможную, неопишемую ментальную концентрированность воина. Такой концентрированности невозможно достичь, не побывав в условиях сражения, которые бы просто ужаснули современного цивилизованного человека. Чтобы понять бой, надо столкнуться с ним лицом к лицу. Чтобы понять войну, надо побывать в войне.

И поэтому ученику совершенно необходимо изучение ката. Не просто изучение как запоминание комбинаций, а именно изучение как понимание ката. Их техники вышли из настоящего боевого опыта, когда было необходимо убивать, и убивать быстро и эффективно. Но войны настоящего отличается от войн прошлого, и современным ученикам, чтобы понять смысл движений, сейчас приходится повторять цепочки, придуманные настоящими бойцами, которые почти ежедневно кого-то убивали на поле боя.

Говоря о ката, я не имею в виду ката Фунакоси Гичина. Это не истинные ката. Да, они физически сложны — этого у них не отнять, но они сфокусированы только на динамике тела и красоте. Это ката каратэ-до, это ката уже не боевого каратэ, это ката каратэ, ставящего своей целью не победу в поединке. Задача каратэ-до — сосредоточение на борьбе каратэки с самим собой. Поборники этого современного направления считают самого себя самым опасным противником. Чувствую, конечно, и подмена понятия, да ладно, Бог с ними! Нет, я не спорю, в результате этого перехода от «дзюцу» к «до» каратэ сегодня занимаются миллионы людей. Они говорят, что, отказавшись от боевой составляющей, каратэ приобрело гораздо больше, чем потеряло, но можно ли потерять душу и остаться в живых? В моем каратэ дзюцу по-прежнему на его законном месте и дух будо есть в душе каждого моего ученика!

Истинное, глубокое изучение ката связано с построением моделей противника, с изучением и пониманием человека. Для мастера необходимо понять взаимосвязь кихона, ката и кумитэ. Развитие концентрации и воображения, которое неизбежно при изучении серьезных ката, позволяют предугадать мысли и действия противника, а также дают сосредоточенность в жизни. И, разумеется, бункай! Хасимото считал, что ученики должны начать занятия бункай как можно раньше, и изучать его по мере тренировки ката, так, чтобы понимание того, как можно реально применить технику ката, немного опережало изучение самого ката. Это, на мой взгляд, правильно! Мы будем идти по этому пути, но пойдем еще и немного дальше. Мы пойдем по пути настоящего применения техники в реальном бою. Благо, что улицы наши не очень широки и в некоторых местах плохо освещены. А если бойцу понадобится яркий свет — что ж, тогда ему прямая дорога на ту же танцплощадку, где всегда есть немало парней, которые совсем не прочь, не только потанцевать, но и подраться! Вот это то, что нам нужно! Только в реальном поединке можно научиться воевать.

Александр ТАЮШКИН

Прошло пять лет, как я в Польше тренируюсь каратэ. Вот уже и сам веду группу, и даже уже у некоторых моих учеников есть свои собственные ученики. Как же все-таки быстро бежит время! Кажется, совсем недавно я сдавал экзамен дяде Яна Дидука, он пришел в зал на свою первую тренировку, а сейчас он уже признанный боец не только кёкусинкай, но и всего польского каратэ! Все эти годы я внимательно следил за собой, за всеми теми качественными изменениями, что постепенно происходили во мне. В первый раз это произошло на обычной тренировке, во время проведения поединка. В какой-то момент времени, проводя очередную атаку, я осознал, что вижу своего противника как в замедленном кино. И себя я ощущал в каком-то непонятном состоянии. Я видел цель, наносил удар, но время будто тормозилось и медленно фиксировало каждое мое движение.

Постепенно, проведя большое количество боев, я начал ощущать очень интересные эффекты сознания. Иногда во время боя у меня создавалось впечатление, будто, блокируя удар партнера, я ощущаю его руку намного раньше, чем он коснется меня. Казалось, что моя рука окружена каким-то силовым полем. Все это было настолько неожиданно и интересно, что мое увлечение каратэ возрастало с каждым днем.

Аиджей ДРЕВНЯК

Хороший тренер хорош не только тем, что он индивидуально, учитывая его физические особенности ученика, подбирает ему нагрузку. Он хорош еще и тем, что учитывает психологические особенности личности каждого своего воспитанника. Вот, взять хотя бы этого русского, Александра. Сначала он был просто одним из моих учеников. Если быть точнее, то он был первым из моих иностранных учеников, кто остался в секции, пройдя до конца весь курс обучения. Но тогда для меня он просто «пахал» в зале с такой же самоотдачей, что и я сам. Это обстоятельство меня сильно уди-

вило. Ведь я искренне считал, да и сейчас продолжаю считать, что ни у кого нет, и никогда не было такого фанатичного отношения к боевым искусствам, как у меня. И нашел причину. Саша, как дружелюбно я называл его, просто-напросто воспринимал тренировку как игру. Тяжелую, трудную, требующую полной отдачи сил, но все-таки игру, которая искренне занимала его, давая ответ на вопрос, есть ли у него предел физических и волевых возможностей. Каждую тренировку он доказывал самому себе, что только что он преодолел еще одну высоту, и что предел возможностей им еще не достигнут! А поскольку он не любил врать вообще, и этим, кстати, выгодно отличался от большинства людей, то он не врал и самому себе, и каждую тренировку занимался на пределе своих возможностей. Он задавал такую нагрузку именно для того, чтобы на полном основании сказать: «Я не жалел себя, я на самом деле выдержал все». Как я это понял, то сразу же увидел, как будто закрывающая реальную картину действительности пелена упала с моих глаз, что именно ему надо от каратэ, и как надо, незаметно для него самого, управлять его тренировочным процессом. Точно так же, как в отработке техники и в силовых упражнениях, каратэ ему нравилось самим процессом тренировки, да и в тех же спаррингах Саша видел не бой, как, например, я, а игру. Если для меня стимулом в любом поединке была безоговорочная победа, просто ради самой победы, просто потому, что я во всем должен быть первым, то у него никогда, по моему мнению, не было стимула для драки всерьез. И поэтому, как только я понял эту особенность его характера, у меня не было с ним проблем! Я просто говорил ему, что, мол, давай «походим» в паре, давай поиграем! Саша всегда соглашался, и наш бой сначала был похож именно на игру, хотя и очень своеобразную игру — в полный контакт, не жалея ни себя, ни противника. Но, как только я замечал, что он «загорелся», вошел в азарт, то я тот час же давал команду группе на смену партнеров, и, таким образом, Саша уже вел настоящий бой с другим, жаждавшим победы в поединке любой ценой противником.

Алексей СКРИПИЛЕВ

— Ну, что, ноги дрожат? — добродушным тоном спросил меня Алик. Вообще-то, на мой взгляд, было бы гораздо более правильным называть его полным именем — Роальд Николаевич — как ни крути, а все-таки тренер, да и по возрасту он гораздо старше любого из нас. Но, тем не менее, все ученики нашей группы каратэ, тренирующейся в маленьком полуподвальном школьном зале, называ-

ли его именно так — Алик. В этот момент в раздевалке, если этот закуток, выбитый практически посередине стены спортивного зала, вообще можно назвать раздевалкой, кроме нас двоих, то и дело, задвывая спинами друг друга, неторопливо переодевалось еще несколько человек.

— Да ноги-то, черт бы с ними, вначале было гораздо хуже, сейчас уже практически не болят, а вот со временем беда! Еле-еле успеваю на тренировки!

— Да, я помню, что раза два в месяц ты их пропускаешь. Это совсем не дело! — голос Алика внезапно посуровел. — А в прошлом месяце ты каждую неделю пропускал по одной тренировке!

— А что я могу сделать? Меня за каждый пропущенный семинар грозятся отчислить!

— Знаешь, если работа мешает тренировкам, то надо бросить работу! Это аксиома, и это я тебе как радиофизик говорю!

Я понурился и промолчал, так как перспектива отчисления с юрфака МГУ меня не устраивала совершенно — я как бы не для этого на него поступал. Но Алик относился к группе очень требовательно, и на тренировках гонял нас безо всякого сожаления. Тренировочные нагрузки были настолько высокими, что за эти несколько месяцев из всех пришедших учеников примерно со мной или немногим чуть позже в группе остался я один. Алик был требовательным тренером, но он, стоящий почти на пороге старости — ему было хорошо за тридцать, в отличие от всех остальных тренеров, только лишь руководящих процессом, добросовестно «отпахивал» вместе с группой всю тренировку, делая все те упражнения, которые он давал нам.

— Это я, ладно, я еще могу понять мальчишек! — таким же не слишком довольным тоном продолжал он, — я добрый! Но как ты сможешь выдерживать тренировки у Саши Танюшкина, если ты из трех занятий одно пропускаешь? А Саша, между прочим, за три пропуска из группы выгоняет! Поэтому, если ты, конечно, хочешь добиться чего-нибудь путного, тебе надо плюнуть на все остальное и посвятить себя исключительно только лишь одним тренировкам. И надо обязательно мысленно, в душе, готовиться к еще большим нагрузкам. Саша это вам не я, Саша на тренировках шуток не понимает.

— А кто это такой — Саша Танюшкин?

— Саша — это тот человек, который будет вести группу. Он не то, что я, он настоящий специалист, ему коричневый пояс по каратэ присвоил в Польше настоящий мастер.

После морозного февральского дня, когда я впервые явился на свою первую тренировку, прошло уже несколько месяцев, и за

этот, в общем, небольшой с календарной точки зрения временной отрезок, в моем понимании каратэ произошли громаднейшие перемены.

Начнем с того, что к моменту начала занятий я был свято и абсолютно уверен, что перед боем бойцы должны были неотрывным, долгим и почти гипнотическим взглядом, стоя в канонических «стойках», как тогда называли формальные позиции, заставить противника признать себя слабее и сдаться без поединка. Сейчас, спустя всего-то ничего времени, не просто времени, а времени, проведенного в настоящей секции каратэ, много из того, в чем еще совсем недавно я был свято уверен, кажется мне смешным и наивным.

Дело даже не в том, что теперь я точно знал, как должна идти грамотно и методически верно построенная тренировка каратэ. Причем, не просто каратэ, а тренировка контактного каратэ. Дело было в другом — в личностных отношениях внутри группы. Тренировки проходили азартно и интересно, и, так как группа строилась исключительно на добровольных началах с главенствующим принципом «выживания», то все без исключения тренировались самоотдачей и с полной самоотдачей, помогая, в чем только можно, друг другу. При наших-то нагрузках без такой взаимной помощи, скорее всего, никто бы с ними не справился.

Мы были просто одержимы каратэ, и отношения внутри группы наверняка были очень похожи на отношения внутри одного рода древних славян. Мы жили как одна семья, и радости и проблемы одного человека вместе с ним разделяла и вся остальная группа. Мы вместе отмечали праздники, работали, как хорошо отлаженный механизм. Каждый понимал свою индивидуальную значимость, свою роль в коллективе и свое значение для всех остальных. Такие отношения, основанные на взаимном уважении друг друга и помощи во всем, всем тем, кто стоит рядом с тобой в «рядах», были великолепным цементом, который цементировал небольшую по численности группу в могучую боевую единицу.

Александр ТАИЮШКИН

Я зашел в ограду старого здания школы, остановился около огромных окон ее спортивного зала, через которые прекрасно просматривался все немного углубленное в землю его помещение. Ранняя осень этого года выдалась немного более прохладной, чем обычно, и я, зябко передернув плечами, поспешил войти в подъезд школы.

— Привет, Саш!

Я обернулся и увидел дружелюбно улыбающегося мне Сергея Жукова. — С возвращением тебя!

— Спасибо, Сергей! — также тепло ответил ему я. — Ну, что, начнем?!

— А как же! — в тон ответил он. — А у меня есть интересная новость.

— Говори!

— Тут неподалеку от нас еще одна секция каратэ образовалась.

— Да ну! Крайне интересно! И кто же это?

— А черт его знает! Мутные они какие-то. Ведет у них непонятная баба, сами они ходят в расшитых драконами кимоно, и говорят, что у них самый правильный стиль каратэ, а все остальные в городе занимаются ерундой.

— А какой стиль то у них?

— Говорят, что изучают Чубу Сёрин рю. Ты что-нибудь о нем знаешь?

— Ничего никогда не слышал! — пожал я плечами. — А ты был у них? Как они тренируются?

— Да, в общем, обычно. Скорее всего, точно так же, как и все остальные.

— А по сравнению с нами, какие у них нагрузки?

— Да послабее, чем у нас. Но гонору больше. Говорят, что они самые крутые и самые сильные!

— Да! — хмыкнул я. — Ну, говорить то можно, что угодно. А как они смотрят на дружескую встречу? В полный контакт, естественно!

— Я знал, что тебе это понравится, и ты ими заинтересуешься, — улыбаясь во весь рот, ответил Сергей. — Я уже обо всем с ними договорился, и они нас ждут!

— Даже так! Хорошо. В конце концов, они сами напросились на неприятности!

Я прекрасно знаю, что к этому времени, а с момента моего возвращения в СССР прошло уже несколько месяцев, моя личность уже имеет вполне достаточную, я бы сказал, широкую известность, в наших узких кругах. Поэтому в том, что мой приезд не прошел незамеченным, не было ничего необычного или неожиданного. Я бы даже сказал больше — я был прекрасно осведомлен, что моего возвращения из Польши ждали. Кто-то ждал с радостью и с нетерпением, кто-то, наоборот, с не самыми лучшими чувствами. Почти все, кто тренировался в тех или иных группах каратэ, знали друг друга и не упускали случая выяснить, чей стиль лучше. И не всегда результаты таких встреч и «дружеских бесед» были для бой-

цов именно теми, на которые они рассчитывали. Однако наша школа ни разу и ни в одном таком «походе в гости», как мы говорили между собой, не потерпела ни одного поражения. Одной из основных причин такого победного шествия «школы на Войковской» по залам всех иных групп каратэ стала введенная мною с первых же дней тренировок группы строгая, я бы даже сказал, железная дисциплина. В первую очередь это касалось периодичности появления учеников на тренировках. На них группе приходилось изучать много нового, и отсутствие одного человека неизбежно приводило к тому, что всем приходилось повторять уже пройденное, прогресс замедлялся и через месяц я понял, что такое положение дел недопустимо. Нельзя из-за одного-двух человек вызывать отставание в усвоении программы обучения у всей группы.

Алексей СКРИПИЛЕВ

Я внимательно всматривался в противостоящую моей «стороне» сплоченную группу парней из нашей секции, тихо обговаривающих между собой тактику своих действий. Не то чтобы я пытался хоть что-то услышать — они все-таки находились в противоположной стороне спортивного зала, скорее, я хотел понять, что же именно они сейчас предпримут. Через минуту мне в составе такой же «команды» предстояло сшибиться с ними в «конном бою» с задачей не только самому остаться стоять на ногах, но еще и не потерять сидящего у меня на плечах «всадника», сдернув при этом на пол «всадника» противника. Это была вторая, более жесткая часть разминки, в которой уже допускались удары, захваты, броски, и в которой «лошади» надо было крутить головой во все стороны, так как удар или толчок в спину можно было получить не только от своего непосредственного противника, но и вообще от любой пары из противоположного лагеря.

— Ну, ты как? — спросил меня Эдик Годик, примериваясь как бы ему половчее забраться мне на плечи.

— Да ничего, — я присел, облегчая ему задачу — рост то у меня все-таки совсем не маленький и небольшому вертлявому легковесу Эдику не так-то просто было пробраться мне на плечи, если бы я стоял выпрямив ноги во весь рост.

— Они наверняка выпустят против нас Ишкова с кем-нибудь чуть-чуть полегче его самого, и буду давить массой, — проговорил Эдик. — Точно, смотри! Около Ишкова уже Колька стоит!

Я посмотрел в противоположный конец зала, и увидел, что Ишков слегка присел, давая забраться себе на плечи такому же, как и он сам, тяжеловесу Мельничуку.

— Леш! — возбужденно проговорил Эдик, — нам в прямом столкновении с ними ничего не светит, они именно на это и рассчитывают, ты давай, попробуй сначала уклониться, просто винтом крутанись вокруг своей оси, главное, чтобы в направлении их движения, а я схвачу его за куртку, и он силой инерции сам себя сбросит! Вес-то у него приличный, вот он сам себя своим же собственным весом и сбросит!

— Да, вижу, что не зря тебя физики учили! — подкидываю легкого Эдика на плечи, поудобнее устраиваю его у себя на шее. Я бросил последний взгляд по сторонам, увидел, как на плечах массивного Подругина устроился Серега Жуков, хотел еще посмотреть в другую сторону. Но тут Саша подал команду.

— Вперед!

Повинуясь поданному сигналу, мы сорвались с места навстречу друг другу, с каждым шагом убыстряя темп движения, пока в центре зала, уже практически «на бегу», не столкнулись с «врагами». Это было похоже на столкновение двух стихий. В том смысле, когда два закрученных столба торнадо схлестываются друг с другом, и каждый старается захватить другой вихрь и подчинить его своей воле. И все это с таким упорством, что можно подумать, что они имеют разум!

Все получилось именно так, как и обещал Эдуард. Я уже видел торжество в глазах налетевшего на меня Володьки, но тут Эдик схватил за отвороты кимоно Николая и прокрутился вместе с ним вокруг своей, а получилось, что вокруг нашей общей оси. Мельничук явно не ожидал такого поворота событий. Какое-то время он еще пытался балансировать, сохранить равновесие, но объединенная сила инерции движения вперед его «коня» и круговой направляющей, заданной Эдуардом, была слишком велика. Во всяком случае, она была явно не соразмерна его усилиям удержаться «в седле»! И Николай со всего маху и с высоты роста Ишкова полетел на пол.

Эдуард ГОДИК

То, что этим дело не кончится, я предполагал каким-то шестым чувством, хотя как научный работник я всегда отрицаю эту ничем не доказанную чертовщину. Впрочем, точно так же, как и божественное начало.

— Так, — раздался зычный голос Александра. — Хватит! Теперь «купцы и пираты»!

Что такое игра в «купцов и пиратов», мы уже знали — как говорится, опять-таки, в тему, ибо плавали и поэтому знаем! Для игры в нее все присутствующие на тренировке разбивались на две груп-

пы, одна из которых — купцы занимала огороженную матами небольшую часть зала, имитирующую их корабль. Вторая же группа — пираты, должна была любым способом, кроме применения ударной техники, вытеснить купцов с корабля. Обычно, после команды «начали» на корабле возникала неимоверная свалка и преимущество получали те из нас, кто или занимался ранее борьбой или просто был сильнее физически. В любом случае главная задача этой игры — разогреть тело и подготовить его к тренировочным нагрузкам, достигалась в любом случае. Кроме того, что происходило на корабле, фактически представляло собой борьбу в партере, которая прекрасно развивала у всех нас общую физическую силу и выносливость.

Алексей СКРИПЛЕВ

Учеба на юридическом факультете вырабатывает в студенте определенные навыки. И даже если он хотя бы в силу своих физиологических качеств не достигает высот и профессионализма Шерлока Холмса, патера Брауна и миссис Марпл, то все равно он не такой, как все остальные окружающие его люди. Мы все-таки другие. Пусть немного, но другие! Вот и сейчас я стою немного в углу зала и незаметно наблюдаю за Сашей, за нашим новым тренером, возглавившим, как и говорил Алик, нашу группу каратэ. Мне просто интересно наблюдать за людьми как бы «со стороны», когда они не подозревают, что на них смотрят и их оценивают, а потому они ведут себя совершенное естественно и раскованно. Именно в эти самые моменты люди проявляют свое истинное лицо, и дают наблюдателю ту практически бесценную аналитическую информацию, на основе которой он впоследствии и будет делать правильные выводы о сущности интересующего его человека. А этот Саша меня очень даже интересовал! Начнем с того, что моя первая встреча с ним меня тронула до глубины души. Во-первых, почему-то всегда считалось, что настоящий мастер каратэ — это обязательно личность весьма хлипкого сложения, сильно напоминающая своим внешним видом худенького сморчка. А уж Саша чего-чего, но никак под это определение не подходил. Здоровенный парень, весом явно не менее восьмидесяти кило, и состоящий из одних мышц, кроме всего прочего, был совсем не мягок в тренировке к ученикам. Во-вторых, я почему-то считал, что мастер обязан одеваться в соответствующее его уровню если и не роскошное, то, как минимум, настоящее кимоно, которое должно было даже на внешнем уровне подчеркивать пропасть, между ним и его учениками, одетых в само-

дельные, сшитые из простыней, кимоно. На этом же Саше было явно самодельное, причем с огромной, так же вручную криво поставленной коричневой заплатой, которая ярко диссонировала на общем фоне белого кимоно. Сейчас я стоял и потихоньку наблюдал, как Саша поправляет базовую технику уже после окончания основного времени тренировки.

Интересно, — подумал я, глядя, как он злится, выправляя цуки у Подругина.

— Да пойми же ты, наконец! — кипятился Саша, — то, что ты делаешь, это хуже, чем ошибка, это чужой стиль! Так нельзя, это все равно, что бить ногами не в голову, а в пах!

Нагрузка на наших тренировках только поначалу казалась мне чрезмерной, однако через месяц мы все уже к ней полностью адаптировались. Особенно это касалось ударов ногами. Может быть, потому, что сам Саша, легко сидевший в поперечном шпагате и ногами совершенно свободно фехтовавший, на каждом занятии заставлял нас делать высокие удары ногами в голову и даже выше головы, прогресс в ножной технике у группы был вполне заметен. Причем, количество повторений этих ударов было совершенно умопомрачительным, и если мы делали менее сотни повторов каждого удара, то на полном серьезе считали, что тренировка была не на всю катушку.

Олег ИГНАТОВ

Весной 1973 года, после отдачи священного долга Отчизне в рядах Советской Армии, как и положено выпускнику МТИППа, я вернулся в Москву в звании старшего лейтенанта. Можно было, конечно, продолжить службу и даже сделать военную карьеру, благо, что все предпосылки к этому имелись, но, познакомившись с бытом офицерских семей изнутри, я понял, что это не для меня. Вернулся я на то же место, на котором работал до армии, на 408 завод гражданской авиации, был фотографом, оформлял доску Почета, готовил фотографии для выставок и технических описаний. Возвращение на завод было вызвано как любовью к фотографии, так и потенциальной возможностью получить «бронь» от армии. Но «что-то не сложилось», и я честно отправился служить. Сейчас, с удовлетворением осознавая, что прошедшие после демобилизации несколько месяцев потратил не зря, я испытываю глубокое удовлетворение от всего того, что успел сделать за это время. Устройство на работу в такое место, это, безусловно, здорово, но лично я самым главным событием последнего времени считаю совсем другое со-

бытие. Как это ни странно прозвучит для обычных и нормальных людей, живущих своей размеренной и вполне предсказуемой жизнью «совковой» повседневности, но в это время лично для меня на первое место в жизни вышло то, что я начал заниматься каратэ. Это произошло совсем недавно. Надо сказать, что каратэ я интересовался уже давно. Я даже не могу точно сказать, откуда я о нем узнал, что именно меня в нем заинтересовало, но оно меня «зацепило» по-настоящему. Еще до армии я пытался найти любые упоминания о каратэ в любых попавшихся под руку источниках. Первая статья в «Московском комсомольце» под названием «Учитесь убивать!», серия статей в 60-х годах в «Спортивной жизни России» о дзюдо и каратэ и даже «Джин Грин — неприкасаемый» Поженяна достал из-под полы за бешеные деньги у перекупщика около книжного на Новом Арбате. Сам автор, под псевдонимом которого скрывался авторский коллектив из трех человек, интересовал меня достаточно мало, пожалуй, можно вполне смело сказать, что он меня совсем не интересовал. Но в этой книге, в том числе, правда, достаточно вскользь и совсем немного рассказывалось о методике тренировок и технике каратэ.

Так уж повезло, хотя я сильно подозреваю, что никакого везения и в нашей жизни, и в жизни любого человека планеты Земля нет, а есть только лишь строгая и точно выверенная закономерность причинно-следственной связи, если хотите, карма. Она, эта причинно-следственная связь, контролируется неизвестно кем, но, наверняка не седобородым старцем, сидящим на каком-нибудь особо пышном «кучевом» облаке. Скорее всего, это даже не кто-то, а что-то, но что-то запредельно огромное, мудрое и совершенно непонятное для простого и обычного человека, подводит нас в такие ситуации, в которых каждому дается возможность получить именно то, что ему необходимо или просто нужно в этот вполне конкретный отрезок времени. Внешне все это выглядит как вполне естественное развитие событий, не связанное ни с какой мистикой или еще с чем-либо подобным. Но, тем не менее, в своей еще не слишком длинной жизни мне уже не раз приходилось задумываться над тем, что, время от времени, странно получается, когда события происходят как раз тогда, когда мне это на самом деле надо. Или, наоборот, когда чего-то такого мне очень хочется, и я все делаю для достижения поставленной перед собой цели, но все равно ничего не получается и ничего не происходит. И только спустя какое-то время, после цепочки совершившихся событий я понимаю, что именно из-за того, что тогда этот такой желанный для меня в тот момент времени факт не произошел, и я не реализовал себя, как хотел, я су-

мел избежать очень и очень больших неприятностей чуть позже. Вот и говорите после этого, что Бога нет.

И вот сейчас в полном одиночестве в пустой квартире — жена с дочкой отдыхала со своими родителями на даче, я занимался каратэ, используя в качестве наставника и тренера книгу Масутатси Оямы «Vitel karate». Эта книга тоже попала в мои руки именно тогда, когда она мне стала нужна ну просто «позарез». Когда я по какому-то случайному стечению обстоятельств получил ее в подарок от одного своего друга, которому ее какой-то его дальний родственник привез из-за границы, и у кого она пылилась на книжной полке без какой-либо надобности уже несколько месяцев, моей радости не было пределов. Стоит ли говорить, что в тот самый момент, как только я получил ее в собственность, мой визит к другу резко прервался, и я сразу же отправился обратно домой на свою первую «методически правильно выстроенную тренировку». И вот уже несколько месяцев я до изнеможения отрабатывал показанные в книге удары, блоки и различные упражнения на физическую силу и выносливость. Именно этим я и занимался в данный момент.

Надо сказать, что аномально высокая температура последних месяцев этого лета, уже и так изрядно вымотавшая москвичей и послужившая основной причиной самовозгорания торфа на юго-востоке области, уже чертовски надоела жителям столицы. К тому же, дымовая пелена, поднимающаяся над тлеющим где-то под землей торфом, от которой ровным счетом нигде не было никакого спасения, настолько плотным слоем окутала город, что в сочетании с жаром раскаленного воздуха, накрывшего Москву, создавала полную иллюзию пребывания в Сахаре в самый разгар лета. Для полного и абсолютного сходства не хватало только миражей где-нибудь в районе Красной площади. Население, окончательно утратившее трудовой энтузиазм, искало спасения у любого водоема и охотно плескалось в городских бассейнах, и такое его, не слишком понимаемое в обычные дни правоохранительными органами поведение, сейчас не вызывало у стражей порядка никаких нареканий.

Но настоящие бойцы только благодарны судьбе за все трудности и испытания, ибо совершенно правильно было сказано одним умным человеком, что воин должен радоваться трудностям и препятствиям, ибо с их преодоления он, воин, и растет. Поэтому я не обращал, ну, по крайней мере, старался не обращать никакого внимания ни на жару, ни на окутавший город смог, и, сделав свои первые пятьдесят отжиманий на пальцах и кулаках в разных позициях рук, подошел к окну.

— Так, — подумал я, — сейчас ноги на подоконник, еще тридцать отжиманий на кулаках и пальцах, это у меня будут плечи. Потом

сразу же по пятнадцать раз на каждую ногу «пистолетик», потом пресс, и можно будет перейти к проработке кистей. А после этого — растяжка.

Выглянув в окно, я еще раз убедился, что в этот послеобеденный час все население, если и не Москвы, то моего дома уже окончательно прописалось в тени зеленых дворовых насаждений. Старушки, судорожно заглатывая достаточно сомнительный с точки зрения экологии «свежий» воздух, тем не менее довольно живо обсуждали какие-то свои темы, а я, убедившись, что жизнь пока еще не закончилась, совсем уже было собрался приступить к очередному упражнению.

И вот в этот, как показали дальнейшие события, безо всякой натяжки, исторический момент мой взгляд упал на стоящую рядом, напротив моего дома, кирпичную коробку корпуса «Б». Надо сказать, что живу я на шестом этаже, и когда лучи уже закатывающегося солнца косо освещают стоящее напротив здание, мне отлично видно все то, что происходит в расположенных на более низких этажах квартирах соседнего здания. Даже в тех случаях, когда проемы его окон задернуты легкими газовыми портьерами. И вот сейчас, уже собираясь отойти от окна, я совершенно случайно кинул взгляд на дом напротив и в проеме окна какой-то квартиры второго этажа увидел две небольшого роста фигуры в белых «каратистских» кимоно. Уже одного этого факта было вполне достаточно, чтобы привлечь к ним мое самое пристальное внимание. Но ведь фигуры не просто стояли или сидели. Нет, эти фигуры сосредоточенно занимались именно тем самым, что я на протяжении последних месяцев ежедневно проделывал сам. В данный момент времени они сосредоточенно лупили в воздух прямой удар ногой, каждый раз сопровождая его ударом руки.

— Ого! — воскликнул я. — А парни-то уже связками работают!

Для меня это был пока еще недоступный уровень, и я еще только-только разучивал отдельные удары, изо всех сил оттачивая технику их нанесения.

— Так, так! И что же теперь делать?

Решение пришло мгновенно и как бы само собой. Быстро натянув брюки, и накинув рубашку, я схватил со стола лежащую на нем книгу Оямы, еще раз подскочил к окну, быстренько прикинул номер квартиры, и, застегивая на ходу пуговицы рубашки, кубарем скатился по лестнице вниз. Выскочив из подъезда и совершенно не замечая обдавшего меня жаром хорошо прогретой духовки воздуха улицы, я побежал к соседнему дому. Остановившись около нужной двери, внимательно прислушался, попытавшись уловить хоть ка-

кой-нибудь доносящийся из-за нее звук, но за дверью все было тихо и спокойно. Точно так же, как и за всеми другими дверями, наверх, всех остальных этажей и подъездов. Переведя дыхание, я нажал на кнопку звонка.

Александр БЕЛОЗЕРСКИЙ

Что ни говори, а жизнь весьма занятная и интересная штука! И иногда преподносит человеку такие фокусы, которые не сможет придумать ни один романист, пусть даже у него будет фантазия и талант рассказчика Дюма-отца и Дюма-сына одновременно! Ну, кто бы мог подумать, что тот самый Лешка Авдеев, с которым я познакомился почти десять лет тому назад, еще, будучи обычным первокурсником Гнесинского училища, и который тогда совершенно ничем не отличался от стандартного среднестатистического студента этого, скажем прямо, не слишком обычного учебного заведения, вдруг покажет себя таким суперменом! В массовом, общественном сознании населения студент «Гнесинки» имеет репутацию несколько забитого и не слишком физически развитого члена общества, находящегося в мире звуков и в достаточной степени оторванного от суровой и реальной действительности повседневной жизни. Причем, надо честно сказать, что этот стереотип имеет под собой вполне достаточные основания. И, скажу прямо, что я не являюсь исключением из этого правила. Лешка учился со мной на параллельном потоке, и не стоит говорить, что мы с ним были «не разлей вода». Просто мы знали друг друга в лицо, общались, как и все остальные студенты между собой, о чем-то иногда спорили, с чем-то соглашались, с чем-то нет. В общем, обычные приятельские отношения людей, объединенных одной и той же целью, которым особенно нечего делить. После окончания курса обучения, я остался в аспирантуре, а Авдеев сделал «финт ушами», и поступил на филологический факультет МГУ. В общем, этот достаточно неординарный с точки зрения музыкального образования поступок мне был совершенно понятен и я его даже в чем-то одобрял. Все дело в том, что Лешка, обучаясь по классу вокала, специализировался на романсах и народных песнях, а для того, чтобы правильно с точки зрения исполнительского мастерства исполнять эти произведения, необходимо знать этимологию и историю их появления на свет Божий. Поэтому изучение филологии романсов и народных песен вполне можно рассматривать как грань повышения своего музыкального образования. Но на этом наши пути разошлись, и все

эти годы я Авдеева больше не видел и ничего о нем не знал. До прошлого месяца.

После окончания аспирантуры я без особых проблем защитил диссертацию и распределился старшим преподавателем в Московскую консерваторию. В общем, жизнь, как жизнь, точно такая же, как и у подавляющего большинства остальных жителей моей страны. Но вот в тот день под большущим секретом коллега с кафедры сообщил мне, что в нотный магазин на Кузнецком завезли репринтные издания прижизненных клавиатур всего Вагнера.

— Нет, Иван Федорович, — с придыханием, трепеща от священного восторга, говорил мне он, — вы только подумайте, ведь весь Вагнер! Прижизненный!

— И что, в свободной продаже?

— Да, что вы такое говорите? Конечно же, нет! Вся партия в кабинете директора и только по своим! Но мне директор кое-чем обязан, а я, как вы помните, немного обязан вам за ту услугу. Поэтому я сейчас позвоню в магазин и предупрежу, что вы зайдете, только, прошу вас, обязательно зайдите сегодня же, не откладывайте! Сами понимаете, такая редкость! Моментально же все разойдется!

Эти клавиатуры, или, в просторечье, просто ноты, на самом деле были большой редкостью — Вагнер-то у нас давно и прочно не в почете, черт бы ее подрал, эту идеологию! Ну, да, на самом деле Вагнер был весьма и весьма далек от идей демократии и прогресса, да и с этической точки зрения временами он был совсем не подарок, но музыка-то в чем виновата? Вот я вас спрашиваю — причем здесь музыка? Особенно, если учесть время сюжета всех его Зигфридов и Нибелунгов! Ну ладно, это я отвлекся. Так вот, сразу же после окончания занятий со студентами я отправился в нотный магазин и через пятнадцать минут стал счастливым обладателем настоящего сокровища для профессионального музыканта. Но как говорится, в каждой бочке меда обязательно найдется ложка дегтя. В моем случае эта самая ложка появилась в виде компании подвыпивших юнцов студенческого возраста, хотя по их внешнему виду они скорее походили на далеко не прогрессивных представителей приехавших в Москву по трудовому набору провинциального пролетариата, нежели на московское студенчество. Я едва вышел из магазина на улицу, как нос к носу столкнулся с компанией нетрезвых юнцов.

— О! Интеллигент! — радостно воскликнул один из них, легким шлепком сбивая с моей головы настоящую английскую шляпу, приобретенную мною во время гастролей в Англии.

— Вы, что себе позволяете!? — скорее по инерции воскликнул я,

понимая, что попал в весьма скверную историю, которая имеет все основания закончиться для меня весьма и весьма печально.

— А что хотим, то и позволяем! — услышал я в ответ, и почувствовал шлепок ладонью по затылку.

Я быстро огляделся по сторонам, и, не заметив по близости ни одного милиционера, собрался быстро развернуться и нырнуть обратно в подъезд магазина, но не тут-то было! Судя по их поведению компании, по тому, как они мгновенно окружили меня со всех сторон, отрезав дорогу к спасительному холлу, я был далеко не первой жертвой их развлечений.

— И что мы сейчас будем делать? — ехидным голосом спросили меня откуда-то из-за спины, явно не надеясь получить ответ.

— Мы будем давать трояк, чтобы нас отпустили домой! — ответил ему кто-то другой из этой же компании.

— Что он будет делать, вас не касается. А вот вам я очень порекомендую извиниться и быстро отсюда уйти, — ответил за меня спокойный мужской голос.

— А ты-то кто еще такой?

— Считаю до трех.

Я обернулся на этот посторонний голос и с удивлением увидел стоящего перед компанией Лешку Авдеева. Это, безо всякого сомнения, был он. И в то же время, не он. Не тот Лешка, которого я знал несколько лет тому назад. Нет, внешне это был тот же самый человек, ну, только немного изменившийся, как и мы все он повзрослел и возмужал. Но что-то такое, что-то неуловимое, в нем изменилось самым кардинальным образом. Это трудно передать словами, но появился в нем какой-то такой непонятный для меня внутренний стержень, что ли, какая-то непонятная в себе абсолютная уверенность и жесткость поведения, которой раньше не было, не знаю. Трудно это передать, это надо видеть лично!

— Раз.

— Два.

— Три.

— Ну, интеллигентик, — явно забавляясь ситуацией, веселилась компания, — и что ты будешь делать даль...

Договорить самый активный и задорный не успел — Лешкин кулак коротко, но, судя по тому, как скрючился весельчак, очень сильно, врезался ему куда-то в корпус, по ребрам. Говоривший медленно осел на землю, а вся компания, временно забыв обо мне, кинулась на Лешку. То, что произошло дальше передать словами еще труднее, чем объяснить, какие именно изменения произошли с моим бывшим однокурсником. Дальше был очень быстрый и корот-

кий фейерверк из рук, летающих ног, и не прошло и десяти-пятнадцати секунд, как все было кончено. Я ошарашено смотрел на валяющихся почти у меня под ногами в самых разных позах еще недавно таких грозных и уверенных в себе хулиганов, и не мог поверить своим глазам.

— Лешка! Как это ты их так?

— Все, давай, уходим. Быстро, — проговорил он, беря меня за локоть, и чуть ли не силой утаскивая с места событий в сторону.

— Эй, ребята! Давай ко мне, быстро увезу! — услышали мы негромкий окрик, и увидели, как с противоположной стороны улицы нам машет из кабины машины таксист.

— Давай к нему! Да двигай же! Что ты как черепаха? — с досадой проговорил Лешка, открывая дверцу и запихивая меня в машину. — Все равно куда, — сказал он, обращаясь к таксисту. — Лишь бы подальше отсюда!

— Понимаю, — с юмором в голосе отозвался тот. — После такого спектакля, что вы устроили, умные люди исчезают как можно быстрее и как можно дальше и при этом стараются остаться неизвестными. В десантных войсках служили?

— Да разное, что в жизни было, — неопределенно промычал Лешка, и таксист, понимающе кивнув головой, прекратил расспросы.

— Так, куда вам?

— Да, вот здесь остановите. Спасибо вам за все.

— Все нормально. А эти давно уже напрашивались, сами виноваты и вы все правильно сделали. Так, что не переживайте!

— Да мы, в общем, и не волнуемся. Хотя вам все равно спасибо! — захлопнув дверцы машины, мы вышли на улицу.

— Ну, что, зайдем куда-нибудь, посидим? — Лешка обратился ко мне.

— Давай. А куда?

— Да куда угодно, можно хоть вот сюда — и Лешка показал на дверь небольшой рюмочной.

— Опять в какую-нибудь историю попадем! Здесь контингент, сам понимаешь! — поежился я.

— Да не переживай. Все будет хорошо, а контингент я беру на себя! — спокойно ответил он, и снова я почувствовал, что после стольких лет разлуки, снова появившийся в моей жизни Лешка Авдеев, совсем не тот Лешка, которого я когда-то знал.

Мы взяли по рюмке и по бутерброду, прислонились к «стояку» в укромной уголке забегаловки.

— Ну, как ты? Чем занимаешься? — продолжил Лешка.

— Преподаю. Ничего необычного. Все, как и предсказывалось —

аспирантура, защита, работа на кафедре. Сейчас вот, правда, вторую книгу уже заканчиваю, — похвалился я. Хотя, на мой взгляд, этим на самом деле можно было гордиться. Да и тема книги — китайский национальный музыкальный строй, тоже была совсем не простая. И, насколько мне виделось, вполне могла лечь основой для будущей докторской. — А ты-то как? И где ты всему этому научился? Что это такое?

— Каратэ, дорогой. Если точнее — кёкусинкай. Тебе это что-нибудь говорит?

— Абсолютно ничего! Но если честно, то смотрится просто великолепно! И, судя по тому, как ты раскидал эту свору, это что-то совсем запредельное!

— Да нет, на самом деле ничего запредельного в нем нет, хотя, спорить не буду, каратэ — действительно самый эффективный вид единоборств.

— И где же ты ему научился?

— В Польше.

— В Польше? И как же ты в нее попал?

— Да после третьего курса МГУ в порядке студенческого обмена. Меня в Польшу, а какого-то поляка к нам. Ну, давай! За встречу!

— За встречу, это хорошо. Хотя хотелось бы, чтобы она произошла как-нибудь иначе.

— Ну, за все в нашей жизни надо платить. Вот ты, например, заплатил парой неприятных минут за встречу со мной и за то, что узнал, что на свете есть такая штука как кёкусинкай. И даже посмотрел на нее в действии.

— Да? А ты чем заплатил за встречу со мной?

— Чем? Ну, скорее всего тем, что мне придется тебя этому самому кёкусинкаю учить. Ведь ты не хочешь же сказать, что тебе это не понравилось, и что ты совсем не против научиться драться точно так же, как и я?

Хорошо, что я уже тоже выпил свою рюмку. Иначе обязательно бы поперхнулся. Вот, скажите мне, уважаемые, ну как Лешка мог догадаться о том, что все прошедшее после нашей с ним так называемой «встречи» время я только о том и думал, как бы мне так половчее повернуть разговор на тему приобщения к этой таинственной технике самозащиты. Уж слишком много швали в последнее время поразвилось на улицах, а милиция совершенно не ловит вообще никаких мышей!

— Ладно, ладно! — засмеялся Лешка. — Вот тебе мой телефон, давай созвонимся вечером. А ты пока реши вопрос с тренировочным помещением.

— А чего с ним решать? Я один живу, тебя большая комната устроит?

— Да никаких проблем. Этим делом вообще можно заниматься на площади в пару-тройку квадратных метров.

— Тогда давай прямо завтра и начнем. Когда тебе удобно?

— Ты по-прежнему живешь на Куусинена? Давай часов в семь вечера, устроит?

— Хорошо, тогда завтра жду.

Алексей АВДЕЕВ

Мы только-только закончили отрабатывать кин-гэри, как в дверь кто-то позвонил.

— Ты кого-нибудь ждешь? — спросил я Ивана.

— Абсолютно никого, — ответил он.

— Тогда кто это может быть?

— Сейчас посмотрим.

Вообще-то, в этом месте мы тренировались уже месяц по два раза в неделю. Этой нагрузки более чем хватало для Ивана, все-таки он еще слабоват для того, чтобы его вести в наш тренировочный зал на Войковской, не слишком комфортно он там, среди уже достаточно давно занимающихся ребят, будет себя чувствовать. А ощущение психологического комфорта и получение чувства внутреннего удовлетворения от тренировок — один из основных залогов успеха в этом деле. Поэтому я решил пока остановиться на «квартирном» варианте. А мне это тоже было неплохо и меня такое развитие событий вполне устраивало. Я три раза в неделю тренировался в зале со всеми остальными парнями, и еще два раза здесь, на квартире. Ну, разумеется, эта квартирная тренировка не могла с полным на то основанием считаться полноценной тренировкой. В том смысле, в каком мы все понимали само это понятие или определение, это уж кому как нравится, «тренировка». Но все-таки, какая ни есть, а дополнительная нагрузка. А нагрузка в каратэ лишней никогда не бывает.

И вот сейчас наша тренировка была в самом разгаре, когда раздался этот звонок в дверь. С одной стороны, мы не совершали ровным счетом ничего противозаконного, и бояться нам вроде бы было совершенно нечего. С другой стороны, если кто-то не то чтобы честно жить не хочет, а просто желает в свое личное и свободное время заниматься чем-либо официально не разрешенным, то рано или поздно, но такая вольнолюбивая и свободная в душе личность обязательно, прямо-таки, неизбежно познакомится с недремлю-

щими правоохранительными органами. Как в том детском фильме: «А что это вы тут делаете»?

Как известно, строгость российского законодательства компенсируется необязательностью его исполнения, и это правило сто процентно переключалось из свода законов Российской империи в нашу современную правовую систему, но все-таки было лучше поостеречься. Поэтому Иван быстро скинул с себя куртку кимоно, надел махровый китайский халат — кстати, мой ему подарок, привезенный из Польши, и пошел открывать дверь. Я же, не раздеваясь, притаился за углом в коридоре, встав так, чтобы меня не было видно через проем двери из подъездного коридора. Иван открыл дверь, несколько секунд он молча рассматривал гостя, а потом я увидел, как в проем двери протянулась рука стоящего в подъезде человека, держащая какую-то книгу. Я сразу узнал эту книгу. Иван взял ее и молча, как бы спрашивая меня, обернулся в мою сторону.

— Пусть проходит, — сказал я. — Такие книги просто так не приносят.

Олег ИГНАТОВ

Я перешагнул через порог квартиры и зашел в прихожую. Квартира как квартира, точно такая же, как и все остальные, но меня сейчас занимало совсем не расположение и количество комнат. Молодому парню, стоящему передо мной, было примерно столько же лет, сколько и мне, ну, может быть, между нами была пара-тройка лет разницы, но сейчас это не имело ровным счетом никакого значения. На вид он был достаточно худосочен, среднего роста и по большому счету ничем особенным с точки зрения физического развития не выделялся. Из комнаты вышел второй, одетый в кимоно, примерно таких же габаритов и роста. Мне, с высоты моего почти двухметрового роста при достаточно уважительных объемах, причем, не жира, а мышц, они казались если и не подростками, то, во всяком случае, достаточно щуплыми молодыми людьми.

Открывший мне дверь парень, передал мою книгу второму, то взял ее, бегло перелистал, и уважительным жестом передал ее обратно.

— Известная книга. Где взял?

— По случаю. У знакомого без дела валялась.

— Бывает. Ну, и как? Пригодилась?

— Употребляю ежедневно, — в тон ответил ему я. — Иногда даже по два раза в день.

— И давно?

— Три месяца уже.

— А нас-то как нашел?

— Это нетрудно. Я живу в том доме напротив, на шестом. Вас во второй половине дня, когда солнце освещает эту сторону дома, из моей квартиры как на ладони видно.

— Понятно, учтем. А пока проходи, покажи, чему ты научился за это время.

Я прошел в абсолютно пустую, без какой-либо мебели комнату со стандартными крашеными полами. Ни кимоно, ни того старого тренировочного костюма, в котором я занимался дома, сейчас на мне не было, но я решил, что для первой демонстрации вполне подойдут и брюки с рубашкой. Встав в дзэнкуцу дати — стойку нападения, я продемонстрировал сначала ту же самую кин-гэри, которую они, как я видел, отрабатывали сами. После кин-гэри перешел на проникающую маэ-гэри в корпус, потом йоко-гэри — та же самая мая, только в сторону под углом в девяносто градусов, и, наконец, перешел на технику рук. В общем, по большому-то счету, знал я не так уж, чтобы и много, ну, сютто — рубящий ребром ладони сверху вниз, тэтцуи — то же самое, но только основанием сжатого кулака, два вида цуки — прямого удара руки, да несколько блоков.

— Ну, что ж, неплохо, даже весьма неплохо, — одобительно произнес одетый в кимоно парень. — И это ты все выучил сам, по книге?

— Да, сам.

— Ну-ну! — Как-то не слишком определенно хмыкнул он. — А блоки ты знаешь?

— Пока не очень. Наверное, более-менее только сото-укэ.

— Покажи.

Я встал в кокуцу-дати, стойку защиты, и тут же говоривший со мной каратист, судя по его поведению, старший в этой паре, тут же подошел ко мне вплотную и поправил стойку, отодвинув в сторону колено моей задней, опорной ноги, более четко зафиксировав исходную позицию. — Вот так будет правильной, — только и произнес он, — давай, продолжай!

Оттолкнувшись от пола пяткой, я, как и рекомендовалось в книге, закрутил корпус, вывел вперед плечо и кинул навстречу воображаемому удару согнутую в локте руку. Максимально, как, опять-таки и рекомендовал автор учебного пособия, в момент соприкосновения воображаемого блока идущему на меня такому же воображаемому удару, напряг мышцы всего тела в конце движения, и зафиксировал контакт. В следующее мгновение я расслабился и отдернул блокирующую руку назад, чтобы избежать ее за-

хвата, и не дать противнику возможности вывести меня на бросок или подсечку.

— Совсем неплохо, я даже и не ожидал! — одобительно отозвался мой экзаменатор. — Ну, а как у тебя с ОФП?

— С ОФП у меня неплохо. Можно даже сказать, что с ним у меня совсем неплохо, — и, чтобы доказать правдивость своих слов, я продемонстрировал несколько упражнений из увиденных в книге.

— Ну что же, неплохо — сказал каратист. — С силой и тонусом мышц все понятно. А как у тебя с выносливостью?

— Да в армии я развлекался тем, что пару-тройку раз в неделю бегал по горам десяточку в свое удовольствие. Мне кажется, что с этим проблем тоже не будет.

— И давно ты из армии?

— В мае пришел.

— Ладно. Давай тогда мы сделаем так, — мой собеседник на пару секунд призадумался. — Ты завтра вечером свободен?

— Да, без проблем.

— Тогда давай встретимся в полседьмого вечера в центре зала метро Войковская. Устроит?

— Устроит. Только зачем?

— На Войковской есть неподалеку спортивный зал. Там мы занимаемся три раза в неделю, уже достаточно давно. Поэтому, если ты хочешь нормально заниматься каратэ, то стоит тренировки посещать. Кимоно у тебя есть?

— А вот кимоно у меня нет.

— Жаль, там все только в кимоно занимаются. Но ладно, что-нибудь в процессе придумаем. Давай, до завтрашнего вечера. А сейчас извини, нам продолжить надо!

— Нет проблем! До завтра. — Я развернулся и вышел в подъезд дома.

Сергей ЖУКОВ

Главное для человека — это правильно расставить приоритеты. Для меня сейчас на первом месте процесс познания, то есть получения новых знаний и их отработка. Все остальное — потом. Нет, я, конечно, внимательно наблюдаю за развитием событий и за тем, как развиваются отношения между Сашей и Шефталем, но пока никуда не лезу. Для меня это сейчас не интересно, мне нужна техника!

А технику Саша дает хорошо. Что мне очень понравилось в его методике преподавания, так это то, что он с самого начала ввел же-

сткую дисциплину посещения тренировок. Даже Шефталъ, подстраиваясь под него, еще после первого посещения Танюшкиным зала, стал требовать от группы регулярности его посещения. Раньше, помнится, такого не было.

Ояма МАСУТАСУ

Я только что закончил тренировку и удобно расположился на своем рабочем месте в офисе. Посмотрел в окно и невольно залюбовался прекрасным видом поздней осени. В общем, все, как обычно, все, как и каждый день. Только вот уж очень в этом году прекрасна осень. С робким стуком в дверь вошел секретарь, с поклоном передав папку с бумагами.

- Что-нибудь интересное?
- Одно письмо, сихан (сосай).
- Давай его сюда. Что в нем?
- Это из Польши. Просят вашего согласия на организацию центра кёкусинкай каратэ и просят помощи и содействия.
- Из Польши? А где это?
- Это страна из-за «железного занавеса», прямо у границ с СССР, в Восточной Европе.
- В Европе? Ну, тогда перешли это письмо Холландеру в Голландию. Он Президент Европейской федерации, пусть он на месте и разберется, ему оттуда виднее.
- Да, сихан (сосай).

Анджей ДРЕВНЯК

Я пришел к выводу, что мы исчерпали запасы дальнейшего развития, и если не предпримем каких-либо нетривиальных мер, то обречены на стагнацию и обязательно последующую за этим деградацию. Период обучения у студентов из других стран прошел, и к этому моменту мы вышли на тот уровень развития, когда уже сами могли поучить практически всех приезжающих в Польшу получить высшее образование еще и каратэ. Больше такие «инструктора» для нас интереса не представляли, и я начал размышлять, что же нам делать дальше. В принципе, выход был только один, и он лежал на поверхности — нам надо было влиться в уже созданную, и уже существующую по всему миру структуру. Поэтому я и пришел к выводу, что нам необходимо вступить в организацию Масутасу Оямы. Но вот как это сделать практически?

Богдан МАЧУЛЬСКИЙ

Анджей специально приехал в Варшаву, что переговорить с нами, и я понимал, что разговор будет очень серьезным. А иначе, почему бы он не воспользовался услугами междугороднего телефона?

— Богдан! — начал Анджей, и я видел, что он волнуется, что для него тоже было достаточно необычно. — Богдан! Мы уперлись в стену, я даже могу сказать больше — мы выработали весь свой ресурс развития!

— Судя по всему, у тебя есть план, что нам делать дальше?

— Есть!

— Тогда, что мы молчишь, говори.

Когда Анджей закончил говорить, Генрик на секунду задумался.

— Адрес хонбу Оямы известен? — спросил он.

— Да, конечно.

— Тогда особых проблем нет. Можно написать ему на этот адрес письмо, а по своим каналам в МИДе позабочусь, чтобы оно обязательно дошло.

— Хорошо, тогда надо писать.

— Знаете, давайте сделаем так, — я вмешался в разговор. — Дело это серьезное и совсем не на пять минут. Поэтому, пусть каждый из нас самостоятельно напишет текст, потом мы с Генриком приедем к тебе в Краков на тренировку, и согласуем окончательный вариант. И после этого Генрик занимается его отправкой.

— Согласен, — ответил Анджей. — Теперь такой вопрос — на каком языке будем писать?

— Согласно нормам международного права подобного рода письма пишутся на двух языках — страны отправителя, и страны адресата. Но я бы порекомендовал еще и перевести его на английский, как на язык международного общения, — ответил Генрик.

— С переводом на японский у тебя проблем не будет?

— Нет, у меня есть хорошие знакомые в японском отделе, все будет хорошо.

Лук ХОЛЛАНДЕР

Я еще раз внимательно перечитал письмо сосая (сихана) Оямы, и взял в руки приложенную к нему копию письма из Польши. Это было интересно. Я, как Президент Европейской федерации кёкусинкай, безусловно, прямо заинтересован в ее расширении, с этим никто не спорит. С другой стороны, федерации нужны реальные, а не номинально числящиеся в ней члены. Нам нужны такие нацио-

нальные федерации, которые в состоянии оплачивать членские взносы, выезжать за свой счет на международные семинары и принимать такие семинары в своих странах. А для этого необходимо не только юридически безупречно зарегистрированная структура с завершенным организационным строительством, но и, самое главное, наличие у нее твердой материально-финансовой базы.

Смогут ли поляки регулярно и вовремя платить по своим счетам? — подумал я. Это же все-таки социалистическая страна! Хотя, с другой стороны, в этом их преимущество перед странами свободного мира? Если они смогут убедить государство выделить им часть предназначенного на развитие спорта бюджета, то у польской федерации вообще не будет никаких проблем. Надо ехать в Польшу, все посмотреть своими глазами! — решил я. — Надо ехать, смотреть, разговаривать, и только после этого принимать решение. Да, еще раз утвердился я в своем решении, надо ехать! В этом году уже, конечно, не удастся — буквально через несколько дней Рождество с его каникулами, а вот в начале следующего года — это вполне реально. Надо будет написать об этом в Польшу.

Юрий ВДОВИН

Я внимательно осмотрел зал, но никого из вчерашних «знакомцев» в нем не было. Вчера, правда, если быть точнее, то уже сегодня ночью мы с Николаем, как обычно, провожали нашего лучшего друга среди барменов домой, и едва свернули в переулок, как на нас налетело несколько незнакомцев. С прошлого года, когда мы впервые провожали его домой, мы стали уже гораздо более опытными и уже не полагались только на свои руки. Нож — это серьезно, а если человек еще и умеет с ним работать, то шансы выйти из такого противостояния даже не победителем, а просто не побежденным, резко уменьшаются и вообще стремятся к абсолютному нулю. Поэтому с того самого памятного дня мы с Николаем всегда ходили на наши, как мы их называли между собой «вечеринки» не пустыми.

Едва мы только-только свернули за угол, у меня сразу же заняло под ложечкой от очень нехорошего предчувствия. Прямо перед нами неясной грудой лежали пластмассовые ящики, полностью перегородающие весь тротуар, за которыми в темноте ничего не было видно. Я шел впереди, бармен Виталик в пяти метрах позади меня, а Николай замыкал процессию. Не доходя нескольких метров до «баррикады», я остановился, и поднял вверх левую руку, подав Николаю и Виталию знак остановиться. Ощущение опасности прямо-таки зашкаливало, и я, подчиняясь ему, инстинктивно отошел

на пару шагов в сторону от сваленных на тротуар ящиков, Едва я успел это сделать, как наваленная гора пластмассы рассыпалась прямо на то самое место, на котором за секунду до этого стоял я.

— Понятно, мальчики! — метнулась мысль, а правая рука уже молнией юркнула в левую подмышку, сразу же нащупав в ней холодную ребристую палку нунчаки. Неясная фигура размытой тенью выпрыгнувшая из-за завалов, быстро, одним плавным движением хорошо тренированного тела скользнула по направлению ко мне, и я сразу же увидел отсверк в лучах лунного света длинного прямого лезвия.

— Ого! Да это никак самый настоящий штык от трехлинейки! — едва успел подумать я, отскакивая в сторону за секунду до того, как лезвие пронзило то место, на котором я только что стоял.

Мой противник явно умел пользоваться штыком. Два длинных взмаха по нисходящей траектории сверху вниз и справа налево и слева направо, от которых я уклонился простым прогибом назад, а потом длинный низкий выпад в прямом ударе мне в живот. Он явно предполагал именно такую мою реакцию на его хлещущие с боков удары, и всю ставку делал именно на этот последний, трудно, практически неуловимый низкий удар. Прогиб назад на моем месте сделал бы любой более-менее подготовленный боец, не знакомый с тактикой боя холодным оружием. Сделал, и сразу же попался бы на прямой удар. Но я знал эту связку! В конце концов, я, что, зря интересуюсь техникой штыкового боя?

Я вообще считаю, что настоящий специалист по поединку должен не замыкаться в рамках своего стиля или вида единоборств, а активно интересоваться всеми остальными существующими на свете разновидностями рукопашной схватки. В том числе и с применением оружия и прочих подручных средств. Поэтому я знал эту связку. От самого настоящего прямого штыкового удара я ушел просто — вертанувшись на месте вокруг своей оси в тай-сабаки, так, что лезвие прошло мимо меня в каких-то двадцати сантиметрах. И больше этот любитель штыкового боя сделать ничего не успел, так как вторая палка нунчаки, соединившись с круговой скоростью раскрутки всего тела с силой удара по круговой траектории наотмашь моей правой рукой, в которой я держал нунчаку, врезалась ему прямо в затылок.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Это весьма и весьма прибыльное занятие. Двадцать пять рублей за вечер с одного «проводятого», это совсем неплохо. Деньги даже в наше почти коммунистическое время почему-то никогда лишни-

ми не бывали, но, что весьма странно, каким-то непонятным, почти мистическим образом исчезали, в буквальном смысле просачиваясь между пальцами рук. Кажется, что и не покупаешь почти ничего — ну, джинсы там, батник, пару дисков — и вот уже денег и нет! Нет, я не спорю, все вышеперечисленное стоит денег, и стоит не маленьких денег, но все равно — где деньги, Зин?! В конце-то концов, не каждый же день мы покупаем те же самые джинсы? Которые, кстати, у фарцы стоят от ста восьмидесяти рубчиков! И это все при том, что средняя месячная заработная плата инженера по стране, которыми мы с Юрием и собираемся стать через пару лет после окончания своих институтов, составляет сто пятьдесят рублей! Вот и думаешь, а надо ли после получения образования идти работать на сто пятьдесят, если джинсы, не говоря уже обо всем остальном прикиде, стоят сто восемьдесят!

Может быть, я подумал бы еще о чем-либо. Но в этот момент гора ящиков, преграждающих нам дорогу сваленных прямо на асфальт около заднего рабочего входа в «Метлу» рухнула вниз, и на нас словно крысы полезли какие-то люди. Совершенно инстинктивно, еще ничего не соображая, я одел на проникающую маэ в солнечное одного, и, заслоня собой Виталика, резко ударил кинг-гэри второму. Краем глаза заметив шевеление сбоку, я отскочил в сторону, и жестко встретил нападавшего низким круговым ударом левой в печень. Все! Кажется, что больше противников у нас нет! Вокруг нас снова стояла тихая московская ночь, вокруг валялись тела нападавших, да Виталик дрожал за моей спиной.

Скорее всего, лидером группы был именно тот самый напавший на нас со штыком парень, что сейчас валялся на асфальте. Судя по тому, что около его головы потихоньку расплывалась лужа крови, кость свода черепа ему Юрка все-таки пробил. О чем лично я совершенно не жалею. На войне как говорится, как на войне! Штыком то он бил по-настоящему, и явно не для того, чтобы нас попугать! Кстати, штык надо будет взять. Это честно завоеванный трофей!

— Эй, огрызки жизни! — обратился я к осторожно поднимающимся на ноги парням. — Забирайте это дерьмо, — я пнул ногой лежащее на асфальте тело, — и вызывайте скорую. А то он слохнет! И еще. Если мы с вами еще раз увидимся, то вы так просто не отделаетесь, зарубите это себе на носу. Все по больницам отдыхать будете.

Юрий ВДОВИН

Сейчас я осматривал зал, пытаюсь определить, есть ли в нем кто-нибудь из этих «бойцов», но так никого из них не увидел.

— Разрешите? — над столиком склонился хорошо одетый мужчина средних лет.

— Присаживайтесь, — так же вежливо ответил я ему.

— Говорят, вы затеяли интересное и прибыльное дело, — обратился он ко мне.

Откинувшись на спинку стула, я молча ждал продолжения, ничем — ни мимикой, ни словом не опровергая и не подтверждая слова незнакомца. Так и не дождавшись моей реакции, он продолжил. — Вы уверены в своих силах?

— Что такое собственная сила? — наконец, ответил я. — Человек слаб, и каким бы сильным не был он лично, по теории вероятности всегда найдется кто-то, кто сильнее его. Поэтому мудрые люди не полагаются на свои собственные силы, — я особенно выделил тоном это слово — собственные. — Надо полагаться не на свои силы, а на себя. Это немного разные понятия.

— Считаете, что ваших связей хватит? — незнакомец с полпинка понял именно то, что я и хотел ему сказать.

— Именно это, — согласился с ним я. — Кстати, а вы не поделитесь информацией, кто эти таинственные люди, которые «говорят»?

— Да какие проблемы! — удивился мой собеседник. — Об этом сейчас говорит вся «Метелица». Можно даже сказать, что на сегодняшний день это одна из самых обсуждаемых тем в этом зале, — он широко обвел рукой на самом деле вполне приличный по своим размерам зал. — Неужели вы считаете, что Виталик не поделился всем произошедшим со своей любовницей Ларисой, которая здесь же работает официанткой? Дальнейшее развитие событий можно не объяснять? — улыбнулся он.

— Ну, говорят и говорят, — я со вздохом развел руками в стороны. — Как известно, на каждый роток..., — я не стал заканчивать поговорку. — Вы подошли ко мне только затем, чтобы получить информацию о сегодняшней ночи именно из первоисточника?

— И за этим тоже, — с серьезным видом согласился мужчина.

— А зачем оно вам? Вот лично я совершенно не горю желанием что-либо говорить об этом.

— У меня есть основания.

— И какие же? — немного напрягся я.

— Я хочу дать вам заказ, — спокойно пояснил он. — И как каждый нормальный заказчик я хотел бы как можно больше знать о своем работнике. Согласитесь, что это разумно.

— Не буду спорить, это оправдано и вполне разумно — согласился с ним я. — Но вот только есть один небольшой нюанс.

- И какой же?
- Мне импонирует ваша уверенность в своих возможностях, но я не уверен, что готов принять ваш заказ.
- Вы даже не поинтересовались, в чем именно он будет состоять, — с каким-то сожалением констатировал он.
- Наверное, потому, что я совершенно точно знаю, что не хочу его принимать.
- А почему?
- Как и у любого хорошего бойца, у меня развито шестое чувство. Вам знакомо это понятие?
- Продолжайте, — кивнул мужчина.
- А зачем продолжать? Я просто знаю, что мне не хочется с вами работать. А если мне не хочется, то я и не работаю. Мне больше нечего вам сказать, — подвел я итог нашей встрече.
- Хорошо, — ответил он мне, поднимаясь из-за столика. — Но если вы передумаете, то вы всегда сможете меня найти. Просто попросите Ларису, передать Артуру, что вы хотите с ним увидеться.
- Ладно, — согласился я с ним, совершенно точно понимая, что никогда этого не попрошу. Но вежливость превыше всего!

Николай МЕЛЬНИЧУК

Я как раз сидел за столиком наших приятелей по «Метле», поэтому не торопился подходить к Юрке, видя, что он разговаривает с незнакомцем. Не то чтобы я его не знал, но и сказать, что я его знаю, тоже было бы неправильным. Так, какие-то гуляющие по «Метле» слухи!

— Ну, поговорил? — я сел за столик, как только мужик отошел от него.

— Да, — как-то без охоты отозвался Юрий. — Ты знаешь его?

— И да, и нет. Ходят слухи, что он по валюте работает. Но ничего конкретного. А чего он от тебя хотел?

— Да Виталик проболтался своей бабе о вчерашнем, поэтому уже вся Метла о обо всем знает! Вот он и подваливал с предложением работы. Думаю, что хотел, чтобы мы его прикрывали во время его операций.

— Не стоит, — ответил я. — Если он на самом деле с валютой связан, то рано или поздно, но обязательно сядет. А если мы рядом с ним при этом будем, то и мы за компанию залететь можем. Групповуху пришьют и посадят. Я считаю, что мы и без этого вполне обойдемся.

— Я так ему примерно и сказал, — ответил Юрка. — Но Виталику

все равно надо втык дать, чтобы не трепал языком. Нам такая реклама совсем ни к чему.

— Думаешь? — протянул я. — А мне вот кажется. Что нам это-то как раз не помешает.

— Ты о чем?

— А почему бы не взять еще пару-тройку таких же заказов? — Мы, что, не найдем нормальных ребят на такое дело? Эти сопровождения же ведь выеденного яйца не стоят! А нам лишний рубль совсем не помешает. Жизнь то день ото дня дорожает!

Какое-то время Юрка сидел молча, размышляя над моими словами, потом поднял голову и посмотрел мне прямо в лицо. — А ты, знаешь, в этом что-то на самом деле есть! И парней мы подберем на это дело стоящих! Почему бы нам на самом деле не открыть свое частное охранное агентство? Благо, что и интеллект, и физическая сила в наличии!

— А для особо борзых любителей штыкового боя будем с собой нунчаку и саи носить.

— Сай не надо! — запротестовал я. — За сай точно можно срок в случае чего получить как за холодное оружие. А вот нунчаку вполне прокатит. Никто же ведь не знает, что это такое. Всегда можно выдать за спортивный снаряд для разработки кистей!

— Правильно! — подвел итог разговору Юрка, — Так и сделаем. Давай, дуй к Виталику за шампанским, обмоем это дело!

Александр ПОДЩЕКОЛДИН

Я скептически посмотрел на Майкла, моего даже не любимого ученика, а младшего друга, который сейчас старательно имитировал бой с воображаемым противником. Эта медитация в движении, то, что боксеры называют «бой с тенью», у нас имеет кардинальное отличие от принципов бокса. Если боксеры в первую очередь используют бой с не существующим в реальности противником для отработки перемещений и техники комбинаций, то мы во главу угла ставим внутренне наполнение, то, что и составляет суть и смысл медитации.

— Саш, я знаю, что Фунакоши говорил, что низкие стойки только для начинающих, и что в высоких могут работать только «продвинутые» ученики. Почему же ты, настоящий мастер, работаешь исключительно в низких перемещениях? — спросил меня он.

Я улыбнулся.

— Каждая стойка для конкретной цели, — пояснил я. — Нельзя развивать силу и технику, занимаясь в высоких стойках, а на соревно-

ваниях или аттестации за их использование обязательно накажут. Но! Здесь есть один очень важный аспект. Он относится к принципу нанесения удара и вообще к применяемым принципам в боевом искусстве. Я говорю, Миш, о принципе истинного окинавского каратэ, о его высоких стойках с использованием вибраций тела, и о шотокан каратэ, которое уже не является окинавским, и об его низких стойках с использованием вращения корпуса.

— Но ты же умеешь работать в высоких стойках, и наносить вибрационные удары — я сам видел. Почему же ты их практически не используешь?

— Вибрация в высоких стойках является основой для работы в них, и каждый должен изучать этот раздел. Без него каратэ превращается просто в бокс голыми кулаками с использованием ног. Но я считаю, что перемещаться в высоких стойках, надо только лишь тогда, когда требуется начать из положения шидзэнтай, а затем перейти в стойку для защиты и контратаки. В такой ситуации мы на самом деле начинаем из высокой стойки, так как высокая стойка гораздо проще. Но все зависит от ситуации. Надо использовать подходящую стойку в зависимости от происходящего в данный момент. И если ты заметил, то я в поединке постоянно варьирую высоту стойки. Ты ведь не будешь спорить со мной об этом, не так ли?

— Не буду, но все равно ты практически всегда работаешь в низких стойках. Я не спорю, нормальное исполнение того же тай сабаки для ухода с линии атаки возможно только из высокой стойки, так как она более подвижна. Хотя у меня были случаи, когда я неплохо делал его и из низкой!

— Да, можно сделать любую технику из любой позиции, но мы то сейчас говорим не об этом! Мы сейчас говорим о принципах и о том, что лучше делать из какого положения! Никто не будет с тобой спорить, что глубокие стойки обеспечивают лучшую устойчивость благодаря своей форме и низкому положению центра тяжести. Если ситуация задает глубину стойки, каратист должен уметь генерировать энергию из стойки с любой высотой. Энергия вибрации приходит только после того, как человек умом понимает, как надо генерировать энергию благодаря вращению в низкой стойке. Вибрация предполагает гораздо меньшую амплитуду движения. Это одна из причин, почему я, занимающийся годзюрю, поддерживаю тех, кто, занимаясь тем же каратэ шотокан, также практикует и окинавские ката. Мастер неизбежно заимствует уроки у других стилей и понимает, откуда они берут энергию. Каждый способен создать энергию из вибрации, правильно понимая динамику тела. Но! Ты же ведь знаешь, сколько времени надо потратить на освоение вибрации!

— Знаю. Вряд ли кто у нас согласится потратить столько лет на освоение того, что иным принципом можно добиться в несколько раз быстрее! Ты же сам знаешь, что для подавляющего большинства удар — это просто удар, и что весьма и весьма малое количество истинных фанатов каратэ будет вникать во все эти подробности!

— Но ведь ты же освоил, не так ли?

— Ну, еще неизвестно, что было бы, если тебя не было рядом!

— Да нет, Миш! Не все зависит от учителя, но практически все зависит от самого ученика. Если бы ты не проявил настойчивости и любознательности, то никто не смог бы научить тебя. Это не тебя научили, это ты сам научился. Вот, что ты скажешь о ката?

Михаил СТЕПИН

Я слышал много разных мнений о ката. Начиная с того, что они объявлялись сутью каратэ, и заканчивая полным их отрицанием в связи с абсолютной бесполезностью в реальном поединке этих насмерть заученных последовательности движений. Я слышал эти мнения, но шел своим путем. В процессе обучения каратэ я понял, что ката — это, прежде всего, тренировка представления ученика о реальном поединке и о тех усилиях, которые ему приходится совершать в этой борьбе. На мой взгляд, понимание этого есть самое важное при выполнении ката. Когда человек делает ката с максимальным усилием, так, как это делают окинавцы, то он как раз и тренирует это усилие. Я говорю о конечной концентрации при ударах и блоках — то, что именуется термином «киме». Конечно, при выполнении ката-киме можно и пренебречь — ведь на взгляд некоторых это не поединок, а всего лишь последовательность движений на воздухе, но тогда движение будет более быстрым, но малоэффективным, и, в конечном итоге, тренировка не будет полноценной.

Кроме того, на мне кажется, что ката должны выполняться практически без остановки. Ведь ката — это имитация боя, причем, боя с несколькими противниками, нападающими с нескольких сторон и часто одновременно или практически одновременно. А когда идет бой с несколькими противниками, то о каких паузах может идти речь? Единственная возможная пауза, да и то только лишь несколько мгновений, — это только для кимэ. Только в тот момент, когда наносится решающий удар, который требует большой концентрации, максимального напряжения как внутренних, так и внешних усилий. Эта пауза может быть очень и очень короткой. После нее каратэка переходит к другому движению, и конец одного движения является началом другого.

Я понял, в чем была моя даже не ошибка, а недоработка. Нет, с техникой у меня все в порядке — я прекрасно освоил и ее, и все виды усилий. В каратэ ведь, я имею в виду истинное каратэ, самое сложное не техническое исполнение движений, это не трудно, для освоения этого раздела на внешнем уровне надо всего каких-то там десять лет, не более. Я имею в виду наполнение техники, то, что мы называем «усилие». Самое сложное в каратэ — это психическое переключение с одного вида усилия на другое. В окинавском каратэ существуют различные типы приложения силы. Ну, в качестве примера, самого элементарного, могу привести простые удары с кимэ, с максимальным напряжением. Но есть еще и движения типа «митими» — мягкое тягучее и тяжёлое движение, связанное со смещением противника в сторону или его захватом, когда приложение силы идет определённое время. Есть движения, похожие на удар хлыстом, типа маэгэри туюсоку или тот же уракан, когда удар наносится с проносом наотмашь и без кимэ. Потом, есть движения, которые соответствуют принципу «тиру но тянь тянь», как их называют на Окинаве. Это мягкие и тягучие движения, которые мгновенно переходят во взрывные движения. Основная задача ученика состоит как раз в освоении переключения с одного усилия на другое. И чем совершеннее он управляет своими нервными процессами, тем контрастнее и эффективнее происходит переход от одного типа движений к другому, и, тем более, смертоносней становится наполнение его техники.

Но есть еще один аспект. Из-за недостаточного внимания к нему, я и проиграл тот поединок этому кёкусиновцу. В свое время, после возвращения из своей первой поездки в Китай, Мияги фактически перестал заниматься ката. Он ограничился отработкой только лишь двух комплексов — Тэнсё и Сантин, в основе которых лежали достаточно простые удары и круговые блоки, но зато все это базировалось на сложной дыхательной работе и особых методах концентрации сознания. Основатель годзюрю считал их базой для соединения физической и духовной практики боевых искусств, но все свое внимание мастер переключил на боевое применение элементов ката — бункай. После Китая, где у него открылись глаза на истинное и правильное искусство рукопашного боя, Мияги уже в полную силу проводит не только удары и блоки, но даже заломы и удушения. То есть, он пришел к мысли, что только полноконтактная техника есть подлинная техника каратэ. Он вводит в практику своей школы одну из форм тренировки, которая встреча-

лась в китайских школах ушу — «тэ-тотимати». Она заключалась в проведении учебных свободных поединков в полный контакт, перед началом которых оба партнера оговаривают, какую конкретно технику будут применять. Например, они договариваются о нанесении ударов только руками в живот в полный контакт или ударов ребром ладони — сюто. Это стало прообразом «поединков на один удар» в полный контакт, то, что сейчас известно как «дзиссэн-иппон-кумитэ», когда бойцы имеют право нанести только один удар, но в полный контакт. С этого момента Мияги считает необходимым, чтобы все его ученики умели вести реальный поединок, и в этом он вновь следует китайской традиции, нарушая старые методы обучения Окинавы — не проводить свободных спаррингов. И в школе Мияги появляется новый вид учебных поединков — икукуми. В них один боец нападает на другого бойца, нанося удары в полную силу, другой же имел право только защищаться и не контратаковал. Таким образом, Мияги вырабатывал у своих учеников психологическую устойчивость к ударам. Ведь зачастую даже сильный каратист проигрывает из-за того, что теряется под градом ударов, не способен ни адекватно защищаться, ни грамотно провести контратаку. А вот ученики Мияги могли в течение часа обороняться от сильных партнеров, которые сменяли друг друга каждые десять минут.

И теперь я понимаю, чего мне не хватило, чтобы выиграть тот поединок, который я буду помнить всю свою жизнь. Мне не хватило по-настоящему боевой подготовки. Она может появиться только лишь в результате опыта, личного участия в реальных, безо всякой пощады к противнику боях. А где мы можем найти такие поединки? Да, уж, конечно, не в зале! Такие поединки — это только лишь жестокая и бескомпромиссная уличная драка. Поэтому и идти для них надо на улицу. Ну, скажем, на ту же танцплощадку в парке. Там всегда можно будет найти достаточное количество желающих помочь мне в этом деле!

Михаил СТЕПИН

Я смотрел, как Александр исполняет Сантин, и мое сердце преисполнялось гордостью за своего друга. Это на самом деле было очень впечатляющее зрелище. Звук выдыхаемого с полной концентрацией воздуха чем-то напоминало мне памятный по детским годам в армейском гарнизоне рев самолетного двигателя на взлете. Александр продолжал совершенствовать ката Сантин, даже сейчас, когда все свои силы он бросил на отработку «реального поединка»,

как он говорил. С одной стороны, это правильно, так как дыхание важнейшая составная часть отработки реального боя, а с другой, мне кажется, что «внешняя» составляющая часть тренировки была бы важнее — уж слишком долго надо наработать «внутреннее»! Долго, как минимум десятилетие, а то и не одно.

Николай МЕЛЬНИЧУК

В этот раз мы вели сразу несколько «клиентов», распланировав маршрут так, что доводили их до квартир по очереди. Разумеется, никто никого пешком и на общественном транспорте не вел — и время совсем не подходящее для троллейбусов и даже для метро, да и неудобно это как-то. Особенно если у каждого из наших подопечных есть своё личное авто. Поэтому пешком мы вели только Виталика, который жил совсем неподалеку от «Метелицы», а после этого возвращались назад, рассаживались по машинам и ехали по адресам. Но сегодня Виталик обслуживал «ночной» банкет — после официального закрытия в нашем кафе «Метелица» должен был выступать с подпольным концертом Звездинский. На эти «сейшэны», как на сленге в среде фарцы и прочих барыг назывались такие подпольные выступления, приглашались только «свои». «Билеты» на эти междусобойчики, кстати, стоили по стольнику с носа, что было чуть меньше официальной месячной зарплаты по стране, но эти парни легко расставались с этой суммой. — А чего, собственно-то говоря, им побаиваться, — думал я, — если они эти деньги за день зарабатывают?

Юрий ВДОВИН

Как и положено «охраннику», я сидел на переднем сиденье «Волги», а барыга, которого я сейчас сопровождал, вольготно раскинулся на заднем сиденье. Колька ехал на купленных с помощью наших клиентов «Жигулях» позади нас, чтобы забрать меня после сопровождения, и вместе вернуться обратно в кафе за следующим клиентом, чтобы сопроводить очередного заказчика. Бизнес. Как между собой с Николаем мы называли эту подработку, процветал. Это была уже далеко не первая наша совместная поездка по его сопровождению, и мы быстро убедились, что пока никому из наших заказчиков реальная помощь не требовалась, ну, кроме бармена Виталика, естественно, на которого время от времени все-таки наезжали. Но, убедившись, что он по-прежнему под охраной, нападавшие на него люди быстро «смаывали удочки». Для меня до сих пор

остается загадкой, почему нападают и вымогают деньги именно с него, а не со всех остальных работников «бутылки и фужера», коих совершенно немереное по количеству. Но, тем не менее, нас подобная ситуация абсолютно устраивала. Практически никакой реальной работы, пару-тройку раз, конечно, напрячься приходилось, но если бы этих моментов не было, то это вообще была бы не подработка, а чистейшей воды халява!

В общем, все были довольны. Клиенты за свои деньги получали возможность реально убедиться в том, что они крутые чуваки, мы — зарабатывали деньги, которые в обычной жизни нам бы и не снились, да еще попутно время от времени шлифовали свои бойцовские навыки. Кроме того, слухи, как обычно, летели впереди нас, и мы постоянно получали все новые и новые предложения, и уже имели возможность выбирать своих «подзащитных». И нас такое положение дел очень даже устраивало.

Алексей СКРИПЛЕВ

Тренировка подходила к концу, оставались только поединки, и я, даже зная, что они будут проходить по круговой системе — каждый с каждым, все-таки невольно оглядел группу, как бы пытаясь предугадать, кто будет моим первым противником. Отерев пот со лба, я выпрямился, и, как будто в первый раз, осмотрел зал. В нашей секции, или, как мы говорим между собой, группе, занимались только одни серьезные взрослые люди, «до упора» загруженные работой. У нас как-то не принято интересоваться «кто есть кто», но и особого секрета из этого тоже не делается, поэтому ни для кого не было секретом, что многие были «большими начальниками». В основном это были люди из института радиоэлектроники, хотя есть «пришельцы» и из других специальностей. Наш мир тесен, и каратэки Москвы если и не знают другие секции «лично», то все равно прекрасно осведомлены о царящих в них порядках и уровне преподавания. И на их фоне мы выгодно отличались от остальных особым вниманием к общефизическим нагрузкам и железной дисциплиной.

— Ямэ! — громко произнес Алик. — Александр! Какие будут указания?

— Минута отдыха! — отозвался он. — Так, Подругин! Ты почему пропустил прошлую тренировку?

— Саша. Я на партбюро был! — виновато отозвался Анатолий. — Я не мог не присутствовать!

— Как там говорит Алик, — отозвался Александр, — если работа мешает тренировкам, то надо бросить работу? Так?

— Так-то оно, так, но я же не могу сказать об этом секретарю партбюро! Я сейчас принесу справку! Она у меня в раздевалке. В кармане!

— Какую справку?

— Из партбюро. Что я был на заседании!

Александр ТАНИШКИН

На мой взгляд, это был явный перебор, но мне уж слишком хотелось посмотреть, что там Подругину написали из партбюро,

и я кивнул головой. — У тебя еще полминуты пока группа отдыхает.

Анатолий рысью сорвался с места и побежал в раздевалку. До конца отдыха оставалось еще несколько секунд, когда он подошел ко мне и протянул небольшой листик бумаги, на котором отчетливо выделялся синий круг печати.

— Так, — протянул я, читая принесенный мне документ. — Да-на..., в том..., что присутствовал..., дата, подпись. — Ладно, сойдет! Но постарайся на будущее все-таки не пропускать занятия.

— Хорошо, Александр!

— Так, теперь спарринги! — громко скомандовал я — Разбились на пары!

Олег ИГНАТОВ

Почти год, что я занимаюсь в группе каратэ, пролетел для меня совершенно незаметно. Тогда, в августе прошлого года, благодаря протекции Алексея Авдеева, я попал на свою первую тренировку в составе группы, о чем сейчас думаю, как о каком-то чуде. В общем, я быстро выдвинулся в лидеры, опередив по своим техническим кондициям многих из тех, кто начал тренироваться задолго до меня. Конечно, сказалось и то, что после демобилизации из армии я находился в прекрасной физической форме, и то, что самостоятельно тренировался дома. И тренировался, по-настоящему, «без дураков»! Даже то, что первые два месяца из-за отсутствия у меня кимоно я просидел на лавочке около стены, «тренируясь» лишь зрительно, глазами и ушами впитывая информацию о базовой технике, и повторяя ее самостоятельно дома. Неизвестно, сколько бы так еще продолжалось, если бы в один из дней, ко мне не подошел староста группы, Сергей Жуков.

— Ну, сколько ты так еще собираешься сидеть на лавке? — несколько грубовато спросил он меня. — Мне кажется, что тебе уже давно пора стоять в рядах!

— У меня же кимоно нет!

— Кимоно шьется из двух сложенных простыней за один день. У тебя жена есть?

— Есть.

— Вот пусть и сошьет!

Сергей Жуков имел в группе огромный авторитет. На общем фоне среди среднего уровня остальных парней он настолько выделялся своими физическими данными, что ему все давалось легко и без труда, как бы играючи. Но это было обманчивое впечатление — я то

прекрасно видел, наблюдая его на каждой тренировке, как ответственно он подходит к тренировочному процессу и насколько самоотверженно выкладывается на каждом занятии. Как сказал однажды Володя Ишков «Сережа не пример для подражания, он просто пример человеческих возможностей». Уже сейчас по своему техническому уровню на мой взгляд Сергей вполне соответствовал первому дану. По крайней мере, в моем понимании уровня техники первого дана. В отсутствии лидера нашей группы — Саши Танюшкина, Сергей практически всегда сам вел тренировки, отодвинув на второй план основателя группы Алика Шефталя. Чем последний был крайне недоволен, но из всех сил старался этого не показывать. Мне почему-то сразу показалось, что между ними существуют очень натянутые отношения, хотя оба стараются из всех сил не выплеснуть их на всеобщее обозрение. Когда же тренировки вел Саша, то Сергей всегда стоял в первом ряду, а вместе с ним обязательно стоял внешне угрюмый и прямой в суждениях Володя Ишков, с которым они поддерживали дружеские отношения.

Членами группы были в основном научные сотрудники и студенты самых разных ВУЗов. Но ее костяк составляли работники Московского НИИ радиоэлектроники, в котором трудились и Шефталя, и Ишков, и многие другие. Даже Жуков — и тот был студентом радиотехнического факультета МАИ. Великолепно растянутый, сильный и резкий, Жуков делал все очень легко и красиво. Лидером он был бесспорным. Сэмпай! — одним словом.

Алексей СКРИПЛЕВ

Вот и в этот раз мне опять выпало драться сначала с Толей Подругиным, а сразу после него и с Олегом Игнатовым. Почему опять? Да потому, что по какому-то неведомому мне закону подлости постоянно как-то так получалось, что чаще всего я попадал в пару либо с одним, либо с другим. Саша, руководствуясь своими соображениями, постоянно требовал, чтобы через две минуты поединка мы менялись партнерами.

— Нельзя привыкать к одному сопернику! — постоянно говорил он. — На соревнованиях и на улице у вас не будет удобных противников, вы должны уверенно себя чувствовать в любой ситуации и драться против любого супостата!

«Супостат!» Это у него в последнее время было любимым определением. Я даже не знаю, где он подобрал это прилагательное! Но мне от этого не легче! Вообще эти два моих «постоянных» противников сильно отличались друг от друга. Толя — типичный, хоть и

высокий средневес, был жестким партнером и всегда бил, что называется, от души. А Олег — типичный тяжеловес, обладающий, кстати, очень тяжелым ударом, никогда не стремился «загасить» противника, и всегда уделял больше внимания технике.

Анатолий ПОДРУГИН

Я стоял напротив Алексея, и, готовясь к поединку, описывал плечами круги.

— Хадзимэ!

Алексей сразу же прыгнул вперед, стараясь подобраться ко мне как можно ближе, чтобы подойти на ближнюю дистанцию, спасаясь от размашистых ударов моих ног, попытавшись в движении достать меня длинным ой-цуки справа.

— Ямэ! — на весь зал раздался рёв Александра, внимательно наблюдавшего за нами.

— Алексей! Ты что делаешь? — его возмущению на самом деле не было границ.

— А что я такое делаю? — растерянно спросил он.

— Ты как цуки бьешь?

— Обычно.

— Как обычно? Повтори!

— Вот так, — и Лешка показал цуки, держа кулак у бедра. — А, да, ошибся!

— Это хуже, чем ошибка, это чужая техника! Сколько раз говорить, что кулак держится у груди и локоть вращается вокруг оси и в конечной фазе удара смотрит вниз?

— Понял, учту.

— Продолжаем! Хадзимэ!

Лешка снова двинулся на меня, но я увернулся от его атаки вращением вокруг своей оси — тай-сабаки, и пропустил мимо себя, двинув ему вдогонку по затылку внутренней частью стопы в дзёдан тэйсоку маваси сото-кэагэ.

— Ямэ! Иппон! — рука Александра взметнулась вверх, показывая, что я одержал чистую победу одним ударом. — Меняемся!

Олег ИГНАТОВ

Лешка стоял напротив меня, и его все еще покачивало после пропущенного удара по затылку. Толик вообще бьет от души даже на тренировках, и совершенно не жалеет своих напарников. Я считаю, что это не правильно, потому, что если мы все начнем рабо-

тать на тренировках, так, как на улице, то очень скоро превратимся в компанию дебилов со стружкой стекающей из уголков рта слюны со всеми признаками болезни Альцгеймера. Я не говорю уже об энцефалопатологии — постепенном отмирании головного мозга вследствие постоянно получаемых на каждой тренировке микро сотрясений мозга. То, что является бичом очень и очень многих боксеров!

Наверное, со стороны мы выглядим комично — оба высоких, но только Лешка худой, как палка, с обвисшими по краям рта усами, и я — мощный и крупный, как железобетонная плита.

— Хадзимэ! — и я пошел вперед. Цуки, цуки, и на отдергивании правой руки всаживаю под немного приподнятые Лешкины руки маэ с правой ноги ему точно в солнечное сплетение. Конечно, удар этот — маэ, у меня и отработан лучше всех в нашей группе — обще-признанное мнение, и силы в нем столько, что без какого-либо труда сбиваю ей с ног человека любого веса и комплектации. Но сейчас я Лешку пожалел. Я вообще не считаю нужным бить на тренировках со всей дури и в полную силу. Сломать — дело не хитрое, и большого умения не требует, а вот технически переиграть — это да, это на самом деле уметь надо!

Лешка согнулся, но не сдался. Шаг в сторону, легкий подпрыг, и вот он уже сам пытается достать меня крюком своей левой руки в печень. Я чуть развернул корпус, отбил удар сотоукэ, опять контратаковал двумя прямыми, и резко поднял колено вверх. Инстинктивно, ожидая еще одну маэ в корпус, Лешка опустил руки вниз, открыв голову, и тут же поплатился за это. Сото-кэагэ справа после двух прямых с обеих рук — это вообще моя фирменная связка, точно так же, как и мая в корпус — все знают, и никто ее не ловит. Вот и сейчас я со всей траектории звонко стеганул Лешку по щеке внешней стороной стопы, да так получилось, что его олова мотнулась в сторону, достав своим ухом плеча.

— М-да, — подумал я, — что-то сегодня явно не его день! — Леш, может, хватит, а?

— Продолжаем, — он только и смог произнести одно слово.

— Ладно, как скажешь! — пожал я плечами. — Продолжаем, так продолжаем!

Алексей СКРИПИЛЕВ

Несмотря на то, что я видел зал несколько расфокусировано, и периодически он у меня как-то странно накренился из стороны в

сторону, как будто стоял на палубе скользящего по бурным водам штормящего моря судна, я все-таки принял решение продолжать поединок. Вы можете, читатель, не поверить, но я всеми фибрами своей души не хотел проигрывать.

— Я атакую!

— Можешь не предупреждать! — пожал плечами Олег.

Я рванулся вперед, и тот час же нарвался на встречную усиро-гэри в корпус, которой крутнувшийся на месте Олег мгновенно остановил мою попытку сблизиться с ним и перейти в ближнем бою на работу руками. В буквальном смысле, повиснув на его ноге, я только и успел разогнуться, как он, опять провернувшись вокруг своей оси, совсем чуть-чуть шлепнул меня по виску стопой усиро маваси гэри дзёдан. И все! И тишина, и темнота нокаута!

Андрей ДРЕВНЯК

Я стоял в самом центре Старо Место и с нетерпением поджидал Богдана Мачульского. Сейчас, в апреле, было уже тепло, но меня все равно пробирала легкая дрожь. От волнения, естественно. Если быть точнее, не столько от самого Богдана, сколько от человека, который должен был придти вместе с ним. Если называть вещи своими именами, то я ожидал знакомства с Луком Холландером, с Президентом Европейской организации Кёкусинкай. Я увидел их, как только они появились из-за угла, завернув на площадь от «Старой аптеки». Лук Холландер шел посередине, и, судя по его внешнему виду, находился в прекраснейшем расположении духа.

— Дзень добжий, пан Древняк!

— Morning, mister Hollander, — ответил я ему. — Давайте перейдем на английский, мне кажется, что мы трое знаем его лучше, чем вы польский!

— О, кей! — засмеялся Холландер, открывая в улыбке белые, абсолютно здоровые зубы. — Я на самом деле еще не слишком хорошо знаю ваш язык!

— Прекрасно. Вы знаете, поляки любят начинать день с чашечки хорошего кофе. Как вы смотрите на то, чтобы нам позавтракать, скажем, вон в том кафе и поговорить?

— Я отвечу, что в Голландии тоже любят пить кофе по утрам, — засмеялся Холландер, — поэтому не буду иметь ничего против этого предложения.

— Тогда я вас приглашаю на чашечку кофе.

Генрик СЕНКЕВИЧ

Как кадровый дипломат, я внимательно следил за тем, чтобы кто-нибудь из них двоих случайно не допустил какую-либо оплошность в принятом в международной практике ритуале. С другой стороны, я понимал, что Холландер был уже достаточно опытным международным спортивным функционером, чтобы «не заметить» «в случае чего», того, чего замечать не стоило, и что он не менее заинтересован в установлении контакта. Все-таки расширение федерации, тем более, за счет «закрытых» социалистических стран, ее исполком поставил бы своему Президенту в заслугу, что благотворно сказалось бы на его шансах быть переизбранным на очередных выборах на следующий срок. Но, тем не менее, скорее уже автоматически-профессионально, я все равно внимательно отслеживал каждую сказанную фразу и даже каждое сделанное ими движение.

Богдан МАЧУЛЬСКИЙ

Понятно, что всем нам, включая и самого Холландера, не терпелось перейти к обсуждению именно тех дел, ради которых мы все и собрались, но протокол! Куда деться от протокола?

— Мистер Холландер — обратился я к Президенту, — как вам нравится Варшава?

— Великолепно красивый город, прекрасно сохранившаяся средневековая архитектура, — ответил он, не подозревая, что во время Варшавского восстания город был разрушен до такой степени, что в нем на самом деле и в прямом смысле этого слова не осталось ни одного целого дома. И все, то, что он сейчас видит — просто искусный новострой по старым, чудом сохранившимся чертежам. Но мы, естественно, не стали говорить ему об этом.

— Именно в таких вот средневековых интерьерах особенно приятно пить кофе и говорить о том, что нас интересует, — продолжил Холландер, и я поразился, с каким изяществом, полностью соблюдая протокол, он подошел непосредственно к теме общения.

— Мы с вами абсолютно согласны, мистер Президент, — вступил в разговор Анджей, тем более, что тот кофе, который мы сейчас пьем так же горяч и ароматен, как и кёкусинкай каратэ, федерацию которого вы возглавляете!

— О, мистер Древняк! Вы поэт?!

— Увы, но могу сказать, что изучение кёкусинкай всегда пробуждает в человеке все самые лучшие стороны его души, и мы в Польше заинтересованы в том, чтобы изучение этого уникального стиля расширялось как можно больше.

Лук ХОЛЛАНДЕР

Приятно иметь дело с умными, образованными и культурными людьми. У меня почему-то с самого начала было ощущение, что у Европейской федерации все получится с организацией приема Польши в свои ряды. Это очень хорошо и с точки зрения развития географии самого стиля, и очень кстати для меня лично.

— Вы знаете, я уверен, что Европейская федерация поддержит заявку Польши о вступлении в ее ряды. Но как вы планируете это сделать официально. Ведь заявка должна быть подана от Всепольской федерации, которая, в свою очередь, должна быть признана государством?

— Мы уже сейчас ведем соответствующую работу в Министерстве по делам молодежи и спорта, у нас есть понимание внутри этой организации, и если мы сможем показать, что вновь образованную федерацию признают на Западе, то я не вижу особых проблем. Тем более что в спорте нет идеологии, это просто гармоничное физическое развитие тела. Естественно, что было бы очень кстати, если бы Европейская федерация пригласила к себе принимающих решения лиц для ознакомления и изучения вопроса на месте.

— О, господа! — понимающе протянул Холландер. — С этим никаких проблем не будет. Мы знаем, что такое чиновник. Особенно здесь, в странах Восточного блока!

Анджей ДРЕВНЯК

И тут я решил пойти ва-банк!

— Кстати, о странах Восточного блока. У нас есть возможность организовать федерацию кёкусинкай не только в Польше, но и в СССР!

Холландер молчал, явно осмысливая услышанное. — Извините, пан Анджей, вы сказали, что имеете возможность организовать федерацию кёкусинкай в СССР? Я вас правильно понял?

— Абсолютно правильно, господин Президент! — улыбнулся я, понимая, что попал в самую, что ни на есть «десятку». — Но только не организовать самим, а поспособствовать организации федерации. Организовывать будут сами русские.

— И каким же это образом? — все еще не слишком веря услышанному, спросил Холландер.

— У нас в Польше, если быть точнее, то у нас в Кракове, обучалось двое русских студентов из СССР. Это были сыновья чиновников, занимающих вполне серьезные государственные посты, — по-

шел я дальше в своей авантюре. — Они вместе с нами занимались кёкусинкай, и один из них даже занял второе место на первенстве Польши. Сейчас они в СССР, продолжают тренироваться, и активно работают с официальными органами СССР над вопросом официального признания каратэ. Если им помочь, то вопрос регистрации федерации кёкусинкай в СССР можно будет считать решенным.

— А как им надо будет помочь? — опять, чуть помолчав, спросил Холландер, явно уже обдумывая эту так внезапно открывшуюся перспективу.

— Способы могут быть разными, — ответил я, — приезд в СССР, личный контакт со спортивными чиновниками, организация их поездки в Европейскую федерацию для ознакомления с ситуацией на месте, методическая помощь, наконец — многое, что может понадобиться, господин Президент. Но оно этого стоит!

— Да, согласен, — ответил Холландер. — Вы сами будете курировать этот вопрос?

— Конечно. Но для этого нам нужна ясность с вступлением в Европейскую федерацию Польши.

— Считайте, что этот вопрос решен, — коротко ответил Холландер. — И готовьте списки участников на первые сборы, перечень необходимых чиновников на поездку к нам, в общем, у вас хороший штаб — он показал на Богдана и Генрика, — занимайтесь этим вопросом вплотную и не откладывайте. Не надо тянуть!

Лук Холландер

Поляки всегда были хитрыми людьми. А этот поляк, Анджей Древняк, не только хитрый, но еще и умный. И, самое главное, ко всему прочему, он еще и чертовски обаятелен, настолько обаятелен и притягателен, вежлив и тактичен, что мысль о том, что не все сказанное им может соответствовать действительности, пришла мне в голову только по возвращению в Голландию.

— Пан Анджей, — я позвонил ему по домашнему телефону, вот вы говорите, что ваш клуб зарегистрирован два года назад. Это действительно так, мне сейчас перевели документы клуба. А почему вы ни разу не проводили первенство страны?

— Мы проводили первенство страны. Но тогда еще не было официальной регистрации клуба.

— Тогда это первенство не может считаться, — ответил я. — В этом случае, его как бы не было. Европейская федерация очень щепетильно относится к таким вещам, поэтому вам придется провести

чемпионат страны, и назвать его Первым чемпионатом Польши. Европейская федерация кёкусинкай обязательно пришлет на эти соревнования своего наблюдателя.

— Я понял вас, господин Холландер, — после некоторого молчания ответил он мне. — Я сообщу вам о дате и месте проведения соревнований.

— Хорошо, Анджей. Только сообщите об этом в письменной форме на официальном бланке. Все формальности должны быть соблюдены.

Анджей Древняк

Да, было трудно, но мы это сделали. Мы не могли не сделать этого, потому, что вопрос проведения чемпионата страны был настолько важным, что я не мог решить его один, и поэтому собрал фактическое руководство федерации в Варшаве. С формальной точки зрения у нас еще не было федерации, но она давно уже существовала де-факто, поэтому все важные вопросы мы обсуждали только сообща.

— Вы как хотите, я не буду участвовать в этом турнире, — заявил Дидух.

— Почему, Ян? — только и спросил его я, ошарашенный этой новостью.

— Потому, что первый чемпионат уже был, и он уже в истории. То, что сейчас здесь готовится — это фарс, и я не хочу принимать в нем участия! Зачем менять историю? Если Холландеру так нужен официальный турнир, то пусть он пройдет под номером «2». Что от этого изменится?

— Вот именно, что ничего не изменится, — ответил ему Богдан. — Если европейцы хотят, чтобы этот чемпионат был первым, то и черт бы с ними — пусть будет первым! Лично я — за первый чемпионат.

— Пусть исполком федерации проголосует, — подвел я итог спорам, так записано у нас в Уставе. Это будет правильным шагом.

Ян Дидух

Я остался при своем мнении, и отказался принимать участие в этом фарсе. Кто-то понял меня, большинство — нет, но для меня это было не важно. Я решение принял — и все! Нет, я прекрасно понимаю, что с точки зрения делания карьеры в спорте, я совершаю глупость, но, с другой стороны, принципиальный человек часто делает такие вещи, которые окружающим кажутся глупостью. На то он и принципиальный человек!

Чемпионат Польши прошел в Варшаве в два дня — двадцать второго и двадцать третьего мая в двух весовых категориях — в средней, и тяжелой. В средней категории, как и ожидалось, победителем стал Анджей — в Польше в этой весовой категории сейчас нет равных ему бойцов, а в тяжелой в мое отсутствие первое место занял Пивоварчик из Катовиц. Что ж, это на самом деле неплохой боец.

Александр ТАНИУШКИН

Я вышел из зала, и, не торопясь, отправился по направлению к метро. Идти было всего то несколько сот метров, но я специально сдержал шаг, перейдя на неторопливый «прогулочный» темп, и с наслаждением вдохнул весенний чистый воздух, жмурясь от яркого, весеннего солнца. Его лучи играли на уже подсыхающих лужах яркими бликами, голубое высокое небо шатром раскинулось где-то далеко вверх, и сейчас на нем не было ни одного даже самого маленького облачка. В общем, самая настоящая весенняя погода, имена та, которая невольно вызывает у людей радостное, легкое настроение. Но сейчас я не замечал ни солнца, ни чистого голубого неба. Скоро мне предстояло явиться на призывной пункт для отправки в армию, и в тот момент не было задачи более важной, чем вопрос: на кого же именно оставить секцию?

С одной стороны, изначально это была группа Шефталя и Жукова. Если уж точнее, то именно Шефталя. Доносились до меня кое-какие слухи, что Сергей не слишком хорошо уживается с Аликом, но меня это не касается. Хотя бы потому, что и тот, и другой признавали мое превосходство и главенствующую роль в тренировочном процессе. А все остальное мне было не важно. Поэтому у меня сейчас только три кандидатуры на роль старосты в мое отсутствие — Шефталя, Жуков и Мельничук. Кого выбрать, вот в чем вопрос! Почти по-гамлетовски! Шефталя — самый старший по возрасту и самый опытный. Но у него нет опыта ведения секции каратэ, а методики бокса у нас не применимы. Да и с техникой у него, мягко говоря, не все в порядке. Руки в основном от бокса, а об его ногах вообще лучше помолчать. Жуков? Да, не спорю, Сергей бесспорно среди всех остальных учеников выделяется своими физическими данными, да и по своему характеру он боец! Но в этом-то и минус. Мало быть хорошим бойцом и спортсменом, для того, чтобы успешно вести группу, надо скорее быть не спортсменом, а тренером! Кроме того, Сергей пока еще слишком молод, и с ролью тренера вряд ли справится. Поэтому тоже не то. Остается Мельничук.

— Александр! — я оглянулся на окрик и увидел нагонявшего ме-

ня Шефталя. — Я так и не понял, ты когда уходишь? — Алику явно имел в виду мой призыв.

— Через неделю.

— И кого оставляешь вместо себя?

— А черт его знает. Я еще не решил, — честно ответил ему я.

— А когда решишь?

Я искоса посмотрел на него и промолчал. В принципе, позиция Алика была прозрачна, да он особо и не скрывал, что спит и видит себя во главе секции. Но при этом он должен был стать ее руководителем на «легитимных» началах, будучи мной, поставленным на должность, а не путем «самозахвата» в мое отсутствие. Однако я пока был не готов к этому.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Мы молча шли по бульвару, но я интуитивно ощущал, что Саша хочет поговорить со мной о чем-то важном. И, в общем-то, даже не то что догадывался, а точно знал, о чем именно. По большому счету, это лежало на поверхности, и для того чтобы понять тему нашей с ним беседы совсем не надо быть Шерлок Холмсом. Ему на днях надо будет уйти на год в армию, а на кого оставить секцию? Понятно же, что именно об этом он и хочет поговорить со мной.

— Ну, и что скажешь? — вроде бы, как и ни о чем, но, в то же самое время, абсолютно понятно спросил он.

— А что здесь говорить? — вопросом на вопрос ответил я, — здесь не о чем рассуждать. У тебя нет настоящего сэмпыя. Ни Жуков, ни Шефталя на эту роль не годятся.

— Я знаю, — чуть помолчав, сказал он. — Знаю, и поэтому хочу попросить тебя присмотреть за группой.

— Меня? Но я же даже не занимаюсь у тебя, как все остальные твои ученики! Во-первых, я занимаюсь у Сато Сётарю, а, во-вторых, мы с тобой занимаемся отдельно, и группа меня не знает. Как они отнесутся к этому твоему решению? Ты уверен, что они примут меня в качестве твоего представителя?

— Это на самом деле вопрос, — признал Александр, но, в то же время, ты на этот момент времени наиболее, да, даже, самый квалифицированным из всех моих учеников. Поэтому тебе и вести.

— Не знаю. Саш, — честно признался я ему, — не знаю. Я попробую, а там уже как карта ляжет. Эта ситуация не только от одного меня зависит. Ты пойми меня правильно!

— Я понимаю, — как-то не слишком весело согласился со мною Саша. — Я понимаю!

— В общем, я оставляю тебя, — опять чуть помолчав подвел итог разговору Александр. — Я оставляю тебя, и дай мне слово, что ты все сделаешь по максимуму. Ты все сделаешь по максимуму, а так как будет, так и будет! Идет?

— Идет. Я даю тебе слово, по еще раз повторяю, что не все зависит от меня. Но я все сделаю для того, чтобы в группе был порядок.

— Договорились, Николай. Я сообщу о своем решении группе на следующей же тренировке.

Владимир ИШКОВ

Я пришел в группу практически с момента ее основания Шефта-лем. Лешка Скрипилев относился ко мне как к сэмпаю, так как он пришел к нам спустя какое-то время, и тогда я взял его под «свое крыло». Можно сказать, что фактически я на самом деле был его сэмпаем, хотя формально это положение, естественно, нигде зафиксировано не было, да никому эта фиксация была и не нужна. Вот почему пару недель тому назад мне было не слишком приятно наблюдать, как Олег Игнатов посылает его в нокаут исключительно по причине собственной Лешкиной дурости и упрямства. С тех пор Лешка не в зале показывался пару недель, а потом снова появился, сделав вид, что ничего такого не произошло и вообще, мало ли что случается у людей на тренировке. Словом, правильное решение.

Сегодня тренировка уже закончилась, и народ начал постепенно расходиться. Кто-то уже переоделся в нашей миниатюрной раздевалке, чтобы быстро потянуться на выход из зала, кто-то еще продолжал дотачивать какие-то не слишком хорошо получавшиеся у него в основное время тренировки моменты техники, ожидая, когда в раздевалке можно будет спокойно и без толкотни скинуть потное кимоно. Кто-то из группы просто беседовал с приятелями на отвлеченные темы, наслаждаясь таким приятным для настоящего спортсмена чувством гудящего после нагрузки тела. Я в это время просто стоял посередине зала, мысленно прокручивая отдельные моменты тренировки.

— Володь, — обратился ко мне как-то незаметно подошедший откуда-то сбоку Лешка. — Посмотри, как я делаю еко-гэри.

— Давай, — согласился я.

Лешка отступил от меня на пару метров, резко вздернул колено ноги вверх и распрямил его таким образом, что голень пошла по восходящей дуге вверх. Потом повторил это движение еще раз и еще.

— Ну, что? Плохо?

Я посмотрел на все это безобразие и честно ответил: «Леха! Да не то слово! Ну, сколько раз можно повторять, что голень не должна подниматься вверх, стопа бьет этот удар по прямой проникающей траектории. А у тебя что?».

Лешка выслушал вердикт, насупился и отошел от меня в другой угол шлифовать этот момент.

Отношения между ребятами были дружескими, а сама наша группа во многом походила на клуб, где собирались единомышленники, увлеченные одним делом. Все это так. И, тем не менее, всех занимала примерно одна и та же мысль. Все знали, что вскоре Саше уходить в армию, и поэтому с нетерпением ожидали момента, когда он назовет имя своего преемника. Может быть, именно поэтому в эти дни никто особо и не торопился покинуть зал сразу же после окончания занятий.

Александр ПОДЩЕКОЛДИН

Где у нас в Москве можно найти приключения на собственную задницу? Я не имею в виду праздничные дни — в это время их можно найти где угодно, практически на любой городской улице, ну, может быть, за исключением Красной и Манежной площадей да улицы Горького. Но ведь у нас, слава Богу, праздники еще не круглый год! Поразмышляв на эту тему, я пришел к выводу, что самым лучшим способом удовлетворить свои потребности в жестком и бескомпромиссном поединке, не особо хлопоча об этом, можно в нескольких местах. К примеру, в парке Горького и в не особо благополучных криминализированных кварталах типа Марьиной Рощи. Нет, конечно, Москва настолько большой город, что подобных мест в ней гораздо больше и двумя выше упомянутыми местностями перечень не исчерпывается. Можно упомянуть и район Октябрьского поля, и рабочие поселки востока столицы, да мало ли подобных местечек в любом большом городе! Еще раз прикинув все «за» и «против», я все-таки для начала решил остановиться на парке Горького, посчитав, что вечера пятницы и субботы будут наиболее подходящим временем для реальных поединков.

Михаил СТЕПИН

Парень стоял напротив меня, не более чем в паре метров, и прямо-таки упивался возникшей ситуацией. Он только что продрался сквозь густые кусты, за которыми я спокойно отрабатывал ката. Можно сказать, что к этому моменту я свою тренировку уже прак-

тически закончил, и поначалу не слишком досадовал, что мое уединение было все-таки нарушили. Мне почему-то казалось, что это случайный прохожий, просто бродящий по траве паркового леса, и наслаждающийся чистым воздухом. Однако, на деле все было не так просто!

— А, что, чувак, по лицу хочешь? — спросил он.

— Я вам мешаю? — стараясь быть вежливым, ответил ему я.

— А мне по барабану! Я просто хочу дать тебе в бубен!

— Может не получится, — всеми своими силами желая избежать даже не драки, а неминуемого его избиения, предостерег этого «агрессора».

— Уж не ты ли помешаешь? — мой собеседник искренне развеселился. Он на самом деле был выше меня на целую голову, да и по внешним габаритам явно превосходил мои физические данные. Но какое это сейчас имело значение? Не могу же я, на самом-то деле, рассказывать всем встречным и поперечным, что я совсем не так прост, как это кажется на первый взгляд!

— Люди бывают разные, — я все еще хотел свести драку «на нет», хотя в душе понимал, что, скорее всего, его придется банально избить. — А жаль, — промелькнула мысль, — опять придется менять место тренировок. А это такое хорошее местечко!

— Ладно, — вдруг «смиловившись» подошедший. — Гони бабки, и вали отсюда. Тогда всё для тебя хорошо закончится!

— Откуда же у меня деньги? — уже начиная забавляться, спросил его я.

— Значит, нет?

— Нет!

— Ну, смотри, ты сам напрашиваешься!

В его мутных от «принятого на грудь» глазах, совершенно отчетливо читалось желание сначала поиграть со мной в «кошки-мышки», а потом вволю потешить себя физическим превосходством. За счет моего собственного здоровья, естественно.

— Лаве, значит, у тебя нет? — то ли утвердительно, то ли полупросительным тоном произнес он, и тут же, не дожидаясь моего ответа, нанес сильный, правда, не слишком быстрый прямой удар рукой мне в голову. Опять-таки, не в голову, а в то самое место, на котором она находилась за мгновение до этого. Удар пролетел рядом с головой, практически вплотную, едва, чуть-чуть, краем мизинца его бьющей правой руки задев мне правое же ухо. Я даже не стал делать тай сабаки — зачем? Я лишь слегка скрутил корпус, да еще немного нагнул в сторону голову. Конечно, можно было бы и обойтись без членовредительства, но я же ведь его не приглашал

присоединиться к моей тренировке в парке! Одновременно с уходом от удара, я просто немного подшагнул вперед правой ногой и, практически вразрез с его атакой, контратаковал его челюсть уже своим правым прямым. Эту связку я столько раз отработывал на тренировках сначала на воздухе, а потом и на лапах, что мог бы ее делать во сне и из любого положения. Кулак за мгновение до касания с целью слегка скрутился влево — именно так, как и требует техника нанесения ударов с «внутренней» составляющей, и, задирая голову цели назад, вонзился точно в середину подбородка. Я не спорю — он был тяжелее меня килограммов на десять, если не на все пятнадцать, но какое это имеет значение, если у меня взрывные трицепсы на обеих руках и отлично выставленный удар! Этот «соловей-разбойник» парка им. Горького даже не мяукнул! Просто потому, что не успел ничего понять. Скорее всего, у него в голове что-то очень сильно взорвалось, из глаз вылетел новогодний фейерверк в национальном китайском стиле, а потом навалилась густая иссиня-черная темнота. Он просто мешком свалился на землю и лежал на ней бесформенной темной кучкой.

— Ну нет в нашей жизни никакого покоя! — сокрушенно подумал я, одновременно с этим мысленно уже прикидывая в какое именно место парка сейчас надо будет переместиться, чтобы это маленькое происшествие не получило своего не слишком мне нужного дальнейшего развития.

В этот самый момент позади меня раздался шум продирающихся сквозь густой кустарник нескольких человек. Я обернулся и увидел пять не очень трезвых юношей примерно одного со мной возраста. И они явно не только знали мою жертву, но и, судя по выкрикиваемым в мой адрес угрозам, находились с ней в дружеских отношениях.

Александр ПОДЩЕКОЛДИН

Именно в эту пятницу я впервые решил начать свой тренировочный план по реальным поединкам в парке им. Горького. И, как это часто получается в жизни, вскоре сильно пожалел об этом. Я зашел в «Пльзень», покрутился, обращая на себя внимание завсегдатаев еще в паре других распивочных пошибом пониже, заглянул в «портвейную», но толку от этих моих действий никакого не было. Ну не хотел никто со мной связываться! Никто не желал поинтересоваться, сколько у меня наличных, и не хочу ли я с кем-либо ими поделиться. Никто даже просто банально не жаждал разбить мне лицо хотя бы из таких простых и, в общем-то, вполне понятных среднему городскому обывателю хулиганских побуждений.

— Да, если не везет, значит, не везет! — сокрушенно подумал я, и после некоторых размышлений решил дожидаться начала вечера на танцплощадке. — Ну, не может такого быть, чтобы хотя бы на ней я никому не понадобился!

Я решил скоротать время в глубине парка, а заодно и попробовать одну только что пришедшую мне в голову комбинацию. Она показалась мне интересной и даже интригующей. По большому счету, это разновидность тай сабаки, но какая эта разновидность! Увертка от удара что ногой, что рукой, и одновременно с контратакой рукой точно в печень противнику. Учитывая, что я ловлю его на атаке, то есть, в тот самый момент, когда он весь вкладывается в удар и идет на меня, у нет ни одного шанса уйти от моего встречного удара!

«Великолепно! — подумал я, — сегодня же отточу это дело на «клиенте»!

Да, именно так — «клиент», так я буду звать всех тех, на котором буду шлифовать свое искусство.

Но человек предполагает, а Господь располагает! Это я к тому, что я планировал попробовать эту связку вечером. А пришлось прямо сейчас. Едва я вышел из-за кустов на небольшую полянку, как тот час же увидел Майкла — своего старинного младшего друга Мишку Степина, к которому со всех сторон подбирался пяток каких-то уродов.

Михаил СТЕПИН

То, что противников пятеро, меня не слишком потрясло. Был уже у меня опыт борьбы с численно превосходящими силами противника. Хотя, не буду спорить, пять человек — это серьезно. Даже если они находятся на пороге нирваны и плохо соображают, что именно и зачем они делают. А то, что алкоголь притупляет реакцию — это, конечно, так, но, в то же самое время, алкоголь и ослабляет болевые ощущения. Поэтому и удары пьяным человеком переносятся гораздо легче. Правда, уже наутро, он оценит всю силу полученных ими сейчас травм, но в момент драки большинство не очень сильно пьяных людей можно сравнить с одетыми в латы рыцарями. К тому же не очень ясно осмысливают реальную действительность, что делает их весьма грозными бойцами. У пьяных, как известно, тормозов нет, и в драке они бьются до последнего, не задумываясь о степени наносимых своим противникам травм, которые, кстати, в результате этих обстоятельств потом частенько диагностируются врачами как «несовместимые с жизнью». Я

прекрасно осознавал, с кем мне сейчас придется драться, и отчетливо понимал, что драться сейчас надо будет не «по-спортивному», не так, как обычно в зале, а по самому, что ни на есть, по-настоящему, то есть, «не на жизнь, а на смерть». — Ладно, ребята, как хотите! — подумал я. — В конце концов, это ваш добровольный выбор. И вам же за него самим расплачиваться!

Внезапно я увидел Алика, выходящего из-за парковой тропинки. — Как это кстати! — мелькнула мысль.

Александр ПОДЩЕКОЛДИН

Вот так оно и бывает в жизни! Стоит только поверить в то, что искренне лелеемое желание навсегда от тебя ускользнуло, и ты остался ни с чем, как оно, это самое желание, вполне реально материализуется, пусть и в несколько иной, не в такой, как ты ранее хотел, форме. Нет, все-таки, я был не прав. Есть все-таки Бог на свете! И он услышал мои молитвы, подумал я, и, что есть силы, закричал, обращаясь к противникам Майкла.

— Эй, деревенское отродье! Я здесь!

Вот за что я люблю выпускников и еще учащихся столичных ГПТУ, так это за то, что любой нормальный человек может ими манипулировать по своему желанию, не прилагая для этого особых умственных усилий! Вот и сейчас, двое из этой пятерки сразу же отделились от основной группы и направились ко мне.

— Сюда пацаны, сюда! — громко подбодрил их я. — Именно здесь дают по роже!

Услышав это, парни с шага перешли на бег, и вскоре были уже на расстоянии удара. Не останавливаясь, ближний из них сильно ударил прямым правой в голову, и за какую-то долю секунды до этого, я скрутил корпус, выполняя только что придуманную мною связку. В принципе, после ухода с линии атаки, из скрученного вокруг собственной оси корпуса можно делать какие угодно удары, а не только тот встречный по печени, который первым пришел мне на ум. И я решил попробовать «кардинальное решение»! Я встретил своего противника «лапой леопарда». Вообще-то, он бьется в горло. Если уж бить по-настоящему, то это страшный удар! Но нам труп нужен? Даже в такой вот драке? Мне кажется, что нет. Поэтому я ударил не в горло, а под нижнюю челюсть. Но результат все равно был потрясающим. Челюсть хрустнула так легко, что я даже этого не ожидал. Совсем не ожидал! Тело «клиента» еще продолжало свое движение вперед, я не стал мешать ему, перестав обращать внимание на уже не представляющего опасность противника, раскрутившись из стойки

в противоположную сторону. Вылетая в низкую дзэнкуцу дати с длинным-длинным ой цуки в корпус второго, как раз подбежавшего ко мне на расстояние удара парня, я только чуть-чуть отклонился от его удара, и кентос кулака, как пушечным ядром, выстрелянным в упор, пробил ему ребра. С удовлетворением услышав их характерный хруст, я еще успел увидеть, как клиент охнул, и начал оседать на землю, инстинктивно схватившись рукой за пораженное место. Тут же развернувшись вокруг своей оси в усиро-маваси гэри, пяткой правой ноги я вышиб круговым ударом под коленки ноги противника, успев встретить падающее тело встречным круговым ударом локтя в голову. Вот теперь можно и осмотреться!

Михаил СТЕПИН

В нашем случае такой пример сейчас валялся на земле прямо перед ними, но парни почему-то не учли это обстоятельство, как не учли, что внешне я выгляжу не очень внушительно, все-таки сыграло свою роль. Зациклившись на моем среднем росте и не очень большом весе, они сразу с ходу полезли на меня, достаточно бестолково размахивая руками и даже пытаясь при этом еще и размахивать ногами. А вот это уже не правильно. Потому, что в драке надо применять только лишь ту технику, которая у тебя отработана «на раз», и которую ты делаешь так, что противником она просто не замечается.

Тот удар, что сделал ближайший ко мне парень, наверное, при желании, конечно, можно было бы классифицировать как нечто среднее между маэгэри тюдан, кингэри и короткой маваси гэри туюсоку. Но я не стал заморачиваться на такие подробности. Я просто подставил под этот удар кулак, с чувством хорошо выполненной работы услышав вылетевшее из его рта ругательство. Что дальше? А что может быть еще дальше? Подшагнуть вперед и в бок, вышибить опорную ногу короткой и мощной подсечкой, убрать голову от чего-то среднего между полупрямым и полукруговым ударом рукой от второго противника, от всей души залепить ему в ответ по достаточно размашистой траектории в невысоком подпрыге сверху вниз и чуть сзади сюто сакоцу-ути. Потом сделать шаг в сторону, пропуская мимо себя атакующего третьего противника, развернуться к первым двум, длинным прямым гияцу цуки пробить грудь первого, услышать хруст треснувшей грудины.

Решив, что «на войне, как на войне, вытащил вперед стоящую в низкой кокуцу дати заднюю ногу, и одним импульсом мощного и короткого кансэцу гэри сломал раскачивающемуся в полунокауте

противнику колено опорной ноги. Тут же заблокировал сото укэ какой-то вялый и не слишком резкий еще один удар второго, и смачно врезал ему в ответ кингэри подъемом стопы точно в пах. Снова ушел от атаки оставшегося в одиночестве третьего, и подошел вплотную ко второму. Коротко двинул ему полукрюком рукой в солнечное, и немного попридержал уже готовое свалиться на землю тело.

— Не, парень, так легко тебе от меня не отделаться! За поступки надо страдать!

Я схватил обмякшее тело сзади за шею и наклонил прямо под бьющее вертикально вверх в быстром перепрыге колено. Теперь хрустнула уже переносица. В прямом смысле поток крови хлынул вниз, и я позволил человеку свалиться на землю.

Александр ПОДЩЕКОЛДИН

Может быть, этому парню и удалось бы от нас скрыться, но на свою беду, спеша как можно быстрее покинуть место драки, он не рассмотрел направление своего бега, и завяз в самой гуще кустарника. Если бы вы знали, с каким наслаждением я взлетел в тоби ёко гири и с максимальным кимэ пробил ему подошвой своего ботинка точно между лопаток. Противник так и остался лежать лицом вниз в этом самых кустах.

— Бог не фраер! — сказал я подошедшему ко мне посмотреть на тело Майклу, — Бог правду видит!

— А тебе не кажется, если у подобного рода отребья выработать условный рефлекс, что нападать на мирных граждан может быть опасно для здоровья, то и преступлений будет меньше?

— Зри в корень, — сказал я. — Это будет полезно не только для нас и для общества, но и для них самих.

— Это как? — спросил он меня.

— Да очень просто. Если нашими руками Господь Бог наставит их на путь истинный, то разве им это обстоятельство не пойдет на пользу?

— Я как-то об этом не подумал! — несколько озадаченно ответил мне Майкл.

Александр ТАЮШКИН

Вечеринка, как вечеринка. Вернее, была бы такой, если бы не повод, по которому «как здорово, что все мы здесь сегодня собрались»! А собрались мы по поводу моего ухода в армию, что само по

себе было не так уж, чтобы и особо весело. Сказать, что я рвался в ряды наших доблестных вооруженных сил — было бы явно преувеличить. Но, с другой стороны, утверждать, что я прилагал все усилия, чтобы в армию не попасть — тоже было бы неверно. Скажем так — я не подавал заявлений «в добровольцы», но и дезертиром не был! — Пусть будет, как будет! — как-то на досуге решил я по этому вопросу, и предоставил событиям развиваться самостоятельно и без моего участия. В общем, все закончилось приглашением появиться ранним утром на призывном участке. Но сегодня я накрыл стол и пригласил наиболее близких мне людей. Сказать, что основная часть парней из «группы на Войковской» пришла исключительно для того, чтобы окончательно прояснить вопрос о лидерстве в группе, пока я буду отсутствовать, было бы, все-таки неверно. Да, эта тема поднималась, но шуточного интереса у гостей не узрел. Не все же люди в наше время настолько меркантильны! Да и Сереге Жукову, Володьке Ишкову, Олегу Игнатову и даже Толику Подругину эта проблема абсолютно по барабану. Но вот с Аликом Шефталем ситуация была явно иная.

Сергей ЖУКОВ

Я опрокинул рюмку, подцепил вилкой лист квашеной капусты, и обвел взглядом сидящих за столом, внутренне потешаясь над Шефталем. Я специально сел за стол таким образом, чтобы он сидел не прямо передо мной, а как бы немного сбоку, но, в то же самое время, его лицо было в поле моего зрения. Что скрывать: повод нашей встречи не слишком уж веселый — кому интересно с таким багажом знаний и таким уровнем полученного образования, какие имелись у Александра, выпадать из цивилизованной жизни в армию на целый год, но надо же и в не слишком приятных вещах находить положительные аспекты!

Николай МЕЛЬНИЧУК

Я с интересом рассматривал сидящих за одним со мною столом людей, прекрасно понимая, что мне выпал отличный повод посмотреть их в неформальной обстановке, особенно учитывая то обстоятельство, что сейчас они воспринимают меня просто как одного из них, абсолютно и во всем равного себе. Они же еще не знают, что это именно я буду вести их группу. Вот высокий, стройный молодой человек с «римским» носом, аппетитно закусывающий сейчас рюмку водки вкусно хрумкающим листом квашеной капусты. Вот, Алик

Шефтал, его извечный конкурент, и, как подозреваю, тайный недоброжелатель. М-да, недобро он на этого парня смотрит то! Толик Ишков горой возвышался над столом, и как-то так получилось, что он очень гармонировал с Игнатовым Олегом, который точно такой же горой возвышался над тарелками со всякой снедью на противоположном конце стола. В общем, как мне кажется, все присутствующие вполне, я бы даже сказал, в достаточной степени расслаблены. И никто ничего такого необычного от этой вечеринки не ожидает. Никто, кроме Шефталю. Он один, на мой взгляд, чего-то ждет. И я даже знаю, чего именно!

Роман ШЕФТАЛЬ

Ну, водка водкой, провода проводами, но, в конце концов, мы сюда в основном то совсем не за этим пришли. Нет, я не спорю, кто-то, типа этого молодого попрыгунчика, я Жукова, естественно, имею в виду проводить Александра, и пришел, но я то ведь серьезный человек! Я на такие мелочи не размениваюсь. И эти рюмочки, как наперстки! Кто из культурных людей пьет по десять грамм! Вся интеллигенция меньше пятидесяти за раз не принимает! Что за идиотизм!

Я сидел за столом и прямо-таки физически ощущал, как недовольство все более и более лавинообразно нарастающее в моей душе вот-вот прорвется наружу. Я уже не мог без отвращения смотреть и на Жукова, и на его верных, как их я называл «про себя» ординарцев в лице Ишкова и Скрипилева. Мне хотелось власти! Мне хотелось, чтобы прямо сейчас, за столом, Александр сказал, что он назначает меня своим преемником. И после этого я буду считать, что я не зря пришел на эти провода. Мне нужно только это! Мне больше ни черта ничего не нужно! Пусть Александр назовет меня своим преемником и после этого он может сразу же уезжать, куда ему угодно. И даже не возвращаться оттуда! Не больно то он мне здесь и нужен.

Сергей ЖУКОВ

Если честно, то сейчас я уже откровенно развлекался. Все эмоции Шефталю отражались на его лице, как на экране телевизора, когда актера берут крупным планом. Я налил себе еще одну рюмку, подцепил на вилку маринованного грибочка и стал ждать развития событий. Судя по состоянию нервной системы Шефталю, ожидание обещало быть не слишком долгим.

Александр ТАЮШКИН

В этот момент мне было не слишком весело — я прекрасно осознавал весь идиотизм ситуации, я имею в виду армейский призыв, и, в то же самое время, понимал, что равным счетом ничего изменить нельзя. И от того, что я понимал необратимость положения, я не нервничал и находился в каком-то спокойно-умиротворенном состоянии. Наверное, именно это буддистские монахи и называют «пустотой».

— Главное — преемственность и непрерывность традиций! — внезапно я осознал, что уже как минимум минуту слушаю с поднятой в руке рюмкой очередной тост Шефталы. — Процесс только тогда имеет законченность, когда он непрерывен, — продолжал говорить Алик, и я вдруг понял, что этими словами он как бы понуждает меня назвать имя своего преемника на посту руководителя секции.

— Хорошо, — подумал я, — будет тебе преемник! Друзья! — я поднялся с места. — Чтобы, как правильно сказал Алик, продолжалась преемственность ситуации, я хочу прямо сейчас представить группе человека, который вместо меня будет вести занятия.

Алик заерзал на месте и совсем уже начал для принятия поздравлений подниматься со своего места, когда я продолжил: Николай Мельничук!

Олег ИГНАТОВ

Сказать, что эти слова произвели фурор — означает не сказать, вы уж извините за избитое выражение, равным счетом ничего. Алика, казалось, сейчас прямо за столом хватит, как выражались в старину, «апоплексический удар» — он аж покраснел, Сергей Жуков громко и издевательски рассмеялся прямо ему в лицо, Толик Ишков молча, склонив голову немного на плечо, наблюдал за происходящим со снисходительной улыбкой. Только лишь один Лешка Скрипилев, как будто ничего сейчас и не произошло, с непроницаемым выражением лица спокойно одной рукой наливал себе рюмку, а второй пытался подцепить кусок мяса на зажатую в ней вилку.

— Я хотел бы, чтобы за время моего отсутствия, — продолжал Александр, — в группе не происходило ничего экстраординарного, ничего такого, что могло бы привести к ее развалу. Вы меня хорошо понимаете?

Рональд ШЕФТАЛЬ

Я не стал дожидаться окончания вечера, и по-английски, даже не попрощавшись с Александром, ушел домой. Зачем и для чего мне здесь еще оставаться и о чем мне здесь еще говорить с присутствующими? Можно подумать, что я и приходил сюда для того, чтобы проводить этого мальчишку в армию. Скатертью дорога, пусть сам топает! А серьезные люди в это время будут заниматься делом. М-да. Но, в то же время, надо признаться, что в этой секции ловить мне уже нечего. Я, конечно, еще какое-то время в ней потусуюсь, но надо открывать что-то свое. Точно надо! С техникой у меня все в порядке, с боевым духом тоже, по части интеллекта и знаний я всем этим мальчишкам сто очков вперед дам, поэтому не надо тянуть с этим делом. А где открывать? А где открывать у меня тоже есть, слава Богу, что со связями у меня все в порядке. Одну секцию я открою в Зеленограде — как никак, а все-таки советский центр радиоэлектроники, а вторую в Звездном городке. Наберу в группу пару-тройку космонавтов, они у меня тараном в официальных структурах выступать будут и все проблемы решать по жизни, и вперед! А чуть позже посмотрим, может, и вполне может так получиться, что я и федерацию через космонавтов пробью. И сам в ее руководстве встану. Вот тогда я и покажу всем этим детям, что такое техника, а что «административный ресурс»! Тогда и попляшете у меня! И Саша первым попляшет! Тоже мне, отец-основатель! И мальчишку этого, такого же, как и он сам, вместо себя поставил. Ладно, время придет, я вам всем всё покажу. Вы у меня узнаете, где раки зимуют!

Юрий ВДОВИН

Перед глазами все плыло и асфальт, то и дело, накрываясь в разные стороны, так и норовил ускользнуть из-под ног. В те мгновения, когда пелена перед глазами немного рассеивалась, я видел ослепленную в ухмылке физиономию своего противника, неторопливо подбирающегося ко мне для нанесения последнего удара, и понимал, что сейчас мне просто жизненно необходимо твердо встать на ноги и продолжить схватку. Мне казалось, что время летит невероятно долго, тянется, как резина неторопливо натягиваемого эспандера, хотя умом я понимал, что на самом деле все это занимает считанные мгновения. Собрав волю в кулак, я встал с корточек, выпрямил, пружиня на них, ноги, а потом и поднял вверх, к подбородку, сжатые в кулаки руки. И в этот момент он пошел в атаку. Неизвестно, чем бы все это окончилось, но, когда он был от меня уже на

дистанции удара рукой, из темноты, оттуда, где прятался Виталик, прилетел здоровенный обломок кирпича и попал точно в затылок моему противнику. Увидев, как он свалился на асфальт, орошая все вокруг обильно льющейся из головы кровью, я тоже в каком-то безразличном ко всему состоянии снова присел на корточки, и даже не прореагировал на разорвавшие ночную тишину звуки милицеских сирен.

Николай МЕЛЬНИЧУК

По большому счету, когда вокруг нас раздались милицеские сирены и «поле боя» озарилось ярким светом автомобильных фар, а люди в серой форме как рассыпавшийся горох заполонили всю площадку за «Октябрем», все уже было кончено. Милиции оставалось только подобрать валяющиеся вокруг нас тела, да пригласить в машины нас самих, так как не то, что бежать — мы и нормально передвигаться не могли. Что ни говори, а эта драка войдет в анналы!

В это раз все было как и прежде, как месяц или полгода тому назад. После той памятной последней стычки наше маленькое «предприятие» не трогали, известность предоставляемых нами услуг росла, мы расширялись, привлекая в качестве наемного персонала как известных мне и Юрке каратистов, так и известных ему боксеров. Деньги лились рекой, и мы уже привыкли себе ни в чем не отказывать. Дошло до того, что мы сами не сопровождали наших клиентов, давая возможность неплохо заработать всем привлеченным нами людям, а только лишь по вечерам в свободное от тренировок время сидели в основном в «Метелице» или «Валдае», сосредоточившись на приеме новых заказов и контролируя общую ситуацию в «фирме». В общем, и сегодняшний вечер не предвещал ничего такого уж необычного, за тем только исключением, что сидели мы не на втором этаже, а в полу-подвальчике, в том самом знаменитом на всю Москву пивном баре «Жигули». Наверное, в городе было всего два таких культовых места, связанных с распитием пива. Первым была известная на всю столицу «Яма» на Кузнецком мосту, и вторым — «Жигули». Но если «Яма» по большому счету была богемнотусовочным местом, в котором частенько можно было встретить деятелей из артистической среды, то «Жигули» были «для избранных». Если в «Яму» кроме артистов и прочей богемы могли зайти все кому не лень, и в которой живительная влага продавалась из подчеркнута демократичных пивных автоматов «за двадцать копеек четыреста пятьдесят грамм», то в «Жигулях» было все наоборот. В них и пиво было по пятьдесят копеек кружка, которое пода-

вали официанты в графинах по полтора литра, и наливающаяся в меню закуска была такой, какая присутствовала далеко не в каждом ресторане.

Каждое из этих заведений имело свой шарм и очарование. Но, исходя из престижности, да и просто из бытовых удобств, мы без колебаний выбирали «Жигули». Согласитесь, что гораздо удобней сидеть за покрытым скатертью столом, заставленным разнокалиберными тарелками с разнообразными изысканными закусками, чем стоять «стояком» за сделанным из ДСП грязным и залитым разбавленным пивом столом. И даже наличие в «Яме» соседом с одной стороны известного, пусть и не очень трезвого артиста, не компенсировало присутствие с другой стороны какой-то неопределенной бомжеобразной личности. Да и само пиво в «Жигулях» все-таки несоизмеримо лучше. И, кроме этого, в этом баре была исключительно «чистая публика».

Так вот, в этот вечер мы, никуда не торопясь, потягивали принесенный нам по особому заказу «Пльзеньский Праздрой», и я молча наблюдал за тем, как Юрка заканчивает переговоры с еще одним «жучком» на предмет его ежевечернего сопровождения домой после ресторана.

— Итак, договорились, — произнес Юрка, протягивая нашему новому клиенту руку.

— Договорились, — важно ответил тот, и я чуть не подавился крепеткой от смеха, видя с каким важным видом осознания им собственной значимости, в ответ пожал он протянутую ему руку. Я закашлялся, отвернулся от них в сторону и в этот момент увидел того самого Виталика — бармена из «Метлы», со спасения которого и начался наш бизнес. Виталик ворвался в зал с таким ошалелым видом, и так дико вращал глазами, рассматривая зал, судя по всему, явно разыскивая нас, что я мгновенно понял, что что-то произошло. И это что-то нам явно совсем не понравится.

Юрий ВДОВИН

Я специально так посмотрел на Виталика — над своими очками. Если уж совсем честно, то я давно уже мог либо сделать себе радикальную кератотомию — насечки на роговице, либо использовать только что появившиеся на Западе линзы — были уже предложения от «клиентов», но я специально и вполне сознательно этого не делаю. Кто в нашем обществе человек в очках? Да просто лох! А с лохом какой может быть разговор, и кто воспринимает его всерьез? Ну, нет, конечно, кое-кто, из тех, кто на самом деле поумней, те

воспринимают, но мне-то приходится иметь дело с ними только как с заказчиками, а в основном все разборки именно с быками. А быки, они и в Африке быки. И если у «собеседника» есть очки, то все-рьез его не воспринимают. А когда начинают по развитию ситуации воспринимать, то всегда это оказывается немного запоздалой реакцией. Чем «собеседник» с полным осознанием своей правоты и пользуется. Вот поэтому я очки и не снимаю. Тем более, что в поединке они мне совсем не мешают. Так вот, об очках и взглядах. Я знаю, что именно вот такой взгляд — над стеклами, пронзительный, недоверчивый и все понимающий, выводит собеседника из равновесия и этим дает мне преимущество в разговоре.

— Так какие у нас проблемы, Виталик? — спросил его, как только он подошел к столику.

Виталик, не ожидая такого понимания мною его трудностей, и внутренне готовый ошарашить меня не очень приятной новостью, смешался.

— Да ты не суетись, присаживайся, и наката-ка для спокойствия соточку, — Николай сделал официанту приглашающий знак рукой. — А то все равно потом повторять для лучшего понимания ситуации придется!

— Да мне нельзя, я же на работе! — слабо запротестовал Виталик, но Николай уже, не обращая на эти слова никакого внимания, продиктовал подбежавшему к нам халдею заказ: «Пятьдесят Бифитера и тоника. Найдется?»

— Для вас? Всегда! — расплылся улыбке официант.

— Давай. А то наш друг сильно нервничает.

— Ну, теперь говори, — сказал я Виталику, после того, как он залпом проглотил напиток, который, в общем-то, надо смаковать и тянуть некоторое время.

— Если коротко, то они появились снова.

— Понятно.

Мне на самом деле не надо было много объяснять. И, если совсем уже честно, то где-то внутри себя все это прошедшее время я не мог отделаться от мысли, что не все так просто, и та история совсем еще не закончена. Слишком уж серьезными мне показались в нашу последнюю с ними встречу те парни. По-крайней мере, один из них, главарь, тот, что был тогда с ножом. Ну, не верил я, что они не то, чтобы отцепятся от добычи, которую мы у них увели прямо из пасти, а просто проглотят оскорбление. Именно оскорбление, так как для таких бойцов любое поражение, в чем бы там ни было, есть не что иное, как личное оскорбление. Сам я тоже боец, и не терплю поражений. Поэтому таких как я, отлично понимаю!

— Они сказали, что или я начинаю им платить, или по причине моей смерти они поставят на это место своего человека, который будет им платить без всяких проблем. — Виталик произнес эти слова внешне достаточно спокойно — судя по всему, алкоголь сгладил его нервный срыв, но я-то прекрасно видел, что он весь дрожит от напряжения. — Они назначили встречу вам сегодня после окончания работы «Метлы» за «Октябрем».

— Николай, — обратился я к Кольке. — На сегодня всем отбой. Отзвонись всем заказчикам. Извинись и попроси, если у кого-то не очень сильно горит, обойтись без нашей помощи. У Алексея с Владимиром на самом деле есть проблемы, ты попроси их сегодня посидеть дома. И всем нашим — общий сбор. Пора на самом деле заканчивать эту историю!

— Виталий, — я обратился к бармену, — ты спокойно иди сейчас к себе, ничего не бойся, все будет тип-топ. Мы тоже кое-что собой представляем. За полчаса до закрытия «Метлы» я к тебе подойду. Не бойся!

— Я не боюсь, — медленно вставая из-за столика произнес Виталий. — Я просто опасаюсь. Не каждый же день такие предложения поступают.

— Я тебя понимаю. Не беспокойся, все будет хорошо.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Мысленно «переваривая» услышанную информацию, я взял кружку, и машинально сделал большой глоток.

— Успеешь восстановиться?

Я внимательно посмотрел на Юрку и произнес в том духе, что не стоит переживать, а до двенадцати ночи можно еще не только несколько раз напиться, но и окончательно протрезвиться.

— А пойдем-ка, посмотрим на место сегодняшней встречи, — вдруг сказал Юрка, поднимаясь на ноги. — Думаю, что не помешает.

Юрий ВДОВИН

Осмотрев площадку за кинотеатром, я пытаюсь понять, в каком же именно месте будут сгруппированы и замаскированы основные ударные силы противника? В общем, спрятаться здесь им будет совершенно негде — именно к такому выводу после тщательного осмотра места сегодняшней схватки пришли мы с Николаем. Сразу от задних дверей кинотеатра, через которые зрители покидали зал по-

сле просмотра фильма, начиналась ровная асфальтированная площадка шириной метров тридцать, обрамленная невысокими и не слишком густыми кустиками. Можно было бы предположить, что бойцы противоположной стороны могут спрятаться за ними, но это обстоятельство отвергалось ярким светом фонарей со столбов освещения, который обеспечивал дневную освещенность, и который не позволял никому из находившихся за рядом насаждений остаться незамеченным.

— А почему мы думаем, что они будут обязательно прятаться? — вдруг спросил меня Николай. — Разве не может быть, что они демонстративно все соберутся здесь вместе, чтобы сразу деморализовать нас своим количеством?

— Может, — чуть подумав над его словами, ответил я. — Но ты не рассматриваешь возможность, что достаточно большое скопление людей поздно ночью в таком месте обязательно привлечет внимание милиции?

— Если она сумеет вовремя получить об этом информацию, да еще и успеет приехать.

— Хочешь сказать, что они могут базироваться по частям где-то рядом, а подойти сюда только по получении заранее обусловленного сигнала?

— А почему бы и нет? — вопросом на вопрос ответил мне он.

— Разумно.

— Ладно. Тогда мы собираемся около заднего входа в «Метлу» и также небольшими группами выдвигаемся сюда. Мы должны подойти с все вместе и ровно в двенадцать ночи. И надо будет предупредить парней, что вполне возможно нападение со стороны. Пусть крутят головами.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Я спустился со ступенек на вымощенную бетонными плитками мостовую, и невольно залюбовался огромной луной, низко висящей между двумя высотными зданиями на противоположной стороне проспекта. Её волшебное сияние как будто заливало купол небольшой церквушки, притулившейся к подножию башни. И меня всего передернуло, то ли от ночной прохлады, то ли от неясного предчувствия. Около «стены» то тут, то там расслабленно прохаживались небольшие, по два-три человека группки крепких молодых людей, и если бы не заливающий проспект лунный свет, то вполне могло бы сложиться впечатление, что сейчас обычный рабочий день.

Увидев, как Юрка направился к подземному переходу, я махнул рукой, и молодые люди, спокойно и никуда не торопясь, направились в ту же самую сторону.

Юрий ВДОВИН

«Противник» не стал изобретать велосипед и полагаться на изощренные тактические схемы. Посередине площадки за кинотеатром нас ждало человек двадцать крепких ребят, причем, некоторые были одеты, несмотря на достаточно теплую погоду, в кожаные куртки, заметно оттопыривающиеся на торсах от скрытых под них предметами.

— Ай, как здорово, что я своим каратистам сказал захватить нунчаки, — только и успел подумать я, как противоположная сторона, повинувшись поданному, но не слышимому нами сигналу, побежала в нашу сторону.

Они бежали рывком, быстро, как будто на стометровке, и в этом тоже был свой расчет — смять своей массой, сбить с ног и потом затоптать, подавить всякую волю к возможному организованному сопротивлению.

— Нунчаки! — крикнул я своим каратистам.

Еще я успел заметить, как мои парни, точно где-то специально обучались групповым дракам, придерживают центр, давая противнику самому зайти в наше окружение со своих боков, и потихоньку стремятся сомкнуть кольцо окружения у него за спинами. Ну, я-то ладно, я детство провел в районе улиц Октябрьского Поля, в котором групповые драки, начиная от «дом на дом» и «квартал на квартал», были обыденным явлением, а они-то где этому научились? Хотя, опять-таки, подумал я, с другой стороны, а почему они, точно так же, как и я, не могли пройти в своем детстве и в подростковом возрасте эту же школу жизни, пусть и на других улицах и в других районах Москвы?

Михаил ЛОГИНОВ

Деньги и во времена социализма остаются деньгами. Во времена социализма они имеют еще большую ценность, так как в условиях тотального дефицита то, что при капитализме можно купить просто за деньги, у нас приобретается за большие или же за очень большие деньги. Я это к тому, почему я оказался в этот полночный час за задворках кинотеатра «Октябрь». И ни совесть, ни какие еще иные мотивы меня не мучат. Если государст-

во в лице своих высших чиновников обрекает население на прозябание, то пусть и не требует от него не нарушения идиотских, ими же установленных законов, которые сами они нарушают практически ежедневно. Я хорошо зарабатывал в организованном Юркой бизнесе, прекрасно отдавал себе отчет в том, что такую кормушку рано или поздно, но все равно обязательно попытаются перехватить, и был готов до посинения биться за возможность нормально зарабатывать и нормально обеспечивать свою семью.

Поэтому, будучи Юркиным замом по личному составу «каратистов» я сразу же собрал всех наших, проинструктировал как именно надо будет себя вести и даже примерно начертил возможную тактику противника. Получилось все именно так, как я и ожидал. Противник ринулся на нас всеми своими людьми, а мой правый фланг — левым командовал Николай Мельничук, и в центре был сам Юрка, стал охватывать атакующую массу сбоку. Мои нунчаки были у меня в ручной сумке, скрытые тканью, но цепочка находилась в моих пальцах, так, что как только я услышал Юркину команду, то сразу же отпустил тесемки, и плотная буковая палка сразу сама же удобно легла в кисть. У несущегося «на всех парах» на меня парня в зажатом кулаке что-то неясно поблескивало, судя по всему, кастет, и я безо всякого сожаления коротко поддернул нунчаку вверх — палка легла подмышку. А потом одним импульсом выстрелили ей вперед. Вы знаете, что происходит, когда торец палки нунчаки врежется человеку в лоб? Особенно, когда он со всех ног бежит прямо на тебя в совершенно неумном желании пробить тебе голову какой-то там железкой. Не знаете? Жаль. Незабываемое зрелище! Вот как именно в этот раз. Ноги этого человека еще продолжают двигаться вперед, а его мозг уже «спит». Спит или просто отключился — какая, в общем, разница? Главное, что тело еще несется на тебя. Здесь самое главное — спокойно посторониться, и дать ему самому упасть где-нибудь неподалеку. Его даже бить больше не надо — а зачем? Это же уже не боец, это просто тело. Вот и этот парень пронесся мимо меня — я вежливо уступил ему дорогу, одновременно с этим из всех сил по широкой круговой траектории, прошибив чей-то затылок, ушел от встречного удара рукой и двинул в ответ этому любителю кулачного боя маэгары в пах.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Я увидел как Мишка повел своих в обход этой кодлы сбоку и сразу же понял его замысел.

— Уходим в сторону! — проорал я своим, сшибая прямым левой налетевшего на меня противника.

Мы начали перемещение в сторону, широкой дугой охватывая основную массу, и противник посчитал, что мы дали слабину. Он яростно взвыл, как раненый зверь. И усилил напор. Но у нас в первых рядах шли вооруженные нунчаками парни. Поэтому уже через несколько секунд первая шеренга атакующих валялась с травмами различной тяжести, а остальные немного притормозили. И как-то незаметно для самих себя стали сдвигаться в центр, где стоял Юрка со своими боксерами. Все-таки боксер — не каратист, боксер не знает ни что такое нунчака, ни что такое сая, явара и прочие приспособления для ближнего рукопашного боя, зато почему-то у Юркиных боксеров нашлось несколько любителей кастетов. Сказать, что использовать кастеты непорядочно и не по-спортивно? Не шутите так! Это не спорт, это нормальная уличная разборка без правил за деньги. Если быть точнее, то за большие деньги. О каких еще правилах в этих условиях может идти речь? Тем более, что на той стороне тоже были не рыцари и несколько Юркиных боксеров тоже валялись сейчас под ногами толпы с проломленными дубинками черепами.

— Нунчаки вперед! — крикнул я, увидев, что ближайший ко мне боец «той» стороны держит в руках именно это оружие.

Я выпрыгнул вперед, держа две палки нунчаки перед собой в позиции выжидания, и когда увидел летящую в меня сверху палку, то принял ее дубинку на цепочку, крутанул петлей и коротким взмахом кисти вырвал нунчаку из рук атакующего.

— А нунчакой уметь работать надо! — подумал я, коротко, без замаха, прямо от груди вляпывая ему прямой цуки в подбородок. Парень без звука лег на асфальт и больше я его в этот вечер не видел. В общем, у меня в это время были еще заботы.

Юрий ВДОВИН

Я принял на себя основной удар. Во главе шайки был как раз тот самый парень, который тогда был с ножом, и которому во время нашей последней стычки удалось уйти невредимым. Мы сразу заметили друг друга. И никто из нас не стал рваться вперед, чтобы один на один сразиться со своим основным противником. Наверное, мы оба хорошо усвоили еще со времен детства основной вопрос о местоположении командира в бою.

Толпа врзалась в нас плотной массой, и сразу же началась самая, что ни на есть месиловка, такая, когда плотность бойцов до-

стигает максимума, что не возможны ни уклоны, ни нырки, никакие активные способы ухода от летящих в тебя ударов. Эта именно такая плотность дерущихся людей, когда в состоянии лишь сделать клинч, ударить головой в настолько близкое от тебя лицо, что ты даже в темноте различаешь цвет радужной оболочки вражьих глаз. Именно в таких вот драках ты проверяешь свой истинный уровень подготовки и видишь все свои недочеты и ошибки. Жаль только, что за них можно ответить по полной программе и заплатить самую высокую цену при неблагоприятном для себя исходе.

В первые мгновения драки противник, используя силу инерции быстро перемещающейся массы людей, немного нас потеснил, и я даже забеспокоился об исходе, но тут же заметил, что наши «фланги» постепенно охватывают эту банду со всех сторон. По бокам, как мы этим вечером и продумали с Николаем и Михаилом, у нас стояли вооруженные нунчаками каратисты, против которых, на мой взгляд, в подобных ситуациях не мог выстоять ни один «трудовой коллектив». Постепенно плотность бьющихся немного уменьшилась и первые шеренги с обеих сторон или просто лежали на асфальте, или пытались встать, попутно защищаясь от пинающих их со всех сторон ног.

Кажется, стало немного посвободней. Я увидел летящий в меня кулак с зажатым в нем кастетом в самый последний момент! Я увернулся, одной рукой подхватил снизу бьющую руку, проехав по ней от локтя до кисти, и схватил в крепкий захват кулак. Одним движением перевернув руку локтем вверх, я изо всех сил рубанул по нему ребром ладони, ломая суюти локтевой сустав. Дикий крик боли был такой силы, что в соседних домах стали зажигаться окна, и я понял: надо сматываться, так как разбуженные среди ночи жильцы, привлеченные к окнам шумом групповой драки вблизи их собственных домов, вот-вот вызовут милицию. А тут еще этот дикий крик! Хотя, скорее всего, они ее уже вызвали.

Судя по всему, мысли пришли в голову и всем остальным дерущимся. По крайней мере, тем, кто еще мог самостоятельно передвигаться на своих ногах. Они то и стали как-то незаметно растворяться в темноте и исчезать в листве окружающих площадку кустов.

— Николай! — крикнул я, — надо уходить! Менты будут здесь через пару минут!

Думаю, что мы бы успели раствориться во дворах, если бы в самый последний момент, когда вокруг нас валялись только неподвижные тела с обеих сторон, передо мной не возник организатор этого «асфальтного побоища».

Николай МЕЛЬНИЧУК

Так уж устроено наше социалистическое общество, что если у тебя есть деньги, то многое из того, что недоступно для простых и обычных людей, не входящих в число партийной элиты, становится вполне доступным. У меня деньги были. И поэтому я частенько посещал закрытые показы «буржуазных» фильмов в «Иллюзионе». Так вот, в демонстрируемых в нем американских вестернах частенько мусолилась тема выхода главного положительного героя «один на один» с главным злодеем фильма в его финале. То обстоятельство, что любой нормальный человек в этой ситуации просто и совершенно не задумываясь, так как это абсолютно естественный поступок для разумного и вменяемого человека, «сделал бы ноги», спасая свою шкуру, создателями картин во внимание не принималось. По крайней мере, ни в одном просмотренном мною фильме я этого не увидел. И это, на мой взгляд, сильно снижало художественные качества лент — что ни говори, а какая-никакая, но правда жизни, пусть даже и в кино, все-таки должна присутствовать! И, выходя из зала, я всегда отдавал должное создателям картины по части мастерства, одновременно с этим сокрушаясь, что у них все-таки не хватило разума сочетать мастерство съемки, актерской игры с реальностями бытия. Каждый раз, вспоминая такие «ковбойские» финалы, мне хотелось, повторяя Станиславского, громко и во все горло закричать «не верю»! А потому я даже теоретически не допускал мыслей, что не только когда-либо увижу нечто подобное наяву, но и сам приму участие в чем-то вроде этого!

Они — Юрка и тот, который тогда был с ножом, стояли друг напротив друга, как два ковбоя из американского вестерна в своей последней и решительной схватке. Вот только вместо револьверов Кольта у них в руках было холодное оружие кобудо. Вернее, это у Юрки было оружие кобудо — тяжелая буковая нунчака с мелкой цепочкой из закаленной стали, а его противник в своей правой руке держал нечто стилизованное под сай. Точнее сказать, этот снабженный двумя длинными и загнутыми вперед усиками гарды переделанный и видоизмененный штык от винтовки Мосина нельзя назвать настоящим окинавским саем. Сай применялся крестьянами несколько для других целей — в основном для того, чтобы отвести от себя бьющий меч самурая, а уж задача протыкания им насквозь своего противника всегда была вторичной. Это обстоятельство, кстати, подтверждается еще и тем, что канонические удары этим оружием всегда наносятся не острием лезвия, а тыльной стороной рукоятки. А этот парень, судя по мрачному выражению его лица и холодно поблескиваю-

щим глазам, явно собирался использовать одно только лезвие штыка!

— Это уже перебор! — подумал я, — надо что-то делать. И делать именно прямо сейчас, пока не истекли еще имеющиеся в нашем распоряжении до приезда милиции секунды!

Юрий ВДОВИН

Я обернулся по сторонам, и увидел, что изо всех стоявших на ногах до этого момента бойцов остались только мы трое. Даже те, кто еще минуту назад без движения лежал на асфальте, стали шевелиться, и кто ползком, кто на четвереньках пытались покинуть место схватки. Все всё понимали, и только этот сумасшедший со штыком упорно не желал еще раз проигрывать. Я внимательно посмотрел на него, на его глаза, которые еще можно было увидеть при таком освещении, и понял, что сейчас, буквально с секунды на секунду, он вот-вот пойдет на меня в атаку.

— Увидимся в следующий раз! — крикнул я ему, собираясь покинуть место схватки.

— Стоять! — раздался его на самом деле почти звериный рык.

— Идиот! Сейчас здесь будут менты! Уходим! Мы еще успеем разобратся!

— Стоять! — и он понесся на меня, держа перед собою сай наверное так же, как ходили в штыковые атаки солдаты всех прошедших войн.

Я успел увернуться от острия штыка, благо, что его обладатель бежал на меня со всех ног, не слишком хорошо оценивая и разбирая обстановку. Парень пронесся так близко, что я сумел увидеть его неестественно расширенные зрачки, и понял, что разговаривать с ним сейчас бессмысленно — когда человек одурманен чем-то из Чуйской долины, то он не может адекватно оценивать ситуацию. Однако я понял, что мой противник вмазан, и это открытие меня весьма и весьма неприятно поразило, не помешало мне выхлестнуть из-под мышки торец палки нунчаки ему в голову. Этот удар, который обычного человека просто без звука свалил бы с ног, не оказал на «нарка» ровным счетом никакого воздействия.

Николай МЕЛЬНИЧУК

Я вошел в зал за несколько минут до начала тренировки. Почти вся группа уже стояла в рядах, морально готовясь к ее началу и мысленно настраиваясь на предстоящие нагрузки. На месте тренера

стоял Жуков, как-то рассеянно смотрящий перед собой отсутствующим взглядом, и который даже не прореагировал на мое появление, как будто я был одним из его учеников. Пока я переодевался, тренировка уже началась.

— Становись в первый ряд — спокойно, и, стараясь не показывать внезапно появившегося у меня раздражения, сказал я Жукову, подходя вплотную. Почему-то именно сейчас мне отчетливо вспомнились все те осторожные намеки Шефталя, которыми он, судя по всему, стараясь меня не обидеть и ни с кем не поссорить, все-таки хотел открыть мне глаза на истинное положение вещей и ситуацию в секции. Конечно, я не слишком часто появляюсь в Сашиной секции, хотя он и просил меня об этом, дескать, надо бы заходить сюда почаще, как можно чаще, а то ведь, на самом деле, развалится группа, или же, еще хуже, пойдет по неправильному пути искажения техники!

— Решено, решил я для самого себя, — буду появляться здесь максимально часто. А сейчас дам им хорошую, в Сашином духе, нагрузку!

И тут я обнаружил, что Жуков никуда с места тренера не ушел. В том смысле, что не стал в ряды учеников.

— Сергей! — максимально стараясь не раздражаться, еще раз повторил я, — становись в ряды!

— Я не думаю, Николай, что ты можешь чем-то быть нам полезен, — спокойно, как видимо, все уже для себя решив, ответил мне он.

— Ну, что же! Если ты настаиваешь, то существует только один выход из этого положения, — пожал я плечами.

— Как знаешь, — ответил Жуков. — Но я бы тебе этого не советовал.

— А как же Сашино распоряжение? — скорее для проформы спросил я Сергея.

Сергей как-то неопределенно промолчал и развел руками в стороны. — Саша же не знал, что ты не будешь посещать тренировки, как он тебя просил. А сейчас у нас уже сложилась своя группа со своими традициями, и мы ни в ком не нуждаемся.

— И даже в Саше?

— Сейчас Саши нет, когда он придет из армии, он займет свое место. Но это его место. Его, сейчас мое, но никак не твое!

— Хорошо. Тогда пусть этот вопрос решит поединок.

— Я не против, но я тебе все-таки не советую, ты его не выиграешь.

— Побеспокойся лучше о себе, — посоветовал я Жукову, и, отойдя в центр зала, сделал широкий знак рукой ученикам, прося их освободить место для поединка.

Сергей ЖУКОВ

Мельничук низко опустил голову и поднял руки к подбородку, что сразу же вызвало в моем сознании зрительную ассоциацию с летящим на меня разъяренным быком. Он пошел на меня, атакуя напролом, не глядя по сторонам и не размениваясь на финты. Это была его обычная и достаточно хорошо знакомая мне манера боя, сразу же дающая понять всем находящимся в зале людям, что он собирается покончить с противником с одной-единственной и первой же технической атакующей связки. Он на самом деле был похож на идущий в атаку танк — настолько плотный и крепко сбитый, что казалось, будто он состоит из одних мышц, у которого, к тому же, все было в полном порядке с техникой. Может быть, эта его манера и сработала бы на ком-нибудь другом, менее опытным или менее уверенным в себе бойце. Вот только на меня это не подействовало. Крутнувшись вокруг своей оси и немного посторонившись, я почти пропустил Мельничука мимо себя, а потом, резко раскрутился в противоположную сторону — прямо навстречу атакующему движению. Так, что мой локоть в ура маваси эмпи ути воткнулся прямо ему в нос. Все произошло очень быстро — прокрутка, удар, хруст кости, струя крови на пол, и все практически в одно мгновение!

— Ты, что наделал? — взвился в крике Шефталъ, до этого безучастно наблюдавший за поединком от двери раздевалки.

Николай уже поднимался с пола, вернее, он сидел на нем на корточках, запрокинув голову назад, пытаясь остановить хлещущую из носа кровь.

— Парни, к телефону, вызывайте «Скорую», — попросил я, не обращаясь ни к кому из них конкретно — не до этого мне сейчас. Подхватив Мельничука под мышки, и с помощью такого же здорового, как он, Олега Игнатова, мы рывком поставили его на ноги и повели наверх — к крану с холодной водой.

Роальд ШЕФТАЛЬ

А мне все равно. Да пусть они хоть перебыют друг друга — это уже не моя секция. И поэтому мне было в достаточной большой степени безразлично все, что происходит в этом зале. Да и появляюсь я здесь — так, изредка. Правда, надо сказать, что Мельничук, которого Танюшкин поставил главным, появляется здесь еще реже — не чаще одного раза в месяц. Если уж совсем честно, то надо признать, что уже секция Жукова. Именно Жуков ведет тренировки, он принимает новых членов, он платит за зал, в общем, он здесь главный.

До какого-то момента Мельничук этого или не понимал, или просто не обращал на ситуацию никакого внимания, занимаясь своими собственными делами, но в какой-то момент времени он посмотрел на ситуацию со стороны, и увидел правду, которая ему абсолютно не понравилась. Если бы кто знал, скольких трудов мне стоило потихоньку, исподволь, только одними осторожными и скользящими по краю ситуации намеками открыть ему глаза на правду жизни! И сколько это заняло времени! В общем, мне все-таки удалось их сравнить! Вернее, натравить его, так как Жуков совершенно не собирался ни с кем портить отношения. И Сергея сложившее положение дел вполне устраивало.

Но то, что устраивало его, совершенно не нравилось мне — я все-таки не терял надежды, сравнить их между собой в жестком контактном поединке. Этот поединок мне был не просто нужен — необходим. Как воздух необходим! Мне была нужна настоящая бескомпромиссная и жесткая полноконтактная схватка, такая в которой бьющиеся бойцы совершенно не задумываются об ее последствиях. Мне был нужен бой «на вынос», такой, в котором они бы по-настоящему покалечили друг друга, и в идеале оба бы оказались на больничных койках. А еще лучше, если бы на койке оказался только один из них, причем, совершенно не важно, кто именно — потому, что в этом случае я бы уж похлопотал о возбуждении уголовного дела против «оставшегося в живых»! Какая идеальная ситуация! Кто бы в этом случае занял вакантную должность тренера группы? Правильно — я! И уж я-то бы смог рассказать своим наивным и во все на свете верящим ученикам еще несколько «старояпонских» притч, утверждающих, что истинная справедливость всегда торжествует. Ну, а то, что эти притчи я бы сам и выдумал — ну какое это имеет значение, когда на кону стоит восстановление меня во главе моей же собственности? И Мельничук попался в мою ловушку, как мальчишка попался, и даже не пошел, а побежал биться с «узурпатором» не на жизнь, а на смерть!

Олег ИГНАТОВ

Станция «Скорой помощи» располагалась в старом и довольно обшарпанном кирпичном, явно еще довоенной постройки здании с кое-где местами выбитой кладкой. Впрочем, сейчас мне было совсем не до его архитектурных особенностей. Я вышел на крыльцо подышать свежим воздухом, но все равно перед глазами стояла картина выправления Николаю сломанного Сергеем носа. Бородатый, спортивного типа хирург спокойно, не обращая никакого внима-

ния на льющуюся кровь, засунул ему в нос две сверкающей никелированной нержавеющей сталью трубки, что-то сделал, опять этот хруст, и все!

— Все! — спокойно возвестил он. — Кости на месте, теперь только ждать!

Не обращая более никакого внимания ни на своего пациента, ни на меня, ни на других парней из «группы сопровождения», хирург направился к раковине, сдирая по пути к ней с рук перчатки.

— Бокс? — тщательно намыливая руки, спросил он.

— Каратэ, — прохрипел со своей кушетки Николай.

— Каратэ! Интересно! И где же ему обучают?

— Да здесь, неподалеку, — ответил я, досадуя, что Николай не воспользовался предложенным ему хирургом вариантом. Я сам не знаю почему, но по какому-то внутреннему наитию мне совершенно не хотелось широко афишировать наши занятия.

— Ладно. Что бокс, что каратэ, что дзюдо — одна хрень. А парня вашего уже ждут в Склифе. Я им позвонил, и машина от них сюда уже вышла, так, что нюансы техники нанесения таких повреждений и методику лечения будете обсуждать уже у них.

— Склиф? — воскликнул Игнатов. — А разве вы не все сделали?

— Что мог, то сделал, остальное у них. А здесь травмпункт, а не хирургическое отделение! Боль я снял, кровь остановил, все остальное пусть делают узкие специалисты.

Владимир ИШКОВ

Теперь мы всей компанией стояли уже в вестибюле института «Скорой помощи» имени Склифосовского, ожидая окончания операции Николая.

— Да все нормально, парни! — весело, почти со смехом сказал нам вышедший из операционной молодой, моих лет врач. — Жить будет. Ну, потом, конечно. Умрет!

— Это как понимать? — переспросил его я.

— Да так и понимай, — ответил он. — Или ты собрался жить веч- но?

И, видя, что я по-прежнему не врубаюсь, спокойно добавил: «Ты не обращай внимания. Это такой врачебный юмор. Профессиональная деформация называется».

— Интересно вы шутите. Вы хирург?

— Не, я реаниматолог.

— Реаниматолог? А зачем вы здесь?

— Да так, на всякий случай заглянул. У спортсменов свое, особое

сердце. Поэтому возможны разные варианты реакции на наркоз. Мало ли что.

— Понятно, — протянул я. — Но все в порядке?

— Все нормально. Через пару часов проснется, сегодня уже будет ходить, через пару недель синяки сойдут. А еще через пару месяцев сможет опять заглянуть в спортзал. А потом опять к нам! И так, пока не надоест! Круговорот тел в жизни называется!

Я понял, что это врач опять пошутил. Но, несмотря на этот его весьма специфический юмор, он мне нравился. Что-то в нем было нечто такое, неопределенное и никак пока мною не улавливаемое, какая-то своя изюминка. Но каким-то шестым чувством я ощущал в нем сильное мужское начало настоящего мужика в хорошем понимании этого термина.

Сергей ЖУКОВ

Стоя на углу улицы, я всматривался в густые заросли, чтобы сквозь густые ветки окружающих со всех сторон дом зеленых насаждений увидеть его угол и рассмотреть висящую где-то там табличку с номером. Вот уже с полчаса я бесплодно бродил по окрестностям, тщетно пытаюсь разобраться с системой нумерации в этом сравнительно недавно отстроенном районе, в котором, как, впрочем, и везде в новостройках, отсчет шел как угодно, но только не по последовательной системе отсчета. Точно зная, что я нахожусь примерно там, где мне и нужно, я все еще пытался определить логику нумерации, как услышал за спиной где-то уже слышанный мною голос.

— Ну, что, пытаешься понять, где ты находишься?

Я обернулся, и сразу же узнал говорившего. Это был тот самый шутник-реаниматолог из Склифа.

— А что, можешь помочь?

— Так я же реаниматолог. Еще пара минут, и ты вполне дойдешь до той самой кондиции, когда я тебе реально понадобится.

— Да, — как-то неопределенно протянул я. — Никак не могу понять, как у нас строят.

— Не переживай! Не ты первый, и, думаю, не ты и последний. Здесь постоянно не местные по дворам бродят, пытаются понять, как может после двадцать восьмого дома стоять сорок третий! Тебе вообще, что надо то? Я подскажу.

— Ты, что, местный?

— Да, спрашивай.

— Где у вас ЖЭК?

— Пошли, покажу. Без меня ты все равно не найдешь.

Николай ПРИХОДЬКО

Делать мне все равно было нечего, а до дежурства оставалось еще более трех часов. Так, что, почему бы и не прогуляться по дворам, тем более, что и собеседник попался интересный. ЖЭК мы нашли практически сразу. Не то, чтобы я обладал каким-либо особым чутьем — просто я знал где он находится.

— Слышь, Сергей, — спросил я его, — а что тебе в нем понадобилось? Ты, что, к нам в район собрался переезжать?

— Встреча там у меня одна, люди просили подойти.

— А! Вот оно, что! — сразу же догадался я в чем дело. — Ты в эту секцию каратэ собрался?

— А ты откуда о ней знаешь? — недовольно-удивленным тоном спросил он меня.

— Да так, слухи разные по району ходят. Да и почему бы мне о ней не знать, если именно из нее как раз в мое последнее дежурство парня со сломанными ребрами привозили. Неудачно так получилось, еще чуть-чуть, и этот обломок ему бы сердце проткнул. Я его из клиники вытащил.

— Откуда?

— А, ну да, ты же не врач. Из клиники. Это так у нас на врачебном сленге состояние клинической смерти называется. Откачал! — с удовольствием вспомнил я этот случай. — Еле-еле успел!

— То есть, группа известна своими традициями? — спросил Сергей.

— Да вроде как да. У них, насколько я знаю, какой-то тренер не очень в себе. По-моему, заиклен на полном контакте. И когда-нибудь это очень плохо кончится! Так ты именно туда идешь? — в лоб спросил я его.

— Ну, да, в нее, — не слишком охотно ответил Сергей.

— Слушай, а давай я с тобой схожу. Интересно!

— Ну, сходи. Только я не надолго. Посмотрим с полчаса и пойдем обратно. Мне просто понять, что у них за школа и как тренировки проходят.

Сергей ЖУКОВ

Тренер группы на самом деле оказался обмороженным «на всю голову». Начав с того, что посторонним здесь совсем не место, он едва-едва заставил себя выслушать негромким голосом произнесенное Николаем сообщение. Если честно, то я просто смеялся «про себя» как бы наблюдая «со стороны» как он обыденно и даже скучно извещает тренера группы, что он здесь находится по распо-

ряжению руководства института им. Склифосовского. А это самое руководство якобы поручило ему, как лечащему врачу едва не отправившегося на тот свет пациента, проверить все ли на самом деле хорошо, и как именно обстоит дело в этой спортивной секции.

— А это наш эксперт в области спортивных единоборств, — сказал он, показывая на меня.

Я чуть не поперхнулся от такого поворота, но фраза уже была произнесена, как говорится, дело уже сделано и мне ничего не оставалось, как просто подыграть ему.

— В нашей секции наблюдателей не бывает! — гордо заявил тренер. — Хотите посмотреть тренировку — становитесь в ряды!

— А, что, это правило утверждено районным спорткомитетом? — совершенно невинно поинтересовался Николай. — Или, все-таки, нет?

Тренер мгновенно сообразил, что его самостоятельность на поприще боевых искусств на самом деле принимают за официальную секцию, и схватился за эту версию как утопающий за соломинку.

— Ну, понимаете, — заканючил он, — конечно, официального разрешения нет, но вы же знаете, что руководителям секций дана достаточно большая свобода в выборе дисциплинарных воздействий на учеников и правил распорядка в секциях!

— Если нет прямого запрета, то все, что не запрещено, то разрешено! — Николай проявил себя недюжинным знатоком права. — Мы будем просто смотреть, хотя, — он как бы помедлил, размышляя, — хотя, вот наш человек вполне может и в рядах постоять. Сергей, ты как, не против? — обратился он ко мне.

— Нет, не против, — согласился я. — Могу и постоять.

— Вот и хорошо! — обрадовался Николай. — Тогда пусть Сергей переодевается, а мы вам не будем мешать. Занимайтесь своими делами, — подвел он итог разговора, обращаясь к тренеру.

Николай ПРИХОДЬКО

Они стояли друг напротив друга в таких напряженных позах, что в моей голове сразу же всплыли кадры из недавно виденного на закрытом показе в «Иллюзионе» американского вестерна. Но там были ссорящиеся по какому-то пустяковому поводу у салуна ковбой, тем не менее, готовые в любую секунду выхватить свои револьверы. А здесь по-другому: «нос к носу» стояли два бойца, желающие выяснить кто же из них сильнее.

Все шло вполне нормально, хотя я прекрасно видел, что по уровню своей подготовки Сергей «на голову» выше этого местного тре-

нера, о котором мне рассказывали легенды. Дескать, и человека он одним ударом убить может, и кирпичи руками ломает, и вообще — полный супермен! Но все было вполне спокойно, до тех пор, пока «наш» сам не предложил Сергею «постоять один на один». На что тот сразу же согласился. А потом все произошло в один момент. Никто не успел ничего сделать. Только «наш» попытался двинуться вперед, только он начал вздох, как молнией мелькнула выкинутая низом нога Сергея, подушечками пальцев стопы втыкаясь ему в солнечное сплетение. И все! Никто ничего не понял! Никто, кроме меня! Но я-то я врач! Мало, того, что я врач, я еще и реаниматолог, и я прекрасно знаю, что такое гидродинамический удар по сердцу в момент вдоха и к чему он приводит! Получивший удар запнулся на самом начале движения, так и не вздохнув, схватился в бесплодной попытке за горло, и мешком свалился на пол. И никто ничего не понял!

— Сергей! Быстро искусственное дыхание! — я пулей вылетел со своей скамейки около стены, подбежал к лежащему на полу телу, рывком бросил на пол стоящего рядом какого-то местного ученика, задрал ноги тренера вверх и положил их на стоящего на четвереньках и ничего не понимающего парня.

— Держи ноги вверх! — приказал я ему. — Держи, он умирает!

По всем правилам реанимации нужен платок. Но какой, к черту платок в такой ситуации!

— Двигай ему грудную клетку! Нажимай изо всех сил! — приказал я Сергею, а сам «изо рта в рот» начал делать пострадавшему искусственное дыхание. Сергей трудился рядом, и я, хоть и не видел его через свое плечо, отчетливо слышал его тяжелое дыхание. Где-то в глубине сознания билась мысль, что драгоценные секунды уходят, и даже не обратил внимания на треск сломавшегося ребра под ритмичными нажатиями Сергея на грудную клетку пострадавшего. И когда, казалось, через вечность, через минуту пребывания в состоянии клинической смерти тренер задышал сам, я почувствовал себя так, как будто отстоял подряд две смены с ночным дежурством.

— Ну, что теперь? — стараясь быть спокойным, спросил Сергей.

— Теперь ему немедленно «скорую», а нам на выход, — так же стараясь казаться спокойным, ответил я. — Немедленно. «Скорую» больной дождется и без нас, он уже вне опасности, это я как врач говорю, а вот у нас могут быть очень большие проблемы. Это я тоже как врач говорю. Поэтому на выход! — Где тут у вас телефон? — обратился я к членам группы. — Ему надо немедленно вызвать «Скорую»!

Сергей ЖУКОВ

Какое-то время мы шли молча.

— И часто вы так убиваете друг друга? — как-то холодно и отстраненно спросил он меня.

— Такое впервые, — так же сухо ответил ему я.

— Ты знаешь! — Николай остановился и повернулся ко мне лицом, — Может быть, это и впервые. Но я тебе как врач говорю — бросай ты это дело! Не кончится оно добром! В боксе хоть перчатки защитные есть, а вы же лупите друг друга голыми руками и ногами! Рано или поздно, но кто-нибудь кого-нибудь убьет. А не убьет, так покалечит! И сядет! Ты хороший парень, было бы обидно, если это произойдет с тобой. Поимей это в виду. Ладно, давай расставаться, мне на дежурство пора. Он протянул мне руку, пожал ее, и, свернув в сторону, ушел быстрым шагом.

Юрий ВДОВИН

Есть ли хорошее в плохом? А черт его знает! Но мне кажется, что все-таки есть! Ну, да, уголовного дела так и не завели, но «телегу» и мне и Кольке в институты послали. А институты отреагировали именно так. Как и положено — отчислили из студенческих рядов. Правда, мы с ним не унывали — знали, что через год трудового подвига все равно восстановимся. Мы даже заранее знали, где именно будем трудиться — и «Метла», и «Жигули», да целый ряд подобного рода богоугодных заведений считал за честь приютить нас в рядах своих работников. С гарантией выдачи на восстановление блестящей характеристики-рекомендации. А уж от клиентов просто отбоя не было! Вот это и есть хорошее в плохом. В общем, живем и намереваемся жить и дальше.

Александр ТАЮШКИН

Я сижу около иллюминатора самолета, летящего в Москву, смотрю рассеянным взглядом, практически не отмечая лежащего ниже ватного слоя облаков. Сейчас седьмое мая, а мне ох как необходимо быть дома именно до девятого мая этого, тысяча девятьсот семьдесят пятого года. Судя по всем расчетам, я успеваю к этой дате, а мне это на самом деле очень важно и необходимо. Празднуется тридцатилетие Победы, вернее, конечно, пока идут последние приготовления, но каким будет это празднование! А мой отец — Таяншкин Иван Александрович, честно прошел всю войну, весь тот большой боевой путь, и поэтому в нашей семье к празднику 9 Мая всегда относились с большим трепетом. Помню, что в Москве всегда собирались однополчане отца, он всегда приходил на эти встречи, и поэтому мне не терпелось попасть в Москву именно к этому дню. А сейчас я ехал домой, и, смотря на забайкальские пейзажи, вспоминал свою «воинскую службу».

Из культурной, опрятной Польши, проведя в Москве буквально несколько месяцев, за которые, правда, я все-таки сумел более-менее наладить структуру нашей группы каратэ, которая в соответствующих московских кругах уже имела свое имя «группа на Войковской».

Как только это произошло, пришла повестка. Ночь проводов, и вот я уже трясусь в поезде, несущемся на Восток. Служить я попал в Забайкальский военный округ, практически на границу с Китаем, до которой в ряде мест было не более десятка — полтора километров. После европейского порядка, да и после московских обычаев, я сначала даже не слишком хорошо понял, что это за место, какой именно род войск здесь квартируется, и вообще, что они все здесь делают?

Скоротать время в поезде я взял несколько книг, в том числе и томик крайне дефицитных братьев Стругацких. И вот лежу на полке, в очередной раз, перечитывая «Парень из преисподней». Читаю эти бессмертные слова:

«Ну и деревня! Сроду я таких деревень не видел и не знал даже, что такие деревни бывают. Дома круглые, бурые, без окон, торчат

на сваях, как сторожевые вышки, а под ними чего только не навалено — горшки какие-то здоровенные, корыта, ржавые котлы, деревянные грабли, лопаты... Земля между домами — глина, и до того она выжжена и вытоптана, что даже блестит. И везде, куда ни поглядишь, — сети. Сухие. Что они здесь сетями ловят — я не знаю: справа болото, слева болото, воняет как на помойке... Жуткая дыра. Тысячу лет они здесь гнили и, если бы не герцог, гнили бы еще тысячу лет. Север. Дичь. И жителей, конечно, никого не видать. То ли удрали, то ли угнали их, то ли они попрятались.

На площади около фактории дымила полевая кухня, снятая с колес. Здоровенный дикобраз — поперек себя шире — в грязном белом фартуке поверх грязной серой формы ворочал в котле черпаком на длинной ручке. По-моему, от этого котла главным образом и воняло по деревне. Мы подошли, и Гепард, задержавшись, спросил, где командир. Это животное даже не обернулось — буркнул что-то в свое варево и ткнул черпаком куда-то вдоль улицы. Поддал я ему носком сапога под крестец, он живо повернулся, увидел нашу форму и сразу встал как положено. Морда у него оказалась под стать окоркам, да еще небритая целую неделю, у дикобраза.

— Так где у вас тут командир? — снова спрашивает Гепард, упершись тросточкой ему в жирную шею под двойным подбородком.

Дикобраз выкатил глаза, пошлепал губами и просипел:

— Виноват, господин старший наставник... Господин штаб-майор на позициях... Извольте вот по этой улице... прямо на окраине... Примите извинения, господин старший наставник...

Он еще что-то там сипел и булькал, а из-за угла фактории выволоклись два новых дикобраза — еще страшнее этого, совсем уже чучела огородные, без оружия, без головных уборов — увидели нас и обомлели по стойке «смирно». Гепард только посмотрел на них, вздохнул, да и зашагал дальше, постукивая тросточкой по голенищу».

И вот на этих словах состав затормозил, заскрежетал рессорами, замедлил ход, потом снова прибавил. Опять замедлил, пару рез резко дернулся, и, наконец, окончательно остановился. Я выглянул в окно. То, что я увидел за стеклом окна, поразительно и до боли заставило сомневаться в реальности происходящего — уж больно точным было совпадение увиденного с только что прочитанными строками Стругацких. Наверное, я только сейчас по-настоящему понял, что в русском языке понимается под словом «изумиться»! Но это было настоящее, сильное, без всяких там эрзацзаместителей, изумление! Сначала я даже не мог понять, и что это за род войск, чьи его представители бесцельно и как-то потерянно бродят вокруг

состава, и что вокруг вообще происходит. Вокруг все было именно так, как и описывали в своем гениальном произведении братья. Где-то через полчаса, надсадно ревя на всю округу — китайцы могли безо всякой разведки совершенно спокойно отслеживать все наши перемещения, совершенно не отрегулированными двигателями и застилая все ближайшие окрестности иссиня-черным дымом из выхлопных труб, появилось несколько бортовых «Уралов» и весь состав в этих, с позволения сказать, «машинах» повезли со станции в расположении части.

Если честно, то, как выглядит партизанский отряд в тылу врага, я знаю только по фильмам и книгам. Но теперь я понимаю, что и в книгах, и в фильмах все сильно приукрашено и желаемое выдано за действительное. У нас, в том месте, куда мы приехали, этой показухи не было — у нас все было именно так, как в настоящем партизанском отряде. Вроде бы, это уже и настоящая воинская часть, но при всем этом так радующего глаз любого проверяющего из штаба, однообразия нигде не наблюдалось. Судя по всему, каждый боец экипировался самостоятельно в силу своего разума и в соответствии с погодой и его личным удобством. Пройдя немного по территории, я обнаружил, что часть бойцов предпочитает ходить в пилотке, а кое-кто считает, что для пилотки еще холодно и упорно донашивает зимнюю шапку. Некоторые, очевидно, по складу своего характера и склонностью к внешней показухе, шеголяли в фуражках, причем среди солдатских я заметил и несколько фуражек явно офицерского кроя. Точно такое же положение присутствовало и в верхней одежде. Кто-то ходил в шинели, кто-то в бушлате, а некоторые предпочитали телогрейки. Среди этой полной неразберихи я первый полчаса я не заметил ни одного офицера, и только несколько прапорщиков с какой-то ленцой, когда считали это нужным, регулировали процесс.

— Так, мать вашу, всем в баню! Получите у каптерщика белье. И сапоги подбирайте по размеру, а то будете потом ходить со стертymi ногами!

Солдатская баня представляла собой обычное одноэтажное здание из белого силикатного кирпича, и состояла из комнаты для раздеваний-одеваний, в торце которой было дополнительное помещение для каптерщика с грудой новенькой формы, самой помывочной с тазиками для воды, кранами, и длинными каменными то ли столами, то ли еще непонятно чего. Дверь из помывочной в стене должна была вести в парную, но, заглянув в нее, я понял, что, судя по температуре, пара в ней не было как минимум последний календарный год. Очень быстро я убедился, что хоть в моечном отделении присутствуют два крана, но температура воды в них аб-

солютно одинакова — по старику Цельсию градусов так пятнадцать, не выше. В общем, мне это было достаточно безразлично, я умею мыться холодной водой, а в Польше одно время даже увлекался моржеванием, а вот для всех остальных новобранцев это обстоятельство было весьма неожиданно и не слишком приятно.

Рядом со мной мылся белобрысый парень чуть выше меня роста с внушительными мышцами рельефной фигуры, весь внешний вид которого, говорил о том, что на гражданке он немало времени провел в спортивном зале. Парень был весьма эмоционален и большинство выражений, которыми он комментировал ситуацию, я просто не понимал. Ну, не слышал я раньше таких слов!

— Ты это о чем? — спросил его я, когда после очередной тирады, в которой он, как я мог догадаться, достаточно подробно описывал половой процесс в извращенной форме его самого со всеми командирами этой части.

— Я именно об этом! — ответил он мне. — А ты о чем подумал?

— Да, так, ни о чем, — неопределенно пожал я плечами. Я почему-то решил, что сейчас не самое удачное время говорить, что две трети услышанного мною от него я просто не понял.

— Ежливая эта жизнь! — снова взорвался парень. — И что, вот так два года! Да на хрену я видел и эту армию и всех ее флотоводцев!

Быстро закончив с помывкой, мы вышли в первое помещение и стали в очередь к каптерщику за обмундированием. Эти «солдатики» бросились в глаза нам сразу же. Их просто нельзя было не заметить, так как они стояли около самого окошка, и, заботливо взяв из рук новобранца выданную ему форму, внимательно рассматривали ее всем свои «трудовым коллективом». Осмотрев какую-либо часть формы, они некоторое время, не обращая внимания ни на солдата, ни на стоящую очередь, решали вопрос, кому из них это может понадобиться. Придя к решению, они забирали «добычу», заменяя новую вещь старьем, из разложенной на полу кучи.

— Ты видишь этих шакалов? — шепнул мне стоящий сразу за мной в очереди парень, с которым мы вместе мылись.

— Вижу. А кто это?

— Кто? «Деды», естественно. Обновляют свою форму, к дембелю готовятся.

— Ты, что, хочешь сказать, что они отбирают новые вещи и отдают взамен старье?

— А ты, что, сам не видишь?

— Вижу. Сколько их здесь?

— Семеро. Ты, что, решил с дедами сцепиться? Рисковое это дело. Можно сильно по шапке получить!

— Может, и можно, но грабить я себя не дам! Тем более, каким-то салагам.

— Какие же это салаги? Это деды!

— Да безразлично мне, кто это именно, деды или не деды. Им лет по двадцать, не более, а мне двадцать четыре, и хотя бы, поэтому они для меня обычные салаги. Поэтому это не они мне что-то там говорить будут, это я им указания выдавать буду.

— Ну-ну, посмотрим, каким ты крутым окажешься, когда до дела дойдет!

Если честно, то сегодняшний день, начиная с прибытия поезда на полустанок, разгрузку-погрузку и приезд в это неопределенное место, по какому-то недоразумению считающееся войсковой частью, все эти порядки, начиная от «бани» и заканчивая этой процедурой «переодевания», все это меня порядком вывело из себя. Я прямо-таки ощущал, как раздражение на эту фантазмагоричную ситуацию, на этот полный Кафкианский абсурд, начинает переполнять мою нервную систему и готово в любой момент выплеснуться наружу. И оно выплеснулось.

— Ну-ка, солдатик, — стоящий у окна старослужащий, заботливо потянулся к кипе выданного мне белья и формы. — Что там у нас есть?

Я молча отвел его руку, и тихо, вполголоса, сдерживаясь из последних сил, порекомендовал ему оставить меня в покое.

— Что? — на самом деле обалдел от такого открытого неповиновения дед. — Ты, что, салага зеленая, охренел от переживаний? — С этими словами он вцепился двумя руками в выданное мне имущество и сильно рванул его на себя. И вот тут меня прорвало.

Одной рукой по-прежнему удерживая выданное мне имущество, я второй от всей, как говорится души, провел настоящее, с полным кимэ сотоукэ по одной из рук. Сила проведенного блока была такова, что блок снес обе руки, причем локоть ближайшей, по которой и пришелся основной выплеск силы, как-то так тихо хрустнул. Солдат охнул, отпустил мое белье, схватился второй рукой за сустав и, не говоря ни слова, стал как-то боком-боком, пробираться к выходу из бани. «Трудовой коллектив», стоящий у окошка выдачи белья на какой-то момент замер, не веря своим глазам, а потом молча и спаянно кинулся на меня.

Почувствовав, как кто-то жестко и бесцеремонно схватил меня сзади за плечо и сейчас грубо пытается развернуть к себе лицом, я чуть повернул корпус в сторону разворачивающего меня движения, и что есть силы, ударил по этому направлению локтем назад. Развернувшись к этому солдату лицом, и используя заворот второго плеча в противоположную сторону, с максимальной концентрации

ей силы пробил короткий ой цуки в верхнюю часть груди скорчившейся фигуры. Под кулаком что-то коротко треснуло, и парень свалился на пол.

— Грудина сломалась, — как-то холодно и бесстрастно констатировал я «про себя», уворачиваясь при этом от идущего в голову удара. Ответив на него нападающему коротким, резким и очень мощным кингери, шагнул вперед на освободившееся место, я почувствовал, как кто-то попытался схватить меня сзади, но этот захват тут же исчез. А потом из-за спины раздался грохот со всей, что ни на есть силы, брошенного на бетонный пол тела. Еще шаг в сторону, чтобы избежать, возможно, уже летящего в меня удара, разворот и понял, что вовремя. Перехватил дзёдан укэ коротко схваченный в кулаке ремень с отточенной бляхой, нацеленный ударом мне точно в висок, и сразу же ответил короткой майегири в корпус. А потом, когда противник чуть отлетел назад, с какой-то не испытываемой мною ранее злобой несколько раз подряд, одной и той же ногой, практически не опуская ее на пол, начал серию. Я бил быстро, коротко и сильно чесото маваси гири — короткие круговые удары пыром ноги, подушечками оттянутых до упора назад пальцев ног. Уже после первого противник был «не жилец», но я принципиально не останавливался — применение ременных блях, тем более, специально приготовленных, должно наказываться. После каждого удара жертву бросало на стену, и он бы давно упал на пол, но следующий удар не давал ему этого сделать. Всего несколькими ударами я превратил лицо этого любителя холодного оружия в сплошное месиво из крови и переломанных костей носа, краем глаза увидел как мой новый приятель каким-то странным броском — прогнувшись назад и через грудь, отправил на пол еще одного «деда» и только после этого начал приходить в себя.

Валерий ЕРДАНОВ

Если честно, то я не ожидал, что это парень на самом деле бросится в драку. И как хорошо у него это получится! С другой стороны, семеро на одного, да еще в таком небольшом пространстве — это все-таки перебор. Первых троих дедов он, конечно, сломал без вопросов, и в прямом, и в переносном смысле, но если бы я не снял с его спины четвертого, то у него были бы проблемы. Кстати, этот мой бросок через бедро из стойки без падения, да еще на бетонный пол — хорошо получилось! В конце концов-то, я что, зря, что ли, свой первый разряд по вольной борьбе получал? А потом, когда он бил ногами по лицу этого козла с ремнем в руках — этот бросок прогибом через спину! Тоже классно получилось! В общем, все получилось хорошо — все

остальные жмутся по стенкам и никто не хочет влезать, все деды валяются на полу, а каптерщик что-то такое непонятно орет через свое окно! Ну, я не стал долго выяснять, что он там хочет или не хочет — просто просунул кулак в окошко, тоже хорошо получилось, ну эта чурка черножопая и исчезла сразу. Судя по тому, что я ему точно по губам попал, какое-то время этот урюк без передних зубов походит!

Александр ТАНЮШКИН

Я осмотрелся по сторонам, и что-то мне этот пейзаж напомнил. Такое впечатление, что все это я уже где-то когда-то видел. Вот только понять не могу, где именно. С одной стороны, нечто подобное уже, кажется было. Уже так давно, что и самому не верится — в том самом польском кафе, в Кракове, когда мы с поляками не поняли пьяных немецких туристов. Кстати, просто каким-то чудом тогда выползли из той ситуации! Нас даже полиция потом ни о чем не спрашивала, наверное, ей на самом деле никто из поляков ни про каких русских не говорил, а все слова немцев посчитали просто бредом и наговором. С другой стороны, тел сейчас тоже вокруг нас лежало предостаточно, но антураж точно был не тот. Не было в нем изысканности той польской средневековой утонченности!

— Ладно, подумал я, — потом как-нибудь разберемся. С этим-то сейчас, что делать?

— Валерий! — протянул руку мой новый знакомый. — Ерданов, — добавил он.

— Александр Танюшкин, — ответил я ему.

— Классно работаешь! Откуда сам-то?

— Из Москвы. А ты?

— А я из Гомеля. Слышал о таком месте?

— Конечно! Это Белоруссия.

— Точно, — проговорил Валерий, рассеянно осматриваясь по сторонам. — Ну, что, салаги! Видели? — спросил он по-прежнему жмущихся по углам раздевалки остальных солдат нашего призыва. Ответом было угрюмое молчание.

Валерий ЕРДАНОВ

— Повторяю: вы видели, что здесь сейчас было? — громко, почти крича, спросил я толпу баранов.

— Ну, видели. И что из этого? — нехотя буркнул кто-то из толпы.

— А то, что дедов и можно, и нужно бить! Или они нас, или мы их. Но если мы объединимся всем призывом, дружно будем стоять

каждый за другого, то никто ничего нам не сделает! Вы понимаете? Нам надо объединиться призывом и не бояться лупить дедов в ответ. Тогда никто из них ничего нам не сделает! Вы меня понимаете?

— А зачем?

— Что зачем? — не понял я.

— А зачем биться с дедами? — снова повторил этот же голос. — Дедовщина есть везде, и была везде, надо просто перетерпеть первые полгода, а потом придет новый призыв, и уже мы сами будем ими командовать. Не нами эти порядки заведены, не нам их и отменять!

— Что? Ты хочешь полгода добровольно пахать на дедов и подставлять им жопу по первому их требованию! Я тебя правильно понял?

— Так всегда было. Надо просто переждать, а потом мы сами будем командовать над другими.

— Так, понятно, — протянул я, уже понимая, что с нашим призывом организовать общий отпор дедам вряд ли получится. — Остальные тоже так же считают?

В ответ, как говорится, была тишина.

— Что ж, понятно, Саш, — обратился я к своему новому знакомому, — тебе понятно?

— Да, понятно, понятно. Придется самим и вдвоем.

— Вы, только, два богатыря, не надорвитесь, со всеми дедами-то бодаться! — раздался откуда то из толпы насмешливый голос. — То же мне, Добрыня Никитич и Алеша Попович! Посмотрим, что с вами сейчас в казарме сделают!

— Слышь, козел драный! Это кто там такой смелый? Ну-ка, выйди сюда! Хочу посмотреть на тебя, на такого умного! Может, заодно еще и с дедами против нас драться будешь?

По толпе новобранцев прошло какое-то непонятное колебание, но никто к нам не вышел.

— Ладно, Саш, — обратился я к москвичу, — будем держаться всегда вдвоем и друг за друга!

— Так и будем, — на удивление спокойным голосом ответил мне он. — А за этих трусливых козлов и пальцем не шевельнем!

Капитан ВОЕЙКОВ

О произошедшем в бане я узнал от старшины как раз в тот самый момент, когда просматривал личные дела вновь поступивших новобранцев.

— Товарищ командир! У нас ЧП.

— Что именно?

— Восемь человек в санчасти, из них четверых отправляют в госпиталь, у остальных травмы средней тяжести, можно обойтись и без госпитализации, в санчасти все сделают.

— Старшина! — медленно поднимаясь из-за стола и начиная наливать злостью, прошипел я. — Я тебе, старому козлу, сколько уже раз говорил, что твоя опора на дедов в роте рано или поздно приведет к последствиям! Я тебе говорил это?

— Говорили, товарищ командир.

— Я тебе говорил, что эти твои тупые и безголовые беспредельщики рано или поздно выкинут такое, что сами пойдут в штрафбат, а мы с тобой в запас? Ты, что, старшина, под трибунал вместе со своими любимчиками захотел? Или ты по гражданке соскучился? На работу пойти захотелось? А? Я тебя, старшина спрашиваю! Отвечай!!

— Никак нет, товарищ командир, не хочется. Только вот деды мои здесь ни при чем.

— Это как это ни при чем?

— Они, что, сами между собой передрались? Или ты хочешь мне сказать, что это их так салаги отколошматили? — я даже рассмеялся, так меня развеселила эта гипотетическая возможность.

— Так точно, товарищ командир, — отрапортовал старшина.

— Что, так точно!!? — передразнил я его. — Из-за чего эти урюки между собой сцепились? Травку из дома не поделили?

— Никак нет, товарищ командир. Травка ни при чем. Это их так салаги отметили!

Некоторое время я молчал, усваивая услышанное.

— Старшина, — осторожно спросил я его, — ты точно с утра ничего не принимал на грудь?

— Ничего, — со вздохом ответил мне он. — Но их двое молодых из тех, что только что прибыли с эшелонам так отделали. Прямо в бане, на выдаче белья.

— Те, как обычно, обмундированием менялись?

— Как обычно. А эти возмутились. Вот и получилось.

— Ты хочешь сказать, что двое салаг так отмудохали восьмерых дедов, что теперь четверых надо везти в госпиталь, а еще четверым отлеживаться в санчасти?

— Так точно. Именно так.

— И кто же это у нас такие витязи?

— Танюшкин и Ерданов.

— Ладно, иди пока, разбирайся с молодыми в роте, а я пока посижу, личные дела их полистаю и подумаю, что со всем этим нам с тобой делать.

Это я правильно сказал — «нам», потому что теперь и мне, и старшине ответ держать один. И думать, как из этого дерьма вылезать, тоже нам вдвоем.

Правда, старшина так и не успел от меня выйти, нас обоих попросили прибыть в казарму. Обстоятельства попросили.

Валерий ЕРДАНОВ

Слухи всегда быстрее людей. Даже тогда, когда, вроде бы, и некому их принести — все участники и свидетели на одном месте, и никто никуда не уходил. Тем не менее, когда мы строим вошли в казарму нас уже ждали. Встреча была организована по всем правилам и на высоком уровне. На уровне всех имеющихся в казарме старослужащих. Едва мы поднялись на второй этаж и сделали несколько шагов по широкому проходу, с обеих сторон которого стояли двухрусные кровати, как отовсюду начали выходить уверенные в себе солдаты с мрачными лицами. Остальные молодые, с которыми мы приехали, как-то отшлынули назад, оттесняясь в торец здания, и через десяток секунд мы с Александром уже стояли в полном одиночестве. Перед нами толпилась порядочная группа старослужащих. Русских среди них было мало, но таковые тоже имелись, и выражение их лиц говорило о том, что национальные причины рассматриваться не будут. Первым атаковал, судя по его виду, кавказец. Подскочив к Александру и попытавшись ударить его прямым ударом руки в голову.

Александр ТАНИЮШКИН

Я был абсолютно уверен, что дракой в бане дело не кончится, и внутренне был готов к продолжению «разговоров о жизни». Правда, я не ожидал, что это продолжение будет таким скорым. Стоящая перед нами толпа на самом деле смотрелась весьма грозно и внушительно. Это были уверенные в себе люди, спаянные достаточно продолжительным временем, общими интересами и сейчас они честно их отстаивали, на которые посягнули двое каких-то непонятных для них пришельцев. Драка началась сразу и без предварительных разговоров. Правда, с моей точки зрения специалиста по поединкам, деды начали ее тактически неверно. Скорее всего, они просто смяли бы нас своей массой, если бы кинулись в атаку все сразу, толпой. Но по какой-то причине первым начал атаку одиночка. Может быть, он был лидером среди дедов, и ему надо было поддерживать свой авторитет, может быть, ему просто больше других хо-

телось крови — я этого уже не знал. Когда он подскочил ко мне и «с лету» попытался ударить кулаком в голову, то я просто мягким отводящим блоком отвел удар в сторону, сам немного сместился в эту же сторону. Потом поднял колено вверх, «киай», резкое, сильное концэцу с максимальным кимэ, и колено атакующего меня деда ломается как простая спичка! Дикий крик, невольно вырвавшийся из горла кавказца, парализовал остальную толпу ровно настолько, сколько секунд понадобилось Валерке, чтобы добраться до стоящих около каждой кровати табуреток. Дед еще не успел упасть без сознания на пол, как в остальную толпу начали лететь бросаемые им со всей, что ни на есть силы табуретки.

Вот чего-чего, а физической силы у Валерки было явно в избытке. Да и древние еще утверждали, что метательные средства — это страшное оружие, что было блестяще подтверждено тем же самым Архимедом. Летящие в толпу метательные снаряды современности на самом деле и сейчас производят страшный разрушительный эффект. Каждая брошенная табуретка выбивала не менее одного, а то и двух дедов, и они просто не могли подойти к нам на расстояние рукопашной схватки. Но наступил такой момент, когда все табуретки вокруг нас были израсходованы.

Валерий ЕРДАНОВ

Я схватил табуретку в руки и полетел вперед — я прекрасно понимал, что только таким образом мы сможем что-то «поймать» при таком раскладе. Глаза налились кровью, в ушах гремел боевой клич, который, скорее всего, раздавался из уст идущих в атаку моих славянских предков, и, орудуя табуреткой как палицей, топором, булавой и вообще всеми остальными видами рубящего и ломающего кости оружия я пошел вперед на оставшихся и уже немного деморализованных дедов. Я бил табуреткой во все стороны, не разбирая куда именно, и по каким частям тела попадаю! Мне это было абсолютно все равно!! Время от времени я сам пропускал удары, но выброс адреналина был в таком количестве, что все эти удары мне были абсолютно безразличны. Я просто не чувствовал их, не ощущая вообще ничего. Я был, как будто прикрыт тяжелой броней доспехов, о которые разбиваются все удары врагов. Только на одну секунду, практически прорубив себе «коридор» в окружающей меня толпе, я остановился, чтобы посмотреть как там дела у Александра. И, честно скажу, увиденное поразило меня еще больше, чем-то, что я видел в бане.

Вы когда-нибудь видели ветряную мельницу в действии? Нет? Вот и я тоже до этого не видел. А сейчас она сама кружилась свои-

ми лопастями в нескольких метрах от меня. То, что сейчас выделял Александр, было просто завораживающе! Он то крутился вокруг своей оси, выбрасывая ноги по всем мыслимым и немыслимым траекториям, то перемешивая круговые удары с прямыми, то специально подпускал противника к себе в ближний бой, но только лишь для того, чтобы в следующую секунду свалить его на пол сильнейшим ударом кулака или ребра ладони. Я, например, впервые видел такую технику драки, это было что-то вообще новое и никогда мною не виденное. Постепенно перед ним образовывалось точно такое же пустое пространство, как и передо мной с моей табуреткой, с которой кровь уже не капала, а просто лилась тонкой струйкой.

— Вперед, добивай! — выкрикнул я, и рванулся в атаку. Стоящие передо мной люди предложения не приняли, и, глядя на стекающую с табуретки кровь, просто расступились. И тут я понял почему. Вы когда-нибудь монстров видели?

Александр ТАЮШКИН

Судя по внешности, этот парень был азербайджанцем. Я видел достаточное количество людей, но таких здоровых еще никогда — абсолютно точно. Мало того, что он был как минимум на две головы, а то и больше выше меня ростом, он был еще и шире меня в плечах — сантиметров на двадцать на каждое, а у меня самого плечи совсем не узенькие! Этот монстр, с весом ну никак не менее ста пятидесяти килограммов до этого момента участия в драке не принимал — он просто стоял в задних рядах дедов и с каким-то не очень здоровым, я бы даже сказал, тупым безразличием наблюдал за происходящим. Была в нем какая-то не активная вялость, инфантильность, что ли! Короче, вел он себя в этой ситуации как-то странно пассивно. И вот, расчистив для себя коридор от всех остальных, я очутился лицом к лицу с этим горилообразным представителем человечества. Его маленькие глазки внезапно вспыхнули каким-то огнем, так, как будто он только что и впервые меня увидел, было видно, что «фокус его взгляда сошелся» на мне, и он медленно пошел на меня, широко расставляя в стороны свои здоровенные ручки, как будто желая меня ими схватить. В общем, в ближнем бою даже при моих габаритах и весе и силе моего удара, мне с ним делать было абсолютно нечего! У меня в этих условиях не было бы ни одного шанса! Он как на самом деле медведь, просто перемолотил бы меня в своих руках. И вот именно для таких ситуаций в каратэ и существует прыжковая техника.

Вообще-то, я оценивал наших с Сашей противников именно как «ублюдков». Есть у меня такая своеобразная личная шкала оценки человека в зависимости от его личных качеств и порядочности. Но, наверное, и ублюдкам все-таки присущи некоторые человеческие черты. Такие, например, как признание права на бой «один на один» в некоторых ситуациях. Вот и сейчас так получилось, что, признав Александра в нашей паре за «основного», вся эта толпа дедов расступилась, давая ему возможность сразиться «один на один» с этим азербайджанским монстром. Если честно, то я не представлял, как ему бы это могло удаться. Но ему удалось, причем, на удивление быстро и просто. Я сам борец, и знаю, какую роль в поединке играет техника, и, увидев, что именно произошло, прекрасно понимаю, что бой Саша выиграл исключительно и только потому, что блестяще владел техникой этой неизвестной мне борьбы.

Все произошло быстро и просто. Азер пошел вперед, расставляя в стороны руки, а Саша просто побежал ему навстречу, и когда между ними было уже не более двух метров, и эта горилла уже предвкушала, как будет ломать ему кости в своих медвежьих объятиях, Саша внезапно выпрыгнул вверх. Сначала он резко выкинул вверх согнутую в колене ногу, взмыл в воздух, передернул, я так и не понял, как именно, ноги, завернул плечи, перевернулся в полете к горилле спиной, а потом резко и мощно распрямил обе ноги навстречу ищущей на него туше. Звук удара подошв обоих сапог о грудь азербайджанца в полной тишине казармы прозвучал оглушительно звонко. Даже не звонко, а гулко, так гулко, как ежедневно стреляет пушка у Петропавловской крепости в Ленинграде каждый полдень. Бум! И все! Две силы столкнулись и разлетелись в разные стороны. Только Саша приземлился на руки и тут же встал на ноги, развернувшись в почти танцевальном движении к своему противнику, как азербайджанец полетел назад, в открывающуюся в этот самый момент дверь кабинета командира роты.

Капитан ВОЕЙКОВ

Некоторое время мы со старшиной прислушивались к тем звукам, что доносились до нас из-за закрытой двери моего кабинета в казарму.

— Старшина! Что там такое происходит? — почему-то шепотом спросил его я.

— Товарищ, капитан! Я не знаю, но мне кажется, что там идет групповая драка.

— Старшина, ты в своем уме? Ты хочешь сказать, что эти двое новобранцев дерутся, но на сей раз уже со всей казармой? Ты вообще-то, как себе это все представляешь?

— Я не знаю, но вы сами-то послушайте!

Я прислушался. Посмотрел на старшину, который тоже слушал и пытался понять, что же на самом деле происходит «там», и отчетливо понял, что да, за дверями моего кабинета на самом деле идет групповая драка. Я это слышал, но я это не мог воспринять! Ну, просто потому, что не могут два человека драться со всем призывом. Это невозможно! По все законам драки невозможно. Шум за дверями затих, и в казарме все смолкло.

— Товарищ капитан! А, может, пойдем, посмотрим?

— Правильно, — принял я решение. — Что за бардак в моей роте! Я не понимаю, что здесь происходит!

Я встал из-за стола, подошел к двери, открыл ее, и в этот самый момент какое-то здоровущее тело влетело в открывшийся проем, сметая на пол и меня и старшину.

Валерий ЕРДАНОВ

— Рота, смирно! Командир роты на выход! — проорал со своего поста дневальный, и в казарму вошел незнакомый мне высокий худой майор.

— Ого! Вот это да! — только и смог он сказать, рассматривая открывшуюся перед ним картину. — Здорово! Много чего видел, но такое впервые! Так, где командир роты?

— Командир роты на выход! — еще раз надорвался дневальный, в кабинете ротного послышалась какая-то возня, и через несколько секунд несколько помятый капитан выскочил в коридор. Увидев майора, он как-то сник, как будто из надутого праздничного шарика вдруг выпустили весь закаченный в него воздух, и молча стоял перед ним, повесив вниз голову.

— Капитан! — с каким-то недоумением произнес вошедший офицер, — у тебя, что здесь происходит? Ты здесь, что, соревнования по рестлингу организовал?

Капитан стоял и по-прежнему молчал.

— Ротный! Черт бы тебя побрал! Я тебя спрашиваю, что здесь происходит?

— Коллективная драка, товарищ майор, — наконец-то выдавил из себя капитан.

— Вижу, — сухо ответил ему майор, и подошел к «тумбочке» дневального, на которой стоял телефон.

— Алло! Дежурный по части? Начальник особого отдела дивизии майор Водопьянов. Поднять по боевой тревоге свободную смену караула и прислать ее к артиллерийской роте. Оцепить здание и никого из личного состава не выпускать. Да, с командиром дивизии я все сейчас согласую.

— Алло! Товарищ генерал-майор! Начальник особого отдела дивизии майор Водопьянов. В дивизии ЧП — коллективная драка с тяжелыми последствиями в артиллерийской роте. Прошу вас отдать приказание дежурному по части прислать свободную смену караула для охраны места ЧП и весь свободный медицинский персонал из санчастей гарнизона и госпиталя для оказания медицинской помощи пострадавшим. Да, большое количество пострадавших, судя по первичному осмотру места происшествия, есть в тяжелом состоянии. Да, товарищ, генерал-майор. Как только разберусь, сразу же буду у вас с докладом. Есть, товарищ генерал-майор! Капитан! — особист повернулся к командиру роты, — вот этих, — он рукой указал на дедов, — изолировать вон в том углу казармы, стоять рядом и пресекать все их разговоры между собой, эти двое — он показал на меня с Александром, — как только прибедет караул, врачи идут со мной. Ясно, капитан?

— Так точно, товарищ майор!

— Товарищ майор! — в дверь казармы влетел старший лейтенант с автоматом наперевес, — свободная смена караульной роты под командованием старшего лейтенанта Вострякова по вашему приказанию прибыла! Готовы выполнить ваши приказания!

— Вот этих — майор указал на дедов, — кто цел, под охраной на губу впредь до моего прямого распоряжения. Для врачей организовать лечебный процесс на месте, учитывая, что все находящиеся в казарме солдаты срочной службы задержаны. Кто будет нуждаться в госпитализации — в госпиталь, и под охрану, они арестованы! Пока вы здесь, товарищ старший лейтенант, во время моего отсутствия будете за старшего! Как только я прибуду — доложите обстановку. Вы меня поняли, товарищ старший лейтенант?

— Так точно, товарищ майор!

— Выполняйте. Вы, двое, — он указал на нас, — вы со мной!

Майор ВОДОПЬЯНОВ

Выходя с новобранцами из казармы, я в последний раз, уже из дверей, бросил взгляд назад, и, наконец, понял, что же мне все это напоминает. Ну, конечно же, картину Верещагина «Поле битвы по-

сле битвы»! Так же живописно наваленные на всей площади тела в самых разных позах. — Да, улыбнулся я «про себя», — где только в наше время не столкнешься с прекрасным!

Александр ТАНИУШКИН

За свой первый день службы мы с Валерием умудрились познакомиться практически во всем командованием дивизии — начиная от уже бывшего ротного, и заканчивая самим генерал-майором, командиром дивизии. Знакомство с офицерским корпусом шло по нарастающей — ротный, уже новый. Командир батальона с начальником штаба, батальонный особист, штаб полка — замполит, начальник штаба, командир полка, начальник особого отдела полка. Потом все то же самое на дивизионном уровне. В общем, к вечеру уже вся дивизия знала, кто такие Танюшкин и Ерданов. И как одну обязательную особенность я замечал, что на каждой такой встрече на столе беседующих с нами офицеров в обязательном порядке присутствовали две папочки наших личных дел. Не скажу, что нас эти беседы сильно беспокоили — я, например, чувствовал свою правоту в обеих ситуациях, а вот Валерка по первому времени здорово нервничал.

Майор ВОДОПЬЯНОВ

На самом деле редко когда так получается, что утром дело открыто по факту, а уже вечером все материалы дознания переданы в военную прокуратуру. В связи с полным «раскрытием дела».

— А что, солдаты, — обратился я к бойцам, — за делами-то и завтрак, и обед пропустили? Есть-то, небось, хочется?

— Да, в общем, было бы неплохо, — согласились солдаты.

— Ну, тогда поехали. В солдатской столовой все мероприятия уже давно закончились, да и на довольствие вас наверняка еще никто не поставил, поэтому поедом в офицерскую. Я договорюсь.

В офицерской столовой на самом деле никаких проблем с двумя лишними порциями не возникло, и никто ни из еще не доужинавших офицеров, ни из обслуживающих их официанток не удивились тому факту, что за одним столом с начальником особого отдела дивизии ужинают два только что прибывших в часть новобранца. И те, и другие вообще старательно делали вид, что рядом со мной никого нет, а если кто-то и есть, то они их не замечают.

— Ну, что парни, — обратился я к солдатам, когда первое блюдо было съедено, и мы приступили ко второму. — Дали же вы сегодня всем шороху! На самом деле дали!

Новобранцы как-то смущенно переглянулись между собой, несколько тревожно, правда, пожали плечами и промолчали.

— Чего молчите-то, как девицы красные? На самом деле отличились! Будь моя воля, я бы вас за это дело сразу к медали либо «За храбрость», либо «За отвагу» представил, но это вам не угрожает. К сожалению, — добавил я. — Вам даже благодарности в личное дело не занесут, хотя надо бы. Вы вообще первые за последние три года салаги, кто осмелился дедам отпор дать. До вас только один призыв был, из Краснодарского края, казачки, но их с десятков человек был, и все из одной станицы. Вам-то потруднее пришлось. Ну, ничего, зато теперь вы будете здесь в почете и уважении! Теперь вас ни один дед тронуть не осмелится. Вы уж мне поверьте, я многое, что видел!

— А почему на каждом столе перед каждым командиром лежали наши дела? — вдруг спросил Ерданов.

— А что же тут непонятного? — удивился я. — Командир вас впервые в жизни видит, надо же ему знать, с кем он разговаривать будет! Вот и просматривает перед встречей ваше личное дело.

— И какое же впечатление наши дела производят? — спросил, молчавший до этого момента Танюшкин.

— Странное, — честно ответил я. — Ну, у него-то, — я показал на Ерданова, — все, как и у всех, а вот ты-то, зачем в армию подался? Именно это никто понять не может.

— Как зачем? — удивился Танюшкин. — Призвали и пошел. Что здесь такого необычного?

— То, что вообще призвали, — честно ответил ему я. — Уж больно биография у тебя специфическая.

— Да, какая есть. Я в ней ничего необычного не вижу.

— Да! — хохотнул я. — Ладно, не хочешь, не говори, твое право, в общем-то. Только окружающих за дураков не держи. И все будет хорошо. У нас идиотов, конечно, хватает, но и умных тоже достаточно, — подмигнул я ему. — Особенно в особом отделе! Ладно, поели, давайте в казарму, вас там разместят, а с завтрашнего дня служба. Как и у всех остальных. Но я с вами еще встречусь, еще поговорим!

Александр ТАНЮШКИН

Мне двадцать четыре года, и, учитывая все то, через что я прошел за это время, я, естественно, был посильнее любого деда и физически и психологически. Поэтому, когда мы с Валерием зашли в нашу казарму, и обнаружили, что на одну треть она пуста — все деды к этому времени были либо в госпитале, либо на губе, я ничуть

этому не удивился, и воспринял ситуацию абсолютно спокойно. Даже равнодушно.

— Дневальный! — обратился я к солдату, стоящему на небольшом возвышении около двери. — Где наш взвод, и кто командир?

Из глубины казармы вышел сержант, и, поблескивая свежим синяком, сказал: «Пошли, я покажу, где вы будете спать».

— Слышь, сержант, — вдруг обратился к нему Валерка, — если вдруг я среди ночи проснусь от того, что кто-то от меня чего-то хочет, то вот лично ты просто синяком уже не отделаешься. Ты меня хорошо понял?

Сержант сверкнул взглядом, но промолчал.

— Сержант, — не отставал от него Валерий, — я не слышу ответа! Ты меня понял?

— Понял, понял, — буркнул сержант, — никому вы больше не нужны, и так всем хватило.

— Ну, вот, и хорошо, — язвительно ответил ему мой дружок. — А, то, мало ли чего! Вдруг, какие непонятливые обнаружатся!

Первую ночь мы все-таки спали «вполглаза» — так, на всякий случай, но все на самом деле было тихо и спокойно. На второй день для пополнения личного состава в роту перевели несколько десятков старослужащих из других подразделений, но они вели себя подчеркнуто индифферентно, так, как будто не замечали рядом с собой ни меня, ни Валерку. Впрочем, наш призыв «трудился» как небольшой рой пчелок, выполняя кроме своих непосредственных «воинских» обязанностей, трудовую повинность по обслуживанию старослужащих. Наш призыв застилал за ними постели, стирал и гладил обмундирование, в общем, делал все то, что и положено делать молодому солдату в первый период его службы.

Майор ВОДОПЬЯНОВ

Работа хорошего особиста имеет много нюансов. Конечно, в первую очередь, он именно особист, то есть, военный контрразведчик, чьей задачей является пресечение работы разведок других государств во вверенной его попечению части. Но в задачи особиста входит не только это. Он и военный оперативник, осматривающий место совершения преступления, и военный дознаватель, опрашивающий всех причастных к событию лиц. В общем-то, по Уставу гарнизонной службы и в соответствии с уголовным кодексом РСФСР, функции дознавателя возложены на командиров частей, но какие из них на самом деле дознаватели. Для того чтобы разобраться в произошедшем, надо не только знать тонкости науки опе-

ративно-розыскной деятельности, не только знать, как производить осмотр места происшествия, но и уметь допрашивать людей! А это тоже наука! Еще, кстати, очень даже та еще наука!

Командир части — он, в первую очередь, строевой командир, знающий как развернуть подразделение в атаку и как грамотно организовать оборону. Он — именно военный. Военный, чьей работой является война, проведение боевых действий. И больше ничего. И при чем здесь еще такой специфический род деятельности, как дознание, лично мне совсем не понятно. Скорее всего, это идет от принципа единоначалия — раз ты командир, то, значит, и отвечаешь по полной программе за все, что происходит у тебя в части. А посему — вот тебе для полноты власти еще и функции дознавателя. А это неправильно. Не зря же ведь есть в армии еще и замполиты. Каждому, как говорится, своя морковка. Командир — организует боевые действия, его главной задачей есть достижение победы при наступлении и недопущение разгрома при обороне. И все. Замполит — это, чтобы боевой дух у личного состава был на высоте, да, чтобы никто не сомневался в руководящей и направляющей роли и организующей силе. И тоже все. А вот мои обязанности — это как раз, в том числе, кроме первичной работы по чисто уголовным преступлениям, до приезда следователя военной прокуратуры, заключаются в выявлении тех, кто в этой руководящей и направляющей роли и организующей силе все-таки сомневается.

Если такой вот боец просто «про себя» сомневается, то это еще ничего, сейчас таких сомневающихся хватает, особенно из интеллигенции, да и вообще из числа тех, кто еще у нас не окончательно свои мозги пропил и думать не научился, это не слишком страшно. Хотя и неприятно, а посему такая личность у меня всегда «на крючке» и на подозрении, и время от времени проверяется на «вшивость». Что такое вшивость? А вшивость — это уже серьезно! Вшивость, это когда такой вот «умник», не дай Бог, конечно, начинает этими самыми своими сомнениями от полноты своей широкой русской души с соседями по казарме или по офицерскому общежитию делиться. Это уже серьезно. Это как раз ко мне. Я бы даже сказал, что для особиста эта задача — главная. Потому, что проникновение вражеского лазутчика с целью хищения ТТД пушек, и прочих ракетно-артиллерийских систем, стоящих на вооружении в дивизии является вероятностью чисто теоретической. По той простой причине, что эти самые ТТД давным-давно описаны во всех учебниках артиллерийского дела. А «секретные» планы развертывания части по объявлению всеобщей мобилизации никому не нужны, потому, что все, что сейчас по этой теме лежит в сейфе командира дивизии,

в такой вот по-настоящему момент «Х» будет отменено и «сверху» спустят настоящий план развертывания. Потому, что такие планы на самом деле являются секретными, и никто не будет рисковать возможностью, что особый отдел за прошедшее мирное время немного расслабился и план все-таки прошляпил. Поэтому, так, на всякий случай, его и меняют на совершенно новый, и, не исключая такой возможности, прямо по своей направленности противоположный.

Так вот, выяснили мы, что для особиста «завшивленность» личного состава части и есть основная головная боль. А если это основная головная боль, то решение этой проблемы и есть главная боевая задача. А как решить эту боевую задачу? Решается этот вопрос только одним способом. И способ этот единственен, универсален и всеобщен. Везде во всем пространстве и во все времена. Абсолютной осведомленностью называется. Информация вообще сама по себе — страшная по силе воздействия штука. Почти как красота и абсолютное оружие. Хотя, на мой взгляд, абсолютное оружие, не говоря уже о красоте, наверное, все-таки послабее будет.

И как же бедному, но умному особисту добиться такой абсолютной осведомленности? Только одним способом — особым, я бы даже сказал, всеобщим полным и не подвластным никаким сомнениям доверием к нему, особисту, окружающего его как личного кадрового состава всей дивизии, так и сопровождающего ее мирного гражданского населения. Типа вольнонаемных на кухне поваров, официанток в офицерских столовых, писарей в штабах различных уровней, ну, и так далее. Раз на таком уровне доверие существует, то всегда найдутся люди, которые в случае чего придут к умному и все понимающему особисту и поделятся своими сомнениями относительно кого-либо и подозрениями насчет чего-либо. А если и не придут сами — мало ли какая ситуация, и как обстоятельства складываются, то позвонят и сообщат. Даже если и не сразу, потом — все равно хорошо, все равно это поможет и никуда это доброе дело не денется.

Но такое вот, я бы его определил, как всепоглощающее доверие, надо заработать, его надо заслужить. И не словами, такое доверие словами не зарабатывается. Такое — только делами. Вот, например, сообщает мне солдатик, которого я, спасая от злых делов в порядке борьбы с неуставными отношениями, из казармы служить на холодильник перевел, что готовятся к списыванию две тонны свинины и полторы говядины. В связи с их некондицией по причине нарушения температурного режима хранения. Не хорошо это, неправильно. Я о нарушении условий хранения, конечно. Что в этом случае

сделал бы не слишком умный особист? Ну, как что? Поднял бы шум, дал бы рекомендацию командиру части отстранить от исполнения обязанностей начальника холодильника, отправил бы представление в военную комендатуру о возбуждении уголовного дела по соответствующей статье УК «халатность». А потом получил бы из своего вышестоящего подразделения благодарность за проявленную бдительность. И все. Потому, что и уголовное дело о халатности, расследуемое военной прокуратурой, его уже более не касается, да и само уголовное дело уже закрыто, так как проведенные гистологическая и биологическая экспертизы показали, что мясо испортиться еще не успело и вполне пригодно к употреблению. Во как!

А что сделал бы умный особист? А умный особист в этой ситуации вообще бы ничего не стал делать. Только попросил бы солдата с холодильника никуда из поля зрения не пропадать и ежедневно докладывать обо всех изменениях в ситуации. И вот настает момент, когда всеми уполномоченными комиссиями мясо твердо признается не годным к употреблению в пищу, когда все соответствующие в таких ситуациях акта подписывают начпродом, потом зам по тылу, когда начальнику склада командованием выносятся взыскание, и акт об утилизации протухшего мяса подписывается, наконец, всей комиссией во главе с командиром дивизии. Или его замami по тылу и продовольствию. А умный особист молчит и по-прежнему ничего не делает. Только вот аккуратненько копии всех документиков собирает. И ждет! И, в конце концов, дожидается! Тухлое мясо на одном складе держать со свежим совсем никак нельзя, его вывозят на свалку. Она почему-то оказывается холодильниками нескольких солдатских и офицерских столовых гарнизона, что и отмечает неожиданно появившийся особист во главе компании из еще нескольких таких же особистов. Так, на всякий случай! Мало ли чего! А после этого начинается самое интересное.

Опять-таки, что сделал бы в таком случае не слишком умный особист? Правильно! Он передал бы стопроцентно доказанное им дело о хищении в военную прокуратуру на предмет дальнейшего его расследования. Получил бы благодарность в личное дело, какое-то поощрение по служебной линии и продолжал бы спокойно служить дальше. А что сделал бы умный? А умный бы тихо-тихо, так, чтобы ни одна живая душа из числа посторонних, не имеющих к этому нашему личному и внутреннему делу никакого отношения, ничего бы не узнала, провел бы свое собственное, почти семейное расследование. В очень узком кругу из числа причастных к хищению и нескольких принимавших участие в захвате особистов. Доказал бы вину каждого, пожурил, вошел бы в положение, понял все трудности

жизни, ну, естественно, документально все оформил, под личную роспись под признанием, сдал бы в качестве закрепления признания вещественным доказательством мясо на ответственное хранение на склад глубокой заморозки, простил и отпустил. И обзавелся бы еще несколькими личными информаторами о текущей жизни дивизии и гарнизона на разных уровнях власти. Что для особиста очень и очень важно и нужно. Потому как именно на таких вот информаторах и держится абсолютная осведомленность особого отдела о том, что на самом деле происходит в дивизии и в ее гарнизоне, кто чем дышит, что делает, и кто о чем и что именно думает!

Только вот есть во всем этом деле еще один нюанс и еще одна подробность. И заключаются они в том, что все люди разные. Как это ни печально. Хотя, может быть, это даже и неплохо! Если коротко, то одни люди с радостью соглашаются на информирование — по самым разным причинам, а некоторые — ну, ни в какую! Тоже по самым разным причинам и соображениям. И хороший особист должен практически сразу же, почти мгновенно определить, к какой категории относится стоящий перед ним человек. Потому, как от этого зависит и стиль с этим человеком общения.

Я — хороший особист. Наверное, даже очень хороший, почти талантливый. Что, кстати, неоднократно было признано всеми моими вышестоящими начальниками и преподавателями в Высшей школе КГБ. Те, правда, предпочитали осторожно ограничиться характеристикой «подающий большие надежды». Но, все-таки, я хороший особист, и поэтому я с первого взгляда понял, к какой именно категории относятся эти два новобранца. Понял, и не сделал ни единой попытки их завербовать. Зачем, когда и так понятно, что все свои проблемы они будут решать сами, без привлечения моей персоны, а вот пользу от них можно будет получить только в том случае. Если просто с ними подружиться. Да, да — подружиться. Потому, что особист единственный офицер, который может просто дружить с солдатом. И польза от такой дружбы обоюдная, даже если солдат принципиально не информирует своего друга из особого отдела о «делах солдатских». Дружба дружбой, а стукачество — западло! И я, кстати, такую позицию тоже понимаю. Понимаю, принимаю, и уважаю! Вот так! Потому, что я — хороший особист!

Александр ТАЮШКИН

Я рассеянно смотрел, как только что вернувшийся в часть из «учебки» Валерка Ерданов отжимается на кулаках, и ощупывал письмо от Шефталы, размышляя вскрыть его сейчас или же все-та-

ки немного с прочтением подождать, как в спортивный зал вошел начальник особого отдела дивизии подполковник Водопьянов. Вообще, за эти полгода, что я находился в части, произошло много изменений. Начиная с того, что Валерка Ерданов через несколько дней после нашего с ним совместного «начала службы», напутствуемый словами особиста: «таким людей надо расти», был отправлен на полгода в сержантскую школу получать специальность «артиллерийский разведчик», из которой он только что вот вернулся бравым сержантом. Продолжение было в получении особистом очередного звания «подполковник», и организация им специально «под меня» спортивного зала, в который тренироваться под моим руководством ходило вполне достаточное количество офицеров дивизии. При всем этом, никто меня от текущей службы не освобождал, и я, так же, как и все остальные солдаты срочной службы участвовал вместе со своим взводом на учениях, попутно закаляясь физически еще больше. На полевых занятиях, я, как и все остальные, разгружал по три тонны боеприпасов с каждого КАМАЗа, вдвоем перетаскивая по 50 ящиков с минами весом по 60 кг каждый. При необходимости вынимали покореженные мины, выкручивали детонаторы и заряжали специальную машину для их «посева» в землю. Потом снова загружали ящики на КАМАЗ. И так по несколько раз в день. При погрузке один снизу подавал ящики в кузов, а второй их устанавливал вплотную друг к другу. Неудивительно, что после таких учений мышцы становились все суше, а форма очень быстро становилась велика. Моя голень, когда-то с трудом входившая в сапог, после недели таких упражнений просто болталась в сапоге.

— Привет, Александр! — особист, когда рядом не было посторонних, всегда обращался ко мне запросто и без лишних формальностей. — А у меня к тебе новость! Танцуй! — и он вытащил их кармана письмо с явно иностранными марками на конверте. — Поддерживаешь связь с границей? — невинно поинтересовался он.

— О! Да это от Анджея! — воскликнул я, рассмотрев конверт. — Это мой тренер в Польше, — пояснил я Водопьянову, поймав его вопрошающий взгляд.

— И что пишет?

— Вы читали письмо? — прямо спросил я его.

— Конверт цел, — ответил он мне, — да и неприкосновенность личной переписки гарантирована Конституцией!

На это я только пожал плечами.

— Саша! — мягко обратился он ко мне. — Если бы я считал нужным ознакомиться с письмом, не ставя тебя об этом в известность, то тебе бы его принес ротный почтальон в установленном порядке, и ты

ничего даже бы не заподозрил. Но я специально принес его тебе сам, кстати, в том числе и для того, чтобы не вводить почтальона в искушение узнать, о чем же это тебе пишут из-за границы. Согласись, что такие письма здесь получают, не слишком часто, — позволил себе сыронизировать он. — Твое вот за все время существования части первое! Хотя, не спорю, — продолжил он, — мне было бы любопытно узнать, что же тебе там пишут.

— Какая тактичность у особого отдела!

— А особый отдел, Саш, всегда тактичен по отношению к людям, которых он уважает. Ты, что, до сих пор этого еще не заметил?

Я быстро пробежал текст глазами.

— В общем, он ставит меня в известность, что польская федерация официально принята в европейскую федерацию кёкусинкай и предлагает подумать об организации федерации кёкусинкай в СССР, гарантирует, что ее примут в европейскую, и что сборная СССР сможет выступать на мировых первенствах.

— Ты понимаешь, Саш, насколько это важно для страны? — прямо спросил меня Водопьянов. — В том числе и для вооруженных сил, для повышения уровня их боеготовности? Этот твой кёкусинкай показал себя настолько эффективной боевой системой, что я уже сейчас на всех доступных мне уровнях проталкиваю идею, пока хотя бы в форме эксперимента внедрить ее в качестве специальной физподготовки для начала для работников особых отделов. И если все получится, то, в общем, ты сам все понимаешь!

— Понимаю.

— Хорошо. Тебе осталось служить полгода. Давай, начинай писать письма своим людям в Москву, пусть они за это время готовят базу, я тоже кое-что предприму по своей линии, чтобы тебе в Москве оказали помощь, в общем, ты подумай над вопросом, через пару дней увидимся, и поговорим на эту тему.

Валерий ЕРДАНОВ

К этому времени я уже прекрасно понимал, что, ввязавшись тогда, полгода назад, в драку с дедами на стороне Александра, на самом деле вытащил «счастливый билет» судьбы. Хотя, если честно, то, влезая тогда в конфликт, я ни о чем таком не думал и не подозревал, да и как я мог тогда об этом догадываться? Просто влез за справедливость, помог парню отстоять свое «я», в общем, доброе дело сделал, а оно вон как обернулось! Правильно Саша как-то мне сказал, что все наши мысли и дела, хорошие и плохие, следуют за нами, и что человеку за все воздается по делам его. Вот помог я ему

тогда, а, оказалось, что помог то самому себе! Разве послали бы меня в элитную для нашего вида войск учебку? Разве стал бы я уже через полгода службы сержантом с полной перспективой закончить срочную полным старшиной? Конечно же, нет! А сейчас такая перспектива крайне вероятна! Да и черт бы и со званием, и со всем остальным на срочной! Главное то ведь, совсем не в этом! Главное — в том, что будет после службы! Вот, не было бы этой драки, не было бы знакомства с Водопьяновым, и кем бы я был на гражданке после срочной? Да, обычным дембелем, которые ходят по улицам городов страны сотнями тысяч! Ходят, и не знают, куда себя деть, что с собой делать, и как жить дальше! А я вот, уже знаю! Да, благодаря Водопьянову, а если рыть глубже, то благодаря Саше — потому, что не будь Саши, никогда бы особист не узнал о моем существовании.

Умный он мужик, этот Водопьянов! И людей как будто насквозь видит. Ждал я, что будет он предлагать стучать на окружающих, а он не предложил. И, скорее, не потому, что у него своих информаторов столько, что он обо всем, что в дивизии происходит, знает лучше любого офицера, и ему лишних не надо. Нет, не поэтому. Водопьянов просто людей видит. Видит и понимает, кто будет стучать, а кто наотрез откажется. Потому, что это запахло — стучать. Одно дело, доложить особисту о на самом деле государственном преступлении, о котором тебе стало известно — это святое, для этого присяга и дается, и совсем другое — заложить «ради корочки хлеба», своего ближнего. И я абсолютно уверен, что он и Саше не предлагал стучать, я уже говорил, что Водопьянов людей видит и понимает, кто на что способен, и на что — нет.

Я после того инцидента часто встречался с майором, теперь уже подполковником. Формально, чтобы еще раз дать показания и рассказать все нюансы, а на самом деле, как теперь сам понимаю, для того, чтобы он, Водопьянов, смог меня понять. Понять как человека, и как личность. А я, в общем, нормальный парень, вот мы с майором и поняли друг друга. Поэтому и поехал я в учебку, поэтому и объяснил он мне, зачем надо подавать заявление сначала о вступлении кандидатом в КПСС, а потом, под самый конец службы и в саму партию. И что такое на самом деле КГБ объяснил, и как в него поступить, и, самое главное, зачем в него поступать на службу. На самом деле — есть такая профессия — Родину защищать, и защищают ее по-разному.

— А КГБ, Валер, нужны порядочные и умные люди, очень нужны!! Поэтому и поедешь ты после дембеля учиться в свой Минск в Высшую школу КГБ. Хотя, могут и в Москву направить. Это уже, смотря какую тебе специальность назначат. Да и Саше в его деле

развития кёкусина офицером КГБ ты так больше сможешь помочь. А кёкусин его нашей стране на самом деле ой как нужен! Жаль только, что не все это понимают!

— Вы думаете, что Александру понадобится несколько лет, чтобы развить свой кёкусин? — спросил я его как-то раз.

— Однозначно. Не все так быстро у нас делается. Я думаю, что к этому моменту ты как раз успеешь получить лейтенантские погоны.

Александр ТАНИУШКИН

Я сижу у иллюминатора, и вспоминаю, как всего несколько дней назад на перроне вокзала, около стоящего поезда местного сообщения, на котором я должен добраться до Читы, меня провожали бравый старший сержант Ерданов. Он весь светился как начищенный самовар, которого наша первичная партиячейка только накануне приняла кандидатом в члены КПСС, и начальник особого отдела дивизии подполковник Водопьянов.

— Да, Саш, — сказал подполковник, — вот тут жена собрала тебе в дорогу, надеюсь, что будет вкусно. Обрати особое внимание на пирожки — у нее это фирменное блюдо!

— Спасибо, Дмитрий Николаевич! Спасибо за все, что вы для меня и для Валерки сделали!

— Что ты, Саш! Настоящая работа еще впереди. Вот я тебе адресочки с телефонами дал, это, как ты понимаешь, свои люди. Они в курсе и они тебя в Москве ждут. Встретитесь, поговорите, покажешь им, что такое кёкусин, они готовы к общению и к сотрудничеству. И мне кажется, что у тебя все получится. Не сразу, конечно, но получится.

— Может, еще увидимся, — встрял в разговор Валерка, — и увидимся, и потренируемся!

— Да, кстати, ты будь готов через год его у себя в Москве принять, — посерьезнел Водопьянов. — Пока у него год кандидатского стажа не закончится, мы его не демобилизуем, потом сразу в партию, и в Москву, в Управление кадров. Так, что через год обязательно увидитесь.

— А вы, как, Дмитрий Николаевич?

— А что я! У меня полковничья должность, так, что пока полковника не получу, буду здесь. Ну, а там посмотрим! — Водопьянов так хитро посмотрел на меня, что я сразу понял, что у этого умного и очень профессионального человека все дальнейшие ходы уже давно просчитаны заранее на несколько шагов вперед, просто он пока не считает нужным о них говорить. Даже с нами!

— Ладно, Саш, — Водопьянов протянул мне для пожатия руку, — долгие проводы, долгие слезы. Давай, еще увидимся!

— Удачи тебе, Саш! — протянул мне руку Валерка. — Через год обязательно увидимся!

Робальд ШЕФТАЛЬ

По сути, у нас сейчас две секции. Моя и Жукова. Я держусь на заработанном в свое время авторитете, хотя и признаю, что как боец Жуков даже не на две головы выше меня — он настолько далеко впереди, что догнать его невозможно даже теоретически. А, с другой стороны, надо ли? Мы с ним слишком разные люди — ему нужно одно — эх, молодость, молодость, мне же — совсем, совсем другое! Поэтому, пожалуй, будет правильно поступить так — дать ему полную свободу действий, не лезть в его дела, и добиваться того, что нужно именно мне. А мне нужно совсем не то, как я уже говорил, что Жукову, и, что самое смешное, не то, что нужно этому «молодому мастеру» Саше Танюшкину! У меня свои цели! Но для того, чтобы их достичь, необходимо опереться именно на этого «молодого мастера»! А там видно будет! Ибо у меня, перефразируя лорда Пальмерстона, нет ни постоянных врагов, ни постоянных друзей, у меня есть только мои постоянные интересы!

Сергей ЖУКОВ

Я смотрю на то, как Саша делает ката, и осознаю, что это катастрофа. Саша всегда был образцом для нашей группы, и никто лучше его не делал базу. Никто. Даже я со всеми своими физическими данными. Он был лучше. А теперь надо добавить слово «тогда». Тогда он был лучше. Но не сейчас. Конечно, после армии, он стал более жестким по характеру — армия есть армия, не зря же говорят, что она либо ломает, либо закаляет. Сашку вот она закалила, он стал еще сильнее физически, у него окончательно прорезался мужской твердый характер, мужчина, одним словом! А вот с техникой у него сейчас проблемы! Не то, чтобы большие и серьезные, но проблемы. По той же самой простой причине, что служил то он совсем не в спортроде — мины и прочие снаряды таскал, а на тренировки солдату срочной службы расписанием дня отводится ну совсем мало времени! Это я так, улыбаясь и иронизируя!

Когда я понял, что освоил и отточил абсолютно все, что Саша оставил нам в «наследство», и что мне некуда больше расти, все-таки не постыдился пойти к Сато. Группа у него, конечно, дрянь, и драться

они по большому счету по-настоящему не умеют, но мне-то до этого, какое дело? Я за техникой к нему пришел, а не за манерой боя, не за этой его пресловутой связкой «маэ-цуки», которая давно уже стала визитной карточкой Сётарю. Такое впечатление, что у них вся техника только из этих двух ударов и состоит! Это, конечно, не так, арсенал стилия вполне впечатляет, ну, а то, что они его не используют — это их проблемы и меня они совершенно не касаются. Я к ним пришел именно за техникой, я понимаю, что мне ее очень и очень не хватает! И если называть вещи своими именами, то мне ее не хватает катастрофически. Поэтому, посмотрел я, как Саша делает ката, оценил, насколько ухудшилась у него отработка базы, и подошел к нему с предложением.

— Слышь, Саш, ты в курсе, что у тебя с техникой проблемы?

— Да в курсе я, в курсе! Чего ты хочешь то?

— Да ты не кипятишься и не злишься. Я к тебе с нормальным предложением подошел.

— Говори.

— Я вот сейчас к Сато хожу, тренируюсь у него самого в старшей группе. По уровню нагрузки тренировки так себе, ерунда, с нашими не сравнить, но базу он дает хорошо. Может, сходим к нему вдвоем, вместе, посмотришь, как он ведет, сам потренируешься. А там и решишь, подойдет тебе это для поправления арсенала или нет. Ты как?

Александр молча посмотрел на меня, и некоторое время молчал, обдумывая предложение.

— Ну, может быть, ты и прав. Может быть, сейчас это даже единственный выход из ситуации, — наконец, проговорил он. — А по каким дням у Сато тренировки?

Ян ДИДУХ

Если честно, то я до последнего момента не верил, что у нас что-нибудь получится. Нет, я, конечно, просто так, на всякий случай, все-таки интересовался и погодой в Токио, и погодой в Москве — из Варшавы в Токио нет прямых рейсов, пересадка обязательна либо в Москве, либо во Франкфурте. О пересадке во Франкфурте я даже и не думал, лишь бы все получилось, я и через Москву согласен лететь!

Анджей ДРЕВНЯК

Я не питаю никаких надежд что-либо выиграть на этом чемпионате. У меня основная задача — взглянуть на организацию, оценить средний уровень бойцов и понять, какие качества надо воспитать

вать в себе и в учениках, чтобы быть конкурентоспособными на международном уровне. А что-нибудь выиграть и занять какое-нибудь место? Это просто смешно хотя бы потому, что чемпионат пройдет впервые два дня ноября, и для того, чтобы нормально пройти акклиматизацию, нам надо прилететь в Японию как минимум за две недели до него. Как минимум! А лучше — за месяц! Но о чем можно говорить, если мы прилетаем буквально накануне — двадцать девятого октября! Я знаю, что Дидух все-таки на что-то надеется, скорее, не на себя, а на удачу, которая всегда улыбается дерзким. Но я не верю в чудеса. Максимум, что мы можем на этом чемпионате — это заявить на весь мир о том, что в нем есть Польша. А по нынешним временам это немаловажно.

Ян ДИДУХ

Или я ничего не понимаю в этой жизни, или моя небесная покровительница Матка Бозка Ченстоховска умолила Господа Бога защитника нашего Иисуса Христа о помощи, но мы летим на чемпионат мира! И мы летим через Франкфурт! У нас получилось! Я не знаю, на какие кнопки в МИДе нажимали Генрик с Богданом, но у нас получилось! Мы летим на чемпионат мира!

Масутасу ОЯМА

Только великая Аматаэрасу знает, ценой каких усилий я организовал этот чемпионат! Бессонными ночами я размышлял о путях каратэ, о том, как сделать так, чтобы дух будо органично сочетался с современностью, как соединить несоединимое? Ни для кого не секрет, что в бесконтактном WUKO субъективизм судей, весьма и весьма часто «не видящих» удара, сводит «на нет» все безусловно сильные стороны этого направления. Никто, по крайней мере, среди тех, кто по-настоящему разбирается в каратэ, не будет спорить, что именно в WUKO воплощен дух и основной принцип будо «иккэн но хиккецу» — одним ударом наповал. Но сейчас не время Иэясу Токугава, и мы не можем биться, как тогда, насмерть, мы можем только лишь моделировать этот принцип, не более. И если бы не человеческая природа, то WUKO был бы идеальным выходом из этой ситуации! Выигрыш наносимым с огромной, с чрезвычайно высокой скоростью наполненным громаднейшей энергией разрушения всего одним ударом — что может лучше соответствовать «иккэн но хиккецу»? И мы попытались пойти по этому пути. Но сразу же каратэ уперлось в человеческую сущность — в желание

победить любой ценой. И это касается как сам бойцов, так и судящих их рефери. Рефери и боковые судьи могут на самом деле не увидеть удара, а могут и не захотеть его увидеть. А бойцы могут из-за желания «достать» противника сделать удар быстрым, но не наполнить его силой, и это будет уже не полноценный, все ломающий удар, а просто быстрое и легкое касание, которое никому и никогда в реальном бою не сможет причинить никакого вреда. А потом, кто может поручиться, что даже по-настоящему сильно и с концентрацией нанесенный удар обязательно сразит вашего противника? Бой тем и хорош, что он не предсказуем, и в нем все меняется за доли секунды. Именно за эти мгновения, за те самые доли секунды, которые остаются до контакта после начала удара, противник, если он настоящий мастер, конечно, может успеть выполнить блок или уклониться. Наконец, он даже может принять удар на тело, подставив в качестве щита свои стальные мышцы. И если боец подготовлен в достаточной степени и удар не нацелен в особо уязвимую точку, то все получится! Здесь, конечно, есть кое-что из так называемого секретного арсенала «внутренних» стилей — умение управлять биоэнергетикой человека, дающей ему сверхвозможности, в том числе и безо всякого для себя вреда принять на тело силовое воздействие. Именно поэтому бойцы таких школ предпочитают принять удар на себя и моментально ответить, не тратя времени на защиту.

Но так могут далеко не все, и поэтому некоторые пошли по пути защиты спортсменов в латы. С одной стороны, травматизм поединков резко упал. А с другой стороны выяснилось, что поединки в доспехах уводят бойцов от реальности настоящего боя. Они, доспехи, делают каратистов неповоротливыми, снижают скорость ударов и перемещений, да и, к тому же, у такой пассивной защиты обнаружился еще один недостаток, вытекающий из несовершенной человеческой природы. Человек слаб, в первую очередь морально и психологически. И когда он знает, что одетые на него латы, даже при прямом попадании удара, который в иной ситуации отправил бы его на больничную койку, гарантируют полную и абсолютную безнаказанность и этим прощают ему ошибки в обороне, он начинает вести себя не так, как надо. Такой боец начинает пренебрегать защитой — а, на самом деле, зачем ставить блок, если в доспехах он может просто пренебречь пропущенным ударом! И ему за это не только ничего не будет, но даже может сложиться ситуация, когда судьи, запомнив его ответный удар, засчитают победное очко, не обратив внимания на то, что перед этим была вполне реальная атака его противника! Мощный шлем на голове

вообще создает ощущение полной неуязвимости, и я уже не говорю о боксерских перчатках на руках, которые делают неприменимыми многие приемы.

Я искренне хочу устранить все эти недостатки и перекосы! И потому разработал правила боев в полный контакт, без какого бы то ни было защитного снаряжения, кроме раковины для паха. Эти правила разрешают противникам изо всех сил бить друг друга руками и ногами, локтями и коленями в туловище и по ногам, а также ногами и коленями — в голову. Почему я запретил удары руками и локтями в голову? Правильный вопрос! С очень трудным на него ответом. Нет, конечно, с первого взгляда, ответ лежит на поверхности и сам напрашивается на применение — конечно же, в целях снижения травматизма! Кто сможет возразить против такой аргументации? Никто! Но так ли все просто на самом деле? Многими бессонными ночами я пытался самому себе внятно и честно ответить на поставленные жизнью вопросы и решить эти неразрешимые противоречия. Есть ли выход? Иногда мне казалось, что нет, этот дуализм неразрешим! Инь не может стать Ян, но ведь не зря же в монаде в Инь есть Ян, а в Ян присутствует Инь.

Однажды ночью я понял, что если хочу чего-то добиться, создать что-то новое и эффективное и при этом не доходить до гладиаторских боев, нужно пойти на компромисс. В Инь есть Ян, а в Ян есть Инь, и, точно так же, как в каждой части монады есть ее противоположность, точно так же я в одном стиле совместил несовместимое! Я придумал, и основной принцип и правила проведения боя в одну поистине великую ночь! Отныне в кёкусинкай будут несколько краеугольных принципов. Поединок по максимально возможному реалистичным и жестким правилам, которые предусматривают, что на чемпионате может быть только один победитель. Эти правила отрицают деление на весовые категории, утверждая, что тяжеловесы имеют преимущество в массе и силе удара, а легковесы в скорости и резкости. А в итоге победит тот, кто лучше подготовлен, и вес тела не играет в этом вопросе вообще никакой роли! Каратист должен быть готов к бою с любым противником, ведь в реальной боевой обстановке никто не будет интересоваться его ростом и весом! Это обстоятельство также покажет и то, какая техника по-настоящему эффективна в настоящем, реальном бою, а какую следует безжалостно отбросить. Невозможно создать что-либо новое и по-настоящему эффективное, если стиль или школа будут «вариться в собственном соку», а потому я провозгласил открытость турнира, бросив вызов всем без исключения стилям, школам и направлениям!! И отныне так будет всегда!

И, конечно же, тамэсивари! Я считаю абсолютно недопустимым до сих пор бытующие в нашем обществе представления, к сожалению, кое-где раздуваемые дельцами от боевого искусства, что тамэсивари — это удел избранных, почти недоступное простым и обычным людям мистическое искусство! Тамэсивари по плечу любому правильно подготовленному человеку, и включение в программу соревнований упражнений на разбивание предметов должно объяснить людям, что каждый из них способен после года тренировок в кёкусинкай сделать то же самое, что сейчас на их глазах делают наши спортсмены.

Хацуро РОЯМА

Несколько лет тому назад, в шестьдесят девятом году, первый открытый абсолютный чемпионат Японии по новым правилам кёкусинкай прошел с колоссальным успехом и собрал огромное количество зрителей. После него кёкусинкай пережил взлет популярности, и филиалы школы появились во многих городах страны. Подростки когда-то бредили не чуждыми нам американскими героями, теперь же в качестве национального героя появился мастер каратэ, сумевший пройти через горнило жестоких и кровавых испытаний. Культ героя и победителя тяжелейших, но честных поединков по абсолютным контактным правилам с представителями разных школ, манер боя и весовых категорий, лучшего на данный момент во всей Японии затмил всех остальных. Первый чемпион Японии Ямадзаки Тэрутомо стал не только национальным, но поистине народным героем и объектом поклонения сотен тысяч подростков. Ладно, если бы он стал кумиром только одних подростков, но последователи контактного каратэ во всем остальном мире жаждали повторить его успех и желали взойти на высочайшую заоблачную вершину мастерства в боевом искусстве. Поэтому организация открытого чемпионата мира по кёкусинкай была предрешена. Международная организация каратэ приняла решение о его проведении в ноябре 1975 г. в Токио. И я участник этого первого Открытого абсолютного чемпионата мира по правилам Кёкусинкай!

Идея полноконтактных боев, когда каждый настоящий боец может показать все, на что он действительно способен, не дожидаясь милостивого судейского на то согласия, была выдвинута в очень удачное время. Она вызревала давно, но до сих пор не находилось по-настоящему авторитетного мастера. Предложение Ояма пришлось по вкусу десяткам тысяч бойцов каратэ и других видов еди-

ноборств в десятках стран мира, которые стали готовиться к суровым встречам один на один. Каждый из них хотел доказать что именно он достоин носить корону истинного короля полноконтантного поединка. И, как ни странно, в то время как вызов Кёкусина приняли практически все представители других видов единоборств, начиная от «восьмируких», бьющих всеми своими конечностями мастеров муай-тай из Таиланда, и заканчивая бойцами традиционного ушу из Гонконга, горевшими желанием доказать миру, что со смертью Брюса Ли традиционное китайское боевое искусство не исчезло, и что китайцы вовсе не слабаки, и не «больная нация Азии», в самой Японии все было совсем по другому.

К предстоящему чемпионату мира там отношение было совсем не таким однозначным. Многие школы заранее проинформировали общественность страны, что не будут принимать в нем участия, поскольку «так называемый Кёкусинкай — это просто кровавая драка без правил, не имеющий ничего общего с благородным «Путем воина». На этом основании Мас Ояме в самый последний момент отказали в аренде Будокана — главного дворца боевых искусств в Токио, что чуть было не привело к срыву соревнований. Однако у нашей школы достаточное количество поклонников, и Учитель договорился об аренде другого дворца спорта. Я приложу максимум усилий для того, чтобы стать первым чемпионом первого чемпионата мира по кёкусинкай! Тем более, что для своих противников я приготовил один очень неприятный сюрприз! Через несколько мир узнает, что боец кёкусинкай открыл новую эру в искусстве контактного поединка!

Анджей ДРЕВНЯК

Двигатели «Боинга» мерно гудели, плавно поднимая самолет на заданную высоту, и там, среди сахарных глыб облаков, залитых ярким солнечным светом, проплывали ослепительные айсберги, закрывая своей ледяной пеленой такую теплую зеленую Землю, согретую толстым одеялом атмосферы.

Далеко внизу остался заполненный суматохой, несмотря на поздний вечер, аэропорт Франкфурта, со всеми его волнениями у стоек паспортного и таможенного контролей улетающих и сопровождающих их лиц. Остались внизу расслабленно-кайфующие силуэты, привалившиеся к барным стойкам или согнувшиеся на крутящихся табуретах над высокими бокалами с торчащими оттуда соломинками, светящимися в отраженно — рассеянном свете неоновых ламп разноцветными вертикальными минифонариками.

Невольно я осознал величину этой громадной высоты, на которой находился слегка вибрирующий корпус лайнера. Но даже радостное оживление, всегда появляющееся в салонах после удачного взлета, не могло заслонить какую-то неясную, скорее всего подсознательную тревогу, когда от тебя ничего не зависит, и ты не в состоянии повлиять на ситуацию.

Рейс, на котором нам предстояло долететь до Токио, был транс-континентальным и начинался во Франкфурте, делая в Москве лишь промежуточную посадку. Поэтому в салоне, наполненном струящимися в круглых солнечных лучах ароматными дымками сигарет, негромко слышалась японская и немецкая речь, перемежающаяся отдельными фразами на английском. Несмотря на то, что самолет делал посадку в Москве, русских, судя по всему, в самолете не было, и я, сколько не вслушивался, не уловил сквозь еле слышимое успокаивающее шуршание страниц читаемых пассажирами газет ни одного слова по-русски.

— Интересно, что сказал бы Саша, узнай он о том, что мы летим на чемпионат мира? — подумал я.

От мыслей о моем русском друге меня отвлекли две хорошенькие улыбчивые стюардессы, развозящие по салосу тележки с напитками.

Казалось бы, ничего особенного, но эта легкая атмосфера комфорта перелета на международной линии, обмен взглядами с друзьями по команде и с другими пассажирами сразу же успокоили меня. Ощущение безмятежного комфорта окончательно вытеснили все волнения и тревоги последних дней, и дали какую-то, вроде бы ничем не обоснованную надежду и уверенность в том, что все, в конце концов, сложится хорошо.

Постепенно меня всего захватило чувство освобождения от привычной обстановки домашнего быта, кардинальной перемены уклада, который на протяжении последних нескольких лет руководил всем моим образом жизни. Только сейчас, сидя в кресле летящего на высоте порядка десяти тысяч метров авиалайнера я успокоился окончательно. Мне захотелось поделиться своими впечатлениями с остальными членами команды. Ян, не обращая внимания на еще застегнутый ремень, свободно болтающийся на его мощном торсе, с рассеянным любопытством рассматривал соседние ряды кресел. И вдруг его взгляд замер на одной группе пассажиров и стал пристально ее рассматривать. Там сидело десять—пятнадцать мужчин в возрасте примерно от 25 до 40 лет. Их внешность и манеры настолько резко контрастировали с внешностью и поведением окружающих их людей, что невольно напрашивался вопрос: каким образом они могли оказаться в салоне международного рейса? Плохо скро-

енные костюмы из дешевой ткани, мешковато сидящих на их уже успевших заплыть нездоровым жиром фигурах, с яркими синтетическими галстуками. Несмотря на то, что рейс начался совсем недавно, мы только-только набрали полетную высоту, они явно были под шафе. Один из них достал баварского пива. Их не слишком трезвая речь пока заглушала общий шум салона, и доходила только до сидевших в разброс пассажиров. Однако я не сомневался: главное — впереди. Судя по всему, компания начала дружно отмечать свой выход на международную арену еще в баре аэропорта и стюардессы, ходящие по проходам вдоль кресел, кидали на них испытующе-опасливые взгляды.

Ян ДИДУХ

По соседству со мной сидел Йозеф Пивоварчик, тот самый, что занял мое место чемпиона Польши на так называемом Первом чемпионате страны по кёкусинкай в мое отсутствие, и включенный по этой причине в сборную страны на чемпионате мира. Он внимательно осмотрел эту группу и, отвернувшись, недовольно проворчал:

— М-да, и здесь не без швали.

Я невольно улыбнулся, потому что он, сам того не зная, практически дословно процитировал одного из основных героев очень понравившегося мне произведения советских фантастов братьев Стругацких «Трудно быть Богом». Но сейчас я лишь отодвинул шторку на иллюминаторе, в надежде, что хоть что-то можно будет разглядеть сквозь эту сплошную серебряную облачность. За окном металлический блеск солнца в разряженном воздухе стратосферы проводил четкие линии границ между рафинированными торосами освещенных пиков на бесконечной белой равнине раскинувшихся внизу облаков и глубокими густо-темными провалами долин между ними, в тех местах, куда падала отбрасываемая самолетом густая тень.

Анджей, безразлично покосившись на достаточно уже надоевший уныло-однообразный пейзаж за иллюминатором, проворчал:

— Ладно, шутки шутками, но давайте-ка подумаем о деле. Задвинь занавеску, глаза слепит.

Я задернул светофильтр, и сразу же, после того как уютный полумрак окутал наш ряд кресел, спросил:

— И что же тебя конкретно беспокоит?

Анджей не успел еще открыть рот, как в салоне отчетливо раздался какой-то неясный звук, похожий на шлепок ладонью по телу,

и вслед за ним возмущенный голос стюардессы, звеневший как струна от плохо сдерживаемого возмущения:

— Что вы себе позволяете?

Я привстал с кресла, увидел, как руки оплывшего жиром пьяного мужика с таким красным лицом, что его того и гляди хватит апоплексический удар, скользнув вверх по ноге стюардессы, забрались ей под короткую юбку и стали притягивать худенькое девичье тело к креслу, пытаюсь посадить его себе на колени. Девушка резко отдернула ногу, и без лишних слов вlepила обидчику хлесткую пощечину, резким хлопком прозвучавшую в салоне авиалайнера.

Немец на секунду опешил, что-то крикнул, попытался вскочить, и опять упал в кресло, опрокинутый ремнем, который он забыл расстегнуть. Стюардесса негромко вскрикнула и побежала по направлению к пилотской кабине.

Йозеф ПИВОВАРЧИК

Видит Господь Бог, что я честно и долго терпел этих ублюдков. Не то, что я сноб и плохо отношусь к пролетариату, нет, хотя и ценю в людях образованность и интеллект. Просто все должно иметь свои пределы и границы, и свобода твоего поведения не должна ограничивать свободу безопасного существования всех остальных окружающих тебя людей. А эти явно забылись.

— Все, ребята, допросились, — я быстро откинул назад, до упора, спинку кресла и, резко подтянув к подбородку согнутые в коленях ноги, сильным рывком кинул свое тело вверх и назад. Замерев на какое-то мгновение в стойке на руках, я точно приземлился в следующем проходе, и, используя как брусья спинки находящихся по бокам от себя кресел, оттолкнулся от них, и плавно перелетел через колени сидящего передо мною Яна Дидуха. Спружинив, я выпрямился и, раздвинув ноги на ширину плеч и скрестив на груди руки, стал спокойно ждать, когда этот пьяный кретин справится, наконец, со своим ремнем и приблизится ко мне. Если честно, то сначала я хотел просто утихомирить эту пьяную свинью, и мой импровизированный гимнастический изыск убедил бы любого здравомыслящего человека в нежелательности конфликта со мной. Говорят, что я мало улыбаюсь, а когда все-таки улыбаюсь, то людям почему-то от этой улыбки становится не очень хорошо, да и вообще, я произвожу не очень приятное внешнее впечатление. Но здесь, очевидно, был именно тот случай, когда человека после второго стакана можно выпускать с голыми руками на тяжелый танк, и он все равно выйдет победителем.

Нетвердой походкой мужик подошел ко мне на дистанцию примерно около метра и, прорывав что-то типа того, что «прочь с дороги, щенок» — я не слишком хорошо знаю немецкий, и точно не разобрал, хотя в общей направленности предложения можно было не сомневаться. Не останавливаясь, на ходу, мужик ткнул кулаком мне в голову. Я с самого начала не хотел крови, хотя, как только увидел этого ублюдка, был уверен, что без бития его физиономии дело не кончится, но искренне старался все-таки обойтись без драки. Но у мужика сегодня был не его день, и не моя вина в том, что все так получилось. У меня все любимые коронки связаны с ударами ногами в голову, и бью я их из любых положений с такой силой и скоростью, что даже Ян Дидух, признанный у нас специалист по технике ног, который, кстати, сам помогал мне в «выставлении» этой техники, иногда попадаетея на некоторые мои комбинации. Благо, что ноги у меня работают как пропеллеры у тяжелого вертолета. Но сейчас работать ногами я не стал. Зачем? Удар у меня резкий и ломающий, но отнюдь не толкающий, и даже нокаутированная, двигаясь только по инерции, эта не менее чем стокилограммовая туша неизбежно сомнет меня. Поэтому я просто чуть отклонил в сторону голову, не считая нужным даже заблокировать удар, и встретил мужика своим любимым совершенно безжалостным прямым левой в печень, вложив в этот удар всю силу разворота корпуса. Хруст ребер, отчетливо прозвучавший в притихшем салоне, прозвучал для меня совершенно естественным заключительным аккордом, и вызвал чувство глубокого удовлетворения.

Нет, я не садист, я просто обычный мастер кёкусинкай! Давным-давно мне говорили, что самое главное в занятиях искусством не то, что ты сможешь делать с его помощью, а то, что оно сделает с тобой, как сможет изменить тебя внешне и внутренне. И я вполне доволен результатом своих изменений. Я стал хорошим спортсменом, и поэтому мне не может не нравиться полученный результат, не может не нравиться то, как одним движением я нейтрализовал агрессию, нейтрализовал Зло. Мне совершенно не важно, что скажут по этому поводу утонченно — воспитанные и культурные люди, отрицающие грубое насилие как способ восстановления справедливости и, в то же время, стенающие по поводу разгула уличного хулиганства и преступности. Внешне эти ханжи могут даже выглядеть вполне достойно, но вот с точки зрения внутреннего содержания и гармонии, не годятся настоящему бойцу даже в подметки. Лично я считаю, что настоящий мужчина не тот, кто говорит, что насилие надо остановить, но только мягко и не причиняя вреда, не увеличи-

вая, одним словом, количество Зла в мире, а тот, кто его останавливает на самом деле, не рассуждая о гуманности способа и о том, как это выглядит со стороны.

Ян ДИДУХ

Я всегда понимал, что поединок на тренировке — это одно, а серьезная драка на вынос совсем другое. В общем, начало у нас неплохое, посмотрим, что будет дальше. Тем временем Йозеф, чуть шагнув вперед и лениво ткнув коленом в пах медленно оседающую на пол тушу, схватил ее за лацканы пиджака и, сместившись в сторону, закрутил мужика вокруг своей оси и, используя силу вращения, швырнул уже практически бесчувственное тело в ближайшего его собутыльника из этой компании.

С громкой руганью, опрокидывая свои бутылки и с трудом протискиваясь между сиденьями кресел и откидными столиками, которые нельзя было убрать из-за поставленных на них выпивки и закуски, вся эта команда люмпенов стала выкарабкиваться со своих мест по направлению к Йозефу. Из-за их бестолковой толкотни, мешавшей прежде всего им самим, торопиться было особо некуда, и поэтому я, как бы не спеша, с плавной стремительной неторопливостью, которая всегда отличает мастера рукопашного боя, только чуть приподнялся на ногах и сделал плавный перетекающий шаг влево, одновременно развернувшись в движении на сто восемьдесят градусов. Сделав это неуловимое движение, я сразу же очутился за спиной у Йозефа, и, шагнув вперед, встал рядом с ним, чуть-чуть правее.

Честно говоря, с нами этой команде ничего не светило даже теоретически. Я знаком с подобной категорией лиц, страшно кичившимися своими массивными габаритами и весом в сто двадцать килограмм, забывая, что их живот, составляющий чуть меньше половины общей массы, единственно, чем может помочь в драке, так только в качестве своеобразного щита и амортизатора. Правда, квалифицированный боец никогда не будет пытаться пробить этот слой жира — для этого есть куда более удобные и интересные места, а уж увернуться, да еще и хорошенько встретить нагло прущую тушу, для него тем более ничего не стоит. В общем, ходячие макивары, которые не только двигаются, но еще и издают звуковые колебания, по тональности и громкости которых боец может судить об эффективности своих ударов. Правда, получить всё удовольствие самим нам не дали. Неторопливо кряхтя, вся наша команда поднялась с кресел и вышла на центральный проход.

Наверное, эти мужики не только ничего не слышали о Сунь Цзы, но и о тактике простого группового боя имели весьма смутные представления, поэтому, когда они, толкая друг друга, всей гурьбой выбрались в проход между кресел, их аккуратной «подковой» уже охватила наша команда.

Андрей ДРЕВНЯК

Черт его знает, что на меня нашло. Когда вся эта братия притормозила и остановилась абсолютно уверенных в себе парней, то ли все-таки начав соображать, что драка на борту летящего самолета это не самое лучшее начало командировки, мне прямо-таки до зубовой боли захотелось продолжения так хорошо начавшегося банкета. Я сидел отдельно от парней, в соседнем ряду и на мне был обычный костюм. Я взял в руки банку их пива, перегнулся через спинку сиденья к бесчувственному телу, лежащему поперек кресла в скрюченной позе «отстань от меня», прямо за моим местом и вылил остаток пива на голову этого «живого трупa». Зачем, до сих пор не могу понять. Мужики глухо зароптали и, как только я сел в кресло, стоящий рядом парень, не говоря ни слова, развернулся и попытался ударить меня сверху по голове, как молотком, нижней частью своего кулака. Конечно, делать этого ему не стоило ни при каких обстоятельствах, но, с другой стороны, откуда же ему было знать, что сидящий перед ним, небольшого роста интеллигентик, тяжелее рюмки ничего в своей жизни не поднимавшего, отзанимался черт знает сколько лет боевыми единоборствами и получил второй дан по дзю-до.

В этот самый момент обе моих руки были заняты, но наглеца это все равно не спасло. Практически любое движение мастера поединка, независимо от того, удар это или взятие на захват, со стороны выглядит спокойным, неторопливым, несмотря на их резкость и быстроту. Причем, жертва его обычно просто не замечает. Так вот парень тоже не стал исключением. Он еще только думал об этом ударе, а я уже успел, чуть привстав с кресла, перехватить бьющую руку и, повернувшись вдоль своей оси, неторопливо-стремительным движением, казалось без всякой силы, натянул нападавшего на свой корпус. Я никогда не устаю повторять своим ученикам, что настоящий бросок бывает только тогда, когда не вы бросаете своего противника, а он сам себя, а вы при этом только присутствуете и слегка помогаете. Вот и в этом случае я только сделал легкое стряхивающее движение руками, выскочив из-под его тела, а в результате всей совокупности движений ноги парня взвились в воздух, и,

описывая гигантскую дугу, едва не задели потолок салона. Проводив рукой до жалобно застонавших под ударом обрушившейся на них туши спинки кресел, тело нападавшего, ударившегося о них своей поясницей и разлегшейся на сиденье таким образом, что его ноги и верхняя часть тела настолько максимально приблизились друг к другу, что казалось составляли единое целое, я повернулся к остальным и улыбнулся им во весь рот добродушно-ласковой улыбкой любящего дядюшки, адресованной своим обожаемым племянникам. Не обращая внимания на остолбеневшую толпу, я повернулся к своим парням и небрежно-разрешающе махнул в их сторону рукой, произнеся самым что ни на есть благодушным тоном:

— Ладно, ребята, потренируйтесь. В конце концов, они этого заслужили. — И, повысив тон, добавил: «Только никого не ломать и не калечить. Так, в легкую».

Богдан МАЧУЛЬСКИЙ

До самого последнего момента у меня было стойкое убеждение, что все как-нибудь само собой рассосется. До того момента, как второе тело со всего размаху приземлилось на ручки кресел. Какое-то время после этого стояла полная тишина, потом толпа взвыла и бросилась в бой. Давно известно, что каждый участник коллективного события видит ситуацию по-своему, и описывает ее потом тоже по-своему, основываясь на субъективных особенностях своей личности и способе восприятия, и очень часто бывает, что два человека, стоящие рядом и видящие одно и то же, описывают это происшествие по-своему.

Сказать, что это была тяжелая и суровая битва, было бы явным преувеличением. Преимущество и одновременно слабость нападавших заключались в том, что они кинулись на нас, пытаясь смять массой, и их тяжелые тела имели большую инерцию движения, которую очень трудно погасить, когда надо внезапно остановиться. Тактика боя в такой ситуации, в условиях ограниченного пространства, учитывая преимущество в весе нападавших, была до примитивизма простой — увертки и встреча на контратаке с понижением центра тяжести, или же, наоборот, в прыжке. Я вообще не люблю прямых столкновений, да и у меня, при весе в шестьдесят килограммов, при лобовом ударе с таким быком не было никаких шансов, и поэтому, подпрыгнув, я предпочел, повернувшись вокруг своей оси, пропустить противников мимо себя, как это делает тореадор, уворачиваясь от атакующего его быка, и дав им возможность врезаться в спинки кресел. Закрутив свое тело еще в одном прыж-

ке, я наклонил его в воздухе и начал приземляться прямо на кряхтящую и пытающуюся подняться с сиденья тушу своим боком с небольшим углом правого крена, и всей своей массой обрушился на него, одновременно с этим проводя локтем удар сверху вниз по спине. Прodelывая все эти кульбиты, я одновременно держал в поле зрения всю панораму битвы, и, едва успев приземлиться и встать на ноги, тут же поднырнул под летящий в меня кулак, встретив голову желающего обхватить меня двумя руками противника круговым ударом снизу вверх локтя в челюсть. В принципе, его можно было бы уже и не добивать, но для проформы, зайдя в круговом развороте ему за спину, я ребром ладони, точно мечом, рубанул по основанию затылка уже падающего в нокауте тела.

Ян ДИДУХ

Рассматривая эту милую потасовку не более, чем просто забавный случай, удачно скрасивший скуку десятичасового перелета, и не воспринимая серьезно бойцовские качества наших оппонентов, я просто стоял на одном месте, спокойно наблюдая общую перспективу «поля боя». Внезапно выпрыгнувшая из-за кресел туша сразу остановиться не сумела, и еще в полете выбросила в мою сторону свой кулак. Лениво скользнув в сторону и уклонившись от удара, я рубящим ударом снизу вверх верхней частью ладони перешиб нападающему основание нижней челюсти, и после того, как она тонко, по-пороссячи взвизгнула и медленно осела на пол, неторопливо и с полной концентрацией удара воткнул носок своего ботинка ей в пах. Сидящая около нас тощая белобрысая немка, вжимающаяся в кресло всем своим телом, и потерявшая от ужаса способность к любому перемещению, при виде такого варварства округлила свои и без этого вылезающие из орбит глаза, и была готова упасть в обморок, не поднимаясь со своего места. Я не спорю — это не благородно, и даже не по-рыцарски. Но в такой ситуации это правильно. Рыцарство в поединке с подонками и подлецами это не благородство, а глупость, примерно такая же, как и оборачивание к поверженному, но не убитому противнику своей спиной, оставляя ему в подарок его собственную жизнь. Просто потому, что при этом вы рискуете своей собственной, оставляя беззащитной свою спину, куда, как показывает практика, очень удобно выстрелить или воткнуть нож.

Вот почему добить поверженного это обязательное правило боя. В бою нет благородства, ибо это бой, а не спортивный поединок, и ваша задача — сделать все так, чтобы противник не смог продолжать

силовой контакт, а, в идеале, чтобы он вообще никогда больше не смог драться. В реальном бою надо быть жестоким, и не щадить противника, ведь на карту поставлен не выигрыш медали, а здоровье и жизнь. Причем, именно ваше здоровье, и ваша жизнь. Повернувшись в знак презрения к этой туше спиной, в полной уверенности, что она уже не поднимется, я с интересом начал более внимательно осматривать салон, одновременно прикидывая для себя новую жертву. К этому моменту спектакль был окончен.

Генрик СЕНКЕВИЧ

Я всегда говорил, что реальные, настоящие бои, в отличие от их спортивных аналогов, редко когда длятся более десяти-пятнадцати секунд, обычно до первого прошедшего удара, после чего бой уже теряет смысл, превращаясь в простое и банальное избиение. Говоря об этом, я имею в виду, конечно, поединки мастеров. Это только дилетанты, да еще в кино, могут долбить друг дружку по полчаса и отделаться легкой контузией или парой синяков. А в жизни — кто первым попал, тот и выиграл. Так случилось и на этот раз. Большинство из нас уворачиваться не стало. Зачем, если любым встречным движением мы способны проломить любую грудную клетку и сломать любую кость. Я, например, даже не стал работать кулаками — много чести, с них хватит и моих пальцев. Правда, я на них отжимаюсь в стойке вверх ногами. Подождав пока «мой» противник не налетит на меня вплотную, я увернулся от удара и в момент столкновения встал в дзэнкуцу — переднюю стойку лука и стрелы, предназначенную для атаки. Оттянув в момент соприкосновения корпус немного назад, я в следующую секунду резко напряг мышцы пресса, с выдохом выдав вперед отталкивающий импульс. Нападающий как мячик отскочил назад, и тут же резко выкинутая вперед моя правая рука нукитэ — кончиками пальцев вытянутой ладони, поразила углубление между его ключицами, чуть ниже горла. Пропустив за кадык пальцы этой же руки, я слегка сжал его, и чуть подпернув его восьмеркой, немного вытащил из трахеи. Лицо его мгновенно позеленело, рот широко открылся в тщетной попытке вздохнуть. Продолжая держать его за кадык, осмотрел поле боя. Не заметив чего-либо сверхъестественного или неожиданного, я резко присел и, добивая по всем законам поединка своего противника, воткнул ему в пах пальцы другой руки, дополнив воздействие рубящим ударом ребра ладони. Жестко? Может быть и так. Только ведь мы не навязывались им в спарринг-партнеры. Сами напросились. Значит, на войне как на войне. На что напрашивались, то и

получили. Сейчас эта туша лежала на чем-то кресле, уткнувшись лицом в иллюминатор и, задумчиво созерцая красоты раскинувшегося за бортом ледяного поля, сопровождала это занятие звуками обильного и затяжного приступа рвоты.

Йозеф ПИВОВАРЧИК

Верзила был на полголовы выше меня ростом, однако, как-то нерешительно, очевидно помня о судьбе своего товарища, живым укором по-прежнему лежащего на соседнем ряду, топтался на одном месте, и откровенно не горел желанием приблизиться на дистанцию удара рукой. Именно это его и сгубило. В подобного рода ситуациях настоящие спортивные мастера поединка, несмотря на, скажем так, некоторое отсутствие у них гуманизма к своим противникам, все-таки вряд ли стали бы работать с этим типом на всю катушку. По той причине, что «он же не нападал», и «несоразмерности противоборствующих сил». Однако со мною этому парню не повезло. Раз сам вызвался на сбор грибов, да еще, к тому же, и назвался груздем, то, значит, лезь в кузов и не трепыхайся. Значит, работаем по-настоящему. А иначе не стоило и влезать в это дело. Поехали. Пугнув его правым прямым в голову, я тут же вклеил туда же и свою любимую дзёдан маваси гэри туюсоку — круговой удар основаниями пальцев ноги в голову, и на полу самолета прибавилось еще одно тело.

Анджей ДРЕВНЯК

Когда пулей влетевший в салон командир экипажа увидел современную обработку известного классического полотна русского художника Верещагина «После битвы на поле битвы», дело чуть было не завершилось еще одним лежащим на полу телом в результате инфаркта. На мой взгляд, ничего особо страшного у нас не произошло. Ну, подумаешь, небольшая групповая драка, мне, например, не только видеть, но и участвовать приходилось в куда более крупных потасовках. Правда, вот на борту самолета, летящего на высоте десяти тысяч метров, еще не приходилось — чего не было, того не было, но ведь все мы когда-нибудь что-нибудь пробуем в первый раз. В конце концов, борт не проломили, в иллюминатор никого не выкинули. Так что зря человек нервничает. А нервничал, между тем, этот человек по-серьезному. Уж не знаю насколько сильна поражающая способность инфразвука в реальности, но когда наш шеф-пилот, раскрыв рот, издал густой рев раненого льва, по силе звуча-

ния вряд ли уступающий реву двигателей его самолета, я был совершенно уверен, что если до посадки он и сможет протянуть, то уж после нее он будет абсолютно точно списан с летной работы по состоянию здоровья.

Но после того как пассажиры, мгновенно организованные сухой немкой с нездоровым блеском в глазах, на трех языках потребовали нашей безоговорочной реабилитации и объяснили командиру что произошло, он громогласно отдал распоряжение всем пассажирам повязать начавших потихоньку приходить в себя этих обломков жизни. Энтузиазм присутствующих, правда, несколько навязчиво иллюстрировался запоздалыми всхлипываниями стюардессы, в десятый раз пережевывающей самый крутой ужасник личной жизни о попытке изнасиловывания в салоне своего родного самолета на глазах у всей публики.

Мужиков мы сдали подъехавшей к самому трапу московской милиции, и глядя на этих парней в серой форме, я еще раз вспомнил Сашу. Но это воспоминание быстро ушло, вытесненное мыслями о предстоящем нам испытании.

Йозеф ПИВОВАРЧИК

Мы подъехали к гостинице уже в сумерках. То, что мы не будем пользоваться апартаментами международного класса, все прекрасно понимали еще в Польше, однако надеялись, что сможем разместиться в чем-нибудь достаточно приличном. Нам повезло. Наш ночлег был организован не в обычной гостинице бизнес-класса, предназначенного для бизнесменов средней руки, а в настоящей Ryokan — в традиционной национальной японской гостинице. Наш отель Рёкан Камогава-Инн располагался практически в самом центре города, и цена за номер в японском стиле, но с санузелом западного образца и полным японским завтраком на двоих стоил всего чуть более ста долларов на двух человек. Рёкан — это чисто японская гостиница, в которой и убранство комнат и баня о-фуро и еда — все традиционно японское. Заходим. Номер на четырех человек, правда, в порядке исключения нас всех поселили в одной комнате — впятером. Прихожая, где обязательно следует снимать обувь. Далее, одна, средних размеров комната с соломенным полом, низеньким столиком и стульями без ножек в центре. В углу комнаты стопочкой сложены халаты «юката». В них можно спать и разгуливать по рекану. Постели — татами убраны в стенной шкаф. Вечером, пока постоялец на ужине, прислуга их раскладывает, утром, пока на завтраке — убирает. Татами раскладываются настолько близко друг

к дружке, что пробираться к своему ложе, не наступив на соседнее, практически невозможно. Не дай бог, наткнуться ночью на спящего соседа, если вдруг понадобилось куда отлучиться. Сам номер большой, все удобства и сделан в японском стиле, татами, дверюкна из бумаги и так далее. В общем, начало было с полным погружением в традиционную Японию, и все нас окружающее создавало полный эффект древней Японии.

— А что, панове, почему бы нам не прогуляться? — предложил Анджей. — Все равно тренировки сегодня уже не получится. Да и устали порядочно.

— Пошли! — ответил я ему Ян, и, потолкавшись в дверях, мы вышли на улицу.

Когда мы вернулись, нам уже постелили футоны — такие тонкие матрасы по паре штук на каждого и постелили белье. Спросили о времени завтрака для нас и пожелали доброй ночи. Мы переглянулись, и решили, что поспать мы еще успеем, а потому стоит посетить японскую баню в отеле. Риоканы обычно стоят на термальных источниках и во всех есть отдельные для мужчин и женщин бани. Перед тем, как погрузиться в горячую ванну, куда, практически одновременно, заходят все посетители бани, надо ополоснуться под душем. Необходимо, чтоб вода в ванной оставалась чистой. Это закон и одновременно уважение к остальным моющимся. После бани наступает такая расслабуха, что чувствуешь себя, как заново рожденным. На выходе можно побриться или почистить зубы: на полочке перед умывальником с зеркалом для этого специально стоят одноразовые бритвы и зубные щетки. Паста и пенка для бритья, кстати, тоже имеются в наличии. Посидев в горячей водичке и отдохнув, пошли под холодный душ и в номера — спать.

Спалось хорошо, но чуть жестковато. В восемь утра, как мы и показали, в номер стали стучать — пришли убирать постели и накрывать нам завтрак. Все подается прямо в комнату. Накрыли на стол, налили чайку и с поклонами удалились. Наш завтрак состоял из пары десятков маленьких порций всякой всячины, рыба, морепродукты, сладкое, рис, яйцо, еще что-то и чай. Суши (небольшие колобки из вареного риса с тонко нарезанными ломтиками сырой рыбы), тэмпура — обжаренные в тесте кусочки овощей, рыбы и морепродуктов), сукияки — это обычно говяжий фарш и соевый соус. Нарезанная тонкими ломтиками говядина и овощи готовятся прямо на глазах постояльца, при обильном использовании соевого соуса, сахара и саке в глубокой сковороде, удон и соба — японская гречневая лапша, подающаяся или в холодном виде, или горячем виде в супе. Все это настолько изысканно и вкусно, что не знаешь, за что и браться.

Генрик СЕНКЕВИЧ

Для меня открывшийся первого ноября этого года Первый всемирный открытый чемпионат Киокушинкай в Токио, который, как показали дальнейшие события, утвердил славу и мощь Киокушинкай, начался с первым ударом молота по коже огромного барабана. Мы не стремились занять какие-либо места на нем, прекрасно понимая свои силы и возможности, но мы были горды уже тем, что принимали в нем участие.

Анджей ДРЕВНЯК

Аве, Цезарь! Короче, идущие на смерть, приветствуют тебя! Начесть смерти, это мы, как говорится, еще будем смотреть, а вот о том, что перед ней не надышишься, то это уж точно. Поэтому я и не стал ничего выдумывать сверх того, что уже умел к этому времени, а просто в назначенный момент стоял на своем месте на татами и спокойно разглядывал противника. Им был француз, усам чем-то неуловимо напоминавший наших молодых шляхтичей средневековья, какими их изображали на гравюрах. Он стоял с покрытыми на плечи национальным флагом, и это еще нормально, так как перед самым выходом на поединок я мельком увидел американцев, которые стояли около раздевалки в спортивных трусах расцветки своего флага. — Все-таки они больные, — мелькнула мысль. — А говорят, что они все там суперпатриоты, только патриотизм этот какой-то странный, если они из национального флага трусы шьют. У нас в Польше о патриотизме и приверженности идеалам вслух говорить высокими словами как-то не принято, зато если кто хоть что-то подобное попробует отмочить, то его своя же компания на части погубит. А у них это в порядке вещей! Чудны дела твои, Господи, одно слово! Француз начал с места в карьер, кувыркнулся по направлению ко мне в высоком прыжке, почти в кульбите, стараясь попасть по голове в тоби уро маваси-гэри по нисходящей сверху вниз траектории. Я мгновенно ушел в сторону, так, что его стопа просвистела в десятке сантиметров от меня и совсем было собрался в одном длинном подпрыжке достать его ой-цуки, как француз продолжил атаку. Как только он вышел из под моего удара, так сразу же продолжил атаку, выпрыгнув вверх и вперед в тоби ёко гэри, явно метя ударом ребра стопы в прыжке мне в голову. Что мне еще оставалось делать на такую явно выраженную и даже ничем не прикрытую агрессию? Я просто пошел вперед, слегка отвернув на скручивании корпус от его стопы, и встретил почти как родного, как близкого родственника одновременным исполнением двумя кулаками в кор-

пус. Причем не поскупился — нижняя рука пробила низ его «прес-са», а костяшки — кентосы второй руки четко попали в солнечное сплетение. На этом все и кончилось.

Ян ДИДУХ

Мне попался крепкий парень. Так уж здесь получалось, что европейцы могли дубасить друг друга до посинения, но как только им попадался какой-нибудь азиат, то после первого же боя можно было смело говорить, что светит в дальнейшем «неазиату», если он вдруг выходил из боя победителем. Причем, сказать, что европейцы приехали «вялые» и какие-то туфтовые, тоже было нельзя — нормальные здесь ребята собрались, уверенные, и цену себе знающие не понаслышке. Но все-таки, азиаты, а особенно хозяева чемпионата, были на голову сильнее. И это тоже выяснилось очень скоро. Практически каждый такой бой заканчивался тем, что европейца уносили с татами, и поэтому доктора не прохлаждались. Я был первым, кто, будучи членом европейской сборной, вышел на свой второй поединок после первой победы над азиатом. Моим противников во втором бою был боец с Тайваня, и по мимике его лица я прекрасно понимал, что его соперник он уже заранее празднует собственную победу только на том основании, что будет драться не с азиатом.

— Ладно, парень, — подумал я, — сейчас посмотрим!

Мы начали практически так же, как и все. То есть, быстро, сильно и агрессивно. Что для моего противника сразу же стало неприятной неожиданностью — он почему-то считал, что раз я из Европы, то не могу терпеть боль и переносить удары. А я вообще люблю быстрый и агрессивный бой, я бы даже сказал, что всегда сам навязываю противнику именно вот такой ломовой поединок!

Богдан МАЧУЛЬСКИЙ

Вначале я не мог понять, что же в этом бою не так, но потом понял. Этот тайванец упорно не шел сам вперед, и это было очень странно. Нет, бой был жестким, но уровень этой жесткости диктовал не Ян. Как только я понял, что Ян только старается не отставать в уровне боя от своего противника, старается не быть слабее, то в мою душу закралось мерзкое предчувствие очередного поражения бойца нашей сборной. И я, и Генрик уже проиграли свои бои, пока в поединках участвовала только «краковская» часть сборной, но в этот момент я понял, что и она сейчас понесет первую потерю. Ян

вел бой как-то растерянно, словно отмахиваясь от противника, который поверил в близкую победу.

Движения тайваньца становились все увереннее, он четко вел свою партию, стараясь придерживаться, очевидно, заранее выбранного сценария. Для него поляк был просто одним из многих за все эти годы противников, тем более, не азиатом, и он уверил себя самого, что все в порядке. Но я-то слишком хорошо знал Яна, и поэтому я сейчас изо всех сил старался ему не верить. Я просто вспомнил, как однажды он рассказывал мне старую китайскую притчу о тренере бойцовских петухов, восхищаясь ее мудростью. Это слишком длинная история, но вся фишка в ней в том, что когда бойцовая птица пушит перья и кричит дурным голосом, то это может означать, что она еще не готова к поединкам. А вот когда петух вдруг перестает выеживаться и ведет себя спокойно-уверенно, никого не задевая, но иногда может взглянуть на противника так, что у того отшибает память. Вот тогда он может считаться готовым к поединкам. Так же и здесь. Ян просто дал своему противнику попушить перья. Тайванец в очередном атакующем порыве налетел на него и еще двигаясь вперед рухнул, как будто у него подкосили обе ноги, сраженный молниеносным и практически невидимым маваси гэри туюсоу в голову. И все! У нас еще одна победа!

Йозеф ПИВОВАРЧИК

Благополучное окончание первого дня чемпионата мы решили отметить не выходя из рамок спортивного режима, но все-таки, отметить. Местом проведения торжества, учитывая наши финансовые возможности, был выбран обычный ленточный суши-бар, располагавшийся буквально в нескольких шагах от гостиницы. С одной стороны, очень демократично, качественно, вкусно и, немаловажное обстоятельство, недорого. А, с другой, учитывая место нашего постоянного проживания и условия жизни в Польше — торжественно. В таком заведении можно сидеть как на барном стуле вдоль движущейся наподобие эскалатора ленты, так и занять небольшую отгороженную нишу. В этом случае, сидишь на диване рядом с проезжающей мимо тебя лентой. Кстати, по вечерам, когда собираются местные жители, бывает здорово сидеть именно на открытом месте, у стойки. Японцы очень непринужденная нация, и посетители заведения ведут непрерывный диалог с его работниками. Хотя ничего и не понятно, но обстановка веселая, очень расслабленная и непринужденная. В этот раз, непонятно почему именно, но мы чем-то приглянулись специалисту по изготовлению

суши, и он лепил для нас сашими с изысками, украшал забавно вырезанными овощами, и накладывал в порцию сверх нормы. Обстановка тоже достаточно своеобразная, с учетом местного колорита. За столом всегда есть зеленый чай, и кран с кипятком прямо в столе. Несколько видов соевого соуса. Маринованный имбирь. И фотографии тарелок (разные цвета и узоры) с ценой за каждую. На тарелках две, иногда три порции. Ешь, сколько хочешь и чего хочешь. В конце подсчитываются тарелки, и клиенту выставляется счет. Чай без ограничения, не в счет. Если долго не проезжает нужные тебе суши-сашими, можно попросить работника, и специально для тебя сделают все, что хочешь. Причем достаточно быстро, больше пяти минут ждать не приходится. По цене самые простые стоят 120 иен за пару, средние сашими с красной рыбой, креветкой и прочими — чуть дороже, а лучшие порции с огромным куском тунца могут стоять и четыреста иен за пару.

В общем, именно то, что нам и надо. Я был доволен первым днем соревнований, и сейчас с удовольствием вспоминал свой собственный бой. «Мой» сразу же ударил сначала правый ой цуки и на реверсе руки правую маэ гэри тюдан, а когда я, уйдя от удара рукой, заблокировал гэдан барай ногу, он тут же пошел вперед, непрерывно атакуя меня прямыми ударами рук в корпус. Зал как бы исчез для меня, и я видел только фигуру своего противника в самом центре площадки. Схитрив, я сделал шаг назад, как бы добровольно отдавая центр. И тут же встретил бросившегося на добитие в атаку противника жестким маэ гэри тюдан с передней ноги, а когда он остановился, то сразу же добавил круговой маваси гэри ему в голову с этой же ноги, практически не опуская ее на землю. В самый последний момент тот все-таки успел немного убрать голову, поэтому удар получился смазанным, не сильным, хотя и обжигающе-резким. Противник непроизвольно охнул, получив неожиданную им от меня связку, его глаза зажглись злостью, и высоко подняв руки, защищая голову, он медленно, раскачивающейся походкой, двинулся вперед. Я как бы видел себя самого со стороны. Вот я заскользил по окружности вокруг противника на сильно согнутых ногах, держа согнутую левую руку на уровне груди непосредственно у тела, и вытянул правую вперед, почти распрямив ее, но все равно низко, ниже уровня подбородка. Некоторое время финн, который был моим противником, недоуменно присматривался к необычной стойке, а потом резко ударил левой, уверткой ушел от ожидаемого им встречного удара и пошел на правый снизу в корпус. Вероне, он начал движение, но весь передернулся, как кукла, которую дернули сразу за все нити, и, наклонив корпус, застыл на

месте. То, как я обошел его одним скользящим движением, ударив точно в центр печени встречным прямым ударом, было для нашей сборной абсолютно обыденным и многократно отработанной на тренировках связкой, но этот боец явно встречался с подобного рода комбинацией в первый раз. Встречный удар в печень — страшная штука, и поэтому я сразу направился в свой угол, зная, что это нокаут, а финн все стоял на своем месте, покачиваясь на широко расставленных ногах, и через несколько секунд тяжело упал на татами.

Судья на площадке не видел удара — его не видел никто, но что делать, когда один из участников поединка упал, держась за пораженное место? Судья поднял руку, чтобы открыть счет, но финн уже очнулся, одним рывком поднялся на ноги и снова, закрыв руками голову, двинулся в мою сторону. У меня почему — то было впечатление, что он сделал это чисто автоматически, еще ничего не соображая после удара — все-таки он был профессионалом, а у таких замертво затверженные рефлексy никогда не подводят. Но рефлексy есть рефлексy, а хороший нокдаун есть нокдаун, и поэтому, когда я одним прыжком преодолел разделяющее нас расстояние и наотмашь хлестнул своего противника двумя маваси гири с двух ног по щекам в обе стороны, тот никак не отреагировал на эти полученные им удары. Они, скорее, оказали на него отрезвляющее воздействие, потому что его глаза снова зажглись осмысленным светом, и он опять пошел в атаку. Как только они сблизились, я как бы взорвался. В перехлесте рук мелькнули кулаки, раздался глухой стук, сдавленный стон, и с хриплым выдохом мой противник сначала опустился на колени, опершись руками об пол, а потом мягко упал на него лицом вниз.

Андрей ДРЕВНЯК

Я с удовольствием уплетал, как говорил русский Саша, «за обе щеки» Shabu-Shabu. Это такое японское блюдо, даже непонятно, как провести аналогию в чем-либо из европейской кулинарии. В общем, используя палочки для еды, надо взять тонко нарезанную ломтиками говядину и отварить ее в кипятке в течение нескольких секунд, пока она не изменяет цвет, затем опустить мясо ее в специальный соус и съесть. Овощи для гарнира при этом берут мелко нарезанными полосками и по желанию так же варят в этой же воде. Мы опять сидели в этом же баре, отмечая окончание второго дня соревнований. На этот раз у нас были потери — в рамках соревнования остался один Ян, все остальные проиграли.

Я проиграл по своей собственной ошибке. Казалось, что я был близок к своей очередной победе, но мое скользящее движение

вперед, навстречу противнику, все-таки немного смазало фокусировку удара, и поэтому того просто отшвырнуло на несколько метров в сторону и бросило на помост. И он поднялся. Некоторое время мы так и молотили друг друга руками и ногами, нанося встречные удары и ставя блоки, атакуя и контратакуя, в надежде одним ударом поразить жизненный центр другого.

Поняв, что так просто это не пройдет, мы практически одновременно сделали шаг назад, и теперь стояли друг напротив друга в стойках выжидания. Я круганулся в круговой подсечке, от которой он, правда, легко ушел в неуловимо-элегантном подпрыге, попытавшись, еще даже не приземлившись, достать мою голову своей ногой, я опять кувыркнулся через плечо и поднялся на ноги. Но, если я хочу победить, то не имею права на пропуск ни одного удара в любое место, пришло сразу же и очень четко. И единственным выходом из этой ситуации было либо самое жесткое отсекаание бьющих конечностей, либо же, наоборот, полная подстройка под манеру противника, абсолютное «прилипание» ко всем частям его тела, максимально сковывая его движения, и мощная ломающая контратака при первой же возможности. То есть работа вторым номером со ставкой на один единственный убивающий удар. Войдя к противнику в ближний бой, практически вплотную, я некоторое время достаточно успешно сковывал его движения, стараясь сплести его руки в один замок и при этом мне еще надо было выбирать момент для атаки своими ногами. В этот момент мой противник как бы ринулся вперед в решающую атаку, и, посмотрев на его налитые красным глаза, я понял, что сумел заставить его совершить самую непростительную для мастера ошибку — я сумел его разозлить багровой, застилающей глаза и разум яростью.

Теперь оставалось только воспользоваться его первым же провалом и нанести тот самый единственный и последний удар. Уже абсолютно уверенный в своей победе, я окончательно успокоился, и в этот самый момент получил откуда-то сбоку и сзади непонятным каким образом сокрушительный дробящий удар подушечками пальцев ноги по затылку. В последнюю долю секунды подсознание отклонило мою голову немного в сторону, и удар пришелся не фронтально, как было задумано, а чуть-чуть немного вскользь, но сила удара была такова, что я все равно мешком свалился на татами.

Розовый туман, ключьями вращаясь перед глазами, расплываясь и принимая цвет крови, бьющей из разорванной артерии, фокусируясь в багровые всполохи пламени костра, разведенного светлым ранним вечером бабьего лета на опушке березовой рощи. Вдруг он внезапно расхохотался, и тогда я отчетливо видел зал. То снова сгу-

щался, и тогда я только угадывал это помещение. Я падал, паря, сквозь вечность пространства и времени, каким-то кусочком все еще работающего мозга осознавая это свое падение. Но как бы долго я ни падал — медленно и плавно, земля все время отдалялась от меня, уходила из-под ног, совершенно не приближаясь, и, наоборот, оказывалась все дальше и дальше от меня. В конце концов, она исчезла совсем, опустилась тихая и абсолютно беззвучная ночь, и я стал тонуть в ее непроглядной темноте, со всех сторон плотно окутывающей меня.

Бесконечное течение времени все же слизнуло глухую темноту, и сквозь силы я приоткрыл глаза, которые почему-то сразу же, как только я провалился в бездну черного света, закрылись. Упругая поверхность помоста приятно холодила щеку, и, пружиня под тяжестью моего тела, как бы расслабляла и не давала подняться, погружая сознание в приятную истому сумеречного состояния нокаута. В общем, я проиграл. Что ж, рано или поздно, но это все равно бы произошло.

Я И ДИДУХ

Опять монотонно гудели реактивные моторы, и самолет, уже преодолевший к этому времени почти половину пути, направлялся по своей обычной траектории обратно в Европу. Он несся маленькой стальной иглой где-то посередине необозримого бездонно-громоздкого неба, оставив позади и внизу и аэропорт «Нарита», и Масутасу Ояма, и неповторимо — огромный Токио, и всю остальную непознаваемую в своем древнем величии Японию. И только ослепительный блеск солнца, залившего в отражении своих лучей и древние узкие улочки старого города, и широкие проспекты центральной части столицы, как и все эти мгновенно промелькнувшие дни, по-прежнему был с нами. Опять в салоне была та же негромкая и солидная суeta международного рейса. Так же легко и почти незаметно скользили стюардессы, стараясь выполнить все пожелания своих пассажиров. Мы возвращались домой. С победой? Я никак сам себе не мог ответить на этот вопрос. С одной стороны — точно нет, а с другой? Я откинулся на спинку кресла, и воспоминания последних дней завертелись в голове с такой калейдоскопической скоростью, что поневоле закрадывалось сомнение в реальности всего с нами произошедшего. Может быть, мне все это почудилось?

Я проиграл свой бой Хацуо Рояме, тому самому сейчас уже легендарному японцу, что на этом чемпионате занял второе место,

получив известность, как изобретатель кругового удара ногой по бедру. Я проиграл бой, но я выиграл больше, чем один поединок. Пусть даже и на чемпионате мира.

Говорят, что каждый монастырь оказывает на паломников определенное воздействие, влияя на их души неуловимыми волнами психической энергии всех в этом месте до них молившихся людей. Но никто из нашей сборной Польши после окончания чемпионата не стал ни дзэн-буддистским монахом, ни даже просто японцем. И все же эта «поездка на войну», как выразился уже в зале вылета аэропорта Анджей, стала для всех в ней участвовавших, неким поворотным пунктом, после которого каждый из нас принял для себя принципиальное решение. Как говорится, имеющий глаза, да увидит, имеющий уши да услышит. И каждый из нас и увидел, и услышал. А что именно — это у каждого свое, глубоко личное, интимное. Я благодарен судьбе за эту поездку. Для меня это первая поездка «на войну», и она очень и очень мне поможет в моей дальнейшей жизни!

Сейчас, уже в салоне летящего самолета, мне кажется, что мы посетили более чем одну страну. Первой было современное, цивилизованное государство со своим мышлением, культурой и со своей, отличной от европейской, цивилизацией. Оно на самом деле во многом полный и абсолютный антагонизм тому, что принято называть «западным миром», поистине во многом непонятная для европейца, но, тем не менее, настоящая культурная сокровищница, самый яркий пример реальной альтернативы европейскому мышлению. Второй страной был мир истинного, пугающе реально-го в своем предназначении традиционного боевого искусства, в который трудно попасть, но в котором, если ты в него попал, уже никого не интересует твоя национальность. Интересует только лишь одно — ты за Истину, Свет и Добро, или же ты за Извращение естественности, Тьму и Зло. В этой, второй стране, ты на самом деле перестаешь чувствовать свою национальность, обретая вместо этого мудрость абсолютного спокойствия, движения в неподвижности и неподвижности в движении. И, поймав это ощущение хотя бы один раз, ты уже никогда не сможешь его забыть — оно останется с тобой навсегда, как память о первом поцелуе, или как память о сладости первой в твоей жизни победы.

Пусть не сразу, со временем, с приходшей к тебе в результате приобретенного опыта мудростью, но ты начинаешь понимать, что весь мир, точно так же, как и само боевое искусство, отнюдь не едины. Даже если они и кажутся одним целым. Мир боевых искусств огромен и многообразен. Может быть, мне только кажется, что их

только два, может быть, в каждом из этих двух миров есть еще несколько, но пока я вижу два мира, две системы поединков. И каждый из них отличается от другого, как отличаются друг от друга Инь и Ян. Один — это мир коммерческий, мир денег. Это тот мир, на истории и легендах которого все желающие делают деньги, это мир официальный, цветной и глянцевоый, доступный любопытным туристам, знающим о нем в основном из Гонконговских фильмов. Это мир восторженных адептов бесконтактного спортивного каратэ, мир приближенных к нему спортивных журналистов и фотографов. В этом мире на первом плане молодые «бойцы» с набитыми кулаками, которые они выставляют на показ всем желающим, и которые готовы обучать любого интересующегося за определенную сумму всему, чего только он сам пожелает, торговцы в рясах, продающие в многочисленных лавочках этого туристического центра экзотику на любой вкус. Этот мир отлакирован и хорошо раскрашен, он полон завлекательной экзотики, в нем много красивых, хорошо и со знанием дела отреставрированных залов, в которых стоят такие же раскрашенные и позолоченные статуи богов и героев около обитых бархатом алтарей. В этом мире, если вы финансово состоятельны, для вас всегда открыты все двери, в нем вас научат всему и покажут все. Это просто бизнес и, может быть, политика. Этот мир всегда открыт всем — плати и пользуйся. Может быть, это Иньский мир.

Но есть еще и другой, второй, истинный мир боевых искусств! Тот, который в тени и полумраке, тот, который открыт только для посвященных, и который недоступен для широкой публики ни за какие деньги! И, хотя он и во мраке и не на свету, это истинный, светлый и Янский мир. Его совсем непросто рассмотреть, и еще труднее в него попасть. Наверное, сейчас это только обломки от прежнего величия, те, которые остались от прежней, древней традиции боевого искусства, но это его суть, смысл и основа. Это старые монахи дзэнских монастырей, это службы два раза в день, это традиционная техника. В этом мире нет места мирским ценностям, в нем никого не интересует карьера даже во внутренней иерархии, и в нем совсем нет мыслей о наживе. В нем гораздо больше интересуются «слушанием» самого себя, и остановке «внутреннего диалога». Но в нем никто не интересуется материальным. Здесь нет ни экзотики, ни романтики, но в нем много кропотливой повседневной работы и терпения.

Я сейчас вспоминаю глаза одного старого монаха, которого я видел в проеме двери его кельи. Этот монах не тренировал приемы, не разбивал камни и не сражался с дикими зверьми. Но он ежедневно, на протяжении десятилетий наработывал мастерство монаха, каж-

дое утро вставая на службу, отбивая днем в чашу поклоны и живя простой жизнью монаха. Он сам выбрал свой путь, и никто не может сказать, что он не достиг в нем мастерства. Он достиг этого уровня просто потому, что я видел его глаза, глаза человека с пока недоступным мне уровнем спокойствия и понимания жизни, глаза счастливого человека, человека понявшего что-то такое, что мы в спешке нашей жизни или упустили, или пока еще до этого не дошли.

Есть один известный чаньский коан: «Где находится монастырь Шаолинь?». Правильный ответ звучит так: «Он находится там же, где и ты». Так какой же Шаолинь истинный? Наверное, я так думаю, правильный ответ выглядит так: «Оба». Инь нельзя отделить от Ян, а Добро от Зла. Эти два монастыря тоже неотделимы друг от друга, потому что они оба — есть просто-напросто лабиринт испытаний — каждый выбирает именно тот Шаолинь, которого он достоин. Шаолинь не открывает тебе и в тебе ничего нового и неожиданного, он лишь показывает, кто есть данный конкретный человек на самом деле. Даже если человек не понимает этого показа или его не хочет.

Анджей ДРЕВНЯК

Все-таки воин — это не призвание, это даже не диагноз, скорее всего, это просто образ жизни. Не помню где, но как-то я слышал утверждение, что в потайных глубинках души каждого мужчины горит огонь воина. На самом деле это не так. Это совсем не так. Воином нельзя стать, воином можно только родиться. Дух воина проявляется в нас через тысячи перерождений, заставляя в каждой новой жизни проявлять все ту же силу духа и отвагу, но только становясь, раз от разу, чище, отважней и мудрее.

Боевое искусство — это ежедневный вызов. Вызов абсолютно всем и, в первую очередь, самому себе. Каждый день жизни в боевом искусстве — это каждый день решения все новых и новых задач, и каждый раз на все более высоком уровне. Преодоление самого себя — это ни с чем не сравнимое счастье, счастье, которое нельзя приобрести просто так, походя, ибо счастья можно только добиться самому и своим трудом. В нашем мире очень многое можно купить за деньги, но ни за какие деньги нельзя купить счастья. Каждый понимает счастье по-своему — для одних это много — много денег и возможность тратить их без каких-либо ограничений, только лишь по своему разумению. Для других счастье — это просто сам факт владения этими деньгами, для третьих счастьем является про-

цесс их зарабатывания. Люди считают счастьем возможность расширения кругозора и интеллекта или существование в атмосфере тихих радостей семейной жизни ради своих детей, родителей и близких. Подросток, с юношеским максимализмом отстаивающий свой образ жизни и мыслей, считает счастьем уже только то, что его хотя бы просто понимают окружающие взрослые. Счастье, на мой взгляд, бывает разным, и сколько живет людей, столько и существует разных видов человеческого счастья, и каждый человек счастлив по-своему. Наверно, это правильно, и пусть у каждого будет свое счастье, то которое именно ему больше всего нужно. И я всеми фибрами души присоединяюсь к его святым целям и благородным задачам. Как сказано у тех же Стругацких: «Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным».

А у нас свое счастье. Для Воина, для бойца контактного каратэ, это понятие несколько отлично от его понимания обычными людьми, но его тоже можно свести к нескольким категориям общечеловеческих ценностей. Счастье — это когда ты весь в упоении боя, когда ты осознаешь, что эта твоя тяжелая, грязная и почти всегда неблагодарная работа делает мир и людей лучше, чище и счастливей. Я счастлив, что могу работать над своим совершенствованием, и могу помочь в этом всем, кто в этом нуждается. Счастье — это когда ты занимаешься нужным делом, которое, к тому же, еще и безумно любишь. Поэтому счастье, это когда ты любишь окружающий тебя мир, людей, свою работу и себя в этом мире и среди этих людей, а мир, в ответ, также беззаветно и бескорыстно любит тебя. И если своим существованием я приношу окружающему меня миру и людям радость, счастье и добро, то тогда я тоже счастлив.

По-прежнему мерно гудят реактивные моторы. Огромная луна раскаленным багровым шаром висит за иллюминатором, затейливыми тенями играя отраженным светом на пелене облаков. Неотрывно смотря на нее и не видя, весь погруженный в собственные мысли, я прямо-таки чувствую, как эта планета неотрывно тянет к себе, гипнотически заставляя взгляд погружаться в собственную поверхность. Ее холодный спокойно-неживой свет, отражаясь от металлической плоскости крыла, окрашивает в серебристо-голубоватый оттенок весь десятикилометровый провал высоты с закрытой сплошной пеленой облаков теплой и живой землей. Земля осталась далеко внизу и позади со всем своим миром людских страстей и событий, оставив нам лишь воспоминания о произошедших событиях. Там, уже далеко внизу и далеко в прошлом, был тот день, когда я повесил на дверь объявление о наборе в секцию самозащиты. А чуть позже, из памяти, вдруг возник тот веселый, насквозь прони-

занный солнцем перелесок на берегу уже совсем другой, тихой и спокойной небольшой реки с тянущимися за ним такими же тихими полями. Там, тоже в прошлом, была и теплая, еще не остывшая за короткую летнюю ночь вода реки после первой тренировки и запах разгоряченного молодого и сильного тела. В прошлом остался и торжественный прощальный банкет — сайонара участвовавших в чемпионате делегаций со всеми присущими подобным мероприятиям взаимно благодарственными тостами, и было прощание с японскими наставниками, которые все специально приехали проводить нас. Прощание в аэропорту было по-японски подчеркнуто сдержанным, и совсем не по-японски душевно теплым и грустным. Не было никаких высокопарных слов, и только лишь глубокое и горячее чувство искренней радости от обретения и тихой грусти от сожаления необходимости расставания.

Снова я сидел в кресле самолета. Свежая тонкая струйка холодного воздуха из вентилятора, разрезающая приятной прохладой лунное пространство салона, холодила голову, и светлая грусть не утихала, охватывая полностью всю душу и заполняя всю мою сущность. Нет, скорее всего, это было отчетливо осознанное понимание того, что все мы в этой жизни играем свою, отведенную кем-то другим неизвестную до поры до времени нам роль, и что провидение, в конце концов, всегда раздает каждому из участвующих в спектакле жизни актерам по их действительным заслугам. У каждого свой Путь, у каждого своя Карма. Кто знает, сколько и каких еще ролей суждено сыграть каждому из нас, но дай Бог, чтобы на всех подмостках нашего театра жизни мы были также искренни и чисты, как это было до сих пор.

Генрик СЕНКЕВИЧ

Я сидел около самого иллюминатора, и, смакуя баночку «Асахи», размышлял. Я думал о будущем. Недавно, практически перед самым нашим выездом на чемпионат, я прочитал китайскую «Книгу перемен». Интересная и очень поучительная книга. Традиционного каратэ нет без традиционной религии, без дзэн-буддизма, а дзэн-буддизма нет без «Книги перемен». И есть в этой книге одна очень интересная мысль. Вот эта: «Когда ты достиг совершенства, будь осторожен — оно не может длиться долго». Почему я сейчас размышляю именно об этом? Потому, что на этом чемпионате кёкусин стопроцентно доказал, что на сегодняшний момент он на самом деле является сильнейшим не только стилем в каратэ, но и сильнейшей разновидностью каратэ среди всех других систем поединка!

А это очень опасно! Это опасно не потому, что найдется кто-то или что-то, что победит кёкусинкай. Нет, главная и основная опасность для кёкусина в самом кёкусинкай! Опасность в том, что он, возгордившись своими безоговорочными победами, закрывает свои двери для бойцов других стилей, которые неизбежно будут стремиться помериться силами с представителями нашей школы. Опасность в том, что более поздние поколения каратистов будут спокойно почитать на лаврах успешных побед своих предшественников, что неминуемо приведет к деградации стиля! Если кёкусинкай де-факто станет только лишь для внутреннего пользования, сфокусирует все внимание на собственных турнирах с его собственными уникальными правилами, высокомерно не признавая других стилей; если сложится такая ситуация, что в результате достигнутых побед Ояма греховно возгордится и в безумном порыве его основателя кёкусин уйдет в добровольную самоизоляцию и начнет вариться «в собственном котле», то провал неизбежен. В этом случае неизбежно внутри Кёкусинкай произойдет раскол, и появятся новые ответвления, в основе которых будет лежать не техникой и не тактика поединка, а только лишь денежные и политические взаимоотношения.

Я прекрасно понимаю, что при всей силе и мощи кёкусинкай, у него есть слабое место! Это, бесспорно, запрет на удары руками в лицо. Наше поколение воспитывалось по старым правилам, и мы умеем защищать голову. И только поэтому кёкусин и смог бросить вызов другим стилям, и победить в этом вызове! Но как будет биться новое поколение? Если оно, сосредоточившись только на собственных турнирах, полностью игнорирует этот важный аспект реального боя, то на внутренних турнирах они смогут стоять близко к противнику и постоянно набрасывать лоу кики, не задумываясь о защите своей головы от рук соперника. Это не правильно! Это правило создает ложное чувство безопасности у бойцов, и поскольку этот шаблон боя будет хорошо отработан, бойцы не будут ожидать, что кто-то другой будет бить не по правилам, а по лицу. И поэтому нельзя не задаться вопросом — а, если это будет реальная схватка? Если это будет рукопашный поединок без правил на той же улице, что тогда?

Йозеф ПИВОВАРЧИК

Этот первый в истории кёкусинкай Открытый абсолютный чемпионат мира, прошедший в эти два первых дня ноября по правилам Кёкусин, на самом деле и безусловно станет событием исторического масштаба в мире единоборств. Уже сейчас, всего

буквально через несколько дней после его завершения, журналисты уже окрестили кёкусинкай как «Сильнейшее каратэ на планете». Это определение, конечно, имеет право на существование. Это доказано и самими жестокими боями, предъявлявшими высочайшие требования к физической, технической и волевой подготовке спортсменов, и шокирующие нокауты, ставящие точку в большинстве поединков, и фантастическими по зрелищности разбиваниями тамесивари. Многие увидели в поединке американского каратиста Уилли Уильямса с медведем только сам поединок, и ничего более, а многие рассмотрели суть дела — негибаемый боевой дух участников чемпионата. Тот фильм, который снимался на чемпионате о нем самом, наверняка станет настоящим хитом, который принесет кёкусинкаю еще большую популярность.

Пусть никто из нашей сборной не занял никакого призового места — летя сюда, мы знали, что с точки зрения спорта, нам «ничего не светит», да мы и не за местами летели на чемпионат. Хотя, если бы не случайность, которая, может быть, и закономерность, то еще неизвестно, как бы сложилась ситуация, если бы Ян не пропустил тот «лоу кик»! То, что на сегодняшний момент в Кёкусине сильнейшими бойцами являются японцы, очевидно. В этом году у них не только три обычных первых призовых места — у Кацуаки Сато «золото», у Хацуо Роямы, с которым дрался Ян — «серебро», и «бронза» — у Дзёко Ниномия, у них еще и три следующих места, которые завоевали Дайго Оиси, Тосикадзу Сато и Такаси Адзума. В этот раз японцы победили по праву — они на самом деле дрались, как львы. А, с другой стороны, улыбнулся я «про себя», что им еще оставалось? Ведь не зря же Ояма Масутацу пригрозил, что по самурайской традиции сделает себе харакири, если ученики опозорят его поражением!

Богдан МАЧУЛЬСКИЙ

Мы все вылетели из чемпионата до финальных боев. Жаль, конечно, хотя и надо признать, что морально мы были готовы к такому развитию событий, а умом понимали, что иначе и не могло бы быть! Здесь каждый хотел доказать, что именно он — лучший боец планеты. И каждый искал свой путь к победе. Мы тоже старались это сделать, но уж слишком не равны были силы, и нам просто не хватило опыта и знаний! С первого же боя легковеса Ниномия, я наблюдал за ним, каким-то шестым чувством угадав в нем восходящую звезду кёкусина. Я даже считаю, что он более ценное приобре-

тение чемпионата, чем тот же противники Яна Дидуа, я говорю, конечно же, о Хацуо Рояме. Да, не спорю, Рояма навсегда останется в истории кёкусинкай за свое гениальное изобретение. Этот его страшный удар голенью и подъемом стопы, которым он чуть ли не в буквальном смысле слова разрубал мышцы на бедре любого своего противника, будто он бил не ногой, а «нагината» — старой японской алебардой, Рояма буквально косил им своих соперников. Уж на что силен и силен Ян, а и он не выдержал и одного удара! Но все равно я считаю, что Ниномия внес больше и чем Рояма, и чем сейчас уже чемпион мира Сато! Ниномия сумел ответить на основной вопрос, мучавший всех каратек кёкусинкай во всем мире. Сумев противопоставить напору своих противников умение маневрировать и наносить одиночные быстрые, как будто жалящие удары с дистанции, из-за которых его и прозвали «аристократом поединка», Ниномия ответил на вопрос о возможности вообще легковесу пробиться на высшую ступеньку пьедестала на абсолютном чемпионате мира? Он доказал, что кёкусин — это не стиль здоровяков-тяжеловесов, он доказал, что кёкусин — это стиль техничных и умелых бойцов!

Что уж тут говорить о самом чемпионе, о Кацуаки Сато. Этот бывший дзюдоист, в своих агрессивных атаках с обилием ударов коленями и ногами в прыжке, он всем показал, на что способен тяжеловес, обладающий прекрасной физической подготовкой и не менее прекрасной техникой.

Но в дни чемпионата мы жили не только одним каратэ. Однажды утром, встав в пять утра, мы посетили рыбный рынок Цукидзи. На следующее утро, сразу после чемпионата, — сады Хамарикю на бывшей самурайской вилле, а от нее на катере по реке Сумида до Асакусы. От Асакусы мы пешком добрались до Таварамати — рынка посуды.

В тот же день нам устроили экскурсию по городу, и все вместе мы осмотрели Синдзюку, посмотрели на бары в Кабукичо и уже во второй половине дня съездили на Гинзу. В общем, так, конечно, бегом по Европам, но все-таки сумели посмотреть на императорский дворец с мостом Нидзюбаси, на сады дворца, да на башню Roppongi Hills. Вот, пожалуй, и все.

Александр ТАНИШКИН

Как там, у врачей? «Врач, исцелился сам»? Кажется так. А если так, то и для того, чтобы тренировать, необходимо самому иметь и отработанную базу, и соответствующие физические кондиции. С

кондициями у меня всегда все было в полном порядке — и тогда, до армии, и сейчас тем более! А вот с техникой — да, беспорядок, надо срочно восстанавливать. И поэтому я принял решение посмотреть как тренировки Сато, поучиться у него методике тренировки, а заодно еще и восстановить собственную технику! Я не страдаю болезненным само и себялюбием и не считаю, что вот я, такой красивый и всезнающий, и что мне запахло взять что-то такое, чего я сам еще не знаю, у другого, может быть, еще более опытного и знающего, чем я сам, тренера.

Сергей ЖУКОВ

Я стою посреди легкоатлетического манежа МГУ, настраиваясь на предстоящую тренировку. Сато-сан проводит занятия своей школы в легкоатлетическом манеже МГУ, что стоит прямо посередине студенческого городка на Ленинских горах уже достаточное количество времени, и по всему видно, что он здесь «всерьез и надолго». Можно ли считать такие «походы» по другим школам «изменой» своему стилю? Не знаю, но лично я считаю, что нет. Почему? Да просто потому, что кёкусинкай в моей душе, это мой стиль, это мой единственный стиль, а все остальное — это так, исключительно для расширения кругозора, и знакомства с техникой и методикой тренировок других школ.

Я опоздал на эту тренировку. У каратэк очень жесткие требования к дисциплине. Если ученик опаздывает, то ему лучше совсем не приходить — это вызовет недовольство, но это лучше, чем опоздать. Опоздание однозначно трактуется тренером как неуважение к группе, к тренировке и к самому Учителю. Но мне на это наплевать! Я не слишком уж уважительно отношусь к Сётарю, и, по большому счету, не считаю их за настоящих бойцов. Да, у них хорошо отработанная техника, ну и что? Бойцы-то они никакие! И то, как они дерутся в своих так называемых поединках — это же курам на смех! Как поединок может быть бесконтактным? Пусть выйдут как-нибудь вечером на улицу и попробуют свои силы с уличными бойцами. Те им быстро объяснят, что такое уличная драка, и какой должна быть техника настоящего реального поединка! Поэтому я плюнул на все эти условности, решив «про себя», что если сейчас какой-нибудь их титулованный пояс мне что-нибудь не так скажет, то я сначала прямо при всех предложу ему поединок, а потом отправлю его к чертовой матери в хороший глубокий нокаут.

И я вошел в зал. Как и ожидалось, тренировка остановилась.

— Молодой человек! — Японский акцент Сато в этот раз был еще более отчетливым. — Молодой человек! — повторил он. — Вы опоздали!

— Я знаю, Сато-сан! — спокойно и с некоторым вызовом ответил ему я.

Сато внимательно посмотрел на меня, как будто поняв, что именно я замышляю. — Вы готовы ответить?

— Конечно, Сато-сан, — насмешливо ответил я. — Вот только кто будет спрашивать?

— С этим проблем не будет, — ответил он. — Подойдите ко мне.

Пожав плечами, я спокойно пошел сквозь ряды. Если первые несколько шеренг мне пришлось раздвинуть плечами, и никто из этих бесконтактников при этом даже не пикнул, то последующие расступались передо мною сами. Я уже почти подошел к самому Сато, когда меня как будто, что-то кольнуло в спину.

Знаете, так иногда бывает, когда вас как будто что-то колет в спину и просит обернуться назад. Вот так сейчас и со мной. Я обернулся и увидел стоящего во втором ряду Александра. По большому счету, в этом нет ничего такого — в конце концов, я сам рекомендовал ему походить сюда и поправить исполнение некоторых техник, которые у него за год армии здорово «подсели». Но все равно, даже советуя ему это, в глубине своей души я был уверен, что он никогда не придет к Сато — не тот уровень у него, вряд ли он сможет переломить себя, свою гордость, и, уже будучи лидером школы, пойти «в ученики» в другую школу. Тем более имеющую такой яркий антиподный характер кёкусинкаю. Однако, оказывается, смог, пришел.

Александр ТАНИУШКИН

Тренировка, как тренировка. Слабенькая, конечно, не то, что у нас, но я сюда и не за физикой пришел. С непроницаемым выражением лица сэмпай уставился на мое черное кимоно инструктора, покосился на мой коричневый пояс, указал мне место в последнем ряду зала, еще раз покосился на пояс, скривился, и, не говоря ни слова, молча отошел в сторону. В общем-то, мне было глубоко безразлично и на самого сэмпая, и на всю эту группу. Если кто-нибудь из них вдруг, как-то так, невзначай, усомнится в правомерности моего им обладания, то я всегда готов доказать в честном поединке, что ношу его по праву. Но пока таких желающих не находилось. Народ косился на кимоно и пояс, внимательно окидывал взглядом мою фигуру и отходил в сторону. Краем глаза я отслеживал перемещения

по залу сэмпая, который, как мне казалось, пребывая в явной растерянности, сейчас переходил от одного черного пояса к другому, консультируясь с ними, как ему быть по отношению ко мне. С одной стороны, мой коричневый пояс есть коричневый пояс, выше только черный, и, следовательно, я как минимум относился к категории старших учеников. Черный цвет кимоно вообще указывал на мою принадлежность к высшей иерархии в боевых искусствах, четко и ясно говоря, что я как минимум инструктор группы, следовательно, мое место среди занимающихся было в самых первых рядах кихона. С другой стороны, я был человеком новым, пришлым, и здесь никому не было известно, каким образом я этот пояс получил и кто и за какие заслуги мне его дал. Всё это, все эти его метания были настолько очевидны, что меня подобное положение дел даже забавляло. Можно было, конечно, довести дело до прямого выяснения отношений и отправить в нокаут парочку здешних «мастеров», но оно мне нужно? Я сюда, в общем-то, не за этим пришел!

Я прошел в раздевалку, и сменил коричневый пояс старшего ученика на белый самого младшего «кохая», с улыбкой отметив вздох облегчения сэмпая оттого, что ситуация разрядилась сама собой. Как я уже говорил, тренировка, как тренировка. Физики практически нет, достаточно слабенькая растяжка и огромный массив базовой техники. Сначала кихон, потом отработка кихона в парах, ката, и под занавес бункай — боевое применение техники ката.

САТО-САН

Я не люблю кёкусинкай. Если быть точнее, то я даже не считаю его настоящим полноценным стилем японского каратэ. Таким как наше Сётарю или другие стили, созданные наиболее продвинутыми учениками великого Фунакоси. Этот выскочка Ояма скомпилировал в кёкусинкае всё то, что знал сам из годзюрю, своих родных корейских стилей, добавил китайского ушу и ввел полный контакт. Контакт вообще недопустим в каратэ. Он превращает рафинированное искусство в грубую технику уличной драки, он низводит самурайскую утонченность до грубости деревенского мужлана! И потому моя школа будет всегда вести яростную, непримиримую и бескомпромиссную борьбу с этим псевдостилем!

Этого парня просто нельзя было не заметить. Мало того, что он пришел в черном кимоно, которое у нас полагается только мастерам высшего уровня, так на его куртке еще и была вышита эмблема кёкусинкай. Если честно, то вначале я даже впал в некоторый ступор от такой наглости, но потом, поразмыслив, решил сделать вид,

что я его не вижу, и что ничего страшного и необычного не происходит. Ну, подумаешь, пришел к нам в школу какой-то там кёкусиновец! Раз пришел, то, значит, признает наше первенство и хочет у нас поучиться! Вполне довольный таким результатом этих размышлений, я начал тренировку, время от времени поглядывая на этого странного новичка.

Я не люблю кёкусинкай. Но я уважаю отработанную технику, так как знаю, скольких трудов она стоит. А техника этого «гостя» была не просто отработана, она была хорошо отработана, и я признаю, что тот коричневый пояс, в котором он вначале появился в зале, он может носить с полным на это правом.

— Кохай! — негромко произнес я, остановив тренировку. — Встань во второй ряд! Хадзимэ! — дал я команду на продолжение отработки техники.

Я не знаю, что было бы дальше, но в этот момент в дверях зала показался еще один «пришлый» ученик, о котором мне рассказывали мои ближайшие ученики, что он из кёкусинкай. Он молча зашел в зал, поклонился на входе, и, как ни в чем не бывало, встал в последний ряд.

Владимир ЗЕРНОВ

У меня пока желтый пояс, и поэтому я стою в одном из задних рядов кихона. То, что стоящий рядом со мной этот странный парень в черном кимоно обладает отточенной техникой, всем его окружающим стало ясно с первых же движений. Конечно, выполнение им маэ гэри отличается от нашего исполнения — он почему-то упорно бьет проникающий удар, в то время как всем известно, что маэ гэри летит гораздо быстрее, если ее бить в «подбивающем», снизу вверх по восходящей траектории, варианте. Во время тренировки разговаривать между собой категорически запрещено, но тем русский человек и отличается от того же японца, что ему в основной массе «закон не писан»!

— Слышь! — шепотом окликнул я его, — а почему ты так странно маэ бьешь? Ее же надо кэагэ бить!

— Это вы ее так бьете, а контактики всегда бьют в реальном варианте, по прямой траектории, — так же шепотом ответил он мне. — Кэагэ никогда не бывает сильным. Это так, для набора очков на соревнованиях, а в реальном поединке грамотные люди бьют только киком!

— А где ты в каратэ нашел контакт? — удивленно спросил я его, у нас же только бесконтактный поединок!

— Это у вас бесконтактный. А в кёкусине только полный контакт!

— И, что? Вы после этого по больницам после каждой тренировки не разъезжаетесь? — не поверил я ему.

— Никто новичков в спарринг не ставит. В поединке работают только опытные бойцы, — ответил он мне.

Неизвестно, чем бы все это закончилось, но тут за нашими спинами раздалось какое-то шевеление, я увидел, как брови Сато-сана изумленно полезли вверх, и даже позволил себе такую вольность и такое грубое нарушение правил тренировки, как обернуться назад. Около дверей зала стоял еще один парень, о котором наши ребята шептались между собой, что он тоже из какой-то секции кёкусинкай. Парень несколько секунд постоял в дверях, а потом, как ни в чем не бывало, встал в самый последний ряд кихона среди белопопых новичков.

Сергей ЖУКОВ

Я подошел практически вплотную к Сато.

— Ос, сэнсэй! — вежливо поклонился я ему.

— Считаешь, что никто здесь тебе не соперник?

— Считаю, сэнсэй! — согласился я с ним. — Разве, что только вы сами.

Сато, казалось, просто обалдел от такой наглости, а мне уже было все равно. Если честно, то к этому моменту времени я понял, что попытка увеличить свой арсенал и свои знания в Сётарю было ошибкой. И поэтому, где-то в глубине своей души. Я принял решение, что эти походы на тренировки «к Сато» надо прекращать. Все равно из этого ничего хорошего не получится — уж слишком разные подходы и к тренировочному процессу и к поединкам в Сётарю и в кёкусине. У нас — реальный бой, а у них только лишь балет и видимость поединка. Да и техники наши настолько разнятся, что совершенно не стоит смешивать их между собой. Ничего хорошего из этого не получится. Стиль должен быть «чистым», без всякого рода посторонних заимствований.

— Хорошо, юноша, — вдруг согласился со мной Сато. — Мы с уважением отнесемся к вашему уровню и постараемся найти вам достойного противника. Вы же ведь не откажетесь посоревноваться вот с этим человеком? — с этими словами Сато показал рукой куда-то за мою спину. Я оглянулся, и увидел, что он показывает на Александра. Да, чисто японская хитрость и японское коварство.

Юрий ВДОВИН

Я стоял во втором ряду рядом с этим странным парнем в черном кимоно, и поэтому все эти события разворачивались прямо перед моими глазами.

— Так как? — повторил Сато-сан. — вы будете с ним работать?

— А почему бы и нет? — вдруг подал голос этот парень. — Сергей! А давай-ка покажем им, что такое настоящий кёкусинкай!

— Почему бы и не показать? — пожал тот плечами. — Пусть хоть раз в жизни посмотрят на настоящее каратэ!

Я видел, что при этих словах Сато аж побелел и, что есть силы сжал зубы, но ничего не сказал. Его можно было понять. Он мгновенно понял, что вся его такая хитроумная и коварная комбинация по сраиванию между собой представителей одной и той же школы во славу Сётарю провалилась всего лишь произнесением одной фразы. И тут меня как будто осенило, и я повнимательнее присмотрелся к своему соседу по рядам кихона.

— Это же тот самый Саша из польского кёкусинкай, о котором мне столько рассказывал Колька Мельничук! — в голове молнией пронеслось понимание ситуации.

Теперь я уже с большим вниманием начал присматриваться к нему. Этот Саша вел себя абсолютно спокойно и уверенно. Вместе, с вновь пришедшим парнем, они вдвоем вышли на площадку перед рядами учеников и поклонились друг другу. Они поклонились только самим себе, демонстративно проигнорировав при этом и самого Сато-сана, и всех находящихся в зале учеников, как бы кидая таким невежливым поведением вызов на поединок. Они вообще вели себя так, как будто находятся не в гостях, а в своем собственном зале на своей собственной тренировке, и мне даже импонировала такая их уверенность в себе и в своих силах. Они поклонились друг другу, и в ту же самую секунду взорвались каскадами ударов. Я в первый раз видел такую «легкую» работу ногами. Обычно, учитывая, что каратэ у нас занимаются серьезные люди уже в достаточно зрелом возрасте, растяжка является общим слабым местом бойцов. Не много людей в стране имеют шпагаты, еще меньше умеют по настоящему хорошо работать ногами. Здесь и проблема с растяжкой, проблема разработки бедренного сустава, без которого даже шпагаты становятся в достаточной степени бесполезными. Здесь и общая гибкость тела, в общем, много каких требований каратэ предъявляет своему адепту. Но у этих ребят с этим никаких проблем не было. Я сам когда-то занимался гимнастикой, поэтому сразу же определил в Сергея своего бывшего «коллегу», с ним было все понятно. Но вот откуда такие прекрасные физические данные у Александра? Вот

это мне было совершенно непонятно. Судя по всему, он сам сделал себе все кондиции, и сделал это уже в зрелом возрасте, начав заниматься каратэ, а это на самом деле поступок!

Я с удовольствием наблюдал, как уромаваси гэри сменялись круговыми подсечками, как каскады прямых ударов ногами в корпус чередовались с молниеносными атаками руками в голову. Которые, в свою очередь, отбивались мощными, ломающими блоками. Я понимаю толк и в блоках, и в ударах, но мне было не понятно, как их конечности выдерживают такое ударное воздействие со стороны напарника.

Все прекратилось так же внезапно, как и началось. Два бойца снова стояли друг напротив друга. Церемонно поклонились каждый другому, потом широко улыбнулись, и, не обращая никакого внимания ни на Сато, ни на его учеников, спокойно вместе вышли из зала.

— Что ж, в такой демонстрации хорошо показан дух каратэ, — подумал я, глядя им вслед.

Александр ТАЮШКИН

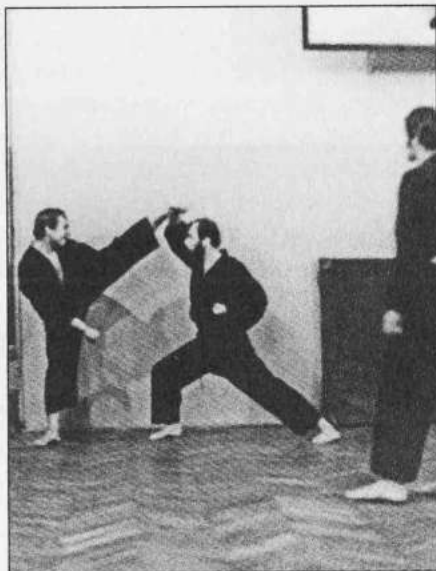
Я не смог принять технику Сато. Хотя, скорее всего, не технику, а его методику тренировок, в целом манеру школы Сётарю, ставящую во главу угла не атлетичность подготовки и жесткость реального поединка, как в Кёкусинкай, а рафинированный аристократизм надуманного спортивного боя. Нет, я честно попытался тренироваться у Сато-сана, но правильно говорят, что каждому — своё. Очень скоро я отказался от этих занятий, и как только я принял решение более не посещать тренировки в Сётарю, то испытал такое облегчение, как будто с моих плеч свалилась глыба весьма приличного веса. За эти годы я привык к совершенно иному подходу к тренировкам, я привык к интенсивности нагрузки не то, что гораздо выше, а просто иного уровня. Мне требовалась совсем другая доза адреналина в крови, другая техника исполнения ударов, другой ритм работы в спаррингах. Мне захотелось найти другой «путь». Тот путь, который на самом деле станет моим.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

Фотографии из личных архивов авторов и героев книги

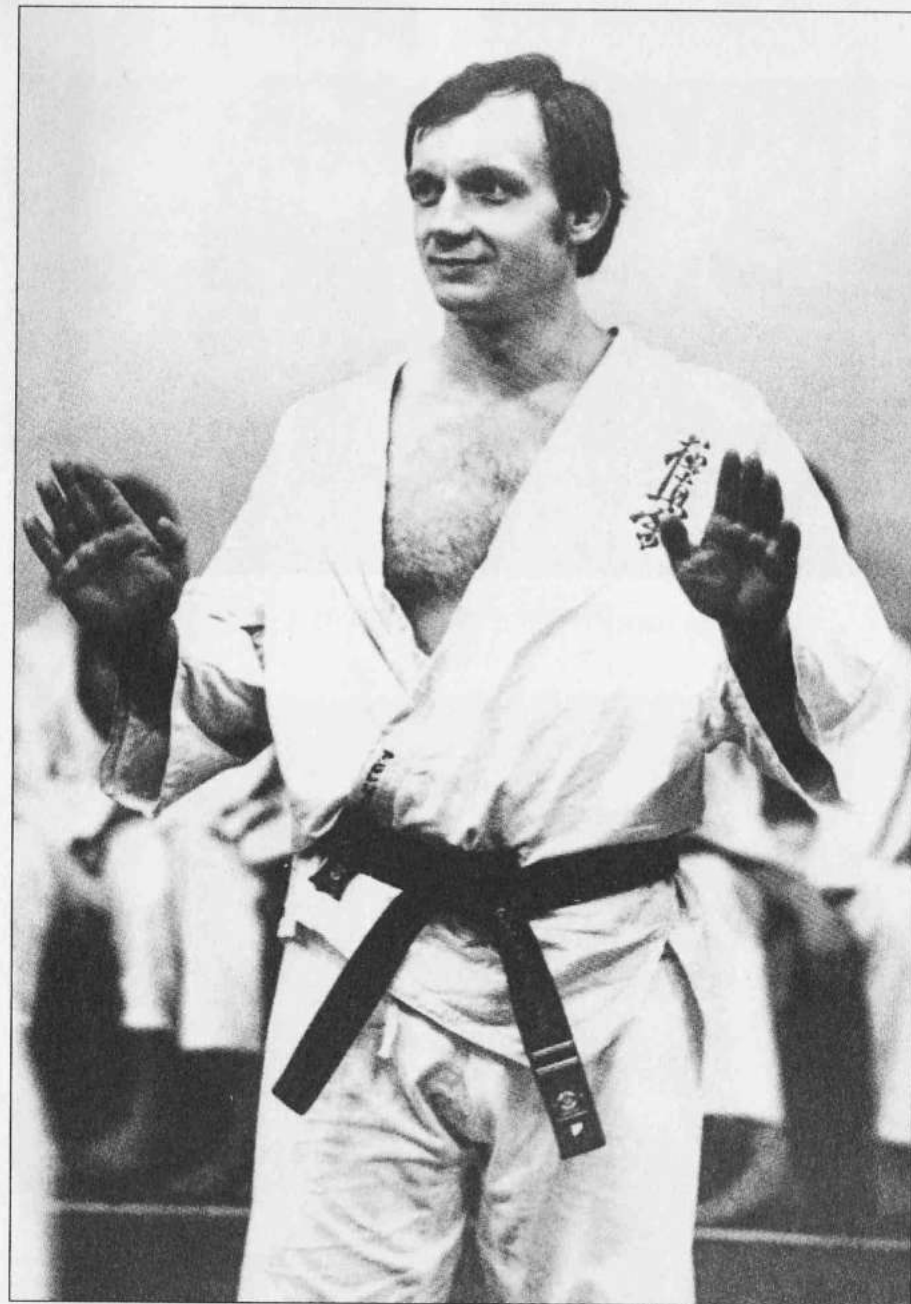
1969 год. Польша. Краков

1971 год. Польша. Разминка

1969 год. Первое мае-гери с поддержкой друзей.
Слева Алексей Авдеев

Анджей Древняк инициатор развития кёкусинкай в Восточной Европе.
Польша, 1974 год

I-й чемпионат Польши по кёкусинкай в Кракове

Первый отборочный бой

Второй отборочный бой

Бой за выход в финал.
Анджей Древняк и Александр Танюшкин

1972 год. Польша, Краков. Студенческий городок.
Александр Танюшкин

На фото (слева направо):
Александр Танюшкин, Анджей Древняк и канадский тренер

1988 год. Михаил Степин и Александр Подшеколдин в Химках
на первом послезапретном семинаре Госкомспорта СССР

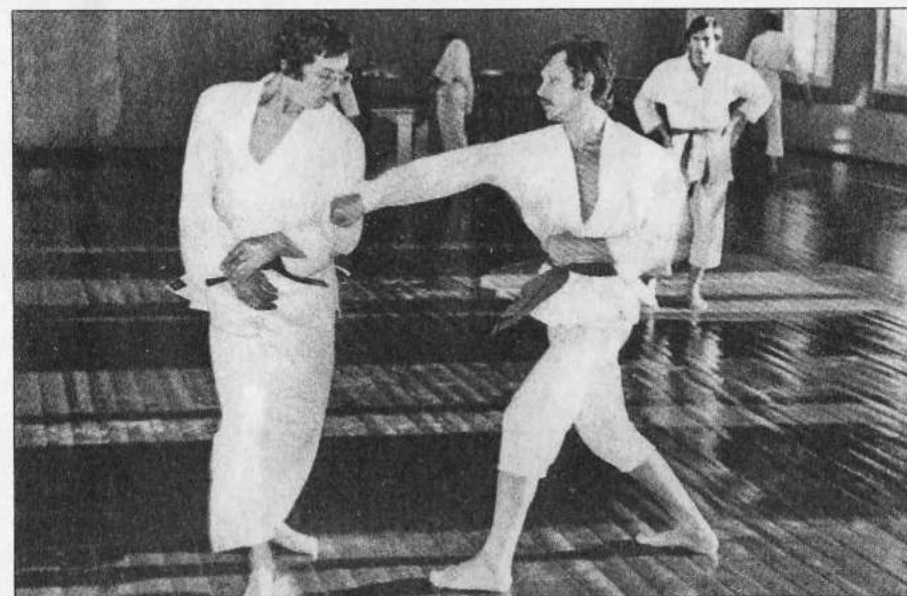
Сергей Подругин (справа) на соревнованиях

Группа Юрия Вдовина. Виктор Фомин участвует в спарринге

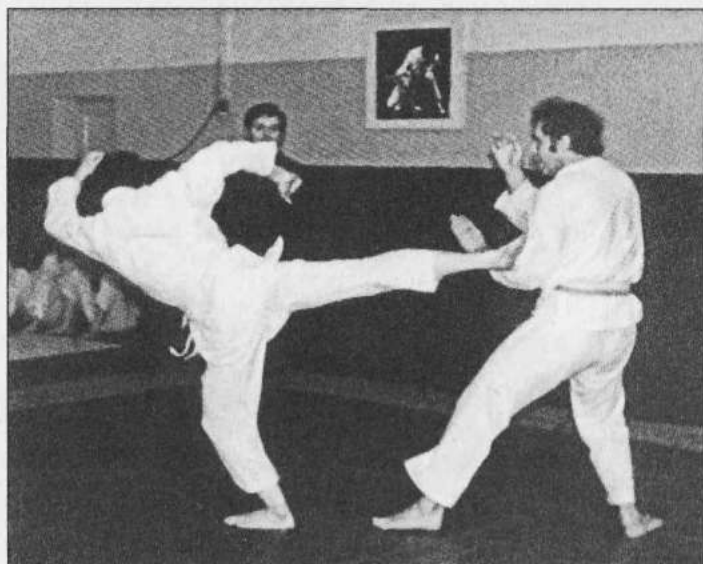
Группа Юрия Вдовина

Виктор Фомин в паре с Юрием Вдовиным (слева)

Николай Мельничук и Лев Дайчик

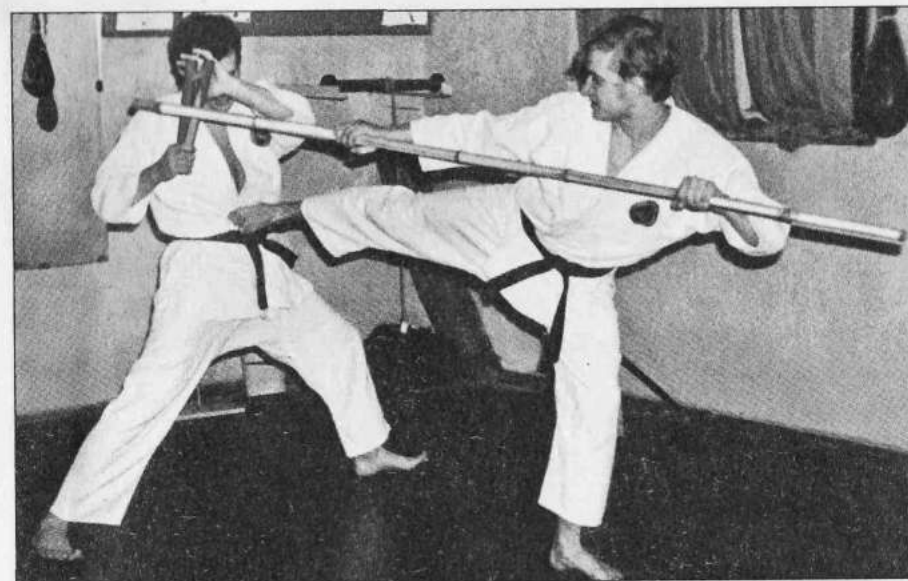
Николай Мельничук (справа)

«Красный уголок» Юрия Вдовина

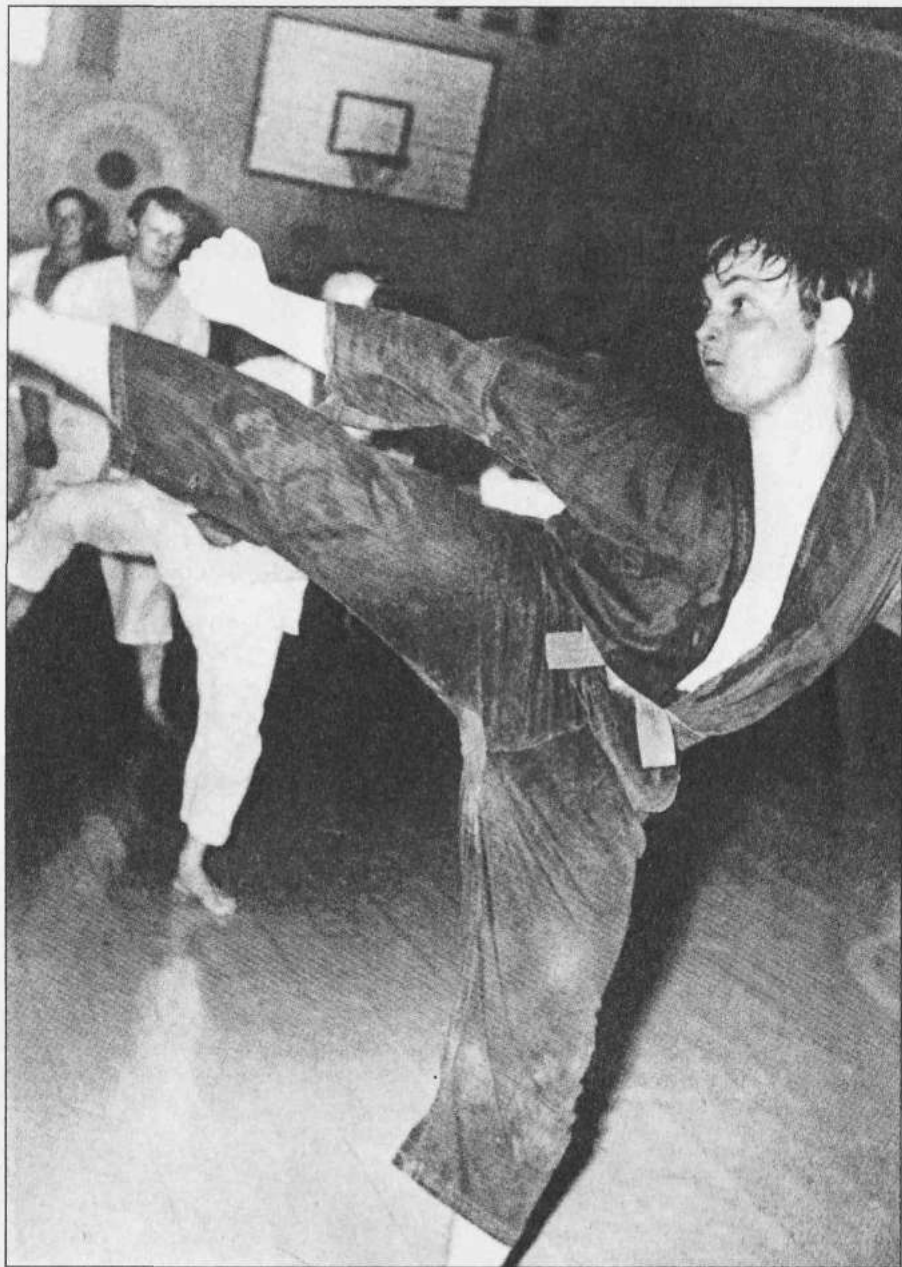
Олег Игнатов и Николай Осейчук в поединке

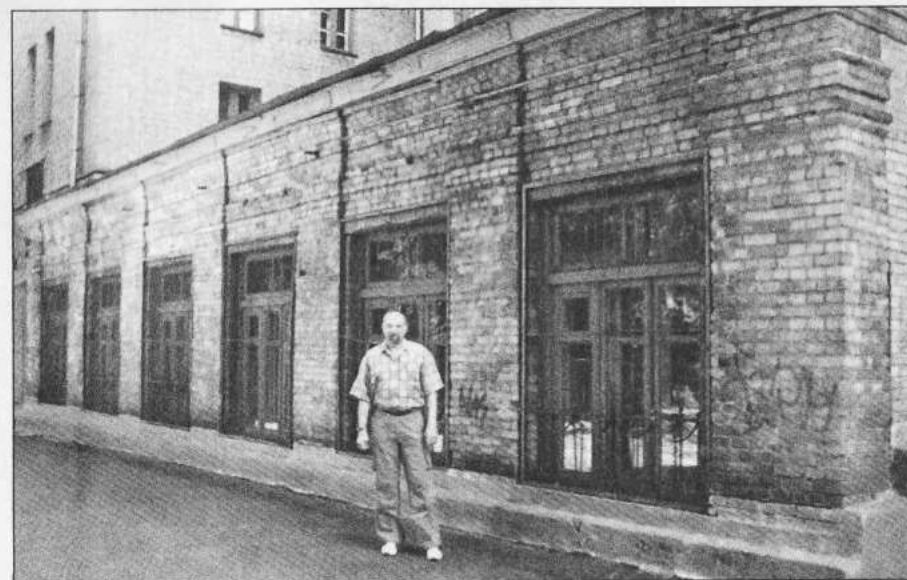
1976 год. Михаил Степин и Семен Мельников

Сергей Жуков в атаке

1975 год. Москва. Секция на Войковской

Олег Васильевич Игнатов

«Легендарный» зал на Войковской

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1 — 1969 год	7
Глава 2 — 1970 год	44
Глава 3 — 1971 год	80
Глава 4 — 1972 год	135
Глава 5 — 1973 год	173
Глава 6 — 1974 год	208
Глава 7 — 1975 год	252

Павел Александрович БЕЗГОЛОСОВ
Александр Иванович ТАНЮШКИН

КРАСНЫЙ КЁКУСИН

Книга первая

Редактор С.М. Луконин

Издательство «Орбита-М»
107045, Москва, Б. Сухаревская пл., 16/18, оф. 86
Тел./факс: (495) 607-2174

Подписано в печать 18.11.2008. Формат 60х90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Newton».
Тираж 1500 экз. Печ. л. 21,0

Заказ № 8-402

ISBN 5-85210-265-2

9 795852 102651